

als 10 Dimensionen aus. Z. B. kann man die Einbettung immer in einen $(n+1)$ -dimensionalen Raum einbetten, es tritt also nur ein Teil der Dimensionen in den rein algebraischen Symmetrievoraussetzungen (3) für jeden ihnen genügen erfüllt aber der RIEMANN-TENSOR $R_{\mu\nu\rho\sigma}$ die Bedingung differentielle Natur. Zwischen den Einbettungen gilt nämlich die Beziehung

$$R_{\mu\nu\rho\sigma;\lambda} + R_{\mu\nu\sigma\lambda;\rho} + R_{\mu\nu\lambda\rho;\sigma} = 0$$

die Bianchi'sche Identität. Die Existenz einer Relation zwischen den $\overset{(a)}{H}_{\mu\nu}$ und $\overset{(a)}{H}_{\mu\nu}$ ist eine Relation, die uns aber nicht unmittelbar hilft, da man aus dem Einbettungssatz nicht unmittelbar kann, die bedeutend mehr aussagekräftige Relationen, nämlich die Gleichungen:

$$\overset{a}{T}_{\mu\rho;\nu} - \overset{a}{H}_{\mu\nu;\rho} = \sum_{\beta=1}^{(n)} (\overset{a\beta}{T}_{\nu} \overset{\beta}{H}_{\mu\rho} - \overset{a\beta}{T}_{\rho} \overset{\beta}{H}_{\mu\nu})$$

$$\overset{a}{T}_{\rho;\nu} = \overset{a}{H}_{\nu}^{\sigma} \overset{\beta}{H}_{\sigma\rho} - \overset{a}{H}_{\sigma\rho} \overset{\beta}{H}_{\nu}^{\sigma} + \sum_{\gamma=1}^{(n)} (\overset{\gamma a}{T}_{\nu} \overset{\gamma\beta}{T}_{\rho} - \overset{\gamma a}{T}_{\rho} \overset{\gamma\beta}{T}_{\nu})$$

erhalten neben den Tensoren $\overset{a}{H}_{\mu\nu}$ nur auf, wenn $n > 2$ ist, denn

$$\overset{a\beta}{T}_{\nu} + \overset{\beta a}{T}_{\nu} = 0.$$

daß sie — anders wie die $\overset{u}{H}_{\mu\nu}$ — keine Anwendung in der Flächentheorie ($n = 2$) haben, sondern nur den Wert 1 annehmen können, so daß sich (6) auf die Identität reduziert

$$\begin{aligned} H_{11;2} - \dot{H}_{12;1} &= 0, \\ H_{22;1} - H_{21;2} &= 0, \end{aligned}$$

die unter dem Namen CODAZZISCHEN Identitäten bekannt sind.

Algorithmus, der die sämtlichen hier benutzten Relationen liefert, vergl. BERWALD, Encyclopädie der Mathematik, wo auch alle einschlägigen Arbeiten zitiert sind.

Ирина Крайнева

Время и пространство

Юрия Румера

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ СИСТЕМ ИНФОРМАТИКИ им. А. П. ЕРШОВА
ИНСТИТУТ ЯДЕРНОЙ ФИЗИКИ им. Г. И. БУДКЕРА
ИНСТИТУТ ФИЗИКИ ПОЛУПРОВОДНИКОВ им. А. В. РЖАНОВА

Ирина Крайнева

Время и пространство

Юрия Румера

Ответственный редактор
доктор исторических наук *О. Н. Шелегина*

НОВОСИБИРСК
2024

УДК 53(092)
ББК 22.3г
К77

Крайнева, Ирина

Время и пространство Юрия Румера / Ирина Крайнева, отв. ред. О. Н. Шелегина; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т систем информатики им. А. П. Ершова, Ин-т ядерной физики им. Г. И. Будкера, Ин-т физики полупроводников им. А. В. Ржанова. — Новосибирск: СО РАН, 2024. — 317 с.

ISBN 978-5-6050995-4-3

Данное документальное исследование посвящено жизни и деятельности ученого, создателя новосибирской школы теоретической физики Юрия Борисовича Румера (1901—1985). Румер получил основательное начальное образование, окончил Московский университет, работал в Институте теоретической физики в Геттингене под руководством М. Борна. Он прекрасно ориентировался в современных проблемах математики, физики, химии, генетики и эти знания передал своим ученикам как преподаватель вузов в Москве, Енисейске и Новосибирске. Арестованный по политическим мотивам, Румер десять лет был «специалистом» Четвертого спецотдела НКВД в авиационной промышленности. В 1958—1964 гг. возглавлял Институт радиофизики и электроники СО АН СССР, затем стал сотрудником Института математики и Института ядерной физики СО АН.

Книга состоит из трех частей: собственно историко-биографического исследования (реконструкции), публикации архивных документов и свидетельств, часть из которых процитированы, но они представляют значительный интерес как полные тексты. Это документы нескольких центральных, региональных и ведомственных архивов, воспоминания и свидетельства современников, среди которых друзья, коллеги и ученики Ю. Б. Румера. Третью часть составили приложения, куда вошли очерк об одном из репрессированных братьев Румера, Исидоре Борисовиче (1884—1938), хроника жизни Юрия Борисовича, индекс имен и список сокращений.

Книга представляет интерес для специалистов в области истории физики, истории науки и техники, социальной истории науки, биографики. Она может быть полезна преподавателям истории, студентам-физикам и историкам, адресована всем, кто интересуется историей отечественной науки.

УДК 53(092)
ББК 22.3г

Утверждено к печати Ученым советом
Института систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН

Рецензенты:
академик РАН *Е. А. Кузнецов*
доктор исторических наук *Г. М. Запороженко*
доктор физико-математических наук *А. Г. Марчук*

Монография подготовлена по теме госзадания
«Проблемы обработки и анализа данных, моделирования сложных систем,
методологии и поддержки науки и образования в информатике и программировании»
(FWNU-2022-0006)

Иллюстрации в книге (кроме оговоренных случаев)
из Открытого архива СО РАН <http://odasib.ru/OpenArchive/>
и Фотоархива СО РАН <http://www.soran1957.ru/>

ISBN 978-5-6050995-4-3
DOI 10.53954/9785605099543

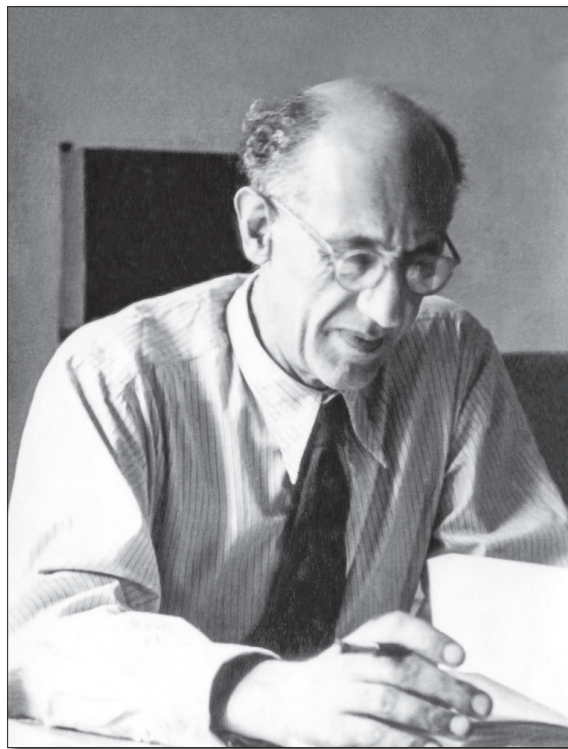
© Сибирское отделение РАН, 2024
© Крайнева Ирина, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ЧАСТЬ I. РЕКОНСТРУКЦИИ	
Глава 1. Дела житейские.....	6
Глава 2. Дела научные.....	43
Глава 3. Дела судебные: Юрий.....	75
ЧАСТЬ II. ДОКУМЕНТЫ	
Глава 4. Материалы к биографии семьи Румеров.....	99
Глава 5. Геттинген.....	110
Глава 6. ГУЛАГ.....	144
Глава 7. Енисейск—Новосибирск.....	152
Глава 8. Дискуссия о пятиоптике.....	178
Глава 9. СО АН СССР.....	196
Глава 10. Воспоминания и свидетельства.....	224
Просто отец (<i>Т. Ю. Михайлова</i>).....	–
М. Н. Багатуров — О. Б. Румер.....	233
Воспоминания (<i>Л. А. Румер (Залкинд)</i>).....	234
КБ-29, Омск (<i>Э. И. Гракина</i>).....	237
О Туполевском КБ (<i>Н. А. Желтухин</i>).....	238
Письмо (<i>М. М. Зарипов</i>).....	242
Геттинген. Юрий Борисович Румер (<i>К. А. Кикоин</i>).....	244
Мои репрессированные учителя (<i>М. А. Ковнер</i>).....	248
Война. Шарага. Рассказы Румера... (<i>Я. М. Пархомовский</i>).....	251
К 70-летию со дня рождения Ю. Б. Румера (<i>М. С. Рывкин</i>).....	257
«Лица необщим выражением» (<i>Г. И. Сурдутович</i>).....	260
Ландау и другие (<i>Е. Л. Фейнберг</i>).....	263
Сцилард К. С. — Румеру Ю. Б.....	267

Мартынова Т. А. — Румерам Ю. Б. и О. К.....	269
Щекин-Кротова А. В. — Румеру Ю. Б.....	270
Райт-Ковалева Р. Я. — Румеру Ю. Б.	272
Мартынова Т. А. — Румерам Ю. Б. и О. К.....	274
Крик Ф. — Румеру Ю. Б.	276
Фейнберг Е. Л. — Румеру Ю. Б.	–
Сцилард К. С. — Румеру Ю. Б.....	277
Гинзбург В. Л. — Румеру Ю. Б.....	278
Вайскопф В. — Румеру Ю. Б.....	279
 ЧАСТЬ III. ПРИЛОЖЕНИЯ	
Дела судебные: Исидор	280
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	293
БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА Ю. Б. РУМЕРА.....	297
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	300
ИНДЕКС ИМЕН	302

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поскольку я не впервые обращаюсь к биографии физика-теоретика Ю. Б. Румера, нужно объяснить ту настойчивость, с которой я возвращаюсь к этой теме снова и снова. Мое заочное знакомство с Ю. Б. Румером произошло в 1985 г. после его кончины¹. Тогда, работая в Новосибирском краеведческом музее и занимаясь историей науки в Сибири, я попыталась получить материалы о Румере. Понимание трагизма жизненного опыта ученого и, вместе с тем, окружения, в котором он был получен, не могло не обострить внимания. Следующая «встреча» состоялась лишь в 2011 г., когда мне предложили познакомиться с архивом Юрия Борисовича, который хранился в семье его дочери — Татьяны Михайловой, — и сделать книгу о нем. Материалы следственного дела помог получить сын Румера — Михаил Михайлов.

Книга вышла в 2013 г.² В нее вошли в основном документы и воспоминания, тираж составил 300 экземпляров. Она оказалась настолько востребованной, что возникла надобность в еще одной, более информативной. Кроме того, мне удалось изучить следственное дело среднего из братьев, Исидора Борисови-

¹ Юрий Борисович Румер: некролог. Наука в Сибири. 1985. 14 февр., № 7. С. 6.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. Новосибирск: АРТА, 2013. 592 с.

ча Румера и написать о нем биографический очерк¹. Этот очерк раскрывает как специфику следственного делопроизводства середины 1930-х годов, так и изменения в положении российской интеллигенции этого времени, той ее части, которая приняла решение сотрудничать с Советской властью. Это был очередной кризис в отношениях российских науки (а Исидор Борисович был ученым-гуманитарием, философом) и власти, когда последняя взяла курс на ограничение независимости науки². В моей книге кризис персонифицирован судьбой Исидора Румера и продолжился на новом витке историей младшего брата — Юрия. Существенным различием этих историй явилось то, что во время ареста Юрия власти демонстрируют некий прагматизм в отношении ученых, заключая их в различные конструкторские бюро — «шарашки». Таким образом власть декларировала полезность ученого сословия, научно-технической интеллигенции, даже если последние состояли с ней в явном или мнимом диссонансе.

Биография и научное наследие Ю. Б. Румера имеют некоторую историографию, в которой можно выделить этапы. До определенного времени историки его биографию не изучали. Первая публикация, которая затронула пребывание в Геттингене, сделана журналисткой А. М. Ливановой в 1968 г.³ Она основана на рассказах Румера и скорее имеет источниковедческую окраску. Как ни парадоксально, первой публично открытой биографией Ю. Б. Румера стали его краткие некрологи в печати Академгородка⁴. Более объемный некролог опубликовали физики⁵, но ни в одном тексте не упомянуты арест, заключение и ссылка ученого. В УФН, правда, намекнули, что «в жизни Юрия Борисовича были тяжелые годы, но и тогда ему удавалось с успехом применять свои знания при решении технических задач». Основное же содержание текста посвящено многообразной научной деятельности Румера, его личным качествам и увлечениям. В официальной биографии ученого также не было места событиям ГУЛАГовских времен⁶.

Новый этап в исследовании биографии Румера открыла в конце его жизни сотрудница Института ядерной физики СО АН СССР, к. ф.-м. н. М. П. Рютова-Кемоклидзе⁷. В конце 1970-х гг. она приступила к написанию книги о Румере, но, как выяснилось, «писала ее впрок»⁸, поскольку по завершении в 1981 г. работа не была опубликована. Редакторов «Науки» в Новосибирске насторожило описание ареста и работы Румера в «шарашке», описание гонений на академика Н. Н. Лузина⁹, цитированные письма академика

¹ Крайнева И. А. Исидор Борисович Румер: страницы биографии // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 140—155.

² Колчинский Э. И. Все уже было, все еще будет // Политическая концептология. 2013. № 3. С. 28—33.

³ Ливанова А. М. Физики о физиках. М.: Мол. гвардия, 1968. 253 с.

⁴ Памяти Юрия Борисовича Румера // Университетская жизнь. № 6. 12.02.1985. С. 3—4; Коптюг В. А., Трофимук А. А., Беляев Д. К., др. Ю. Б. Румер // Наука в Сибири. № 7. 14.02.1985. С. 6.

⁵ Гинзбург В. Л., Глушко В. П., Дыхне А. М. и др. Памяти Юрия Борисовича Румера // УФН. 1986. Т. 148, № 2. С. 384—386.

⁶ Трудовая книжка Ю. Б. Румера. 1954 г. Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshhtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_4927&eid=Ru_0001_0005

⁷ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. М.: Наука, 1989. 272 с.

⁸ Рютова-Кемоклидзе М. П. Предисловие к английскому изданию книги «Квантовый возраст» // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 520.

⁹ Николай Николаевич Лузин (1883—1950), один из основоположников московской математической школы, академик. В период 2 июля—5 августа 1936 г. был подвергнут политическому и научному остракизму, инициированному некоторыми его учениками.

П. Л. Капицы¹ руководству страны, воспоминания солагерников и коллег Румера. Таким образом, в начале 1980-х степень авторской свободы была еще существенно ограничена, публикация книги в Новосибирске встретила сопротивление. Книга была издана в начале перестройки в 1989 г. в Москве издательством «Наука»² при поддержке физиков С. Т. Беляева³, М. А. Маркова⁴, В. Л. Гинзбурга⁵ и Л. П. Питаевского⁶. Не исключено, что работа Кемоклидзе была в числе первых, посвященных репрессированным ученым. Ранее (1964—1974) журналист М. А. Поповский втайне писал о Н. И. Вавилове⁷.

Следующий этап изучения наследия Румера наступил в 2001 г., когда отмечалось 100-летие со дня его рождения. Была подготовлена статья, которая, в числе прочего, не избежала мифологизации биографии ученого, поскольку авторы опирались на его рассказы⁸. Но уже стало возможным говорить и об аресте, и о работе в «шарашке», хотя ни слова о кампании по борьбе с космополитами, в результате которой Румер потерял работу в Енисейске и не смог найти ее в Новосибирске. По инициативе детей и учеников Юрия Борисовича был создан сайт к 100-летию со дня рождения ученого, где были размещены фотодокументы, воспоминания и аналитические работы о научном наследии Румера⁹. По счастью, многое из того, что было на сайте, вошло в книгу 2013 г., поскольку он сейчас не поддерживается НГУ. В 2007 г. появилась монография Г. Е. Горелика, посвященная академику Л. Д. Ландау¹⁰. В ней упоминался арест Румера, но он не связывался с арестом Ландау, Кореца¹¹ и листовкой «Антифашистской Рабочей партии», о которой Юрий Борисович, как увидим, знал

¹ Капица Петр Леонидович (1894—1984), физик, инженер и инноватор, нобелевский лауреат (1978). Академик АН СССР (1939), награжден Большой золотой медалью имени Ломоносова (1959). Член Лондонского королевского общества (1929) и Леопольдины (1958), иностранный член Национальной академии наук США (1946). Основатель Института физических проблем и его директор (1934—1946, 1955—1984), начальник Главкислорода (1943—1946). Один из основателей Московского физико-технического института. В сложное время 1930-х годов защищал своих коллег, попавших под подозрение силовых структур. Академики Фок и Ландау обязаны ему своим освобождением. Ландау вышел из тюрьмы под личное поручительство Капицы.

² Рютова-Кемоклидзе М. П. Предисловие к английскому изданию книги «Квантовый возраст» // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 522.

³ Беляев Спартак Тимофеевич (1923—2017), физик, академик АН СССР (1968). Основные труды в области физики релятивистской плазмы, квантовой теории многих частиц, теории атомного ядра. Руководитель теоретического отдела Института ядерной физики СО АН СССР, ректор НГУ (1965—1978).

⁴ Марков Моисей Александрович (1908—1994), физик-теоретик, академик (с 1966), академик-секретарь Отделения ядерной физики АН СССР (1968—1988), советник президиума РАН (с 1988).

⁵ Гинзбург Виталий Лазаревич (1916—2009), физик-теоретик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике (2003).

⁶ Питаевский Лев Петрович (1933—2022), физик-теоретик, академик РАН (1991), академик АН СССР (1990). Построил новую теорию сверхтекучести вблизи точки фазового перехода вещества.

⁷ Поповский Марк. Дело академика Вавилова / Вступ. ст. А. Д. Сахарова. М.: Книга, 1990. 303 с.

⁸ Гинзбург И. Ф., Михайлов (Румер) М. Ю., Покровский В. Л. Юрий Борисович Румер (к 100-летию со дня рождения) // УФН. 2001. Т. 171, № 10. С. 1131—1136.

⁹ 100 лет со дня рождения Ю. Б. Румера [Электронный ресурс] <http://sesc.nsu.ru/famed/ruimer/index.htm> (дата обращения 20.02.2018).

¹⁰ Ландау Лев Давидович (1908—1968), физик-теоретик, академик АН СССР (1946). Лауреат Нобелевской премии, медали имени Макса Планка, Ленинской и трех Сталинских премий, Герой Социалистического Труда (1954). Иностранский член ряда академий

¹¹ Корец Моисей Абрамович (1908—1984) — физик, перед арестом работал в МГПИ им. А. С. Бубнова и в научно-популярном журнале «Техника — молодежи». Арестован в апреле 1938 г. вместе с Ю. Б. Румером и Л. Д. Ландау за листовку, призывающую к борьбе против сталинского режима. Амнистирован в 1952, реабилитирован в 1990.

в 1938 г. Горелик, очевидно, первым изучил следственное дело Румера, но фокусировка исследователя на судьбе Ландау оставила этот материал практически без внимания¹.

И, наконец, в 2011 г. наступил «исторический» этап в изучении биографии и наследия ученого, когда в рамках проекта «Открытый архив СО РАН» (2012—2014 гг.) были извлечены многие новые архивные документы, издан уже упоминавшийся сборник в серии «Наука Сибири в лицах». Следом появилась серия статей, посвященных событиям из жизни Румера, его коллеге по ИРЭ СО АН Р. В. Гострему. Авторы использовали новые архивные материалы, анализировали источниковую базу, в которой оказалось и следственное дело, ее репрезентативность². Исследования по истории Института физики полупроводников, который был создан на базе Института радиофизики и электроники СО АН СССР в 1964 г. и которым Румер руководил с момента основания до реорганизации, содержит немало сведений о направлениях научной работы, сформировавшихся еще при Румере, о коллективе и его проблемах, вставших перед ним, а затем перед его преемником А. В. Ржановым³.

В 2019 г. автором была представлена и защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, в которой содержалась глава, посвященная жизни и научной деятельности Ю. Б. Румера⁴. Но и в ней были лакуны, которые удалось заполнить при работе над настоящей книгой. обстоятельный анализ научной деятельности Ю. Б. Румера дали его коллеги в ряде юбилейных очерков, трансграничных в отношении приведенной хронологии⁵. Исследования Румера в области теории поля нашли отражение в работах московского физика и историка науки Ю. С. Владимирова, который поместил ее в контекст развития идей многомерности в зарубежной и отечественной физике⁶.

¹ Горелик Г. Е. Советская жизнь Льва Ландау. М.: Вагриус, 2008. Текст листовки С. 192—193. Глава о Румере С. 225—234.

² Крайнева И. А. Ю. Б. Румер и «Дело физиков» (апрель 1938—май 1940 гг.). Вестник НГУ. Серия: история, филология, 2014. Т. 13, № 1. С. 97—107; Она же. Жизнь как пазл, или еще раз о непростой биографии Юрия Борисовича Румера // ВИАТ. 2015. Т. 36. № 2. С. 344—367; Она же. Архив физика Ю. Б. Румера как источник по истории науки // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1 (13). С. 56—64; Куперштох Н. А. Рунар Викторович Гострем: научная биография и деятельность в Сибири в 1960-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2017. С. 457—465; Куперштох Н. А., Крайнева И. А. Сибирский период биографии физика-теоретика Ю. Б. Румера // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. 2019. С. 205—209.

³ 40 лет Институту физики полупроводников Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск, 2004; Куперштох Н. А., Крайнева И. А. История новосибирского Института радиофизики и электроники (1957—1964) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 2. С. 109—113.

⁴ Крайнева И. А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР (Ю. Б. Румер, А. А. Ляпунов, А. П. Ершов): Дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.10 — История науки и техники. Томск, 2019. 557 с.

⁵ Гинзбург И. Ф. Наука в жизни Ю. Б. Румера всегда, везде, при любых условиях // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 8—14 (написано в 2007); Конопельченко Б., Паташинский А., Рютова М. «Квантовый» возраст. К 80-летию со дня рождения // За науку в Сибири, 23 апр. 1981. № 17. С. 6; Конопельченко Б. Г. Кодоны, адроны и редкие земли. О некоторых «нефизических работах» Ю. Б. Румера // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 439—446 (написано в 2001 г.); Рывкин М. С. К 70-летию со дня рождения Ю. Б. Румера (для стенгазеты ФФ НГУ «Прометей», 1971 г.) // Там же. С. 516—520.

⁶ Владимиров Ю. С. Геометрофизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. 600 с.; Он же. Между физикой и метафизикой. Кн. 1: Диамату вопреки. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 280 с.

Знакомство с историей Румера показало, что вовлечение в науку происходит разными путями. Некоторые будущие ученые с детства были окружены представителями науки, как, например, Алексей Андреевич Ляпунов¹, другие, как Андрей Петрович Ершов², со школьной скамьи мечтали стать учеными. Юрий Борисович Румер, получив хорошее математическое образование, ментально был далек от науки, почувствовав интерес к ней лишь в 28 лет, в Германии, где он, математик, увлекся формализмами новой физики Альберта Эйнштейна³ (1879—1955), Макса Борна⁴ (1882—1970) и других корифеев. Поддержанный Паулем Эренфестом⁵, он оказался причастным к развитию и утверждению теоретической физики — большого проекта науки новейшего времени, участвовал в развитии физической науки советского периода наряду с С. И. Вавиловым⁶ (1891—1951), И. Е. Таммом⁷ (1895—1975), Б. М. Гессеном⁸ (1893—1936), Л. Д. Ландау (1908—1968) и другими выдающимися учеными. Обстоятельства и условия ареста 1938 г. привели Румера к драматическим решениям, которые могли фатальным образом сказаться на судьбе науки.

Именно арест в апреле 1938 г. разделил научную биографию Румера на два больших цикла — до и после. В силу обстоятельств — ареста, заключения и ссылки в 1938—1951 гг. — артефактуальный багаж Юрия Борисовича оказался частично утраченным, а представления о его идентичности подверглись трансформации. Восстановление утраченного потребовало значительных

¹ Ляпунов Алексей Андреевич (1911—1973), математик, один из основоположников кибернетики, член-корреспондент АН СССР (1964). Специалист в области теории функций вещественного переменного, математических вопросов кибернетики, теории множеств, теоретических вопросов программирования, математической лингвистики, математической биологии.

² Ершов Андрей Петрович (1931—1988), математик, один из пионеров теоретического и системного программирования, создатель Сибирской школы информатики и программирования, академик АН СССР (1984), Выдающийся член Британского вычислительного общества (1974).

³ Эйнштейн Альберт (1879—1955) — физик-теоретик, общественный деятель-гуманист, один из основателей современной теоретической физики. Лауреат Нобелевской премии по физике 1921 г. Создатель теории относительности, которая изменила основания классической физики. Персона XX века по версии журнала Time.

⁴ Борн Макс (1882—1970), немецкий физик-теоретик и математик, один из создателей квантовой механики. Нобелевская премия по физике (1954). Член ряда научных обществ мира, в том числе иностранный член Академии наук СССР (1934). Директор Физического института Геттингенского университета (1921—1928).

⁵ Эренфест Пауль (1880—1933) — австрийский и нидерландский физик-теоретик. Член Нидерландской АН, иностранный член АН СССР (1924), иностранный член Датской академии наук (1933). Ученик Л. Больцмана. Развивал и применял методы статистической механики, сформулировал проблемы эргодичности и первой классификации фазовых переходов. Создатель крупной научной школы. В 1907—1912 гг. жил в Санкт-Петербурге, был женат на русской. Много сделал для поддержки советских физиков, приезжавших стажироваться в Европу.

⁶ Вавилов Сергей Иванович (1891—1951), физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, действительный член (1932) и президент АН СССР (1945—1951), общественный деятель и популяризатор науки. Младший брат Н. И. Вавилова (1887—1943), советского ученого-генетика, погибшего в застенках НКВД в Саратове. Лауреат четырех Сталинских премий.

⁷ Тамм Игорь Евгеньевич (1895—1971), физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (совместно с П. А. Черенковым и И. М. Франком, 1958), дважды лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда (1953).

⁸ Гессен Борис Михайлович (1893—1936), физик, декан физического факультета МГУ (1933—1934), директор Института физики МГУ (1930—1936). 22 августа 1936 г. арестован как «участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». 20 декабря приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу вместе с А. О. Апириным, выпускником физико-математического факультета и деканом физико-механического факультета (1930).

дополнительных поисков. Одновременно с наполнением Открытого архива СО РАН документами¹, которые сохранились в семье Румера, шла поисковая работа. Параллельно вырабатывалась исследовательская стратегия исторической реконструкции основных вех жизни, истории научных исследований, обстоятельств ареста, трансформаций идентичности ученого, физика-теоретика.

Итак, Ю. Б. Румер не сразу выбрал научную стезю, хотя к этому имелись все предпосылки. В сочетании общеисторических методов, методов социальной истории и биографики (метод электронной фактографии, микроаналитической стратегии, интервьюирования, анализа устной истории, критического анализа различных типов документов)² произведена реконструкция научной биографии Румера и его окружения. История личности встраивалась в ее социокультурное поле. Согласно метафоре Г. Е. Горелика о социально-гравитационном поле³ — феномене среды, который оказывает влияние на формирование и трансформацию личности, ее поступки и перемещения, зададимся целью установить колебания этого поля и проследить процесс формирования мотивов и поступков личности под воздействием этого внешнего фактора.

Некоторые обстоятельства своей жизни, связанные с арестом, Румеру приходилось скрывать или умалчивать о них. Это говорит о психологической травме, полученной им в годы репрессий. Кажущиеся безобидными события и связи, даже если они не касались содержания обвинения, по которому он был осужден, могли сыграть трагическую роль в его судьбе, в его жизни, которая пришлось на период тяжелой трансформации государственного, политического и культурного ландшафта СССР.

Изучение материалов, на основе которых производилась реконструкция биографии Ю. Б. Румера, позволяет выделить несколько хронологических отрезков, в которые укладывается событийная канва, обусловленная внутренними побуждениями и внешними обстоятельствами — колебаниями социально-гравитационного поля по Горелику. Именно тогда, когда Румер обрел свою идентичность в научной деятельности, увлекся теоретической физикой, произошла резкая перемена в его судьбе, обусловленная влиянием поля власти.

Большой хронологический период, а Ю. Б. Румер прожил достаточно долгую жизнь, включает несколько этапов, в основу выделения которых положены как внешние, так и внутренние события и мотивы:

1. Жизнь свободного человека (нарастание напряжения социально-гравитационного поля), 1901—1932 гг.:

- Детство, отрочество, становление личности, 1901—1919 гг.
- Университет, Академия Генштаба РККА, служба в госструктурах, неопределенность цели, 1919—1927 гг.
- Германия, Геттинген, «квантовый» поворот, 1927—1932 гг.
- Реализация научного потенциала в советской высшей школе, 1932—1938 гг.

¹ Открытый архив СО РАН. Фонд Ю. Б. Румера http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xc_furs_634919475472910156_1027

² Огурцов А. П. Социальная история: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX в. СПб., 2001. С. 34—68.

³ Горелик Г. Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание — сила. 1993. № 6. С. 54—63.

2. Потеря свободы и жизнь под травмой, 1938—1985 гг.:

- ГУЛАГ (арест, «дело», «шарашка», ссылка, безработица), 1938—1953 гг.
- Сибирский период, внутреннее единство и внешние вызовы (ЗСФ АН—ИРЭ СО АН СССР—ИМ СО АН СССР), 1953—1964 гг.
- ИЯФ СО АН, профессорские будни, «пластинки», национальный вопрос, 1964—1985 гг.

В эти временные рамки и укладывается реконструкция истории Ю. Б. Румера, подкрепленная архивными документами, воспоминаниями и свидетельствами его друзей и коллег.

Я благодарю всех, кто помог мне в работе над книгой: коллег по ИСИ СО РАН, архивистов, историков, физиков и математиков, друзей, учеников и родных Ю. Б. Румера. Это Татьяна и Михаил Михайловы, Инна Михайлова, Татьяна Гилева, Иван Кузнецов, Ирина Адрианова, Зоя и Валерий Черкасские, Наталья Черемных, Ирина Павловская, Светлана Жуковская, Алексей Фурсенко, Сергей Красильников, Наталья Куперштох, Ольга Шелегина, Наталья Чернова, Наталья Каргина, Виктор Миронов, Сергей Белов, Дэвид Дельфенич, Аркадиус Ядчук, Иосиф Бухбиндер, Владимир Визгин, Виталий Саратовкин, Александр Паташинский, Валерий Покровский, Геннадий Горелик, Геннадий Сарданашвили. Я от всей души благодарю рецензентов этой работы Евгения Кузнецова, Галину Запорожченко и Александра Марчука.

Автор благодарит также руководство и коллективы Института ядерной физики им. Г. И. Будкера СО РАН, Института физики полупроводников им. А. В. Ржанова СО РАН, оказавшие финансовую поддержку издания этой книги.

Часть I РЕКОНСТРУКЦИИ

Глава 1. Дела житейские

1901—1919 гг. — детство, отрочество. Становление личности. Юрий Борисович Румер родился 28 апреля 1901 года в Москве. Само существование еврейской семьи в России уже являлось обстоятельством социальной неустойчивости. Но состоятельные еврейские семьи имели некоторые преференции, например, получали право селиться в городском центре: отец, Борис Ефимович (1860—1929) был купцом 1-й гильдии. До революции семья Румеров проживала в доме на Маросейке, в Космодамианском переулке, где занимала этаж. Борис Ефимович был членом правления и директором-распорядителем Московского товарищества резиновой мануфактуры, преобразованной в 1910 г. в Акционерное общество «Богатырь». С августа 1920 г. он служил в различных подразделениях Высшего совета народного хозяйства РСФСР: заведующим отделом снабжения в Высшей коллегии по постройке топливных ветвей¹ в Главном управлении топлива, в Центральном торговом отделе Центроснаба ВСНХ².

Социальные и экономические обстоятельства жизни семьи Румеров были вполне благоприятными для интеллектуального развития детей. Их было четверо: Осип, Исидор³, Елизавета и Юрий. Круг знакомств и родственных связей включал, в том числе, главного раввина Москвы Якова Исаевича Мазе (1859—1924) — именно он составил метрическое свидетельство Юрия и совершил над ним обряд обрезания⁴. Дочь раввина — Альгута, Аля⁵ — подруга детства, в будущем жена литератора Овадия Герцовича Савича (1896—1967),

¹ Коллегия была создана в конце 1919 г. для ликвидации тяжелого положения со снабжением топливом железных дорог. В 1920—1921 гг. ее возглавлял Георгий Степанович Тахтамышев (1874—1930), расстрелянный впоследствии как шпион, контрреволюционер и вредитель. См. Тахтамышева Н. А., Ящуржинская О. А. Инженер путей сообщения Георгий Степанович Тахтамышев // Известия ПГУПС. 2013. № 1 (34). С. 200—210.

² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 28. Д. 275. Л. 2.

В Центроснаб Б. Е. Румер был принят по рекомендации Бориса Осиповича Богданова (1884—1960), революционера, меньшевика-оборонца, в 1917 г. члена Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, подвергавшегося неоднократным арестам и репрессиям. См. Богданова Н. Б. Мой отец — меньшевик. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.], 2017. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=450> (дата обращения: 11.05.2017). ВСНХ РСФСР в 1921—1925 гг. возглавлял инженер Петр Алексеевич Богданов, расстрелянный в 1938 г.

³ Исидору Борисовичу Румеру посвящен отдельный очерк в данной книге.

⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14. Д. 9767. Л. 5.

⁵ Савич Альгута Яковлевна (Мазе Аля, 1904—1991). Жена О. Г. Савича. Окончила механико-математический факультет Московского университета. В 1924 переехала в Германию, с 1924 по 1935 жила в Париже. Училась в Институте социальной ориентации и Институте социальной психологии при Сорбонне. В 1935 возвратилась в СССР, преподавала французский язык.

Елизавета (1908) и Юрий (1916) Румеры.

в 1930-е гг. — любимая девушка Юрия Румера. Сын Я. И. Мазе (1900—1994) — Сади — будет фигурировать в обвинительных документах Юрия Борисовича 1938 года¹. Осип Максимович Брик (1888—1945) — двоюродный брат: матери Осипа и детей-Румеров — родные сестры.

В том же доме некоторое время жила семья присяжного поверенного Урия Александровича Кагана, отца Лили и Эльзы, впоследствии Лили Брик (1891—1978) и Эльзы Триоле (1896—1970). Осип был женат на двоюродной сестре Ильи Григорьевича Эренбурга Марии Александровне (1888—1981). Исидор знал Владимира Маяковского (1893—1930), искренне восхищался его поэзией, в юности он обучал Лилию латыни накануне ее поступления на курсы Герье².

Юрий был младшим. В семье жила гувернантка-немка, поэтому дети знали немецкий как второй родной язык. Способности к языкам были в семье Румеров обычным явлением. Старший из братьев, Осип (1883—1954) — известный лингвист, служил переводчиком в иностранном отделе Высшего военного редакционного совета (ВВРС), а с февраля 1922 года — в Народном комиссариате

¹ Юрий Борисович рассказывал о нем в «пластинках»: «Его советские власти послали за границу. Это было как щуку в воду, ему только этого и хотелось. Он там прекрасно прижился. На Нюрнбергском процессе он выступал прокурором». См. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 66. О Сади Мазе известно также, что он языковед, в 1920-х гг. был заместителем заведующего издательством «Жизнь и знание», работал в Государственной академии художественных искусств (этот НИИ действовал в 1921—1930 в Москве) по философскому отделению. В конце 1920-х гг. эмигрировал в Германию, оттуда — в США. О его участии в Нюрнбергском процессе данных нет. См. Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Т. II. Публикации. М., 2017. С. 876.

² Московские высшие женские курсы профессора истории В. И. Герье — высшее учебное заведение для женщин в России. Существовало с 1872 по 1918 год (с перерывом в 1888—1900), затем — 2-й МГУ.

иностранных дел¹. Уже тогда он был известен как литературный переводчик Платона, Горация, Шекспира, Хайяма и других авторов. По свидетельству исследовательницы из Еревана, он знал 26 языков². Опубликованы письма Г. Г. Шпета и его коллеги А. А. Смирнова (1883—1962), в которых они оспаривают мнение Осипа как переводчика при подготовке переводов Шекспира в 1934 г.³

Не менее талантлив был и средний брат Исидор (1884—1938), который в 1894 году учился в Лазаревском институте восточных языков вместе со старшим братом. Глубокий философ⁴, полиглот, он с 1918 по 1920 г. служил переводчиком в иностранном отделе РОСТА, затем, в 1920 — переводчиком радиоотдела поезда Председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого (1879—1940), референтом и редактором трудов политика в его секретариате, а после того, как тот покинул СССР, поступил переводчиком в Институт Маркса и Энгельса⁵. После ареста в феврале 1935-го был осужден по статье 58, пункт 10 УК⁶ и заключен в исправительно-трудовой лагерь на Колыме сроком на три года, где и погиб в 1938 году⁷. О нем подробнее будет рассказано в отдельном очерке в приложении.

Молодые Румеры принадлежали интеллектуальной элите Москвы, были близки и литературной «аристократии», творческой и философской среде. Сестра Елизавета (1891—1986) в юности увлекалась системой Жак-Далькроза⁸, была членом Московской ассоциации ритмистов при Государственной академии художественных наук, одной из создательниц Ритмического института (1919—1921) вместе с Марией Александровной Румер, женой Осипа. После его закрытия в 1930-е годы она более 20 лет служила в библиотеке Московской консерватории.

В 1917 г. Юрий Румер окончил в Москве частное реальное училище Общества преподавателей. Состоятельная культурная семья подготовила его к восприятию интеллектуального наследия в широком плане: знание языков, литературы, изучение точных наук, близость искусству — все это очерчивает то его индивидуальное социальное поле, в котором происходило становление личности молодого человека, открытого всем духовным ценностям.

1919—1927 гг. — университет, Академия Геништаба, служба в госструктурах. Неопределенность цели. Возможно, переезд семьи Румеров в Петро-

¹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 169—840. Л. 4.

² Калошян Л. Л. Поэмы Ов. Туманяна в русских переводах (проблема стилистической адекватности). Дисс. ... канд. филолог. наук. Ереван, 1984. С. 50.

³ Щедрина Т. Четыре письма Л. Б. Каменеву, или роль Густава Шпета в переводах Шекспира // НЛО. 2008. № 92 [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/sh9-pr.html> (дата обращения: 14.05.2016).

⁴ При аресте была изъята диссертация И. Б. Румера «Система Спинозы как философия действительности». ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 11.

⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 25. С 1922 г. в секретариате Троцкого служил по особым поручениям Я. Блюмкина. См. Вл. Алабай. Яков Блюмкин: портрет и рама [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.], 2017. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/166/alabay.htm> (дата обращения: 11.05.2017).

⁶ Статья 58, пункт 10 УК — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

⁷ ГАРФ. Ф. 0035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 129.

⁸ Жак-Далькроз Эмиль (1865—1950) — швейцарский композитор и педагог, автор идеи ритмической гимнастики.

град в дни революции был связан с деловой активностью отца. Юрий Румер поступил на математический факультет Петроградского университета в сентябре 1917 года, окончив реальное училище весьма успешно. Но в Петрограде семья пробыла недолго: к лету 1918-го вернулись в Москву. Юрий перешел на физико-математический факультет Московского университета в сентябре: квитанция об оплате обучения в МГУ второй половины 1918 года датирована июлем¹. В мае 1919-го им сдан один экзамен — Н. Н. Лузину (1883—1950) — детерминанты². О нерегулярности его занятий в университете говорит тот факт, что тогда же он вместе с сестрой и женой старшего брата участвовал в создании Ритмического института³, где встретился со своей будущей женой, студенткой этого института Людмилой Залкинд⁴.

По воспоминаниям Людмилы, Юрий Румер — эмоциональный, жизнерадостный человек, которому присущи черты свободного художника: «Он мечтатель, фантазер, чрезвычайно увлекающийся разными вещами, был тогда секретарем организующегося в Москве Института ритмического воспитания. Его организацию благословил нарком просвещения А. В. Луначарский (1875—1933). Идея и русские преподаватели пришли из Швейцарии, где педагог и композитор Далькроз провозгласил идею, что музыку надо пропустить сквозь тело»⁵. Но в нарождающемся советском обществе даже танец стал объектом идеологических интересов государства, эстетическая компонента движения была поставлена на службу идеологии⁶.

Наиболее ярко эта тенденция выражена в манифестах поэта Осипа Эмильевича Мандельштама (1891—1938), который стал одним из идеологов Центрального института ритмического воспитания. В своем выступлении на заседании Наркомпроса 6 декабря 1918 г., посвященном организации Ритмического института, Мандельштам проповедовал: «1. В сознательном коллективизме, составляющем сущность новой культуры, ритму принадлежит почетное место. 2. Ритмическое воспитание вырабатывает навыки, способствующие стройности и дисциплине в государственной и общественной жизни. 3. Хоровое начало открывает широкие возможности для выражения коллективных чувств в праздничных и торжественных выступлениях масс и для будущего народного театра»⁷. Те же идеи он развивал в статье «Государство и ритм» (1918): «Аморфный, бесформенный человек, неорганизованная личность, есть величайший враг общества. В сущности, все наше воспитание, как его понимает наше молодое государство в лице Народного комиссариата по просвещению, есть организация личности. Социальное воспитание подготавливает синтез человека и общества в коллективе»⁸.

¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14. Д. 9767. Л. 1.

² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14. Д. 9767. Л. 7.

³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3140. Л. 10.

⁴ Залкинд Людмила Абрамовна (1901—2003). Юрий Борисович и Людмила Абрамовна не общались с момента его ареста в апреле 1938 г. до его появления в Москве после реабилитации в 1955 г. Развелись они в 1979 г. перед ее отъездом в Израиль.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 513.

⁶ Жбанкова Е. В. «Искусство движения» в русской культуре конца XIX века — 1920-х годов: от эстетической идеи к идеологической установке: Дис. ... докт ист. наук.: 24.00.01. М., 2004. 527 с.

⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 136а. Л. 65.

⁸ Мандельштам О. Э. Государство и ритм // Пути творчества (Харьков). 1920. № 6—7. С. 75.

Ю. Румер — заведующий отделением Гостехиздата по Закавказским социалистическим федеративным советским республикам в Тифлисе. 1925 г.

Юрий служил в Наркомпросе до своего призыва в Красную армию в апреле 1920 г., и ему пришлось оставить университет. В марте он стал курсантом военно-инженерных курсов, затем был отправлен на Юго-Западный фронт. Согласно послужному списку, составленному Румером в октябре 1922 г., в июле 1920 г. он откомандирован слушателем Восточного отделения Академии Генштаба, а в августе причислен для работы в Полномочном представительстве РСФСР в Персии и Турции. Летом следующего года он — переводчик военной группы полпредства РСФСР в Персии (г. Решт провинции Гилян)², т. е. участвовал в событиях времен заката Гилянской советской республики³.

С октября 1920 по март 1921 г. Румер работал в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) в должностях заведующего вещевым отделением и агента для поручений вещевого склада хозяйственной части НКВД. Слушателем Восточного отделения Академии Генштаба он стал вместе со старшим братом Осипом, они были зачислены на вакансии НКВД (отношение НКВД от 27.04.1921)⁴. В краткий период 1920 г. слушателем отделения, изучающим японский язык, был кинорежиссер Сергей Эйзенштейн (1898—1948), лекции по истории культуры здесь читала революционерка, государственный деятель и дипломат Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952), изредка появлялся другой деятель революционной эпохи, известный террорист, 6 июля 1918 г. убивший немецкого посла графа Вильгельма фон Мирбаха (1871—1918) Яков Блюмкин (1900—1929) — слушатель младшего отделения. Чаще он находился в служебных командировках в Сибири и Персии⁵.

¹ Анекдот от Т. А. Румер: совет Рабиновичу, уходящему в армию: не давать советов командиру. Особенно во время боя.

² РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 192-012. Л. 7-8; РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 3.

³ Генис В. Красная Персия: большевики в Гиляне 1920—1921 гг.: документальная хроника. М., 2000. 560 с.

⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 166. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 68.

Восточное отделение Академии Генштаба было создано приказом Реввоенсовета РСФСР от 29.01.1920 № 137 за подписью Л. Д. Троцкого. Для слушателей устанавливался двухгодичный прием. В 1919—1921 гг. начальником Академии был А. Е. Снесарев¹, в 1921—1922 — М. Н. Тухачевский (1893—1937). Советское руководство придавало важное значение новому отделению Академии Генштаба. Оно должно было стать одним из инструментов «советизации» российских окраин, экспорта революции за пределы Советской Республики. В приказе подчеркивалось: «Ввиду того, что Республика граничит со множеством коренных мусульманских народностей (Хива, Бухара, Персия, Индия и т. д.), и продвинувшаяся далеко вглубь Туркестана наша Красная Армия ощущает острую нужду в специалистах-востоковедах, хорошо знакомых с бытом и языком этих народностей, с 1 февраля с. г. при Академии Генштаба РККА учреждается Восточный отдел Академии на 40 слушателей. [...] Подготовительную работу начать немедленно с таким расчетом, чтобы с 1 февраля могли начаться регулярные занятия»². В это время шли сражения Туркестанского фронта в Сибири и в Средней Азии. Части Красной армии и Волжско-Каспийской флотилии воевали в Закавказье. Поэтому в Москве спешно решался вопрос снабжения этих операций профессионалами, обладающими навыками военно-дипломатической работы.

Советско-персидский договор был подписан 26 февраля 1921 г.,³ полномочный представитель РСФСР в Персии Ф. А. Ротштейн⁴ прибыл в Тегеран в апреле. Если Румер был в Персии, то, возможно, в период с июля по начало сентября 1921 г., поскольку перед возвращением в Академию 26 сентября 1921 г. он в течение двух недель находился на санаторном лечении в Одессе⁵. Возвращение из Персии состоялось по причине болезни (желтуха, гепатит?). В приказах по Академии нет свидетельств этой командировки, хотя сообщается о командировках других курсантов, например, Блюмкина⁶. Есть также и другие сообщения о его передвижениях.

В то время, когда Юрий Борисович предположительно мог быть в Персии, занятий в Восточном отделении Академии не проводилось в связи с переходом в летние лагеря (с 15.06 по 01.09.1921 г.)⁷. Для слушателей, направленных в Академию по линии НКВД, не были предусмотрены военные предметы, они освобождались от полевых занятий и могли быть командированы куда-либо для практики в языке⁸. Скорее всего, болезнь послужила причиной заверше-

¹ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — русский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог, военный географ, востоковед. Арестован в 1930 г., приговорен к расстрелу. По указанию Сталина расстрел заменен 10 годами ИТЛ. Освобожден в 1934, реабилитирован в 1938. Подробнее см. Андрей Евгеньевич Снесарев [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.], 2016. URL: <http://www.snesarev.ru/danilenko2.html> (дата обращения: 31.05.2016).

² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 170. Л. 28.

³ Генис В. Красная Персия. С. 334.

⁴ Ротштейн Федор Аронович (1871—1953) — революционер, политэмигрант, деятель левого движения Великобритании, англо-советский дипломат, ученый, полномочный представитель Советской России в Персии (июнь 1921—июль 1922), первый директор Института мирового хозяйства и мировой политики (1924—1925).

⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 40775. Л. 290.

⁶ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 166. Л. 68.

⁷ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 166. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 170. Л. 31.

ния «дипломатической» карьеры, хотя Румер был уволен из армии в бессрочный отпуск только через год — на основании приказа РВСР № 1653 от 10 июля 1923 г. (с постановкой на учет комсостава в качестве переводчика с иностранных языков)¹. Приказ предписывал увольнять независимо от должностей всех военнослужащих, откомандированных в гражданские учреждения и учебные заведения².

После столь бурно проведенных дней весной 1922 г. Юрий Румер восстановился в МГУ. Он получил диплом об окончании университета в 1924³. Запись студента (аналог зачетной книжки), в которой проставлены отметки о сдаче зачетов и экзаменов профессорами МГУ, свидетельствует, что в 1919—1921 гг. занятий он не посещал, а весной—летом 1922 г. сдавал их за период 1918—1921 гг., последние зачеты по общественным наукам получены в ноябре 1923 г. В зачетке автографы математиков Н. Н. Лузина, Л. К. Лахтина (1863—1927), Н. Н. Бухгольца (1881—1943), С. А. Чаплыгина (1869—1942), Д. Ф. Егорова (1869—1931), химика А. Н. Реформатского (1864—1937) и других профессоров⁴. Его дипломная работа была посвящена дифференциальным уравнениям бесконечного порядка и их приложениям.

Биографы Юрия Борисовича подчеркивали большое влияние, которое на него оказала математическая школа Лузина⁵. Нет сомнения, что Румер, несмотря на военную разруху, получил математическое образование благодаря своим недюжинным способностям и домашним занятиям с братьями. В его московской библиотеке, как он писал позднее в Комитет государственной безопасности СССР, пытаясь получить компенсацию за утраченные книжные ценности, было «собрание книг по физике, математике и математической физике на русском и иностранных языках. В ней были представлены почти все книги по этим дисциплинам, вышедшие в СССР с начала революции. Из иностранных книг большую ценность представляют французские [учебники] анализа Гурса, Пикара и Эрмита, приобретенные мною в студенческие годы»⁶. Но нет свидетельств его серьезного увлечения математикой, нет публикаций в противоположность, например, его товарищу по Петроградскому университету Борису Венкову, который еще в 1919 г. участвовал в разработке методов Лиувилля⁷ под руководством профессора Я. В. Успенского (1883—1947), а в 1922 г. опубликовал свои первые работы⁸.

В «пластинках», записях воспоминаний, Румер мало говорит о своей жизни в Москве в 1920-х гг.: «был председателем студенческого математического

¹ РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 12.

² Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921—1934 гг. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.], 2013. URL: <http://eugend.livejournal.com/126275.html> (дата обращения: 20.11.2013).

³ Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 6.

⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14. Д. 9767. Л. 7.

⁵ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. 1989. С. 65—69; Гинзбург И. Ф. Наука в жизни Ю. Б. Румера всегда, везде, при любых условиях. С. 9.

⁶ Заявление Ю. Б. Румера в КГБ // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 229.

⁷ Лиувиль Жозеф (1809—1882) — французский математик.

⁸ Венков Борис Алексеевич (1900—1962) — математик, окончил Ленинградский университет (1925), профессор там же (с 1935). Работы в области теории чисел. О нем: Малышев А. В., Фаддеев Д. К. Борис Алексеевич Венков (к шестидесятилетию со дня рождения) // УМН. 1961. Т. 16, № 4 (100). С. 235—240.

кружка», но этот факт не подтверждается Л. А. Люстерником (1899—1981), который привел список председателей кружка по годам¹. Писал Румер и о своей дружбе с Лазарем Ароновичем, одним из активных участников антилузинской кампании 1936 г.² В воспоминаниях Румера проскальзывают некоторые оценочные мнения в отношении Лузина, которые относятся к периоду антилузинской кампании лета 1936 года: Румер осуждал Лузина и за верноподданничество советской власти: незаслуженно высоко оценил некие математические изыскания рабочего с Урала; и за низкопоклонство: подобострастно держал себя во время приема физика П. Ланжевена (1872—1946) во французском посольстве³. Румер, скорее, был склонен порицать некоторые черты характера академика, но вряд ли он поддерживал травлю. В разгар антилузинской кампании он повез на отдых в Сванетию вдову недавно умершего от пневмонии математика С. Э. Кон-Фоссена (1902—1936), который переехал с семьей в СССР в конце 1934 г., спасаясь от фашистского режима. Предполагалось, что вместе с ними поедет и математик Лев Генрихович Шнирельман (1905—1938), но он не смог, поскольку был включен в состав специальной комиссии Президиума АН СССР по делу Лузина⁴.

Итак, серьезных занятий математикой среди увлечений молодого Румера в 20-е гг. не прослеживается. Связи с «Лузитанией» скорее дружеские, чем научные. Сохранились шуточные стихи в адрес Лазаря Люстерника, Али Мазе (Савич): «И оживают снова строки / сухих егоровских страниц, / имеет смысл давать уроки / прекраснейшей из всех девиц»⁵. Люстерник также упоминает стихи Румера в записках о «Лузитании»⁶. Сам Румер говорил об увлечении театром Вахтангова в это время настолько, что получил прозвище Лапапида Турандотовича⁷. В 1924 г. Румер работал в КУБС (Комитет по устройству быта студентов) 1-го МГУ, после окончания университета был переводчиком в различных госструктурах (Гостехиздат, Госстрах), подрабатывал даже в оптовом магазине «Все для радио» И. В. Шаурова. По воспоминаниям А. О. Румера⁸, в 1924—1925 гг. Юрий служил во ВСЕРОКОМПОМЕ⁹.

Как видим, семья Ю. Б. Румера была лояльна к новым властям. Б. О. Богданов (ВСНХ), А. В. Луначарский (Наркомпрос), Г. В. Чичерин (НКВД), М. Н. Тухачевский, Л. Д. Троцкий (РККА) — круг высшего руководства страны, который

¹ Люстерник Л. А. Молодость московской математической школы // УМН. 1967. Т. 22, № 2. С. 204—205. Румер работал в комиссии по улучшению быта студентов (КУБС).

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 66.

³ Там же. С. 60—61. Поль Ланжевен приезжал в СССР в 1926 г. Возможно, Румер ошибся, имея в виду кого-то другого.

⁴ Подробно о причинах, ходе и итогах этой кампании: Демидов С. С., Есаков В. Д. «Дело академика Н. Н. Лузина» в коллективной памяти научного сообщества // Дело академика Николая Николаевича Лузина / Ред. С. С. Демидов, Б. В. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999. С. 9—50.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 350.

⁶ Люстерник Л. А. Молодость Московской математической школы // УМН. 1967. Т. 22, № 2. С. 233.

⁷ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 66. Первая постановка Евгением Вахтанговым пьесы «Принцесса Турандот» по сказке Карло Гоцци состоялась в 1922 г. в 3-м Московском художественном театре.

⁸ Румер А. О. Несколько писем // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 506.

⁹ ВСЕРОКОМПОМ — Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны (1919—1930).

покровительствовал Румерам. О доверительности отношений с Троцким говорит эпиграмма, приписываемая Л. А. Люстернику и написанная в подражание В. Маяковскому: «Я — от Лили/ Кривошековым¹ лилеемый. / Вы — от героев интендантских выдач. / Оба получили по шее мы, / Уважаемый Лев Давыдыч»².

Постепенно среди членов семьи созревало критическое отношение к политике правительства, которое проявилось в период после убийства С. М. Кирова (1886—1934), а скорее, и раньше, поскольку касалось и коллективизации. Об этом свидетельствуют протоколы допроса Исидора Румера, арестованного 20 февраля 1935 г. Исидор Борисович показывал на допросах, что он в беседах с друзьями называл Сталина диктатором, политика которого находится в противоречии с интересами масс, она гибельна по своей сути. Он также отмечал признаки зарождающегося культа личности, отрицательно высказывался о репрессиях³.

Рассмотренный период, уложившийся без малого в десять лет, показал, что Юрий Румер еще не выбрал своего пути. Мятежная и противоречивая эпоха, как кажется, вызывала в нем чувство упоения, жажды приключений и перемен. К счастью, вплоть до ареста Исидора в 1935 г., эту семью пока не постиг террор, возможно, из-за близости к политической элите страны, начавшей революцию и которая была еще в силе. Юрий мужал постепенно, приходило осознание серьезного отношения к своей будущности.

1927—1932 гг. — Геттинген, «квантовый» поворот. В 1927 г., перед отъездом за границу, Юрий и Людмила поженились. Происходит серьезный поворот в умонастроениях Румера, пока не связанный с наукой, его можно отнести, скорее, к периоду возмужания, формированию императива ответственности. Занятие наукой по-прежнему не вызывало интереса, но появляется весомый мотив к другому приложению сил: «У Юры возникла идея, что раз он завел семью, то ему надо прочно встать на ноги, зарабатывать на жизнь, то есть приобрести практическую инженерную профессию (“хлебную”), а значит, бросить математику и всякие воздушные замки. Устроить поездку [за границу — И. К.] ему помог высокопоставленный коминтерновец Мартынов⁴. Мой отец дал деньги на первое время»⁵. Этот фрагмент воспоминаний косвенно может подсказать нам ответ на вопрос об отношении молодого Румера к наукам: он был талантлив, но пока не склонен к науке, сказывались и сложности времени: математики с трудом находили работу⁶.

Возможно, его многочисленные попытки устроиться в коммерческих учреждениях, государственных организациях выдают его старания повторить путь отца — удачливого коммерсанта. В детстве он был достаточно предприимчив по части осуществления одной своей страсти — коллекционирования

¹ Если это не опечатка в документе, то, возможно, фамилия намеренно искажена: речь идет об А. М. Краснощекове (1880—1937), в 1921 г. заместителе наркома финансов РСФСР, затем председателе правления Промбанка, одном из поклонников Л. Брик.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 355.

³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 119—124.

⁴ Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович (1865—1935) — социал-демократ, с 1924 по 1935 член редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал».

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 514.

⁶ Понтрягин Л. С. Жизнеописание Л. С. Понтрягина, математика, составленное им самим. С. 50.

иностранных марок: однажды ему пришла идея написать письмо в контору «Кук и Сыновья» от имени «русского купца, желающего совершить путешествие в Хартум», он получил ответ и вожделенную марку на конверте. («Но это удалось только один раз, потому что отец был мной недоволен»)¹. Административная деятельность не привлекала Юрия Борисовича и в молодости, и позднее: в Ритмическом институте он не задержался, а в бытность его директором института в Сибирском отделении Академии наук СССР он полагался на своих ближайших помощников в решении сложных вопросов управления вверенным ему учреждением.

В Германии Румеры поселились в Ольденбурге, где Юрий обучался по строительной специальности в Высшей политехнической школе (статика сооружений и железобетон). По свидетельству жены, обучение ему дало немного, поскольку не выходило за пределы известного, и 5 августа 1929 г. Румеры переехали в Геттинген². Научная подоплека этого судьбоносного решения будет раскрыта в следующем разделе. В данной части исследования охарактеризована материальная и бытовая составляющие. Жилье помогли найти сотрудники Макса Борна Нордгейм и Гайтлер³, которым тот поручил устройство Румера. В первую очередь встал вопрос финансирования: поскольку научная работа не оплачивалась, нужно было найти спонсоров.

Из различных источников известно, что средства нашлись. Румер рассказывал, что первый «грант» он получил с помощью приятельницы жены, некой Ренаты Менкеберг⁴. Она была вхожа в семейство Варбургов⁵, банкирского дома в Гамбурге, куда и обратилась за помощью для Румера. Здесь имелся «специальный отдел помощи начинающим ученым. И раз в год доверенные лица Варбурга распределяли в небольших количествах деньги»⁶. Просьба Ренаты была удовлетворена. Как писал М. Борн А. Эйнштейну в конце 1929 г.: «Господин Румер находится здесь, в Геттингене. От господина Варбурга из Гамбурга он получил поддержку с тем, чтобы иметь возможность некоторое время еще позаниматься»⁷. Деньги, видимо, были действительно невелики, и Борн просил Эйнштейна обратиться с ходатайством в Рокфеллеровский фонд о стипендии Румеру «на 1 год пребывания у тебя, или же у меня, или где-либо еще и добавь, что Эрэнфест и я поддерживаем эту просьбу»⁸.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 25.

² Niedersächsisches Landesarchiv. Meldekarte № 6018.

³ Нордгейм Лотар Вольфганг (1899—1985) — американский физик. В 1922—1933 гг. работал в Геттингенском университете. В 1935—1937 гг. — профессор Пердью университета, 1937—1956 гг. — профессор физики в Дики, 1956—1965 гг. возглавлял отдел теоретической физики «Galore General Atomic» (Сан-Диего). Научные работы в области квантовой механики, физики твердого тела, ядерной физики, физики реакторов, физики космических лучей. Гайтлер Вальтер Генрих (1904—1981) — немецкий физик, сделал большой вклад в квантовую электродинамику и квантовую теорию поля, основоположник квантовой химии. В 1927—1933 работал в Геттингенском университете.

⁴ Менкеберг Зузе Ренате (1906—?) — внучка бургомистра Гамбурга Иоганна Георга Менкеберга (1839—1908), в честь которого названа улица города — Менкебергштрассе.

⁵ Варбург Макс Мориц (1867—1946) — немецкий финансист еврейского происхождения. Директор гамбургского банка «M. M. Warburg&K».

⁶ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 28.

⁷ Борн М. — Эйнштейну А. 13.11.1929 // Эйнштейновский сборник: 1972. М., 1974. С. 12—13.

⁸ Борн М. — Эйнштейну А. 19.12.1929 // Там же. С. 15—17.

А. Эйнштейн. 1930-е гг.

Но стипендию Румеру по представлению А. Эйнштейна и П. Эренфеста выдал не Рокфеллеровский, а Лоренцевский фонд¹, что позволило ему и дальше пребывать в Институте Борна. В начале 1931 г. Борн сообщает Эйнштейну: «Мой сотрудник Румер, о делах которого я тебе как-то писал, может остаться у меня еще на один год. Мой ассистент Гайтлер уезжает летом в Америку (Колумбия, Огайо), и Румер будет его замещать, а на зиму я денег наклянчил»².

Ситуация была непростая. В годы Великой депрессии крах постиг финансовую систему США, которые щедро поддерживали науку в Европе через Рокфеллеровский фонд. Это вынудило немецкий кабинет министров на крайние меры экономии. Борн писал: «...университеты должны были сократить значительный процент младших ассистентов и других оплачиваемых сотрудников. [...] было ужасным выгонять за порог молодых и устремленных к знанию людей, многие из которых уже имели семьи, и тем самым ставить под удар их и без того трудное финансовое положение. Затем это парализовало деятельность института, которая быстро скатывалась к застою. Мы создали Комитет и решили предложить факультету, чтобы оплата большинства тех, кого коснулось сокращение, производилась за счет добровольного сбора — он составлял менее чем 10 % нашего жалования. Мне до сих пор страшно вспомнить те битвы, которые это предложение вызвало на факультете. На бесконечно затянувшемся заседании мы добились принятия этого предложения большинством голосов. Однако эта победа выявила и злопыхателей, о которых мы никогда ранее не подозревали. Это было несколько историков, а главным образом специалистов по сельскому и лесному хозяйству. Спустя полгода мы узнали, кем они были на самом деле: заклятыми нацистами, ко-

¹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 3. Лоренц Хендрик (или Гедрик) Антон (1853—1928) — выдающийся голландский физик. Он был одним из распорядителей Сольвеевского фонда, на средства которого был основан Международный физический институт, и возглавлял комитет, ведавший распределением пособий на проведение научных исследований учеными из различных стран. Видимо, средства из фонда этого комитета и получил Ю. Б. Румер.

² Борн М. — Эйнштейну А. 22.02.1931 // Эйнштейновский сборник. 1972. С. 17—21.

торые, будучи деятелями научного института, считали заботу об отдельных людях излишней»¹.

А пока Румер наслаждался атмосферой Геттингена, работал у Борна, заводил друзей. Одной из важных и судьбоносных стала встреча со Львом Давидовичем Ландау, которая состоялась в Берлине, предположительно в 1929 г. Математические шарады, прогулки, карнавалы, розыгрыши — молодые люди не чурались развлечений. Многонациональное сообщество было дружно, все друг друга обучали тому, в чем были сильны. Румер подружился с семейством астронома Отто Хекмана (1901—1983), был романтически привязан к его жене Ханне, и эти чувства пережили время и расстояние. Их последняя встреча состоялась летом 1958 г. в Москве, куда Хекманы приезжали на астрономический съезд. Ханна написала по возвращении в Германию: «Мой дорогой Юра! [...] Когда я добивалась моей поездки в Москву, я обещала старые истории считать улаженными и представляла это себе сравнительно простым после такого долгого времени. Так вот оказалось, что это было непросто. Я мучилась и рвалась на части почти как в былые времена. Факт, что я была в Москве и мы снова увиделись, кажется мне сном, абсолютно нереальным. То, что нам и часа не удалось поговорить без мешающих, — это гротеск. Во всяком случае, я тебе благодарна за все те добрые мысли, которые у тебя были обо мне все эти годы»². Осталась пластинка с записью «Трехгрошовой оперы», которую Ханна прислала позже.

Между тем в Германии, помимо экономических проблем, нарастали и другие, ими обусловленные. Румер вспоминал, как постепенно происходили сдвиги, которые поначалу были незаметны и не сразу понятны. Фашизм пускал первые ростки, никто его «в серьез не брал, и мы с удивлением смотрели на молодых людей в коричневых рубашках, которые мирно ходили по городу и кричали: “Германия, проснись!”»³. Но уже на улицах раздавали листовки с угрозами девушкам, которые гуляют с евреями, появились повязки и флаги со свастикой. Начался отток сотрудников из Геттингена. Румер задумался об отъезде: фашизм стал реальностью.

Ксенофобия новых властей по отношению к евреям положила конец академической идиллии Геттингена. Юрий Борисович писал: «Развитие Геттингена в мировой центр науки шло медленно и нуждалось в открытии квантовой механики, гибель Геттингена произошла необычайно просто и быстро. Гитлеровский министр просвещения Руст⁴, четыре буквы, подписал приказ о том, чтобы все профессора Германии еврейской национальности были освобождены от работы в соответствующих университетах. Вот тогда в Геттингене и появилось: для того, чтобы Геттинген стал Геттингеном, понадобилось четыре столетия, а чтобы его уничтожить — четыре буквы»⁵. В мае 1933 г. Борн был отстранен от работы по антиеврейскому законодательству, летом 1934 уехал

¹ Там же. С. 21.

² Хекман Х. — Румеру Ю. Б. 28.08.1958 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 113.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 38.

⁴ Руст Бернхард (1883—1945), рейхминистр науки, народного воспитания и образования (1934—1945). Его «Закон о восстановлении профессионального чиновничества» 1934 г. послужил основанием для гонений на оппонентов национал-социализма, в том числе евреев.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 46.

в Кембридж. Румер пережил революцию в России, гражданскую войну, но в его персональной истории, в истории его семьи нет свидетельств напряженности, трагических событий. То, что случилось с ним в Геттингене, — первое свидетельство нарастания напряжения, которое стало фатально преследовать его.

Итак, в немецкий период происходит оформление предпочтений Румера. Он связывает себя с научным сообществом, поле науки становится областью приложений его интеллектуальных сил, здесь сформируется его идентичность — идентичность ученого, физика-теоретика. Социальное напряжение, вызванное усилением фашизма в Германии, вынуждает его покинуть столь любимейший ему Геттинген.

1932—1938 гг. — реализация научного потенциала в советской высшей школе, нарастание напряжения социального поля. Румеру пришлось покинуть Германию в 1932 г. Он мог поехать в Америку, но в условиях экономического кризиса, который наступил в конце 1929 г., Великой депрессии, массовой безработицы это было неприемлемо. Из России же приходили обнадеживающие сведения, тяготы первой пятилетки 1928—1933 гг. маскировались пропагандистскими историями о массовом энтузиазме населения, высокими цифрами вводящихся в строй предприятий, потребностью в рабочих руках. Социалистическое строительство нуждалось не только в рабочих и инженерах, но и в ученых, преподавателях вузов. Количество последних в годы первой пятилетки выросло со 127 до 600¹, поэтому требования в преподавательском составе были весьма велики.

Людмила, первая жена Румера, вспоминала, что возвращению в Россию способствовал Г. К. Хворостин², математик, приехавший в Геттинген из Московского университета. Исходя из метафоры «социально-гравитационного поля», анализ принятых Румером решений в данной ситуации показывает, что он стремился покинуть территорию нарастающего давления и переместиться в более благоприятные, как он полагал, условия. Как мы увидим, его надежды не оправдались, он попал в область давления, где пока не затрагивалась его национальность, но умонастроения подвергались идеологической коррекции.

В начале февраля началась переписка с Московским университетом. 11 февраля 1932 г. Румер получил предложение «принять должность действительного члена Института» (Института физики 1-го Московского университета, НИИФ)³. Ранее он прочел лекции по квантовой химии в Техническом колледже (Technische Hochschule) в Ганновере, а 8 мая 1932 г. вернулся в Москву и был принят в НИИФ. В конце 1934 г. завершилась процедура представления его кандидатуры на присуждение степени доктора физики по совокупности работ без защиты докторской диссертации и получения профессорского звания. Представление написано Игорем Евгеньевичем Таммом⁴, который в это время заведовал кафедрой теоретической физики 1-го Московского универ-

¹ Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // ЭКО. 2008. № 8. С. 85.

² Хворостин Гавриил Кириллович (1900—1938) — из крестьян, в 1916—1923 гг. учился на рабфаке МГУ. 1924—1929 гг. — на физико-математическом факультете МГУ. Научный сотрудник НИИ механики и математики МГУ в 1930—1932 гг. В 1935 г. стал ректором Саратовского университета. Погиб в лагерях.

³ Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 22—23.

ситета (до 1937 г.) и лабораторией квантовой физики НИИФ. В феврале 1935 г. ВАК утвердил эти представления¹.

Румер попал в НИИФ в тот относительно спокойный период, когда им руководил Б. М. Гессен, который придал институту черты не только образовательной, но научно-исследовательской организации. Он провел крупную реорганизацию НИИФ: увеличил штат сотрудников, количество аспирантов, изменил структуру института созданием ряда новых лабораторий². В 1933 г. он стал деканом физического факультета после его выделения из физико-механического отделения, при его содействии стали читать новые курсы. Румер читал лекции студентам, используя новейшие сведения по различным разделам теоретической физики, полученные в Европе. Они стали популярными: проявился блестящий талант педагога, а свободное владение математическим аппаратом и глубокая эрудиция во многих вопросах теоретической физики той эпохи привлекали в его аудиторию не только специалистов, но и математиков, химиков и даже философов.

Один из его студентов, Михаил Аркадьевич Ковнер, вспоминал: «Особенно запомнились мне его лекции по теории электромагнитного поля и по волновой механике — ясность изложения, прекрасный контакт со студенческой аудиторией. Я до сих пор с гордостью вспоминаю, что по обоим этим предметам имею отличные оценки. На основе прочитанных лекций Ю.Б. написал книгу “Введение в волновую механику”, вышедшую в 1935 г. Среди многих книг на эту тему она выделяется оригинальным изложением проблемы корпускулярно-волнового дуализма вещества и света»³. Позднее, выбирая специализацию, Ковнер остановился на квантовой химии. Другими дипломниками Юрия Борисовича стали М. В. Волькенштейн (молекулярные спектры)⁴ и И. В. Кузнецов (философские проблемы физики)⁵, что свидетельствовало о широком спектре научного диапазона профессора. Став преподавателем Воронежского университета, Ковнер использовал как пособия конспекты лекций Румера по теории электромагнитного поля и волновой механике. Одним из студентов Румера был и Е. Л. Фейнберг⁶, который помимо прочего отметил, что тот «не стесняясь мог ответить на вопрос студента: не знаю, этого я не понимаю, постараюсь ответить в следующий раз». Однажды Фейнберг встретил его на факультете с «Оптикой» М. Планка⁷ в руках: «Учу физику!»⁸.

¹ Там же. Л. 7.

² Андреев А. В. Физики не шутят. Страницы социальной истории научно-исследовательского института физики при МГУ (1922—1954). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 72—73.

³ Ковнер Михаил Аркадьевич (1910—2006) — доктор физико-математических наук (1982), профессор кафедры теоретической и ядерной физики Саратовского государственного университета. См. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 436.

⁴ Волькенштейн Михаил Владимирович (1912—1992) — физико-химик и биофизик, член-корреспондент АН СССР (1966).

⁵ Кузнецов Иван Васильевич (1911—1970) — философ, доктор философских наук, профессор. Один из создателей интересной и оригинальной научной школы по систематическому анализу важнейших методологических и концептуальных основ физики и физических теорий. В 1953—1956 гг. заместитель директора, и. о. директора Института истории и естествознания АН СССР.

⁶ Фейнберг Евгений Львович (1912—2005) — физик-теоретик, академик РАН (1997).

⁷ Планк Макс Карл Эрнст Людвиг (1858—1947), выдающийся немецкий физик. Как основатель квантовой теории предопределил основное направление развития физики с начала XX века.

⁸ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 531.

Студенты и преподаватели НИИФ МГУ.

Слева направо сидят: второй — Ю. Б. Румер, третий — И. Е. Тамм. 1937 г.

В 1935 г., помимо профессорства в МГУ, Румер стал научным сотрудником Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР, который возглавлял академик Сергей Иванович Вавилов. Румер оказался причастным тому дисциплиностроительству физики, которое осуществлялось в ФИАНе под руководством Вавилова¹. Вавилов осознавал важность развивающейся в то время физики атомного ядра и необходимость поддержки «новой физики» — теории относительности и квантовой механики. Для него также была очевидна связь теории и эксперимента.

В ФИАНе работали лучшие специалисты страны: Д. В. Скобельцын (1892—1990, лаборатория физики атомного ядра), Н. Д. Папалекси (1880—1947, физика колебаний), Г. С. Ландсберг (1890—1957, физическая оптика), С. Л. Мандельштам (1910—1990, спектральный анализ) и др. Лабораторию теоретической физики возглавлял И. Е. Тамм, с которым Ю. Б. Румер работал в НИИФ МГУ. Из Ленинграда переехали также Б. М. Вул (1903—1985), И. М. Франк (1908—1990), П. А. Черенков (1904—1990) и др. Из Московского университета Вавилов привлек для работы в ФИАНе Л. И. Мандельштама (1879—1944), П. А. Ребиндера (1898—1972), М. А. Дивильковского (1904—1942), Д. И. Блохинцева (1908—1979) и др.²

¹ Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 13.

² Мясц Г. А. Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН: прошлое, настоящее, будущее // УФН. 2009. Т. 179, № 11. С. 1149.

Румер, чья научная карьера поначалу складывалась успешно, вскоре почувствовал, что жизнь на родине становится для него, его семьи и друзей тяжким испытанием. В 1935 г. был арестован его брат Исидор. В августе 1936 г. по обвинению в террористической деятельности арестовали, а в декабре того же года расстреляли директора НИИФ МГУ и заместителя директора ФИАН чл.- корр. АН СССР Бориса Михайловича Гессена. За арестом последовало (в апреле 1937 г.) заседание актива Физического института АН СССР, на котором многим сотрудникам пришлось доказывать свою политическую благонадежность¹.

Рассчитывая найти в СССР спокойную и благополучную жизнь, Румер понял, как он ошибался, как плохо был информирован. Летом 1937 г., по воспоминаниям Е. Ф. Пуриц², приятельницы Румера и Ландау, они отдыхали в Теберде, в санатории Комиссии содействия ученым (КСУ, или «ксучнике» по терминологии Дау: еще находили возможность шутить). «Это лето — 1937 года, — вспоминала Елена Феликсовна, — могло бы вспоминаться как время, проведенное с приятностью и удовольствием. Ведь мы общались с интересными людьми, нам было мало лет, мы участвовали в прогулках и экскурсиях по очень красивым местам. Дау еще часто играл в теннис (играл очень плохо, но считал, что человек не вправе отказываться от тенниса и лыж), мы вчетвером подружились, и это тоже было важно и хорошо».

Ландау подшучивал над Румером, поддевал его за сибаритство и лень и, в соответствии с положениями статьи Энгельса «Роль труда...», прочил ему обратную эволюцию, поминутно спрашивая, не вырос ли хвост и какова жизнь на деревьях? Предметом насмешек над Румером было его умение легко вступать с людьми в дружеские отношения. Это свойство своего приятеля Дау объяснял принципом «всякая веревочка пригодится в хозяйстве». Румер был старше Дау, но не обижался на шутки, он относился к нему с восторженным поклонением.

Пуриц писала: «Несмотря на все это, в воспоминаниях о том лете преобладает что-то мрачное и тягостное. Тридцать седьмой год уже проявил себя достаточно: многие исчезли таинственным образом (“нигилировались”, “заэкранировались”, — говорил Дау). Было ясно, что этот проклятый год только набирает силу и еще покажет себя. Много было страхов и ужасных домыслов, но действительность потом превзошла их во много раз»³. Возвращаясь из санатория через Харьков, молодые люди узнали от встречающих их друзей об арестах и исчезновениях сотрудников УФТИ, об аресте Матвея Бронштейна⁴, что потрясло всех: «Справиться с мыслью о возможности насильственной гибели этого блестяще одаренного, умного, необыкновенно образованного и необык-

¹ Г. Е. Горелик пишет: «Источником волны активов, прокатившейся по стране и достигшей института, стал мартовский пленум ЦК ВКП(б), на котором Бухарин и Рыков были исключены из партии и в качестве японо-немецких агентов переданы органам НКВД». См. Горелик Г. Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание — сила. 1993. № 6. С. 54.

² Пуриц Елена Феликсовна (1910—1997) — литературовед, переводчица.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 493.

⁴ Бронштейн Матвей Петрович (1906—1938), талантливый физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор. Работал в области квантовой теории, астрофизики, теории полупроводников, космологии и теории квантовой гравитации. Арестован в Киеве 06.08.1936, включен в расстрельный список «Ленинградская область» от 03.02.1938 г., утвержденный подписями Сталина, Ворошилова, Молотова, Кагановича. Расстрелян 18.02.1938, реабилитирован в 1957 г.

новенно доброго человека было очень трудно»¹. До ареста Ландау и Румера оставалось восемь месяцев.

Румер покинул Геттинген: его национальность стала угрозой жизни. Он рассчитывал найти в СССР не только приложение своим силам, но и безопасность. Каково же было его разочарование, когда он осознал, что в СССР опасность может возникнуть на достаточно более широком спектре других оснований.

1938—1953 гг. — ГУЛАГ, потеря и смена идентичности (арест, «дело», «шарашка», ссылка). Румеру пришлось уволиться из НИИФ, это случилось в начале сентября 1937 г. В это же время оставил пост заведующего кафедрой теоретической физики И. Е. Тамм: его брат — инженер в Донбассе в 1936 г. был арестован и расстрелян («...нельзя было оставить на постах зав. кафедрами общей физики и теоретической физики друзей Гессена проф. Ландсберга и проф. Тамма...»)². Румер написал заявление об увольнении «по собственному желанию»³. Он продолжал работать в ФИАНе у Вавилова и стал заведующим кафедрой теоретической физики в Институте кожевенной промышленности им. Л. М. Кагановича.

Обстоятельства ареста Ю. Б. Румера, М. А. Кореца (1908—1984) и Л. Д. Ландау в конце апреля 1938 г., а также их следственные дела будут подробнее рассмотрены в главе 3 данной книги. Здесь проведен анализ процесса насильственной трансформации свободного человека с менталитетом европейски образованного ученого во «врага народа», «шпиона», арестанта с уголовным обвинением. Румер был осужден на 10 лет. После окончания следствия осенью 1938 г., но еще до вынесения приговора, он был направлен в Болшево, пересыльный пункт НКВД для инженерно-технических работников — будущих специалистов «шарашек». Затем переведен на моторостроительный завод НКВД № 82 в Тушино. В начале 1940 г. Румер работал в «Туполевской»⁴ шарашке — самолетостроительном ЦКБ-29 — в Москве на улице Радио, 24. С началом войны ЦКБ-29 эвакуируют в Омск.

В воспоминаниях авиаконструктора Л. Л. Кербера (1903—1993), арестованного в мае 1938 г., осужденного на 8 лет лагерей и ставшего «специалистом» туполевской «шарашки» — ЦКБ-29, достаточно точно описан ее быт. Но этого нельзя сказать о его свидетельствах, касающихся Ю. Б. Румера. Кербер писал: «Его [Румера. — И. К.] привезли в ЦКБ из Мариинских лагерей: стоял май, было тепло, приехал он в опорках от валенок, задрапированный в полосатый чехол от матраца. Высокий, с иссиня-черными волосами, с разбитыми очками на большом носу, он походил в этом наряде на иудейского пророка. Работал он в Абаканской долине, недалеко от Шушенского». Чью историю приписал Юрию Борисовичу Кербер, неизвестно: «Позднее с Румером произошел анекдотический случай. Его арестовали вновь, пропихнули через ОСО [Особое совещание], дали 10 лет и повезли в Сибирь. Пока он трясся в теплушке, где «уголовники проигрывали в карты последовательно все, что было на мне, вплоть до оправы очков,

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 494.

² Из «Докладной записки о положении партийной организации в МГУ», составленной А. К. Тимирязевым. См. Андреев А. В. Физики не шутят. С. 57.

³ Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 23.

⁴ Туполев Андрей Николаевич (1888—1972) — авиаконструктор, академик АН СССР (1953). Герой Труда (1926), трижды Герой Социалистического Труда, лауреат многочисленных премий. Под его руководством спроектировано свыше 100 типов самолетов. Под арестом в 1937—1941 гг. Работал в закрытом КБ НКВД — ЦКБ-29 («Туполевская шарашка»).

и мне грозило появиться в месте назначения в первородном виде», недоразумение обнаружилось. «Назад я ехал в классном вагоне скорого поезда, однако, все же с сопровождающим, — говорил Ю.Б. — Видимо, они боялись, не проиграют ли меня респектабельные вольнонаемные!» В Москве перед ним долго извинялись, затем собрали «бессмертных» [т. е. академиков. — *И. К.*] и велели избрать в члены-корреспонденты. Старички не куражились и выбрали¹.

Этот фрагмент — один из многих примеров лагерной мифологии, основанный на аберрации памяти, возможно, имеет собирательный характер и несколько прототипов. Юрий Борисович не носил очков, не был в Сибири до 1948 г., не избирался в Академию до 1958 г. Румер по Керберу — физик-атомщик («кандидат в русские Оппенгеймеры»), соратник Ю. А. Круткова², они вместе «исчезли из Куломзина весной 1944 г.»³ «Исчезновения» Ю. Б. Румера и Ю. А. Круткова не связаны между собой, поскольку Ю. А. Крутков был направлен в 1946 г. в Сухуми, где создавался физико-технический институт из немецких специалистов для Атомного проекта, а Ю. Б. Румер — в Таганрог, в КБ Бартини в 1946 или 1947 г.⁴ Единственное верное наблюдение Кербера о Румере то, что он был полиглотом и многое в библиотеке читал без словаря.

Более взвешенными нам представляются воспоминания о Румере времен «шарашки», оставленные Я. М. Пархомовским⁵, Н. А. Желтухиным⁶ и М. М. Зариповым⁷. Пархомовский в начале войны был направлен в ЦКБ-29⁸, чтобы составить заключение о безопасности самолетов от флаттеров (вибраций). Бюро уже находилось в Омске, там он и познакомился с Румером. Пархомовского занимает личность Румера, его рассказы о Геттингене. Он на 10 лет моложе Юрия Борисовича, для него рассказы Румера — «новый, большой мир». Пархомовский высказывает догадку, что для Румера пребывание в Геттингене явилось «источком его криминальной биографии»⁹, но вопросы о причинах ареста Юрий Борисович оставлял без ответа.

Н. А. Желтухин был арестован в 1937 г. в 22 года за «антисоветскую агитацию» (ст. 58.1), получил восемь лет лагеря и пять лет поражения в правах,

¹ Кербер Л. Л. Туполевская шарага [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М.], 2014. URL: http://lib.ru/MEMUARY/KERBER/tupolevskaya_sharaga.txt (дата обращения: 20.03.2014).

² Крутков Юрий Александрович (1890—1952) — физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР (1933). В декабре 1936 г. арестован по «Пулковскому делу». В 1946—1947 гг. работал в институте, созданном в 1945 г. из немецких физиков-атомщиков под руководством Густава Герца в Сухуми.

³ Куломзино, ныне ст. Карбышево в южной части Омска. Здесь располагались ремонтные мастерские, куда из Москвы была эвакуирована часть ЦКБ-29: бригады В. М. Мясичева и Д. Л. Томашевича. Ю. Б. Румер находился в Омске, в бригаде А. Н. Туполева.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 427—429.

⁵ Пархомовский Яков Моисеевич (1911—1991), доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. В 1936—1991 гг. начальник научной группы, затем отдела ЦАГИ им. Н. Е. Жуковского.

⁶ Желтухин Николай Алексеевич (1915—1994) — специалист в области механики и теплотехники, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии. Работал в Институте теоретической и прикладной механики (ИТПМ) СО АН СССР (1959—1994) — заведующий лабораторией, заместитель директора, заведующий отделом.

⁷ Зарипов Махмуд Мубаракшиевич (1918—1998) — доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой общей физики Казанского педагогического института в 1982—1991, труды по электронному парамагнитному резонансу.

⁸ В ЦКБ-29 с 1940 по 1942 г. работал и Сергей Павлович Королев (1907—1966) — конструктор, один из основных создателей советской ракетно-космической техники, одна из ключевых фигур в освоении человеком космоса.

⁹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 474.

досрочно освобожден в 1945. Находился в лагере под Котласом и, чтобы не погибнуть, подал заявку на некое изобретение. Оно, волею судеб, попало в Тушино к Стечкину¹ и Румеру, которые дали на него положительное заключение. Так юный ээк оказался на моторостроительном заводе НКВД № 82. Через полгода Румер был переведен в ЦКБ-29, а Желтухин оказался в Казани, в КБ В. П. Глушко².

Свои воспоминания Н. А. Желтухин писал по просьбе физика-теоретика из ИЯФа М. П. Кемоклидзе, которая начала работать над книгой о Румере в конце 1970-х гг. Николай Алексеевич описал некоторые бытовые моменты жизни в Тушине, которое оказалось для него спасительным местом: «Чистый двор, чистые деревянные постройки. Ухоженный одноэтажный дом, в котором находились спальни и рабочие помещения для конструкторов, где разрабатывали чертежи и делали расчеты. Рядом был завод, на котором делались наши двигатели, но я там никогда не был. Светлая, большая столовая, очень хорошая. Один большой стол, круглый, покрытый то ли скатертью, то ли клеенкой, очень чистый. Вкусная пища три-четыре раза в день — завтрак, обед и ужин, а между завтраком и обедом был чай. В это время и в стране было благополучно с питанием, и это отражалось на нашей столовой. О том, как хорошо нас кормили, свидетельствует то, что я там излечился от туберкулеза. Просто на одном питании. Я прибыл из лагеря больным туберкулезом, с процессом в легких... Я этого не знал, а просто кашлял и “доходил”, как это называлось в лагере [...]. И когда попал в это КБ и в эту столовую со сливочным маслом, с кефиром, с мясными обедами и ужинами, то быстро поправился»³. На заводе была большая техническая библиотека, художественную литературу привозили из библиотеки Бутырской тюрьмы...

Показательно суждение Желтухина об эффективности работы КБ В. П. Глушко в сравнении с работой АН СССР (речь шла о конце 1940-х гг.): «...ничего похожего большие научные подразделения Академии не имели. Это была не только техника, но и огромная научно-исследовательская работа. Разницы между серьезной научной работой и работой КБ в неизведанной области нет. Только в КБ это делается с такой целеустремленностью и напором, что рассказать нельзя, в этом надо участвовать. И все слова о том, что боялись и делали, — абсолютная неправда! На страх такого не сделаешь — хотели работать. И потом, было единство цели, отсутствие или почти полное отсутствие личного эгоизма, большая предварительная квалификация людей. Не было никакой озлобленности. Но что там внутри у человека, судить нельзя. Эти вопросы никогда у нас не обсуждались»⁴.

К моменту написания воспоминаний Желтухин около 20 лет являлся сотрудником академического Института теоретической и прикладной механи-

¹ Стечкин Борис Сергеевич (1891—1969) — ученый и конструктор в области тепловых и авиационных двигателей, академик АН СССР с 1953 г. (чл.- корр. с 1946). Вместе с Ю.Б. работал в «Туполевской шарашке» (1938—1943).

² Глушко Валентин Петрович (1908—1989) — инженер, один из пионеров ракетно-космической техники; основоположник отечественного жидкостного ракетного двигателестроения. Арестован в 1938, после пыток осужден как вредитель, освобожден в 1944. Главный конструктор космических систем (с 1974), генеральный конструктор многоцветного ракетно-космического комплекса «Энергия-Буран», академик (1958), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 424.

⁴ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. С. 202.

ки СО АН СССР, одного из самых проблемных в Новосибирском Академгородке (частая смена директоров и, как следствие, тематик)¹. Если вспомнить восторженное отношение Румера к академической свободе Геттингена, что позволяло теоретикам находиться в свободном поиске, то, как видим, прикладная инженерная работа требует дисциплины и четкой организации труда. Но было и другое: то, что «не обсуждалось» — энтузиазм под угрозой наказания, «расстрельный» энтузиазм: работали на совесть в надежде получить прощение. Откровение Желтухина позволяет предположить, насколько тягостно могло быть Румеру и ему подобным положение в «золотой клетке» НКВД.

М. М. Зарипов писал о Румере в конце 1980-х гг., когда того уже не стало. Они встретились в Таганроге, в КБ Р. Л. Бартини². Зарипов попал сюда после лагеря, где провел 5 лет, ему было 28. Юрий Борисович предложил ему изучение теоретической физики и даже написание диссертации, старался поддерживать надежду в молодом физике. Это был период, когда он разрабатывал единую теорию поля, писал статьи о пятиоптике, и Зарипов стал его первым слушателем. По освобождении он защитил кандидатскую диссертацию в 1964 г. в Казани, куда вернулся после «шарашки», Румер был оппонентом, а в 1981-м написал отзыв на докторскую казанского физика³.

В Таганроге Юрий Борисович познакомился с Ольгой Кузьминичной Михайловой (1921—2011), которая в качестве вольнонаемной устроилась работать в КБ. Она была младше него на 20 лет, собиралась выйти замуж за местного парня, но все сложилось иначе. По истечении срока заключения Ю. Б. Румер был направлен из Таганрога на поселение в г. Енисейск Красноярского края. Здесь, в трехстах километрах от краевого центра, ему предстояло провести пять лет. Он был принят на кафедру физики и математики в Учительский институт. Ольга приняла решение следовать за ним. Это обстоятельство очень приободрило Юрия Борисовича, в ожидании ее приезда он занялся обустройством их будущего жилья, двух комнат в четырехкомнатной квартире, которые выделил институт. Дрова за счет института, пропуск в преподавательскую

Ольга Михайлова. 1940-е гг.

¹ Федюк Е. Р. Академик Алексей Андреевич Христианович и его научные школы: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10. Томск, 2010.

² Бартини Роберт Людвигович / Орошди Роберт (1897—1974) — авиаконструктор, подданный Австро-Венгерской империи, участник Первой мировой войны. В СССР с 1923 г. Под арестом в 1938—1946 гг. Работал в ЦКБ-29, в ОКБ-86 в Таганроге и других проектных организациях.

³ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. С. 220—222.

столовую, где можно было покупать хлеб, Румер был зачислен на оклад в 1500 рублей, но рассчитывал при восстановлении докторского диплома на 3000¹. Все поначалу складывалось благополучно: он любим — Ольга приехала в конце июля, в 1949 г. родился сын Михаил, восстанавливалась переписка с физиками Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшицем², М. А. Леонтовичем³, М. А. Марковым.

Енисейский период, лето 1948—лето 1950 гг., описан Ю. А. Старикиным, коллегой по Енисейскому учительскому институту⁴. Один текст написан им по просьбе М. П. Кемоклидзе, видимо, в конце 1970-х для ее книги, другой — предположительно в период подготовки сайта к 100-летию со дня рождения Юрия Борисовича в конце 1990-х. В ранних воспоминаниях Ю. А. Старикин пишет о добрых, но сдержанных личных отношениях с четой Румеров, обусловленных их положением ссыльных: «Юрий Борисович никогда не вызывал меня на личные контакты, чтобы не ставить под удар...»⁵. Да и «властями это не поощрялось». Позднее он писал: «Я понимал, что Юрий Борисович нуждается не столько в работе, сколько в простых человеческих отношениях с другими людьми. Поэтому я сразу пошел в управление КГБ⁶ и запросил о допустимых формах общения не только на работе, но и в нерабочее время. К счастью, руководитель управления Гринь оказался разумным человеком и приветствовал мои намерения установить между нашими семьями доброжелательные отношения. Это был, пожалуй, единственный мой прямой контакт с начальством КГБ, и на протяжении всего пребывания Юрия Борисовича в Енисейске больше не было подобных встреч, хотя с той поры наши семьи были дружны. Жена Юрия Борисовича Ольга Кузьминична и моя жена Ольга Александровна стали близкими приятельницами»⁷. Очевидно, позднейшие события: переезд Старикина в Новосибирск, совместная работа в ИРЭ и общение — сгладили некоторые острые моменты бытия в Енисейске.

Благополучие оказалось недолгим. Публикацией в «Правде» статьи «Об одной антипартийной группе театральных критиков» (28.01.1949) в СССР началась кампания по борьбе с космополитизмом и преклонением перед Западом, которая носила, в том числе, и антисемитский характер⁸. В результате

¹ Румер Ю. Б. — Михайловой О. К. Лето 1948. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 139—140.

² Лифшиц Евгений Михайлович (1915—1985), классический советский физик, академик АН СССР (1979), область научных знаний — физика твердого тела, космология, теория гравитации. Соавтор Л. Д. Ландау по созданию фундаментального курса по теоретической физике (Ленинская премия, 1962).

³ Леонтович Михаил Александрович (1903—1981), физик, академик АН СССР; автор работ по физике плазмы, радиофизике. Лауреат Ленинской премии (1958), золотой медали им. А. С. Попова АН СССР (1952).

⁴ Старикин Юрий Александрович (1918—?) — заведующий кафедрой физики и математики Енисейского учительского института, секретарь бюро партийной организации. Заведующий лабораторией, ученый секретарь Института радиофизики и электроники СО АН СССР (1957—1964), кандидат биологических наук (1968), старший преподаватель кафедры физики НГМИ (1964—1981). Не удалось выяснить верхнюю дату жизни Ю. А. Старикина, известно только, что в 1981 г. он уволился из Новосибирского медицинского института.

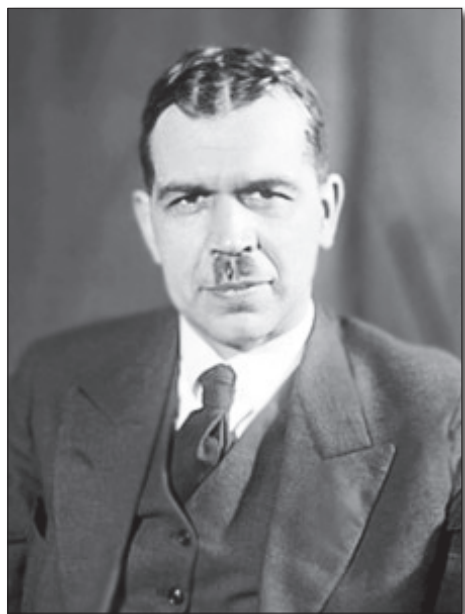
⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 227—228.

⁶ С 1946 г. — МГБ и МВД.

⁷ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 525.

⁸ Генина Е. С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949—1953 гг.) // Изв. АлтГУ. 2008. № 4—5. С. 38.

этой кампании под ударом оказалась научно-педагогическая и творческая интеллигенция СССР. Чистка вузов от преподавателей с компрометирующими биографиями шла активно уже в 1949 г., в 1950-м она докатилась до медвежьей глуши, где преподавал Румер. 12 января 1950 г. Енисейский райком партии «дал директиву дирекции Института»¹ заменить Румера преподавателем, не имевшим судимости. С помощью московских друзей Румер добивался перевода в Новосибирск, где были научно-исследовательские институты и заводы, и он рассчитывал получить там работу. Президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов принял участие в судьбе ученого и всячески помогал ему в поисках места, достойного его квалификации².

Академик С. И. Вавилов. 1950-е гг.

Кончина С. И. Вавилова в январе 1951 г. не позволила завершить переезд в Новосибирск трудоустройством (переехали в июле 1950), хотя из Новосибирска пришло обнадеживающее сообщение по линии УМГБ о том, что здесь имеется возможность «использовать его (Румера — И. К.) на секретной, а также преподавательской работе»³, работу он так и не нашел. Не помогли отзывы крупнейших ученых — Келдыша⁴, Ландау, Стечкина, Тамма. Ни в Новосибирске, ни в других крупных городах Сибири и Казахстана шансов найти работу не было, поскольку решался этот вопрос с привлечением сведений, почерпнутых из следственного дела. Из УМГБ г. Томска на просьбы устроить Румера в томские вузы писали: «В связи с тем, что ЦК ВКП(б) своим постановлением от 30 января 1950 года “О работе Томского Обкома ВКП(б)” отметило значительную засоренность профессорско-преподавательского состава Томских ВУЗ-ов политически сомнительными элементами, приехавшей в Томск бригадой Министерства Высшего Образования были намечены мероприятия по очищению ВУЗ-ов от этих лиц. Устройство на научно-исследовательскую работу в городе Томске Румера Ю. Б. считаю нецелесообразным, так как это может вызвать нежелательную реакцию со стороны общественности и партийных организаций ВУЗ-ов. Верно: СТ. ОПЕРУПОЛ. 19 отд. Отдела “А” МГБ СССР Капитан Волков 6 апреля 1950 г.»⁵.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 160.

² Там же. С. 177.

³ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р 23711. Л. 122.

⁴ Келдыш Мстислав Всеволодович (1911—1978, Москва) — советский ученый в области прикладной математики и механики, крупный организатор советской науки, один из идеологов советской космической программы. Президент Академии наук СССР (1961—1975). Академик АН СССР (1946; член-корреспондент 1943). Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии (1957) и двух Сталинских премий (1942, 1946).

⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх.-уголовн. дело Р 23711. Л. 121.

Румер остался без работы и, как следствие, без средств к существованию. Помогала финансовая поддержка московских физиков и семьи. Сохранились письма Л. Д. Ландау, где он приглашает Румера к написанию учебника по курсу молекулярной физики и главы по макроскопической электродинамике для «Курса теоретической физики»¹, из переписки с физиком М. А. Леонтовичем известно о сборе денег среди московских коллег, сам Юрий Борисович имел случайные заработки в виде репетиторства и переводов. Одним из его подопечных в Новосибирске стал будущий физик Борис Аркадьевич Тверской².

Так прошло два с половиной года. Научные аспекты деятельности Румера будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же необходимо сказать, что еще перед тем как выйти на свободу, он задумался о том, с каким научным багажом предстанет перед физическим сообществом. Интерес к идеям многомерных множеств проявился у Румера еще в Ольденбурге, в 1929 г. он привез Борну соответствующую работу, был рекомендован А. Эйнштейну как его возможный ассистент. Но тогда интерес Румера к единой теории поля был недолог. Его захватывают новые идеи квантовой теории, он становится одним из родоначальников квантовой химии. Работая в «шарашке», он посчитал, что его потенциал ученого не исчерпан и вернулся к своим идеям конца 1920-х гг., записывал мысли в тетрадках, сшитых из чертежной бумаги. Научный прорыв, как писал Румер, был сделан летом 1946 г.³ Несколько таких тетрадок с записями статей вывезла в Москву Ольга Михайлова. Это были статьи о пятимерном обобщении теории тяготения, в которых пятой координате был придан физический смысл действия.

Годы, проведенные Румером в заточении, не отлучили его от науки. Напротив, занимаясь инженерными расчетами, перед выходом на свободу он рассчитывал на свою научную страсть и пытался создать теорию, которая вернет его в научный социум теоретической физики. Румер с помощью друзей нашел *ultimum refugium*. Он обратился к главе государства за помощью в организации научной дискуссии, итоги которой будут рассмотрены ниже. Это частично сработало, но главную роль в его дальнейшей судьбе сыграла кардинальная перемена обстоятельств: время Сталина закончилось.

1953—1964 гг. — сибирский период, внутреннее единство и внешние вызовы (ЗС ФАН—ИРЭ СО АН СССР—ИМ СО АН СССР). В 1955 г. на базе Отдела технической физики Западно-Сибирского филиала Академии наук был создан Институт радиофизики и электроники (ИРЭ). В 1957 г., при создании Сибирского отделения АН СССР, ИРЭ был передан в Отделение. Процесс создания института, который Румер возглавил в 1957 г., поглотил его мысли. В ИРЭ развернулись экспериментальные и теоретические исследования в области электромагнитных колебаний миллиметрового и субмиллиметрового диапазонов, электроники СВЧ, широкополосных волноводных линий связи, новейших антенн и элементов волноводного тракта с применением ферритов, катодной электроники, физики газового разряда⁴. Создание газовых лазеров в 1960 г. в ИРЭ повлекло переход от молекулярных СВЧ-генераторов к оптическим квантовым генераторам. В дальнейшем это открытие и создание лазеров

¹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 8—9.

² Галеев А. А., Зацепин Г. Т., Панасюк М. И., [др.]. Памяти Бориса Аркадьевича Тверского (1936—1997) // УФН. 1998. Т. 168, № 1. С. 111—112.

³ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁴ НАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—7.

стало одним из ведущих направлений теории и практики СО АН. Полупроводниковая тематика также была заложена в научные направления ИРЭ.

В первые годы существования ИРЭ — годы становления и развития сложилась структура института, сформировались основные направления исследований и экспериментов, окрепла материальная база. Ю. Б. Румер и его ближайшие помощники работали как одна команда, относились друг к другу с доверием и уважением. Проблемы появились в начале 1960-х гг., когда институт значительно расширился, пришли люди, которые отчасти сыграли в его судьбе роль катализаторов разрушения. С появлением заведующих лабораториями Р. В. Гострема (1914—1998)¹ и В. А. Смирнова, рекомендованных М. А. Лаврентьевым², институт начинает лихорадить, возникают конфликты внутри этих лабораторий. Руководство СО АН настороженно отнеслось к бурной деятельности В. А. Смирнова³, который работал по закрытой тематике и получал мощную финансовую поддержку военных. К этому времени и сам Румер понял, что его согласие на директорство явилось ошибочным решением, хотя оно и было обусловлено знакомым уже мотивом «хлебной профессии»: постараться максимально обеспечить свою семью, после нескольких лет лишений обрести, наконец, комфорт и достаток.

Румер пытался найти выход из создавшегося положения. Реорганизация института казалась ему оптимальным решением⁴. Еще при его создании планировалось развивать здесь полупроводниковую тематику. Румер искал для руководства этим направлением подходящую кандидатуру. В сентябре 1961 г. он обращался к председателю СО АН СССР М. А. Лаврентьеву с просьбой создать в институте отдел физики полупроводников как естественное продолжение исследований на стыке квантовой физики и радиоэлектроники⁵. Возглавить его должен был профессор В. А. Преснов из ТГУ. Лаврентьев не одобрил организацию нового отдела под Преснова, а принял решение привлечь д. ф.-м. н. Анатолия Васильевича Ржанова (1920—2000), которого вскоре избрали членом-корреспондентом АН (1962). Ржанов согласился организовать новый институт на базе ИРЭ⁶. Административная карьера Юрия Борисовича оказалась под вопросом.

Румер рассказывал об этих непростых временах: «Под старость лет мне уже стало казаться, что я не должен обижаться на Лаврентьева так, как я на него обижаюсь. Более бестолкового директора Института радиофизики трудно было найти. До чего же я был бестолков, неумел, просто анекдотически! Если Лаврентьев вызывал меня к себе и начинал обсуждать какой-то вопрос, я немедленно просил вызвать своих помощников. Был я директором, ну и что

¹ НАСО. Ф. 15. Д. 30. Л. 118; Д. 57. Л. 21; Д. 58. Л. 24.

² Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900—1980) — советский математик и механик, основатель Сибирского отделения АН СССР и Новосибирского Академгородка, академик АН УССР (1939), академик АН СССР (1946) и вице-президент (1957—1976) АН СССР. Герой Социалистического Труда (1967), лауреат Ленинской премии.

³ НАСО. Ф. 15. Д. 24. Л. 10; Д. 51. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 57. Л. 39; Куперштох Н. А., Крайнева И. А. История Новосибирского Института радиофизики и электроники (1957—1964) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 2. С. 109—113.

⁵ НАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 29. Л. 1—3.

⁶ Бородовский П. А. Из истории ИРЭ СО АН СССР (1958—1962) // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 281—293.

Руководство ИРЭ СО АН СССР. 1961 г.

я сделал? Трех св...ей¹, причем абсолютно бездарных, невежественных принял на работу. Ну, естественно, что Лаврентьев сердился, и было бы странно, если бы он не сердился. Отсюда мораль — не лезь в дело, которое не знаешь. Конечно, это была ошибка, что я согласился стать директором, и лаврентьевская была ошибка — был тут доктор наук², и нечего думать, здешний человек, с некоторым именем, может даже, ну и назначь его директором»³.

После полной реабилитации в июле 1954 г., восстановления академического трудового стажа и научных званий Ю. Б. Румер получил возможность свободного передвижения по стране, пытался наладить связи с зарубежными коллегами — как научные, так и дружеские. Через профессора Шенберга он отправил вести о себе Максу Борну и получил теплый ответ в начале 1955 г.⁴ Борн после изгнания и 17 лет, проведенных в Шотландии, вернулся в Германию и поселился близ Геттингена. В декабре 1957 г. к 75-летию Борна его ученики подготовили альбом, где поздравления сопровождались фотографиями. Румер тоже послал свое фото, и написал: «Дорогой профессор Борн! Я сейчас немного старше, чем были Вы, когда мне посчастливилось стать Вашим учени-

¹ Имеются в виду физики В. А. Смирнов, Н. И. Кабанов и Р. В. Гострем. Смирнов развернул закрытые работы под эгидой ВПК, вызывал недовольство председателя СО АН М. А. Лаврентьева, который не мог их контролировать. Кабанов был склонен к пьянству. Гострем, который в довоенный период долго работал за границей, не мог приноровиться к отечественным условиям, не сумел полноценно развернуть исследовательскую работу. См. Куперштох Н. А. Рунар Викторович Гострем: научная биография и деятельность в Сибири в 1960-е годы. С. 457—465.

² До Румера начальником отдела технической физики ЗСФ АН был д. т. н. Георгий Васильевич Кривошеков (1918—1998). О нем см. Куперштох Н. А., Мягков В. П. Отец квантовой электроники за Уралом: к 90-летию со дня рождения проф. Г. В. Кривошекова // Наука в Сибири. 2008. № 47. 4 дек. С. 9.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 72.

⁴ Шенберг Дэвид (1911—2004) — английский физик-экспериментатор, член Лондонского королевского общества (1953). Родился в Петербурге. Окончил Кембриджский университет (1932). Работал в области физики твердого тела, физики низких температур, сверхпроводимости, магнетизма.

ком. Теперь вокруг меня молодежь, и я каждый день стараюсь быть по отношению к моим сотрудникам доброжелательным и дружелюбным так, как я этому научился у Вас, дорогой профессор Борн»¹.

Румер отправлял Борну свои работы, в том числе их с Ландау брошюру о теории относительности. Она была прочтена и одобрена. Однако на предложение издать в СССР книгу об общественной деятельности Борна, который был одним из инициаторов Пагоушского движения, Румер получил твердый отказ. Более того, состоялась дискуссия, которая показала, насколько реалистично Борн воспринимал глобальную политику, а также внешнюю и внутреннюю политику СССР: «Для меня очень важно, чтобы напряжение и разногласия, порожденные политикой, уменьшались с помощью человеческих связей. Но идея описать мою общественную деятельность в книжке мне не очень приятна, и я попросил бы Вас и Суворова² от нее отказаться. [...] Мне кажется, что политики, как на Западе, так и на Востоке [...], не понимают, о чем идет речь. Иначе они не стали бы с таким непостижимым упрямством преследовать свои политические идеи и цели. Настоящий враг — это не другая идеологическая группировка, а вера в насилие и войну. Мне кажется, что этот враг распределен равномерно на Западе и на Востоке. Вы, наверное, скажете, что это мнение неверно, поскольку Советское правительство вновь и вновь заверяет о своем миролюбии и предлагает разоружение. Но это делают и силы Запада, и это не главное.

Большая опасность исходит от притязаний идеологии на абсолютное превосходство. И эти притязания есть у обеих сторон. [...] Я могу бороться с милитаризмом на Западе, пока я считаю себя “нейтральным”, меня нельзя обвинить в тайной симпатии к коммунистам. Я действительно не поддерживаю Советские требования и утверждения и считаю милитаризм на Востоке таким же опасным, как и на Западе. Такая книжица, как Вы планируете, усложнила бы мне мою задачу здесь. Я думаю, что ситуацию в мире можно улучшить, только если каждый будет критиковать ошибки своего правительства, а не других стран. От одного из участников Пагоушской конференции в Москве я узнал, что и в России есть такие независимые и мужественные люди. Я не называю их имен, чтобы не ослабить их влияние. Так же и я прошу Вас не хвалить меня публично, потому что это может подорвать мое влияние здесь»³.

Румер ответил на это письмо в духе физических аналогий, утверждая, что симметрическая модель (Восток—Запад) неверна и ее надо заменить⁴. Но подобным образом нельзя было смутить твердое убеждение Борна в том, что не существует одного верного мировоззрения. Он отстаивал сосуществование нескольких мировоззрений как постоянного состояния, в котором есть место компромиссам и толерантности. Он был невысокого мнения о борьбе за престижность идеологии и хотел бы жить там, где смог бы «свободно принимать личные решения и нести связанную с этим ответственность». Борн привел неоспоримый аргумент, напомнив Румеру его судьбу: «...если бы я в 1936 г. принял предложение

¹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 14. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Суворов Сергей Георгиевич (1902—1994) — заместитель главного редактора журнала «Успехи физических наук» в 1954—1987 гг.

³ Борн М. — Румеру Ю. Б. 19.05.1961 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 116.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 118.

Капицы возглавить кафедру в Москве¹, я бы стал жертвой сталинских чисток и не смог бы теперь радоваться дружбе моих русских коллег»².

Размышления над страницами этой переписки невольно наводят на мысль, что Румер не совсем искренен, его письмо обусловлено его внешне проявляемой лояльностью. Возможно, он писал Борну по просьбе Суворова, который недавно перевел на русский его работу «On Physical Reality» и опубликовал на нее комментарий³. Узнав о близости Румера к Борну, он не преминул воспользоваться случаем. Румер согласился помочь, не смог отказать. Но в глубине души был согласен с Борном. Еще в лагере Румер выучил венгерский язык, выписывал венгерские газеты, был в курсе событий 1956 г., но был далек от диссидентства и деятельности правозащитников.. Как писала его дочь, «у него работала внутренняя цензура, [...] он никогда не подписывал никаких писем. Ни в поддержку Синявского, Даниэля, ни обличающих А. Д. Сахарова»⁴, и если он опасался, то уже не за себя, а за свою семью. Есть свидетельства пессимистичности настроений Румера в отношении позитивных перемен в СССР, где за краткой оттепелью последовало усиление реакции на инакомыслие.

Один из учеников Юрия Борисовича, Григорий Сурдутович⁵, вспоминал в начале 2000-х: «Вернувшись из Москвы в начале 70-х годов, Ю. Б. рассказал об отклоненном им предложении Сахарова принять участие в издании “Хроники текущих событий”⁶, задуманной в надежде грядущих перемен. Ю.Б. в возможность каких-либо перемен не верил или видел их только в мрачном свете. Пока что ответ истории подобен ответу мудрого раввина: “Вы оба правы”»⁷. Если А. Д. Сахаров (1921—1989) лично сделал Румеру это предложение, то он ввел Юрия Борисовича в курс дела, чем участие в такой инициативе ему может грозить. Об этом опальный академик написал достаточно убедительно в своих воспоминаниях, да и сам Юрий Борисович хорошо представлял возможные последствия⁸.

Было и другое обстоятельство: членство в КПСС, куда он вступил как директор института, что могло удерживать его от каких-либо проявлений инакомыслия⁹. Восстановление степеней и званий Румера были закономерным результатом происходивших в стране перемен. Но перемены были половинчатыми, на полную демократизацию общественной жизни рассчитывать не при-

¹ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. С. 179—181.

² Борн М. — Румеру Ю. Б. 24.08.1961 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 119.

³ Суворов С. Г. Проблема «физической реальности» в копенгагенской школе (к статье Макса Борна) // УФН. 1957. Т. 62, № 2. С. 141—158.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 462.

⁵ Сурдутович Григорий Иосифович (1937—2007) — доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник в лаборатории Ю. Б. Румера и его ассистент по курсам статистической физики и термодинамики в НГУ в 1962—1969 г., затем в Институте физики полупроводников, с 1997 — University Federal do Parana, Brazil. Основные работы — в области квантовой теории лазеров, бистабильных систем и управления движением атомов силами светового давления.

⁶ «Хроника текущих событий» — первый в СССР неподцензурный правозащитный информационный бюллетень. Распространялся через самиздат. Первый бюллетень был выпущен 30 апреля 1968 г. Выпускался в течение 15 лет, с 1968 по 1983 г.; за это время вышло 63 выпуска «Хроники». Редакторы подвергались репрессиям. В 2015 г. издание возобновлено. Последнее обновление сайта было в 2017 г.

⁷ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 530.

⁸ Сахаров А. Д. Воспоминания 1971—1989: Жизнь продолжается. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.

⁹ ГАНУ. Ф. П-269. Оп. 4. Д. 1286; Ф. П-269. Оп. 5. Д. 1376; Ф. П-4. Оп. 56. Д. 21221.

ходило, правозащитное движение в эти годы жестоко преследовалось. Психологическая травма, пережитая Юрием Борисовичем из-за уголовного преследования, глубоко укоренилась и не позволяла открыто высказывать свои мысли, породила внутреннее сопротивление и внешнюю лояльность. Человек общительный и открытый, Румер, опасаясь провокаций, вынужден был постоянно прислушиваться к внутреннему цензору. Попытки привлечь Борна на сторону советской идеологии, в чем также выразился конформизм Юрия Борисовича по отношению к власти, не увенчались успехом: Борн остро чувствовал напряжение социальных полей двух политических систем.

1964—1985 — профессорские будни, «пластинки», национальный вопрос.

После реорганизации ИРЭ в Институт физики полупроводников Ю. Б. Румер еще некоторое время работал здесь заведующим отделом теоретической физики. В 1966 г. он перешел в Институт математики, где по своему статусу мог рассчитывать на заведование отделом. Академическая свобода ИМ СО АН казалась вполне комфортной, но антисемитские настроения в среде математиков, которые препятствовали его выдвижению на пост заведующего отделом, вынудили его перейти в Институт ядерной физики (1968)¹. Здесь у него была пара сотрудников и аспирантов. Он сосредоточился на преподавании на кафедре теоретической физики НГУ (до 1978 г.), читал лекции в обществе «Знание», появлялся в кафе-клубе «Под интегралом», где собравшиеся могли послушать его геттингенские рассказы².

Румер получил возможность свободного передвижения по стране, однако за рубеж его так и не выпустили. Его приглашали Макс Борн³, Карл Сцилард⁴, венгр, с которым Румер подружился в заключении. Сцилард писал: «Юра, ты наверняка вспомнишь, что я попросил руководство нашей Академии наук пригласить тебя в Венгрию. Приглашение было выслано, однако, тогда мы получили ответ от твоего начальника отдела кадров, который сообщил, что “профессор Румер в настоящее время сильно занят и по этой причине, к сожалению, не может удовлетворить Вашу просьбу”. Теперь я попросил наше Математическое общество “Bolyai Janos Matematikai Tarsulat” пригласить тебя, чтобы читать одну или две лекции по любой теме из математической физики. Попробуем, м. б. на сей раз удастся»⁵. Руководство СО АН с подачи соответствующих структур так и не разрешило Румеру заграничные поездки.

В начале 1960-х гг. формируется блок воспоминаний Румера, так называемые «пластинки», которые представляют собой транскрибированные записи его рассказов преимущественно о годах, проведенных в Геттингене и, частично, в Москве до и после Германии. Они сохранились в нескольких выполненных в разное время разными людьми транскрипциях, где полунамеки соседствуют с подробным изложением некоторых событий⁶. Самая ранняя,

¹ Об этом автору поведал Валерий Георгиевич Сербо, д. ф.-м. н., профессор ФФ НГУ.

² Кафе-клуб «Под интегралом» — дискуссионный клуб в Новосибирском Академгородке (президент д. ф.-м. н. А. И. Бурштейн), организованный в начале 1960-х гг. Закрыт в 1968 г. после фестиваля бардов, на котором выступил А. Галич.

³ Борн М. — Румеру Ю. Б. 21.04.1961 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 114.

⁴ Сцилард Карл Степанович (1901—1980) — математик. В 1930-е гг. эмигрировал в СССР, в 1937 репрессирован, работал в Туполевской «шарашке» вместе с Ю. Б. Румером. Впоследствии вернулся в Венгрию, руководил отделом в Математическом институте Венгерской АН.

⁵ Сцилард К. — Румеру Ю. Б. 04.02.1971 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 327.

⁶ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 21—75.

На защите докторской диссертации Роальда Зиннуровича Сагдеева: Г. И. Будкер, Ю. Б. Румер, И. Е. Тамм, А. А. Ляпунов, И. Н. Векуа¹, Я. Б. Зельдович, Д. В. Ширков. ИЯФ СО АН СССР, Новосибирск, 1963 г.

сделанная в Новосибирске физиком, популяризатором науки Анной Ливановой (1917—2001) и датированная 1962 г. запись предоставлена нам сотрудницей ФИАНа В. М. Березанской. В свете известного ныне о судьбе ученого, представляется, какой огромный пласт историй остался за пределами этих записей! Некоторые истории (персидская эпопея) были озвучены лишь в 1980-е. Упорно обходились молчанием годы заточения. Рассказы же о людях, с которыми Юрий Борисович встречался в Германии, в Москве, Ленинграде; о научной среде, быте, досуге Геттингена, трагическом финале этого погибшего в годы фашизма европейского научного центра, встречах с А. Эйнштейном, работе с М. Борном, знакомстве с Л. Д. Ландау — являются редким историческим свидетельством. Продолжением устных рассказов являются его статьи о Ландау, Борне и Эйнштейне². Румер был частым гостем кафе-клуба «Под интегралом», где его рассказы слушала молодежь.

Националистические настроения ученых Академгородка не подвергались серьезному изучению. Они были лишь частично затронуты нами в работе об академике А. П. Ершове в бытность его на кафедре вычислительной математики НГУ³. Касается данного сюжета Д. И. Муренко в своей диссертации⁴. В воспоминаниях некоторых ученых, работавших в Городке, также можно найти отрывочные сведения об антисемитизме в их среде⁵. По воспоминаниям Татьяны

¹ Векуа Илья Несторович (1907—1977) — советский ученый-математик и механик, Академик АН Грузинской ССР (1946) и АН СССР (1958), президент АН Грузинской ССР (1972—1977). Герой Социалистического Труда (1969) Первый ректор Новосибирского государственного университета (1959—1965).

² Румер Ю. Б. Макс Борн (К восьмидесятилетию со дня рождения) // УФН. 1962. Т. 78, № 4. С. 695—699; Он же. Странички воспоминаний о Л. Д. Ландау // Наука и жизнь. 1974. № 6. С. 99—101; Он же. Неизвестные фотографии А. Эйнштейна // Природа. 1977. № 9. С. 108—111.

³ Крайнева И. А., Черемных Н. А. Путь программиста / Отв. ред. А. Г. Марчук. Новосибирск: Nonпарель, 2011. С. 157.

⁴ Муренко Д. И. Социальная активность научной молодежи Новосибирского Академгородка в 1957—1970 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Новосибирск, 2022. С. 90—104.

⁵ Титлянова А. А. Рассыпанные страницы. Ч.2. <http://modernproblems.org.ru/memo/211-titlanova2.html>; Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 254 с.

В клубе «Под интегралом». 1965 г.

Михайловой, дочери Румера, в начале 1960-х годов для Академгородка эта тематика была неактуальной, она актуализировалась после шестидневной войны 1967 г.,¹ когда были разорваны дипломатические отношения с Израилем. После этих событий выезд евреев в Израиль был прекращен и возобновлен лишь через два года. По данным исследователей, в 1970—1988 гг. Советский Союз покинули примерно 291 тысяча евреев и членов их семей, и большинство из них — 165 тысяч (57 %) — направились в Израиль².

Юрий Борисович сочувствовал созданию государства Израиль. По семейному преданию, когда он прибыл в енисейскую ссылку, первым делом нашел местного еврея, чтобы спросить, существует ли еще государство Израиль? Ответ был: «Вчера существовало, а сегодня день еще не кончился...»³. Однако он должен был скрывать свои истинные чувства: когда в 1967 г. во время шестидневной войны соавтор и друг Юрия Борисовича Моисей Соломонович Рывкин (1919—1979) «влетел» в квартиру Румеров с криком: «Наши танки прошли Синай!!!», Юрий Борисович спешно втолкнул его в свой кабинет, и плотно закрыл дверь. «Как “наши” танки могли так заблудиться?» — подумала Таня⁴.

¹ Шестидневная война (5—10 июня 1967) — война на Ближнем Востоке между Израилем с одной стороны и арабской военной коалицией (Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Алжир) — с другой. 10 июня Болгария, Венгрия, Польша, СССР, Чехословакия, Югославия разорвали дипломатические отношения с Израилем. Россия восстановила дипломатические отношения с Израилем в полном объеме в 1991 г.

² Пархомовский М., Харув Д. Сколько евреев эмигрировало из России и когда? [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.], 2016. URL: <http://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer1/Parhomovsky1.php> (дата обращения: 30.06.2016); Тольц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.], 2016. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php> (дата обращения: 30.06.2016).

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 464—465.

⁴ Там же. С. 465.

Юрий Борисович тяжело переживал новый всплеск антисемитизма, которым характеризуется начало 1970-х годов, категорически запретил своим детям менять фамилию. Они — Михайловы по матери.

Юрия Борисовича не стало 1 февраля 1985 г. Ольга Кузьминична, его вторая жена, была моложе на 20 лет, она его пережила на 26 лет. Сын Румера — Михаил, кандидат геолого-минералогических наук, живет со своей семьей в Москве. Дочь Татьяна — кандидат физико-математических наук, работала в Новосибирском государственном университете, читала лекции по математике на физфаке, занимается популяризацией математических знаний, репетиторством.

Реконструкция биографии Ю. Б. Румера (1901—1985) показала, что она укладывается в два больших цикла — до и после его ареста в апреле 1938 г. Обстоятельство ареста и уголовного обвинения повлекло слом привычного бытия, насильственное отторжение идентичности ученого, физика-теоретика. Смена напряжения социального поля деформировала научный мир Румера, поле науки сузилось до рамок КБ, но и здесь он не терял надежды сохранить свою пассионарность ученого. История Румера свидетельствует, что его жизнь, жизнь человека, весьма далекого от политики, оказалась под воздействием именно политико-идеологической составляющей, которая, по метафоре Г. Е. Горелика, определяет влияние социально-гравитационного поля власти на поле науки в СССР — экстернального фактора воздействия в общенаучной терминологии. Оно оказало влияние на его перемещения, его научную карьеру, его семейные обстоятельства и поведенческие стратегии.

Румеру, ученому мирового уровня, была навязана и закреплена приговором идентичность «врага народа», «шпиона», арестанта. Затем она сменилась новообразованным ярлыком «безродного космополита», по этой причине ставшего безработным. Ретроспективный анализ ситуации приводит к закономерному вопросу: являются ли эти «идентичности», которые были навязаны личности, составной частью ее исторической идентичности? Ответ — да. Можно ли их отменить чистой записью в трудовой книжке, реабилитацией? Ответ — нет. Смена коннотации его исторической идентичности с положительной на отрицательную и обратно не привела к разрыву его экзистенциального «я». Тем не менее, психологическая травма, полученная под воздействием обстоятельств ареста, заключения, ссылки, оказала заметное влияние на характер и поведение Румера. Она трансформировала его личность в сторону скрытности и двоемыслия. Он охотно рассказывал о Геттингене, но практически ничего — о своей работе или бытности в КБ. Он был лоялен власти, вступил в КПСС, но, зная языки, читал иностранные газеты, чтобы узнать о положении в мире, которое скрывали передовицы советских газет. Призывая свою дочь «читать хорошие стихи», чтобы разобраться в жизненных коллизиях, он предостерегал своих молодых друзей от свободного выражения мыслей, опасаясь за их будущее¹. Персональную историю Румера отличает и то, что с изменением исторической идентичности личности, тем не менее, не произошло разрыва ее пространственно-телесной сущности. Факты биографии соотнесены с персоной, а она пережила эти трансформации.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 396.

Глава 2. Дела научные

Данный раздел посвящен анализу научного наследия Ю. Б. Румера, физика-теоретика, и выполнен он на основе научных трудов ученого, отзывов о них, их оценки с точки зрения исторической и современной актуальности. При поддержке библиографа ГПНТБ СО РАН К. И. Елкиной был составлен библиографический указатель трудов Ю. Б. Румера¹, который включает 225 наименований, и указатель трудов и воспоминаний о нем — 33 наименования. На сегодня хронологические рамки публикаций Румера — 1929—2016 гг., поскольку некоторые работы были переведены относительно недавно и выложены в Сети.

Труды являются источником для понимания научной деятельности ученого, определения ее тематики и содержания, соответствия научным направлениям эпохи — динамической части научного наследия, в пределах которого в поле науки осуществляется его исследовательская рефлексия, формируются программа, метод, оппонентский круг. Научное наследие Ю. Б. Румера выходит за рамки теоретической физики, и некий универсальный научный инструмент прилагался им к другим областям исследований, в частности к систематизации генетического кода. Тем самым им реализован принцип междисциплинарности. Для Ю. Б. Румера таким инструментом стала унитарная симметрия² как средство проникновения «в самое сердце проблемы» мироздания³. На протяжении своей научной карьеры, как показано в предыдущем разделе — даже в «шарашке», Юрий Борисович совмещал научную и преподавательскую работу.

Научную деятельность Ю. Б. Румера представляется возможным систематизировать в четырех тематико-хронологических периодах:

1. 1928—1932 гг. — квантовая химия и теория элементарных частиц;
2. 1932—кон. 1938 гг. — эйнштейнианство московского периода; создание учебной литературы по физике;
3. 1938—1957 гг. — инженерные расчеты в моторостроительных и самолетостроительных конструкторских бюро («шарашках») и пятиоптика;
4. 1958—1985 гг. — «научный коллаж»: теоретическая физика, теория унитарной симметрии, молекулярная биология, периодизация химических элементов, история науки.

1928—1932 гг. Становление Румера-ученого проходило в сложных социально-политических условиях. Ранее он получил первоклассное образование: Московское частное реальное училище Общества преподавателей окончил практически на «отлично»⁴. Его братья, что были старше на 17 и 18 лет, прекрасно знали литературу, философию, математику, языки, это создавало особый микроклимат в семье. Период обучения на физико-математическом факультете Московского

¹ Библиография трудов Ю. Б. Румера. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Новосибирск], 2014. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/rumer/biblio/page1.ssi/> (дата обращения: 19.03.2014).

² Ачасов Н. Н., Румер Ю. Б., Черняк В. Л., Ширков Д. В. Формальная динамическая модель унитарной симметрии // Доклады Академии наук СССР. 1965. Т. 162, № 1. С. 43—45; Румер Ю. Б., Фет А. И. Лекции по теории унитарной симметрии. SU (3)-теория для студентов НГУ. Новосибирск, 1966. 255 с.; Румер Ю. Б., Фет А. И. Теория унитарной симметрии. М., 1970. 400 с.

³ Конопельченко Б. Г. Кодоны, адроны и редкие земли. О некоторых «нефизических работах» Ю. Б. Румера // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 443.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 15—16.

университета был сложен, поскольку совпал с годами революции и Гражданской войны: Юрий поступил в университет в 1918 г., был призван в армию, окончил университет в 1924. В этот период математикам было сложно найти работу по специальности, он постоянно находился в поисках работы и часто ее менял. Но все его аффилиации не были связаны с научной деятельностью.

Румер завершил обучение в Высшей политехнической школе в Ольденбурге (статика сооружений и железобетон), где оказался в 1927 г. По свидетельству Макса Борна, «у него ... есть практическое образование — техникум в Ольденбурге, где он сдал выпускной экзамен»¹. Но «хлебная» профессия инженера не привлекла Румера, другая реальность повлияла на его решение ехать к Борну в Геттинген. Насколько оно, это решение, было неожиданным? Вернер Гейзенберг², вспоминая о началах квантовой механики, писал: «Сравнивая три центра, в которых впоследствии преимущественно развивалась теоретическая физика, — Копенгаген, Мюнхен и Геттинген, — мы можем связать их с тремя направлениями в ее работе, которые еще и сегодня могут быть отчетливо разграничены между собой: феноменологическое направление стремится привести в осмысленную связь новые данные наблюдений, представить их взаимосвязь в математических формулах, которые казались бы приемлемыми в свете общепринятой физики, математическое направление трудится над описанием природных процессов посредством тщательно проработанного математического формализма, по возможности отвечающего требованиям чистой математики с ее строгостью; третье направление, которое можно назвать концептуальным, или философским, заботится, прежде всего, о прояснении понятий, позволяющих, в конечном счете, описывать природные процессы»³. Исходя из этой классификации, Гейзенберг относил школу Арнольда Зоммерфельда⁴ в Мюнхене к феноменологическому типу, Геттинген (Макс Борн) — к математическому, а Копенгаген (Нильс Бор) — к философскому, признавая расплывчатость границ. Важно заметить, что Гейзенберг говорит о «школах» и «центрах», что, как увидим далее, значимо для понимания институциональных форм организации науки в Европе накануне Второй мировой войны, а кроме того показывает, что феномен научных школ — не только наша отечественная реалья.

В письме к Эйнштейну от 12 августа 1929 г., рекомендуя работу Румера, Борн писал: «Этот человек, по имени Румер, уехал из России, поскольку с относительщиками там плохо обходятся (серьезно!). Считается, что теория относительности противоречит официальной материалистической философии,

¹ Эйнштейновский сборник: 1972. М., 1974. С. 15—17.

² Гейзенберг Вернер Карл (1901—1976) — немецкий физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1932). Им заложены основы матричной механики, сформулирован принцип неопределенности, применен формализм квантовой механики к проблемам ферромагнетизма. Участвовал в развитии квантовой электродинамики, квантовой теории поля, предпринимал попытки создания единой теории поля. Во время Второй мировой войны был ведущим теоретиком немецкого ядерного проекта. Сыграл большую роль в организации научных исследований в послевоенной Германии.

³ Гейзенберг В. Первые шаги квантовой механики в Геттингене [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б.м.], 2015. URL: http://old.pskgu.ru/ebooks/wheisenberg/wheisenberg_05.pdf (дата обращения: 26.05.2015).

⁴ Зоммерфельд Арнольд Иоганн Вильгельм (1868—1951) — немецкий физик-теоретик и математик.

и ее приверженцы подвергаются гонениям. Иоффе¹ мне об этом еще раньше рассказывал»². Из этого письма, возможно, следует, что стремление Румера выбраться в Германию и приехать в Геттинген объяснялось не только желанием получить «хлебную» профессию, но и его интересом к новой физике. Если учесть, что в конце 1920-х годов получить разрешение на выезд за границу по собственному желанию было уже затруднительно, Румер мог прибегнуть к приемлемому объяснению — для обучения строительному делу — и заручиться поддержкой на эту поездку! Он был знаком с идеями Эйнштейна, поскольку Исидор делал переводы книг об Эйнштейне и его теории³.

Итак, в Геттингене в этот период разрабатывались математические формализмы квантовой механики. Здесь Румер мог к физическим процессам применить свои знания теории дифференциальных уравнений. Квантовая механика, как показывают исследования В. П. Визгина, стала «квинтэссенцией теоретической физики XIX—XX веков»⁴. Кроме того, в Геттингене им проводились и другие исследования, в области многоэлектронных систем и периодической системы элементов. Его математическое образование нашло, наконец, свое применение: в приложениях к теоретической физике и химии. Ему было уже 28 лет, представления о границах научной карьеры говорили, что начинать ее поздно, но атмосфера города и университета давали почувствовать значимость происходящего, а в центре событий находится Макс Борн — ученый и педагог — который поддержал Румера, приехавшего не с пустыми руками. Это была работа о некотором обобщении общей теории относительности, где Румер пытался придать динамический смысл известным в дифференциальной геометрии уравнениям Гаусса—Кодацци⁵. Борн оценил фундаментальную математическую подготовку начинающего ученого и, по существу, принял его в круг создателей квантовой механики, благодаря чему тот оказался в эпицентре формирования поля новой физики.

В этот период закладывалась и новая парадигма науки, не только содержательная, обусловленная открытием А. Эйнштейна, но и институциональная. Время гениальных одиночек уходило в историю, наступало время больших научных коллективов, научных школ. Эту особенность организации науки отмечал позднее и Ю. Б. Румер. Он понял, что Макс Борн был тем человеком, «который, очевидно, нутром или исторически понял, что физика переходит в новую фазу. Раньше физика создавалась в маленьких лабораториях малень-

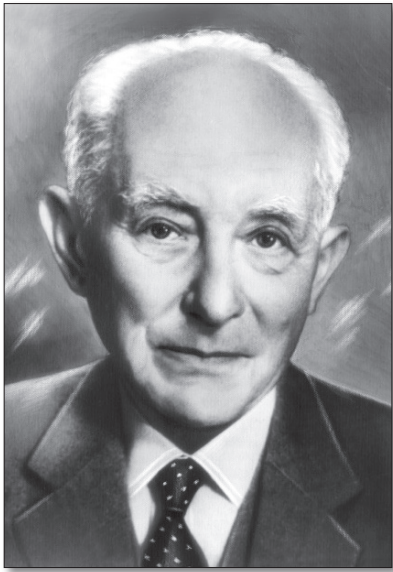
¹ Иоффе Абрам Федорович (1880—1960) — «отец советской физики», академик (1920), вице-президент АН СССР (1942—1945). Директор Ленинградского физико-технического института (1921—1950). Основатель физической школы, инициатор Атомного проекта СССР.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 76.

³ Леман И. Теория относительности: Популярное изложение без математических формул. Пер. с евр. И. Румера. М.: Работник просвещения, 1922. 48 с.; Мошковский А. Альберт Эйнштейн: Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира; пер. с нем. И. Румера. М.: Работник просвещения, 1922. 210 с. Именно этот перевод цитирует в своей биографии Эйнштейна «Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие», которая выдержала несколько изданий, историк Б. Г. Кузнецов.

⁴ Визгин В. П. Отечественные физики и математики (1940—1970-е гг.): междисциплинарное взаимодействие // К исследованию феномена советской физики 1950-х-1960-х гг. Социокультурные и междисциплинарные аспекты / Сост. и ред. В. П. Визгин, А. В. Кессених, К. А. Томилин. СПб.: РХГА, 2014. С. 317.

⁵ Rumer G. Form und substanz // Zeitschrift für Physik. 1929. Bd. 58, N 4. S. 273—279.

М. Борн. 1930-е гг.

ким количеством людей. Если посмотреть, сколько было создателей теоретической физики в прошлом столетии, то это — Максвелл¹, Лоренц, Кирхгоф², еще несколько, ну, скажем, пять человек. Они и создали теоретическую физику девятнадцатого столетия. А здесь пошло такое бурное развитие, что ее один, два, три, десять человек уже не могли продвигать. Здесь шла речь о сотне, о двухстах, о пятистах человеках, и нужно было этих людей создавать»³. Одним из таких «создателей физиков» и стал Макс Борн, который собирал вокруг себя талантливую молодежь, поддерживал условия академической свободы, когда обучая друг друга и всех, кто желал обучаться, рождалось новое поколение ученых. Это был интернациональный круг увлеченных наукой людей,

в краткий период накануне Второй мировой войны определивший пути дальнейшего развития физики.

Академическая свобода, сопровождавшая научный процесс, способствовала полету мысли, работа по настроению приводила к поразительным с точки зрения наблюдателя результатам: «кто умеет рывками работать — пускай рывками работает, кто хочет зубрить — пускай зубрит, кто хочет с девочками гулять на Айнберге — пускай с девочками гуляет. И сколько раз были такие рассказы. Кто-нибудь страшно влюбляется в девушку и договаривается с ней пойти куда-нибудь. Потом видно, как через 5 часов они возвращаются в смущении, она — вся в слезах. Спрашивают — почему? Выясняется, что у него в это время явилась идея, и после этого девушка, кроме “эээ, эээ, эээ” уже не могла ничего от него услышать. На следующий день он приходил и говорил: “Я тут вчера прошелся по Айнбергу, и знаете, что я придумал? Вот то-то и то-то”. И это то, что теперь во всех учебниках стоит»⁴.

Есть и еще одно обстоятельство. Академическая свобода не означала отсутствия серьезного отношения к науке. Более того, оно подогревалось амбициями молодых ученых, потребностью в признании, что также могло служить движущим мотивом для Румера проявить себя. Оказавшись в Геттингене в гуще ученых, многие из которых вскоре прославят себя в науке, он, видимо, остро почувствовал необходимость соответствия, стремился приобрести тот

¹ Максвелл Джеймс Кларк (1831—1879), выдающийся британский (шотландский) физик, математик и механик, популяризатор науки, конструктор физических приборов. Член Лондонского королевского общества (1861).

² Кирхгоф Роберт Густав (1824—1887), немецкий физик, специалист в области математической физики. Член Берлинской академии наук (1875), иностранный член Лондонского королевского общества (1875), член-корреспондент Петербургской академии наук (1862), Парижской академии наук (1870).

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 29.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 30.

капитал, который легитимировал бы его принадлежность соответствующему кругу. Вспоминая о геттингенских днях и людях, с которыми приходилось общаться, Румер сравнивал потенциалы молодых физиков из своего окружения: «Русский физик Гамов¹...отличался диким математическим невежеством. Но он все чувствовал на пальцах...Бор² его открыл»³. Здесь же об Энрике Ферми⁴: «...приехал один из физиков первого класса. Во всяком случае, лучше Ландау — Ферми. Он был моих лет». «Янчик фон Нейман⁵...обладал тем, что мы называли сверхпроводимостью»⁶. О себе Румер думал, что «...сделал большое открытие, которое еще не признали, но потом признают. У меня никакой робости не было перед сильными мира сего»⁷. «Я не оценил грандиозности Паули⁸, я считал его примерно на своем уровне, что Паули, что Румер...»⁹. Сравнивая И. Е. Тамма, Я. И. Френкеля¹⁰ и Л. Д. Ландау, Румер писал, что Ландау был сильнее Тамма «бог знает на сколько», а по поводу покровительственного отношения Френкеля к Ландау говорил: «Видишь, что человек умнее тебя, так не лезь». Льва Ландау он считал одним из самых блестящих умов [XX — И. К.] века. Но в те, 30-е годы они были на равных: «Жизнь раздала оценки потом... И потом я вчера был у Эйнштейна, а он не был»¹¹.

¹ Гамов Георгий Антонович, известен и как Джордж Гамов (1904—1968) — физик-теоретик, астрофизик и популяризатор науки. В 1933 г. после неудавшейся попытки создания Института теоретической физики покинул СССР, став невозвращенцем. В 1940 г. получил гражданство США. Член-корреспондент АН СССР (с 1932 по 1938 г., восстановлен посмертно в 1990 г.). Член Национальной академии наук США (1953).

² Бор Нильс (1885—1962) — датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922). Участник Манхэттенского проекта по разработке атомной бомбы.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 31.

⁴ Ферми Энрико (1901—1954) — выдающийся итальянский физик, внесший большой вклад в развитие современной теоретической и экспериментальной физики, один из основоположников квантовой физики. Член Национальной академии деи Линчеи (1935), иностранный член-корреспондент АН СССР (1929).

Непроясненным остается вопрос сравнения публикаций о нейтринно. И у Румера (Волновая теория нейтринно // Докл. АН СССР. 1934. Т. 4, № 1—2. С. 21—24), и у Ферми (Fermi E. Versuch einer Theorie der β -Strahlen. I // Zeitschrift für Physik. 1934. V. 88, N 3. S. 161—177) статьи вышли в один год. На это обстоятельство обратил внимание М. А. Марков. Он звонил Румеру в Новосибирск, видимо незадолго до его кончины, но тот уже не мог общаться. Марков хотел выяснить, знал ли Румер о работах Ферми. Тот Румера не цитировал. См. Марков М. А. Размышляя о физиках..., о физике..., о мире... М.: Наука. 1993. С. 12—13.

⁵ Нейман Джон, фон (1903—1957) — венгеро-американский математик. Исследования в области квантовой физики, квантовой логики, функционального анализа, теории множеств, информатики, экономики и др. отраслей науки. Создатель архитектуры большинства современных компьютеров (так называемая архитектура фон Неймана), разработал применение теории операторов к квантовой механике (алгебра фон Неймана). Участник Манхэттенского проекта, создатель теории игр и концепции клеточных автоматов.

⁶ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 33.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Паули Вольфганг Эрнст (1900—1958) — швейцарский физик-теоретик, работавший в области физики элементарных частиц и квантовой механики. Учился в Мюнхенском университете у Арнольда Зоммерфельда. С именем Паули связано такое фундаментальное понятие квантовой механики, как спин элементарной частицы. Им предсказано нейтринно. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1945 год.

⁹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 57.

¹⁰ Френкель Яков Ильич (1894—1952) — физик-теоретик, чл.- корр. АН СССР (1929), сотрудник Ленинградского физико-технического института (1921—1952). Автор первого курса теоретической физики в СССР, по которому обучались студенты СССР и зарубежья.

¹¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 392.

Лев Ландау и сестры Евгения и Нина Каннегисер.
1931 г.

Это было соперничество, которое нивелировалось уважением, изящно перчилося тонкой иронией, базировалось на признании научных открытий, укорачивало дистанцию в возрасте. Это была атмосфера Геттингена, как она запомнилась Румеру. Научная среда этого места разительно отличалась в представлении Румера 1960-х годов от прочего окружения, в которое он попал позже: она отличалась от нравов университетской среды 1930-х гг. в Москве, не была похожа на положение науки относительно власти в СССР. Последствий событий середины 1930-х годов Румер уже не застал в Германии. Но именно в Геттингене формируется та широта научных интересов Ю. Б. Румера, которая разовьется в последующем: теория относительности, волновая механика, теория электрона Дирака, квантовая химия, теория сверхпроводимости, оптика и теория света.

В одной своей поздней работе Ю. Б. Румер отмечал: «История развития квантовой механики показывает, что быстрое развитие науки происходит только там, где имеются сложившиеся научные школы во главе с общепризнанными руководителями, обладающими большим педагогическим талантом. Квантовая механика росла и развивалась в школах Бора и Борна. По сравнению с окружающими их молодыми людьми Бор и Борн были учеными старшего поколения.

[...]. Они одинаково хорошо умели дружить со своими учениками, помогать им в трудных первых шагах и поддерживать в минуты упадка сил и веры в себя»¹. Таким образом, Румер рассматривает научную школу не только как профессиональный институт с когнитивными задачами. Он подчеркивает важность межличностных коммуникаций внутри научной школы, что может сыграть решающую роль в судьбе молодых ученых. Румер, кроме того, обращает наше внимание на возрастную иерархию внутри школы, ставит категорию жизненного опыта в равное положение с научным.

В числе сотрудников Борна в Институте теоретической физики были Вернер Гейзенберг, Вольфганг Паули, Пол Дирак², Энрико Ферми, Эдвард Теллер³, Роберт Оппенгеймер⁴, Вальтер Гайтлер, Лотар Нордгейм... Через некоторое время после знакомства с Румером М. Борн рекомендовал его А. Эйнштейну: «...здесь всплыл молодой русский с многомерной теорией относительности... Копию этой работы я посылаю тебе, и убедительно прошу прочесть и оценить ее. Молодого человека зовут Румером... Он знает всю литературу по математике, начиная с Римановой геометрии до самых последних публикаций, и мог бы быть идеальным ассистентом для тебя. У него приятная внешность, и он производит впечатление весьма образованного человека»⁵. Они вскоре встретились. После первой встречи с Румером Эйнштейн писал Борну: «Господин Румер мне очень понравился. Его идея привлечения многомерных множеств оригинальна и формально хорошо осуществлена»⁶. Он был готов взять Румера в качестве «рук для вычислений», в которых так нуждался. Но это сотрудничество не состоялось. В свой следующий приезд к Эйнштейну Румер был уже полным адептом квантовой веры и не скрывал своего скептицизма относительно создания единой теории поля, которой полностью был поглощен величайший из физиков: «Приверженцы квантовой механики поражаются, как Эйнштейн не мог увлечься новыми открытиями и продолжал искать выход, исходя из идей своей молодости. Это объясняется, во-первых, огромной удачей с тяготением, он начал строить ее (теорию) в 1916 году⁷ еще сравнительно молодым человеком, и все пошло как по маслу. Методы, которые он применял, ... это понятие тензора, инвариантность преобразо-

¹ Румер Ю. Б. Квантовая механика — 50 лет: доклад. Новосибирск, 1976. Препринт АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т ядерной физики, № 76—77. С. 26.

² Дирак Поль Адриен Морис (1902—1984), английский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике 1933 года (совместно с Эрвином Шредингером). Член Лондонского королевского общества (1930), а также ряда академий наук мира, в том числе иностранный член Академии наук СССР (1931), Национальной академии наук США (1949) и Папской академии наук (1961).

³ Теллер Эдвард (1908—2003), американский физик, венгерский еврей по происхождению, непосредственный руководитель работ по созданию американской водородной бомбы. До 1935 г. работал в Лейпциге, Геттингене, Копенгагене, Лондоне. В 1934 г. получил Рокфеллеровскую стипендию, работал у Н. Бора в Дании.

⁴ Оппенгеймер Джулиус Роберт (1904—1967), американский физик-теоретик. Его университеты — Гарвардский, Кембриджский, Геттингенский. Ученик М. Борна. Известен как научный руководитель Манхэттенского проекта.

⁵ Albert Einstein — Hedwig und Max Born. Briefwechsel: 1916—1955, Munich, 1969. S. 107. Перевод И. С. Михайловой.

⁶ Эйнштейновский сборник, 1972. М.: Наука, 1974. С. 15.

⁷ На самом деле, математическое оформление идей общей теории относительности заняло у Эйнштейна несколько лет, с 1907 по 1915. В 1905 г. ему было 28 лет.

ваний и т. д. Он не мог себе представить, что электромагнитное поле не войдет в эту схему. Поэтому он считал своей главной задачей создание единой теории поля (тяготения и электромагнитного полей, столь близких и похожих друг на друга)»¹.

Кроме того, представляется, что по складу своего характера общительному, подвижному Румеру было не близко затворничество у Эйнштейна, он предпочел остаться с Борном. К этому времени относятся его работы по квантовой химии в соавторстве с Эдвардом Теллером и Германом Вейлем². В этих работах о спектре и волновой функции бензола было обнаружено, что при описании молекул со сложными связями устоявшиеся представления о валентности не работают. Они предложили метод нахождения правильного исходного базиса валентных состояний сложных молекул, получивший позднее название метода спиновой валентности. Этим методом был рассчитан спектр молекулы бензола и других кольцевых молекул. Один из биографов Румера писал: «Те же идеи в несколько упрощенной форме развил Лайнус Полинг³ в своей знаменитой теории резонансов, которую нещадно громили как лженауку в 50-е годы ревнители марксистского ортодоксального материализма и реабилитировали после смерти Сталина, когда она удостоилась Нобелевской премии по химии (1954)»⁴.

1932 — кон. 1938 гг. Проведя в Геттингене три года, Румер обрел свой научный капитал: полтора десятка работ опубликовано им в немецких физических журналах за это время⁵, что сыграло роль в получении им места сотрудника НИИ физики Московского университета, а также позволило получить докторскую степень и профессорское звание в 1934 г. По возвращении в Москву Ю. Б. Румер включился в научную и преподавательскую деятельность. Он читал лекции на физическом факультете МГУ: квантовая механика, электронная теория, теоретическая механика и др.⁶. Помимо НИИ физики МГУ, служил в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР, с конца 1937 г. заведовал кафедрой теоретической физики в Институте кожевенной промышленности им. Л. М. Кагановича. Московский период 1932—1938 гг. отмечен не только активной преподавательской деятельностью и созданием учебных пособий для вузов, подобно «Введению в волновую механику» — пособия для изучающих квантовую механику (1935)⁷. Румером была написана первая в СССР монография по спинорному анализу (1936). Изложенный в книге математический аппарат спинорного анализа был приложен как к волновому уравнению Ди-

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 37.

² Вейль Герман Клаус Гуто (1885—1955) — преемник Д. Гильберта (нем. D. Hilbert, 1862—1943) в Геттингене, был одним из последних крупных математиков, которые также занимались теоретической физикой и астрономией и внесли в них важный вклад. Когда Гитлер пришел к власти, Вейль уехал в Принстон, в Институт перспективных исследований, где работал также и А. Эйнштейн.

³ Полинг Лайнус Карл (1901—1994) — американский химик, ученый-энциклопедист. Один из основателей молекулярной биологии. Лауреат Нобелевской премии по химии 1954 г. и премии мира 1962. Лауреат Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами 1970 г.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 434.

⁵ Там же. С. 90—91.

⁶ Архив МГУ. Ф. 46. Оп.1-л. Д. 217а. Л. 11.

⁷ Румер Ю. Б. Введение в волновую механику. Ч. 1. М.; Л.: Онти, Гл. ред. общетехн. лит. и номографии, 1935. 148 с.

рака, так и к квантовой теории химической валентности¹. Концепция Румера базировалась на позиции, выработанной под влиянием П. Эренфеста, который предложил рассматривать спинорный анализ как первичный аппарат, включающий в себя аппарат тензорного анализа², т. е. обобщал представления классической физики в квантовой теории. Эта книга имела большое значение, поскольку в ней дано было «обстоятельное изложение спинорного исчисления, совершенно нового для того времени математического аппарата, необходимого для описания физики микромира»³. Румер редактировал ряд зарубежных переводов, писал рецензии на переводные книги для «Успехов физических наук», в 1934 г. выступал с докладом на юбилейном Менделеевском съезде⁴. В статье о развитии физики в России, подготовленной к 20-летию Октябрьской революции, главный редактор журнала «Успехи физических наук» назвал Ю. Б. Румера одним из пионеров квантовой химии⁵.

Румер вошел в круг физиков — сторонников теории относительности. С ними он был связан не только научными пристрастиями, но и дружескими узами. Им подготовлена статья к 30-летию теории относительности для газеты «Известия ЦИК» в 1935 г. Излагая основные положения теории Эйнштейна, Румер недвусмысленно указывал на антисемитские мотивы изгнания Альберта Эйнштейна из Германии и замалчивания его имени, но подчеркивал общенаучное значение его теории и прагматический характер отношения к ней в СССР: «Не случайно 30-летнему юбилею теории относительности уделяется много внимания в Республике Советов. Мы являемся наследниками культуры умирающих классов, мы обязаны подробно изучать и освоить получаемое наследство и должны всячески популяризировать величайшее революционное учение физики нашего столетия»⁶. В свете этой статьи представляется, что именно Румеру принадлежит идея научно-популярной книги «Что такое теория относительности», которая была написана в соавторстве с Л. Д. Ландау еще до их ареста и впервые издана в СССР только в 1959 г.⁷ После этого она была переведена более чем на 25 языков мира.

Сотрудничество Ю. Б. Румера с Л. Д. Ландау сложилось в начале 1930-х гг. Их работа по теории ливней космических лучей лежит в основе современных исследований широких атмосферных ливней и многих работ по физике детекторов частиц высоких энергий. Один из сотрудников Юрия Борисовича по Институту ядерной физики СО АН СССР — д. ф.-м. н. Владимир Федорович Дмитриев — рассказал, что идея статьи по теории ливней космических лучей

¹ Румер Ю. Б. Спинорный анализ М.; Л.: Онти, Гл. ред. общетехн. лит. и номографии, 1936. 104 с. Переиздана в 2010 г.

² Тензор — геометрический объект в трехмерном пространстве, характеризует волновое поле материи. Спинор — нетензорный четырехкомпонентный геометрический объект, характеризует квантовое начало (Румер Ю. Б. Спинорный анализ. С. 4).

³ Владимиров Ю. С. Между физикой и метафизикой. Кн. 1.: Диамату вопреки. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. С. 100.

⁴ Румер Ю. Б. Наглядные модели атомов и молекул в квантовой химии: доклад / Акад. наук Союза Сов. Соц. Республик, юбилейный Менделеевский съезд в ознаменование 100-летней годовщины рождения Д. И. Менделеева, Ленинград 10—13 сент. 1934 г. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. 11 с.

⁵ Шпольский Э. В. Физика в СССР (1917—1937) // УФН. 1937. Т. XVIII, № 7. С. 301.

⁶ Румер Ю. Б. Теория относительности // Изв. ЦИК, 22 окт. 1935. № 247. С. 3.

⁷ Ландау Л. Д., Румер Ю. Б. Что такое теория относительности. М.: Сов. Россия, 1959. 62 с.

Румер и Ландау под ливнями космических лучей. Шарж 1980-х гг.

была предложена Румером, а Л. Д. Ландау ее отвергал. Только после того как Румер сделал наброски статьи, провел некоторые расчеты, Ландау согласился с его идеями...¹ Статья вышла на английском в мае 1938 г. в Трудах Королевского научного общества, когда Ландау и Румер были уже арестованы². Космические лучи как источники изучения элементарных частиц являлись природными ускорителями частиц. Румер и Ландау установили закономерности в процессах образования космических ливней, исследовали поведение космических ливней при переходе из одной среды в другую, что подтверждалось экспериментально³. Рассмотренные ими впервые процессы распада и слияния волн играют важную роль в физике волновых явлений⁴. В теории твердого тела хорошо известен механизм поглощения высокочастотного звука в диэлектриках Ландау — Румера⁵.

Как известно, теория относительности не получила поддержки у ряда ученых в России—СССР и за рубежом еще в период своего обнародования: это были «специалисты в области механики, инженеры или физики-приверженцы концепции эфира и ньютоновских представлений о пространстве, времени и движении»⁶. В общем виде, исходя из общих правил функционирования поля науки, установленных П. Бурдьё, конфликт вокруг теории относительности объясняется политическими (что в поле науки означает борьбу группировок за научную монополию) и эпистемологическими (в частности, неспособностью понять суть новой теории) причинами. При этом стремление закрепить свои позиции в поле науки выводит некоторых оппонентов за пределы научного дискурса. В советской России к середине 1930-х годов сформировалась для этого благодатная почва: «Обнаружив, что научных аргументов не хватает, и не в силах признать свой отрыв от переднего края науки, ученые мужи, бывает, расширяют свой арсенал и берут на вооружение ненаучные ресурсы современного им общества»⁷. Это суждение высказано в адрес одного из

¹ Транскрипция интервью с д. ф.-м. н. В. Ф. Дмитриевым от 08.08.2016. Архив автора.

² Landau L., Rumer G. The cascade theory of electronic showers // Proceedings of the Royal Society of London. Ser. A. Mathematical and physical sciences., 1938. Vol. 166, N 925. P. 213—228.

³ Кемоклидзе М. П. Квантовый возраст. С. 182.

⁴ Landau L., Rumer G. Production of showers by heavy particles // Nature. 1937. Vol. 140, N 3546. P. 682.

⁵ Landau L., Rumer G. Über schallabsorption in festen körpern (О поглощении звука в твердых телах) // Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion, 1937. Bd. 11, N 1. S. 18—25.

⁶ Визгин В. П., Горелик Г. Е. Восприятие теории относительности в России и СССР // Эйнштейновский сборник, 1984—1985: Сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 50.

⁷ Горелик Г. Е. Андрей Сахаров // Наука и свобода. М.: Вагриус, 2004. С. 55.

ниспровергателей теории относительности А. К. Тимирязева¹, не способного ее освоить, но проявившего достаточно активности в ее критике². В середине 1930-х годов укрепившаяся в СССР власть большевиков поставила под вопрос автономию науки. Внеаучные ресурсы, такие как идеология, были активно задействованы и для легитимации своего положения противниками теории Эйнштейна. Произошло это в период подготовки мартовской сессии Академии наук 1936 г., на которой были предприняты попытки развернуть философскую дискуссию о материалистическом понимании новой физики. Сплоченное выступление большинства физиков против такой дискуссии привело к тому, что ее отложили³. Но напряжение противостояния в среде ученых должно было найти выход.

В НИИФ МГУ, где служил Ю. Б. Румер, оно вылилось в дискуссию по поводу работы Н. П. Кастерина⁴ «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики». В начале 1937 г. Юрий Борисович присоединился к авторскому коллективу, который по поручению Ученого совета Физического института АН СССР проанализировал эту работу и доказал несостоятельность ее положений⁵. Обсуждение этой работы состоялось в мае 1937 г. на заседании Ученого совета НИИФ МГУ. Оппонентская группа, в которую входил и Ю. Б. Румер, высказалась о статье Н. П. Кастерина, как о дискредитирующей физиков НИИФ с научной точки зрения⁶. Данные факты свидетельствуют, что Румер, являясь сторонником и пропагандистом теории относительности, принимал непосредственное участие в конфликтах, которые носили в этот период сложный характер научного и идеологического противостояния среди физиков ФИАН и МГУ. Конфликт в поле науки разворачивался по идеологическому основанию, замешанному на эпистемологическом базисе — отрицании теории относительности.

В системе высшего образования были свои конфликты, которые частично отражали вышеназванный, но имели более глубокие причины, опять-таки обусловленные политикой власти. Ю. Б. Румеру, который являлся носителем новейших тенденций физической науки, европейски образованному, пришлось столкнуться с непривычными для него условиями преподавания, определяе-

¹ Тимирязев Аркадий Климентьевич (1880—1955) — физик, философ-марксист, педагог. Доктор физико-математических наук, профессор МГУ. Известен отрицанием теории относительности и квантовой механики.

² См., например Тимирязев А. К. Экспериментальное опровержение теории относительности // Под Знаменем Марксизма, 1925. № 7—9. С. 191—192.

³ Визгин В. П. «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.) [Электронный ресурс] <http://russcience.euro.ru/papers/viz2001.htm> (дата обращения 04.06.2013).

⁴ Кастерин Николай Петрович (1869—1947) — физик, противник теории относительности. Работал в Московском университете, проводил исследования в области вихревого движения. Опубликовал более 40 научных работ по вопросам теоретической физики, липмановской цветной фотографии и дисперсии света. В 1944 г. его и А. К. Тимирязева работы были подвергнуты критике как лженаучные.

См. Андреев А. В. Альтернативная физика в СССР: двадцатые — сороковые годы [Электронный ресурс] <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/and97ph.htm> (дата обращения 22.08.2016).

⁵ Блохинцев Д. И., Леонтович М. А., Румер Ю. Б. и др. О статье Н. П. Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики» // Изв. АН СССР: Серия физик. 1937. № 3. С. 425—436.

⁶ Андреев А. В. Физики не шутят. С. 92.

мыми контролем власти над мировоззрением и социальным происхождением. Развитие советского высшего образования в СССР в середине 1930-х годов происходило под действием двух императивов государственной политики: во-первых, признание значения науки и образования для развития общества и отсюда формировавшийся пиетет перед этими институтами, во-вторых — обеспечение политической лояльности студентов и преподавателей¹. Первый императив еще только формировался и возобладал к концу 1930-х гг., когда были осознаны неудачи в подготовке «пролетарских кадров» и связанные с этим внутриэкономические проблемы. В вузовской среде это нашло выражение в возвращении к факультетской системе (1933), отказе от бригадно-лабораторного метода, восстановлении ученых званий преподавателям.

Действие второго императива Ю. Б. Румер мог также явственно ощутить. Университетская газета «За пролетарские кадры» периодически публиковала материалы под заголовками «Наглая вылазка классового врага», «Чуждых вон из аспирантуры», «Острее отточим оружие классовой бдительности» и тому подобные. В «Наглой вылазке» критике подверглась лекция преподавателя физики Насимова, который на занятиях с группой биофизиков объяснял причины революции в духе теории «космической погоды» А. Л. Чижевского²: «Солнце в различные годы посылает на землю различное количество энергии, под ее воздействием люди становятся особо энергичны, что совпадает с периодом революций. Энергия космическая превращается в энергию социальную». Автор заметки с возмущением писал, что «в прошлом Насимов развивал антимарксистскую теорию о доминировании роли личности и великих людей в истории культуры». Далее критиковался преподаватель химии, который вел занятия по учебнику Смита³, «ученика религиозного мракобеса Беркле⁴ [так в тексте — И. К.]. Безобразия обнаружены, но курс уже прочитан!»⁵.

В конце 1920-х—начале 1930-х гг., когда университеты следили за идейной чистотой своих студентов и преподавателей, принимая плохо подготовленных абитуриентов с «правильными» биографиями, действовал так называемый бригадно-лабораторный метод обучения, при котором отсутствовал индивидуальный учет результатов успеваемости учащихся⁶. Естественно, это приводило к слабой подготовке студентов. Даже после отмены метода иждивенческие настроения студентов не сразу были преодолены. Ю. Б. Румер принял участие в дискуссии на страницах газеты МГУ, где говорил о том, что студентов нужно приучать к самостоятельности, преодолевать в них потребительское отношение к профессорам. Он приглашал студентов к сотрудничеству для улучшения каче-

¹ Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // ЭКО. 2008. № 8. С. 82.

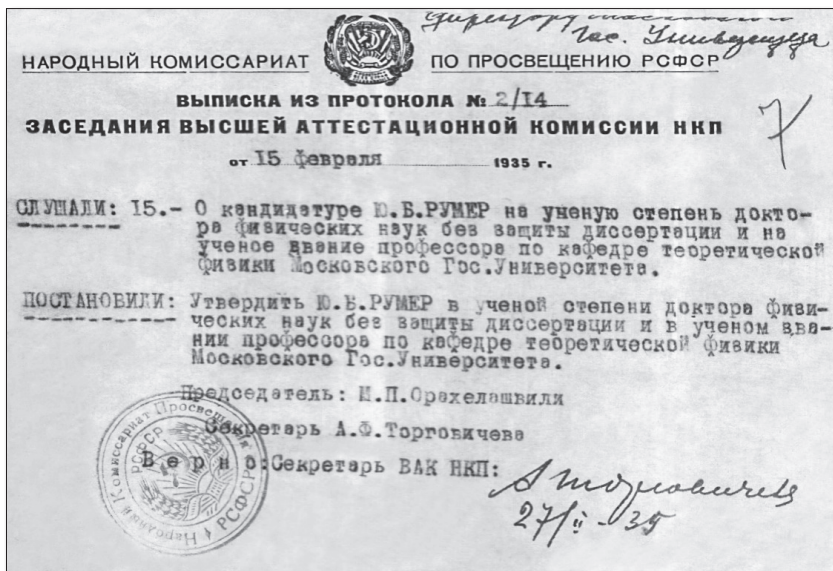
² Чижевский Александр Леонидович (1897—1964) — ученый-биофизик, один из основателей космического естествознания, основоположник космической биологии и гелиобиологии, электрогеомодинамики, изобретатель, философ, поэт и художник.

³ Смит А. Введение в неорганическую химию. Перевод с третьего издания под редакцией и с добавлением Л. В. Раковского. Выпуск первый. М.: ГИЗ, 1928.

⁴ Беркли Джордж (1685—1753) — английский философ, епископ Клойнский в Ирландии.

⁵ За пролетарские кадры. 1932. № 2 (140). С. 2.

⁶ В одном из своих выступлений в газете МГУ С. И. Вавилов одобрял его: За пролетарские кадры, 1932. № 6. С. 3. Постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «со всей резкостью и решительностью» осудило бригадно-лабораторный метод и другие «перегибы и извращения» в организации учебного процесса.

Выписка из протокола заседания ВАК Народного комиссариата по просвещению РСФСР об утверждении Ю. Б. Румера в ученой степени доктора физико-математических наук. 27.02.1935. Архив МГУ. Ф.1. Оп. 14. Д. 9767. Л. 7.

ства своих лекций, но призывал понимать, что для преподавателя важно время на подготовку новых курсов, по которым еще не написаны учебники¹. Помимо организационных проблем, с которыми столкнулся Румер, он стал свидетелем борьбы между «идеализмом» и «материализмом» в физике, между сторонниками теории и практики, а по сути дела — между наукой и вульгарным материализмом.

В 1933 г. на 3-м курсе физического факультета был введен курс теоретической физики, который представил Игорь Евгеньевич Тамм. По этому поводу в газете выступил студент-третьекурсник Яков Терлецкий². Он подверг критике содержание курса, который включал «наиболее трудные отделы теоретической физики (квантовая механика, теория относительности, статическая физика» [Так в статье, возможно, опечатка по вине редакции — И. К.]. Ввиду обширности теоретического знания, сетовал студент, физику не остается времени на овладение техникой эксперимента, против чего нужно возражать, поскольку только эксперимент может помочь практике. И. Е. Тамм, говоря о специфике работы физика-теоретика, отмечал, что его исследования приносят результат не сразу, поскольку теория не всегда находит экспериментальное подтверждение. На что Терлецкий отвечал: «подавляющая часть работы идет впустую». Задаваясь вопросом, почему так происходит, автор статьи находит ответ в том, что физики-теоретики плохо знают метод, «с помощью которого быстрее всего отыскивать законы природы, а этот метод — метод диалектического материализма, который [...] берется из соединения теории с практи-

¹ За пролетарские кадры, 1935. № 44. С. 4.

² Терлецкий Яков Петрович (1912—1993) — физик, доктор физико-математических наук (1945). Зам. начальника по науке отдела «С» НКВД СССР. Встречался с Н. Бором для консультаций по созданию атомной бомбы в СССР (1945). Искренне разделял общественные идеалы своего времени, хранил верность диалектическому материализму.

кой». Терлецкий призывал готовить физиков-теоретиков «не по образцу классических теоретиков, а надо, чтобы они знали методологию физики и могли ее развивать. В этом вопросе мы должны отступить от западноевропейского шаблона и дать стране физиков-теоретиков, могущих удовлетворить потребности советской науки»¹.

Эти публикации дополняют представление о характере противоречий, что в середине 1930-х годов служили основой конфликта и противостояния физиков Московского университета и Академии наук. Они постепенно перерастали из стадии организационной, научной и философской, когда предметом дискуссий и конфликтов были распределение должностей, научная проблематика и вопросы философского обоснования теории относительности соответственно, в стадию идеологическую и политическую, что сказалось (зачастую трагически) впоследствии на судьбах многих физиков². В статье Терлецкого прослеживается противопоставление теории и практики, отечественной науки — западной, звучит риторика новых общественных идеалов, верность диалектическому материализму — все мотивы будущих идеологических кампаний. Я. П. Терлецкий, ученик И. В. Тамма, Л. И. Мандельштама³ и М. А. Леонтовича, в отличие от своих учителей, демонстрирует партийную ортодоксальность нового поколения физиков Московского университета. Итог этой внутренней полемики известен: многие ведущие физики были отлучены от физического факультета МГУ согласно охранной политике властей, стремившихся оградить молодое поколение университетской науки от влияния «нездоровой» академической науки.

Итак, Юрий Борисович утвердился в науке как теоретик, последователь Эйнштейна и ученик Борна. Он легко вошел в круг своих единомышленников, находясь на острие научного дискурса того времени. Его активная публикационная деятельность в Германии (13 статей за 2 года) продолжилась в СССР, статьи и рецензии дополнены двумя учебниками. Он не только выступал пропагандистом новейших идей теоретической физики, но и выдвигал другие, как теория космических ливней, развитие молекулярной теории химических связей, теория поглощения звука в твердых телах.

1938—1957 гг. — инженерные расчеты в самолетостроительных конструкторских бюро и пятиоптика. Все изменилось с его арестом в апреле 1938 г., более подробное рассмотрение обстоятельств и последствий которого предпринято в 3-м разделе данной главы. И хотя после завершения следствия и вынесения приговора он избежал лесоповала и рудников, в поле его науки произошла вынужденная смена тематики и деятельности. Обширные физико-математические знания Румера нашли применение в решении прикладных проблем аэродинамики в ЦКБ-29, туполевской «шарашке»:

¹ Речь об И. Е. Тамме, Г. С. Ландсберге, С. Э. Хайкине, М. А. Леонтовиче, которые были «выдавлены» с физического факультета МГУ. См. Горелик Г.Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле. С. 58—59; Андреев А. В. Физики не шутят. С. 107—109.

² Андреев А. В. Физики не шутят. С. 115—147.

³ Мандельштам Леонид Исаакович (1879—1944), физик, академик АН СССР (1929). Профессор Московского государственного университета. С 1934 г. работал также в Физическом институте АН СССР.

разработка конструкции антивибраторов изгибных колебаний, крутильных колебаний сложных систем коленчатых валов и колебаний колеса при его качении (шимми)¹.

Здесь, как вспоминал В. Л. Покровский, ученик Румера, «он применил лагранжев метод, позволивший решить задачи наиболее экономно и элегантно. А. Н. Туполев, привыкший по старинке писать громоздкие уравнения баланса сил и моментов в каждой точке, сначала не поверил расчетам Юрия Борисовича, уместившимся на одной странице»². Это было одно из воспоминаний о красивом решении задачи. Другое воспоминание, не менее яркое, но злое, связано с именем куратора ГУЛАГа Л. Берией. Однажды, после успешного испытания самолета Берия устроил прием в своем кабинете для всего бюро. На столе стояли изысканные закуски, грузинские вина. Во всю длину стола лежал невиданных размеров осетр. Когда выпито было уже немало и поднято много тостов, слово взял Роберт Бартини. Обращаясь к Берии, он сказал: «Лаврентий Павлович! Поверьте, что мои товарищи и коллеги ни в чем не виноваты, как и я сам». «Дорогой, — отвечал ему Берия, — если бы кто-нибудь из вас был бы виноват, он не сидел бы за этим столом»³. Ю. Б. Румер с 1938 по 1947 г. был специалистом «шарашек», где в «хорошей компании» решал практические вопросы авиапромышленности. Не без гордости в своей автобиографии, составленной перед вступлением в КПСС в декабре 1961 г., он написал: «...были вместе со мной осуждены ныне академики Туполев, Стечкин, Королев, Глушко»⁴.

Как уже было сказано выше, еще до вынесения приговора, в 1938 г. Румер был направлен в Болшево, пересыльный пункт НКВД для инженерно-технических работников — будущих специалистов «шарашек». Затем переведен на моторостроительный завод НКВД № 82 в Тушино. Здесь, по свидетельству Н. А. Желтухина, он занимался расчетами по дизельному двигателю Чаромского, расчетом крутильных колебаний валов, поскольку двигатель был четырехосный⁵. В начале 1940 г. Румер работал уже в туполевской «шарашке» — самолетостроительном ЦКБ-29 — в Москве на улице Радио, 24. С началом войны ЦКБ-29 эвакуируют в Омск.

Сведения о том, над какими проектами работал Румер в КБ-29 в Омске (завод № 288 на базе авиаремонтных мастерских в пригороде Куломзино, директор полковник НКВД Г. Я. Кутепов), фрагментарны. Я. М. Пархомовский рассказывал, что Румер «отвечал за работы по флаттеру самолета “102”», ДНБ — дальнего высотного бомбардировщика В. М. Мяснищева⁶. С. С. Герштейн⁷ приводит слова Р. Бартини о работе в КБ-29: «У нас было три отдела: Туполева, мой и Румера. Румер занимался у нас динамикой — флаттером...»⁸. Кроме того, сам

¹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 4. (Отзыв Б. С. Стечкина 26.07.1950)

² Покровский В. Л. Живой огонь// Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 485.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 483.

⁴ ГАНУ. Ф. П-269. Оп. 5. Д. 1376. Л. 11.

⁵ См. Воспоминания Н. А. Желтухина в данной книге.

⁶ См. Воспоминания Я. М. Пархомовского в данной книге.

⁷ Герштейн Семен Соломонович (1929—2023) — физик-теоретик, академик РАН (2003). В 1952 г., сдав теорминимум Льву Ландау, поступил в аспирантуру ИФП, став последним, у кого Ландау лично принял этот экзамен. К нему в Дубну ехал Ландау в январе 1962 г., когда попал в автокатастрофу.

⁸ Герштейн С. С. Воспоминания и размышления о Бруно Понтекорво [Электронный ресурс] URL: http://pontecorvo.jinr.ru/gershtein_r.html (25.04.2023).

Юрий Борисович писал в краткой биографической справке, сопровождавшей письмо И. Сталину о пятиоптике: «В 1938 г. я был арестован. В последующие 10 лет лишения свободы я проработал в качестве специалиста Четвертого спецотдела НКВД в авиационной промышленности, возглавляя работы по обеспечению вибропрочности самолетов и моторов, а также продолжая научно-исследовательскую работу в области технической физики»¹. М. Келдыш своей работе «Шимми переднего колеса трехколесного шасси» (Труды ЦАГИ, № 564, 1945 г.) ссылаясь на результаты исследований Румера в этой области.

Если Румер действительно был связан с разработкой ДНБ Мясищева, то ему не повезло, как повезло команде А. Н. Туполева. После удачных испытаний высокоскоростных дневных бомбардировщиков Туполева с серийным номером «103» (Ту-2) летом 1941 г. решением Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 г. Туполев вместе с 29 заключенными был освобожден². Судьба ДНБ была не столь радужной, хотя сам Мясищев был освобожден еще в июле 1940 г. (арест в январе 1938). Первые испытания ДНБ показали массу проблем этого самолета и с двигателем, и с гермокабиной, и с шимми... В итоге летные испытания затянулись надолго. Если Румер оставался в этой команде, то в июне 1943 г. он мог оказаться в Москве или в Казани, куда перевели часть коллектива Мясищева (завод № 22 в Казани). В конце 1943 г. и казанский филиал переводят под Москву (ОКБ-482). Испытания ДНБ продолжались с новыми моторами, но успеха не имели. В 1946 г. ОКБ-482 закрыли, а о самолете и вовсе забыли³. Видимо, после этого Румер попадает в КБ Бартини в Таганроге. Оно находилось на территории авиационного завода № 31 им. Г. М. Димитрова и ремонтного авиазавода № 86. Здесь шла разработка транспортной машины Т-117 и специального тяжелого военно-транспортного и десантного самолета Т-200 Бартини.

Авторство некоторых работ Ю. Б. Румера совместно с одним из «специалистов» ЦКБ-29 А. И. Некрасовым⁴ установлено с помощью сотрудников Музея Н. Е. Жуковского в 1960 г. Сюда на хранение были переданы все рукописи работ А. И. Некрасова, выполненных им за время его работы в ЦКБ-29 с октября 1938 по август 1943 г. А. И. Некрасов собственноручно составил перечень, в котором значатся: «№ 46. Теория крыла в нестационарном потоке, совместно с Ю. Б. Румером. ... № 57. Флаттер при нестационарном потоке, совместно с Ю. Б. Румером. ... № 60. Применение теории функции комплексного переменного к изучению неустановившегося движения профиля; совместно с Ю. Б. Румером. Дополнительная глава к работе № 46»⁵. Очевидно, что Румер имел полное право на соавторство в № 46, опубликованном монографией под именем одного из авторов, но его время еще не пришло⁶.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 187.

² Бодрихин Н. Г. Андрей Туполев. М.: Золотое крыло, 2016. С. 228—229.

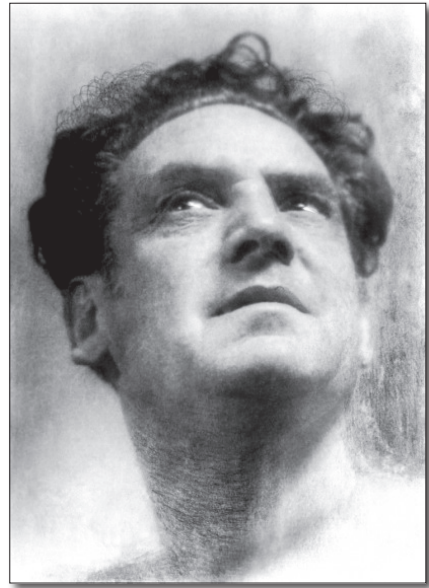
³ ДВБ-102 [Электронный ресурс] <http://www.airwar.ru/enc/bww2/dvb102.html> (12.05.2023).

⁴ Некрасов Александр Иванович (1883—1957) — специалист в области механики и гидродинамики. Чл.-корр. АН СССР с 1932, академик с 1946. С 1930 сотрудник ЦАГИ. В 1938 г. был необоснованно осужден по статье 58 УК РСФСР на 10 лет, освобожден досрочно в 1943 г. С января 1938 по август 1943 г. работал в ЦКБ-29 НКВД, занимался научными исследованиями в области авиации.

⁵ Маслов В. И. — Румеру Ю. Б. 09.12.1960 // Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 301.

⁶ Некрасов А. И. Теория крыла в нестационарном потоке. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1947. 260 с.

В КБ Бартини Румер сделал работу по магнетизму электронного газа¹, в которой предложил способ вычисления статистических сумм для квантовых бозе-и ферми-идеальных газов во внешнем магнитном поле. Этот метод позволил исследовать поведение магнитной восприимчивости электронного газа при произвольных магнитных полях и температурах. Юрий Борисович указал на существование модельных систем, которые нельзя нагреть до температуры выше некоторой предельной. К этому же кругу задач относятся его последующие работы о явлении «конденсации» бозе-газа, где показано, что присутствие магнитного поля повышает температуру начала конденсации². Он погружался в науку, как в спасительное средство сохранения своего «я», своей идентичности ученого, и думал о том, с чем он выйдет на свободу, чтобы занять достойное место в научном социуме.

Роберт Бартини. 1960-е гг.

Своим главным научным достижением этих лет Румер считал цикл работ о пятиоптике — концепции, предлагавшей подход к созданию единой теории поля, где электромагнитное поле вводится в схему общей теории относительности с помощью дополнительной размерности пространства-времени — пятой координаты, которой Румер придал физический смысл действия. Интерес к идеям многомерных множеств проявился у Румера еще в Ольденбурге, в 1929 г. он привез Борну соответствующую работу. При поддержке Борна и Гайтлера тогда же опубликованы его статьи³. В последние годы заключения («решающий шаг, который привел к открытию пятиоптики» был сделан летом 1946 г.)⁴ он вернулся к своим идеям конца 1920-х гг. Несколько тетрадок с записями статей вывезла в Москву его подруга Ольга Михайлова. Всего по данной теме им написано десять статей, опубликованных в 1949—1959 гг. в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» (ЖЭТФ), позже вышла монография, обобщающая полученные теоретические результаты⁵.

Те статьи, что привезла в Москву Ольга, помогли опубликовать Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшиц. Ландау писал отзывы, Лифшиц, который был в это время заместителем редактора ЖЭТФ, осуществлял практические действия. Первая статья из серии «пятиоптики» вышла в 1949 г.⁶ Работа над пятимерной теорией

¹ Румер Ю. Б. К теории магнетизма электронного газа // ЖЭТФ. 1948. Т. 18, № 12. С. 1081—1095.

² Румер Ю. Б. К термодинамике Бозе-газа // ЖЭТФ. 1950. Т. 20, № 9. С. 807—810; Он же. Фазовые переходы второго рода у Бозе-газа // Докл. АН СССР. 1955. Т. 100, № 5. С. 887—888. и др.

³ Rumer G. Form und substanz // Zeitschrift für Physik. 1929. Bd. 58, N 4. S. 273—279; Rumer G. Über eine erweiterung der allgemeinen relativitätstheorie // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1929. N 2. S. 92—99.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 187.

⁵ Румер Ю. Б. Исследования по 5-оптике / Зап.-Сиб. филиал Акад. наук СССР. М., 1956. 152 с.

⁶ Румер Ю. Б. Действие как координата пространства. I // ЖЭТФ. 1949. Т. 19, № 1. С. 86—94.

Ю. Б. Румер — многорукий Шива.
Шарж Е. Бендера на пятиоптику.
1978 г.

и особенно ее продвижение стали *idée fixe* Румера. Начав работу над пятиоптикой в Таганроге, Румер продолжал ее в Енисейске и Новосибирске, развивая идеи предшественников (Т. Калуца, Ф. Клейн, О. Клейн, В. А. Фок и др.). Он возлагал огромные надежды на это свое открытие, которое искренне считал гениальным и которое могло бы помочь ему не только вернуться в науку, но и занять в ней достойное место. Однако его московские коллеги, называя пятиоптику «изящным математическим построением, не имеющим прямого отношения к физике» (Лентович, Лифшиц, Тамм)¹, всячески удерживали Румера от «развязывания широкой публичной дискуссии» (Фейнберг)². Л. Д. Ландау, стараясь быть честным с другом, не критиковал его публично, но и не давал обнадеживающих обещаний.

Новосибирские же коллеги придерживались иной точки зрения. При поддержке физика Дмитрия Дмитриевича Саратовкина (1909—1989) и геолога Геннадия Львовича Поспелова (1912—1973) в ноябре 1951 г. было составлено письмо

в адрес И. Сталина³. Румер просил вызвать его в Москву для проведения закрытой дискуссии по научным и философским проблемам его теории. Через год так и случилось: 11 декабря 1952 г. при отделении физико-математических наук АН СССР была организована дискуссия по пятиоптике с участием многих ведущих физиков (Д. Д. Иваненко⁴, Е. Л. Фейнберг, Л. Д. Ландау, М. А. Марков, Е. М. Лифшиц, И. Я. Померанчук и др.). Она показала сдержанно-скептическое отношение большинства⁵. Тем не менее, было рекомендовано продолжать исследования, а в заключительном слове председателя дискуссии ученого секретаря президиума АН СССР Николая Алексеевича Добротина прозвучало, «что при том положении, которое сейчас имеется в теоретической физике, существенно полезно и нужно продолжать разрабатывать это направление, хотя сейчас еще было бы преждевременно утверждать, что на этом пути мож-

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 146—147, 152, 172.

² Там же. С. 199.

³ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. (по свидетельству Румера, оно отправлено 2 декабря 1951 г. См. письмо Т. А. Мартыновой «у меня осталось мало сил» в части 2, главе 8.)

⁴ Иваненко Дмитрий Дмитриевич (1904—1994), физик-теоретик. Работы относятся к ядерной физике, теории поля, синхротронному излучению, единой теории поля, теории гравитации, истории физики. Первым предложил протоннейтронную модель ядра (1932), впоследствии развивавшуюся также В. Гейзенбергом.

⁵ Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_3825

но найти решение тех трудностей¹, которые стоят перед теоретической физикой»². Характерная черта данной дискуссии — отсутствие всякой посторонней, не имеющей отношения к науке, риторики.

Румер провел довольно много времени в Москве — до мая 1953 г. Он если не впал в депрессию, то, как выразился в одном из писем, его «волевой напор ослабел»³. Знал ли он, что в то время, когда он продвигал свою теорию, его коллеги в Москве только что отразили очередную попытку воинствующих философов взять реванш, что последние готовили новую атаку на физическую науку по образцу сессии ВАСХНИЛ 1948 г., и нападки продолжались?⁴ Возможно, тогда его разочарование было бы менее острым. По результатам дискуссии ему было предложено выбрать место работы в одном из научных центров: в Свердловске, Томске или Новосибирске. Он вернулся в Новосибирск, поступил в отдел теоретической физики Западно-Сибирского филиала АН СССР. Румер активно включился в научную жизнь, стал часто бывать в Москве, Томске. Его приглашали на семинары и конференции, он читал лекции студентам МГУ о пятиоптике — они вызывали интерес не только содержанием, но и самой персоной лектора⁵. Он еще некоторое время продолжал исследования в области теории поля, писал письма физикам — Д. Шенбергу⁶, В. Вайскопфу⁷, М. Борну, Э. Шредингеру⁸, В. Гайтлеру и др., надеясь привлечь внимание к своим исследованиям. Но этого не случилось. М. Борн писал, что он уже стар для мыслительных головоломок⁹, Вайскопф о том, что занялся физикой элементарных частиц, прочие не ответили совсем...

Приверженность пятиоптике и более глубокие причины внутриакадемической жизни привели к неблагоприятному с точки зрения формальной научной

¹ См. Сахаров А. Д. Воспоминания 1921—1971: Так сложилась жизнь. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 118—119: «Идея, что непосредственным объектом теории должны быть только свободные частицы, получила особенную популярность в связи с трудностями теории элементарных частиц. Но, во-первых, нерелятивистская квантовая теория вполне замкнута, описывает целый мир фактов и должна иметь свою интерпретацию независимо от того, что выяснится в теории элементарных частиц. Во-вторых, развитие теории элементарных частиц вот уже более пятнадцати лет идет под знаком реабилитации локальной квантовой теории поля; оказалось, что казавшиеся непреодолимыми трудности исчезают в так называемых калибровочных gauge теориях, в особенности в их суперсимметричных вариантах. (Добавление 1987 г. Сейчас особые надежды возлагаются на так называемые “супер-струны”. Это — нетривиальное развитие идей квантовой теории поля, без какого-либо пересмотра принципов квантовой механики). На самом деле, сейчас приходится удивляться не трудностям, а успехам так называемой “стандартной модели”».

² НАСО. Ф.21.Оп. 1. Д. 3. Л.17.

³ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 208.

⁴ Визгин В. П. Ядерный щит в «тридцатилетней войне» физиков с невежественной критикой современных физических теорий // УФН. 1999. Т. 169, № 12. С. 1363—1388.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 389.

⁶ Шенберг Дэвид (1911—2004), английский физик-экспериментатор, член Лондонского королевского общества (1953). Работы по физике твердого тела, физике низких температур, сверхпроводимости, магнетизму.

⁷ Вайскопф Виктор Фредерик (1908—2002), американский физик австрийского происхождения. Один из участников Манхэттенского проекта. Окончил Геттингенский университет в 1931 г. В 1932—1933 гг. работал там же.

⁸ Шредингер Эрвин Рудольф Йозеф Александр (1887—1961), австрийский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1933). Член ряда академий наук мира, в том числе иностранный член Академии наук СССР (1934).

⁹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 511.

карьеру. Юрий Борисович дважды баллотировался в Академию наук. Но, как увидим, признание его научных заслуг не пошло дальше академической премии 1954 г. за работу по термодинамике плоской дипольной решетки. Выборы в Академию наук 1958 г. не принесли Румеру академического звания, получить которое, казалось, было бы естественным: он стал директором Института радиофизики и электроники. Его выдвижение было поддержано академиками Л. Д. Ландау, М. А. Леонтовичем¹, а также И. Е. Таммом. Более того, на выборах в состав Академии наук СССР в 1958 г. были выделены специальные «сибирские» вакансии, что говорило об авансовом характере этих выборов. Преференции, которые предоставлялись формирующемуся Сибирскому отделению, касались и выборов в Академию наук СССР. В списки кандидатур были внесены имена тех ученых, которые либо работали в Сибири, либо собирались переехать туда в новое Отделение. Было избрано 8 действительных членов и 27 членов-корреспондентов, в числе которых было только 6 сибиряков. После завершения выборов пять вакансий членов-корреспондентов оказались незаполненными².

Для сравнения приведем историю другого бывшего репрессированного ученого — геолога Феликса Николаевича Шахова (1894—1971), избранного по «сибирским» вакансиям в 1958 г. Он был арестован в 1949 г. по так называемому «Красноярскому делу»³, в заключении работал в геологических организациях на Колыме и Чукотке (1949—1954). После преподавал в Томске и работал в ЗСФ АН СССР: старший научный сотрудник Института геологии и геофизики (1954—1957), затем — заведующий лабораторией геохимии редких элементов Института геологии и геофизики СО АН. Как и Румер, имел несколько изданных монографий, создал теорию контактовых месторождений⁴. Основная область исследований — генезис рудных месторождений, редких и радиоактивных элементов, металлогения и разработка методики исследования руд и поисково-разведочных работ⁵. Целью данного сравнения ни в коей мере не является умаление заслуг Ф. Н. Шахова перед отечественной наукой, они представляются нам равноценными, хотя работы Шахова имели более осязаемый результат. Кроме того, позднее, при обсуждении кандидатуры Н. А. Желтухина на выборах в Академию наук 1968 г. выступающий просил учесть его тяжелое прошлое, работу в туполевской «шарашке»⁶.

Соперниками Румера на выборах были физики Герш Ицкович Будкер⁷, директор Института ядерной физики СО АН (по «сибирским вакансиям») и Виктор Иванович Кузнецов, один из «великолепной шестерки» — неформального совета по развитию ракетной отрасли СССР под руководством

¹ Там же. С. 268—269.

² Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Ред. Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин, др. Новосибирск, 2007. С. 151—152.

³ По версии следствия, «геологи-вредители скрывали от властей наличие уранового месторождения в Сибири».

⁴ Шахов Ф. Н. К теории контактовых месторождений / АН СССР. Зап.-Сиб. филиал. Труды горно-геологического института; Вып. 1. Новосибирск, 1947. 95 с.

⁵ Шахов Феликс Николаевич [Электронный ресурс] <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007pers/562-563.ssi> (дата обращения 17.08.2016)

⁶ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 642. Л. 91.

⁷ Будкер Герш Ицкович (Андрей Михайлович Будкер) (1918—1977) — советский физик, академик АН СССР (1964). Основатель и первый директор Института ядерной физики СО АН СССР.

С. П. Королева¹. Кандидатура Румера вызвала противодействие отчасти из-за настроенного отношения к пятиоптической теории, которая «не вписалась» в тематику будущего Отделения. О том, что М. А. Лаврентьев противился выборам Ю. Б. Румера в 1958 г., сохранилось свидетельство его ученика В. Л. Покровского². Но, что не менее существенно, резко против кандидатуры Ю. Б. Румера в связи с его теорией высказался В. А. Фок³. Это был серьезный противник, поскольку разногласия между Фоком и Румером проявились еще в начале 1950-х годов, на дискуссии по пятиоптике в Москве. Фок, критически настроенный к теории Румера, на дискуссии не был, но прислал отрицательный отзыв: «Научное направление работ Румера, озаглавленное “Действие как координата пространства”, считаю чисто формальным, бесплодным. Работы Румера на другие темы представляют интерес»⁴.

Впоследствии Фок создал свою собственную трактовку теории относительности Эйнштейна⁵. Он не считал теорию Эйнштейна полностью релятивистской и, в соответствии со своей приверженностью диалектическому материализму, как писал Л. Грэхэм, «отдавал предпочтение гармоническим координатам, что было попыткой избежать полного физического релятивизма даже в пределах общей теории относительности. Возможность уйти от этого он связывал с попыткой марксизма сохранить последовательной картину мира, которая обладала бы некоторой предпочтительной системой координат. [...] Фок выработал интерпретацию теории относительности, которая сохранила математическое ядро работы Эйнштейна, но приводила к некоторым новым понятиям. Фок отбросил термины “общая относительность”, “общая теория относительности” и “общий принцип относительности”. Вместо этого он называл теорию пространства Галилея “теорией относительности” (а не “специальной теорией относительности”) и теорию пространства-времени Эйнштейна “теорией тяготения” (а не “общей теорией относительности”)»⁶.

Еще в 1950 г. В. А. Фок писал Румеру по поводу одной из его статей по пятиоптике: «Успех идеи геометризации в Эйнштейновской теории тяготения основан на том, что тяготение и только оно одно является универсальным, в том смысле, что все незаряженные тела, обладающие достаточно малой массой, движутся по одинаковому закону. Движение же заряженных тел в электромагнитном поле зависит от отношения заряда к массе. Поэтому геометризация соответствующих понятий может удалась только для одной частицы. В этом

¹ Кузнецов Виктор Иванович (1913—1991) — советский ученый в области прикладной механики и автоматического управления. Академик АН СССР (1968; член-корреспондент 1958). Член Совета Главных конструкторов, в котором отвечал за создание гироскопических приборов ракет (с 1946 г.).

² Письмо В. Покровского Румеру в конце главы 9 настоящей книги.

³ Фок Владимир Александрович (1898—1974) — советский физик-теоретик, академик АН СССР (1939), работы в области квантовой механики, квантовой электродинамики, статистической физики, теории относительности, философских проблем физики и проч.

⁴ Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_zoya_634_993802406113281_3825&eid=Ru_0001_0876

⁵ Фок В. А. Теория пространства, времени и тяготения. М.: ГИТТЛ, 1955. 504 с.; Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 361.

⁶ Грэхэм Л. Р. Имеют ли математические уравнения социальные атрибуты? // Наукоедение. 2002. № 4. С. 127.

же лежит причина полнейшей неудачи всех «единых» теорий поля»¹. Столкновение позиций Фока и Румера показало, что аргументы последнего не нашли поддержки даже в среде сторонников Эйнштейна.

Но и это, видимо, не главное. Есть письмо инструктора Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС А. С. Моница (30.05.1958) в ЦК партии, опубликованное в свое время С. С. Илизаровым². Оно говорит о более глубоких причинах, по которым Румер, возможно, не прошел в Академию. Т. Монин красочно повествовал о «недостатках в подготовке к выборам в Академию наук». Он сообщал: «В Отделении физико-математических наук АН СССР сложилась неправильная обстановка, когда ряд беспартийных ученых, в первую очередь академики Арцимович Л. А., Алиханов А. И., Ландау Л. Д., Леонтович М. А. и Тамм И. Е., игнорируют мнение партийных организаций и пытаются противопоставить партийному влиянию свой высокий научный авторитет, в особенности при решении кадровых вопросов, которые всегда были и являются неотъемлемым делом партии. Эти ученые и примыкающие к ним лица создают в Отделении обстановку групповщины и необъективности и влияют на решение кадровых вопросов, исходя из своих групповых и личных интересов.

Наиболее активна группа, возглавляемая академиком Ландау, который является откровенным националистом (т. Ландау по национальности еврей) и, по данным КГБ, проявляет антисоветские настроения».

Любопытно, что среди многих ученых, названных Мониним в качестве нежелательных персон для избрания в Академию, Румера нет. Завершается же письмо пожеланием «провести у секретарей ЦК КПСС совещание коммунистов — членов Отделения физико-математических наук АН СССР с участием т. т. Несмеянова, Топчиева и Лаврентьева», чтобы внушить им мысль обеспечить избрание в АН «ученых-коммунистов». И, конечно же, не допустить усиления «группы Ландау», которая и составляла пул пропонентов Румера. Если такое совещание имело место, а это вряд ли не так накануне выборов, то Лаврентьев был предупрежден о том, кого нужно, а кого не стоит поддерживать на выборах.

Вторая попытка участия в выборах 1962 г. также не увенчалась успехом, хотя, с учетом первого поражения, была усилена группа поддержки, куда помимо М. А. Леонтовича и И. Е. Тамма вошли академики В. П. Глушко, Я. Б. Зельдович³ и ректор НГУ чл.-корр. С. Т. Беляев. Кроме того, что естественно для директора института, Юрий Борисович, вошедший в номенклатуру кадров, в декабре 1961 г. стал кандидатом в члены КПСС⁴, принят в ряды КПСС в начале 1963 г.⁵ По свидетельству близкого к Румеру человека, Юрий Борисович после этих поражений на выборах «не озлобился, но переживал остро»⁶. Больше попыток он не предпринимал, и, представляется, шансы его, после реформирования Института радиофизики и электроники СО АН, стали менее ося-

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 163.

² Илизаров С. С. Академический июнь 1958-го // Московская правда, 1994, 19 июля. Электронный ресурс URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/mp/1994/ilizarov.htm> (Дата обращения 21.06.2023).

³ Зельдович Яков Борисович (1914—1987) — советский физик, физикохимик, действительный член АН СССР (1958), один из участников советского Атомного проекта.

⁴ ГАНУ. Ф. П-269. Оп. 5. Д. 1376. Л. 1.

⁵ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 21221; Ф. П-4. Оп. 11. Д. 1414.

⁶ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 530.

заемы, хотя научные результаты его и учеников, им подготовленных, представляли солидный научный капитал.

Истории науки известны не только случаи признания открытий, но и примеры скептицизма, неверия, отчаяния, тупиковых путей. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что поле науки подчиняется внутренним императивам, может существовать до известных пределов независимо от других социальных полей. Несмотря на то что Румер был вырван из привычного научного социума на долгое время под влиянием обстоятельств, не имеющих прямого отношения к науке, он не потерял с ним связи, поддерживая свой потенциал самообразованием, чтением новейшей литературы, следуя своим собственным идеям. Это неоспоримый факт проявления его внутренней свободы. Последний раз Румер упомянул о своей теории в статье 1971 г., где отмел всяческие попытки ее возрождения. Причиной тому, по его мнению, стало открытие новых зарядовых величин и соответствующих этим величинам законов сохранения. Его заключение было категорично: «На этом пути в лучшем случае можно прийти к чисто внешнему, механическому объединению электромагнетизма и тяготения, но нет надежды получить органическое объединение, дающее возможность предсказывать какие-либо новые наблюдаемые электрогравитационные эффекты»¹.

Но другой исследователь, в наше время изучающий историю идей о многомерности физического мира, оценил результаты поисков иначе: «Развиваемые с 30-х годов теории слабых и сильных взаимодействий позволили говорить о четырех видах фундаментальных взаимодействий². А поскольку 5-мерная теория связывала только два из них, это рассматривалось как ее существенный недостаток. В середине 70-х годов вера в многомерие стала угасать даже у такого стойкого приверженца, как Ю. Б. Румер, также не видевшего путей разрешения данной проблемы. Только в 80-е годы, когда стало ясно, что слабые и сильные взаимодействия переносятся промежуточными векторными бозонами, была осознана применимость многомерных теорий для описания не только электромагнитного, но и других взаимодействий при еще большем увеличении размерности»³.

Монография Румера «Исследования по 5-оптике» 1956 г. переведена на английский язык⁴. Ее переводчик — приверженец неоклассической физики, исследования которой проводятся на стыке классической и квантовой физики, — американский ученый Дэвид Дельфенич (David Delphenich). Он изучал роль проективной геометрии в физике, и в 2007 г. натолкнулся на суждения Румера о Феликсе Клейне⁵. Переведя соответствующий фрагмент в «Исследованиях по пятиоптике», он уже не мог остановиться и завершил полный пере-

¹ Румер Ю. Б. Принципы сохранения и свойства пространства и времени// Пространство, время, движение. М., 1971. С. 118.

² Гравитационное, электромагнитное, сильное, слабое взаимодействия.

³ Владимиров Ю. С. Геометрофизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. С. 303.

⁴ Rumer Yu. B. Studies in 5-optics. [Электронный ресурс]

http://neo-classical-physics.info/uploads/3/0/6/5/3065888/rumer_-_studies_in_5-optics.pdf (дата обращения 25.07.2016).

⁵ Клейн Феликс Христиан (1849—1925) — немецкий математик и педагог. Доказал непротиворечивость геометрии Лобачевского. Им предложена алгебраическая классификация различных отраслей геометрии в соответствии с классами преобразований, которые для этой геометрии несущественны (например, проективная геометрия изучает конические сечения, но не имеет дела с кругами и углами).

вод в течение трех примерно лет. В своем письме автору Дельфенич высказал следующие соображения: «Самым интригующим аспектом истории математики и науки вообще является тот факт, что всегда найдутся исследователи, которые высказывали хорошие (если не лучше) идеи, разработанные вне научного истеблишмента и мейнстрима, а также развивали идеи, которым нужно было выждать время, чтобы получить поддержку. Было время, когда в мейнстриме находилась такая неверная альтернатива, как Птолемея картина Солнечной системы, тогда как Аристарх¹ высказал правильную за четыреста лет до него.

Я уверен, что всегда могу надеяться раскопать некие свидетельства инакомыслия, которые могли бы иметь больше преимуществ, чем те [теории — *И. К.*], что общеприняты, особенно, когда речь идет о квантовой физике (я чрезвычайно заинтригован работой де Бройля²). Вы можете прочесть краткую историю геометрической оптики Каратеодори, чтобы увидеть, как ее пионеры были маргиналами на протяжении веков. Естественно, Вам знакомы работы Циолковского о космических путешествиях»³.

Таким образом, в современном звучании пятиоптики наметилось два подхода к ее оценке. Первый — негативный — характеризующий ее как тупиковый путь. Эту оценку высказал в свое время В. А. Фок, в наше время чл.-корр. РАН И. Б. Хриплович⁴ в личной беседе с автором, аналогичная оценка дана Н. П. Коноплевой⁵. Второй подход — исторический — рассмотрение пятиоптики как некоей попытки, лежащей вне мейнстрима, но все-таки значимой, развивающей идеи Эйнштейна, Калуцы и Клейна⁶. Этот подход продемонстрировал и высказал в личной переписке с автором д. ф.-м. н. Иосиф Львович Бухбиндер (Томский государственный педагогический университет). Чтобы это ценное свидетельство не пропало втуне, приведем его полностью: «Я не могу согласиться с утверждениями о том, что развиваемые в книге Ю. Б. Румера методы, называемые 5-оптикой, являются тупиковым путем. На мой взгляд, когда идет речь о развитии методов теоретической физики, вообще нельзя говорить о тупиковых путях.

В частности, в течение десятилетий теория поля в многомерных пространствах, называемая теорией Калуцы—Клейна—Фока—Румера [...], рассматривалась как абсолютная экзотика, пока не стала, в связи с развитием супергравитации и теории суперструн, стандартным рабочим аппаратом. По существу, метод 5-того времени, названный методом собственного времени, был исполь-

¹ Аристарх Самосский (ок. 310 до н. э.—ок. 230 до н. э.) — древнегреческий философ, астроном и математик. Впервые предложил гелиоцентрическую систему мира, разработал научный метод определения расстояний до Солнца и Луны, их размеров.

² Бройль Луи, де (1892—1987), французский физик-теоретик, один из основоположников квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1929). Член Французской академии (1944), Парижской академии наук (1933), ее неперменный секретарь (с 1942 по 1975).

³ D. Delphenich — И. А. Крайневой от 30.08.2016. Архив автора.

⁴ Хриплович Иосиф Бенционович (р. 1937), физик-теоретик, член-корреспондент РАН (2000). Внес вклад в теорию элементарных частиц, квантовую теорию поля, атомную физику и общую теорию относительности. С 1959 по 2014 работал в Институте ядерной физики СО РАН, ныне профессор кафедры квантовой механики физического факультета СПбГУ.

⁵ Коноплева Н. П. А. З. Петров и его время: мои воспоминания. Препринт № 52. ОИЯИ. Дубна, 2012. С. 9.

⁶ Владимиров Ю. С. Геометрофизика. С. 296—304; P. Vizgin, Unified Field Theory in the first third of the 20th century. Birkhauser, 1994. P. 231.

зован в знаменитой статье Юлиана Швингера по вычислению эффективного действия в квантовой электродинамике (J. Schwinger, On Gauge Invariance and Vacuum Polarization, *Physical Review*, 82, 664—679, 1951). Этот метод затем был переформулирован Брайсом де Виттом для квантовой теории поля в искривленном пространстве-времени (см., напр. В. С. DeWitt, *Dynamical Theory of Groups and Fields*, Gordon and Breach, New York, 1965; русский перевод: Б.С. де Витт, *Динамическая теория групп и полей*, Наука, Гл. ред., физ.-мат. лит-ры, Москва, 1987, глава 17). Метод собственного (или 5-того) времени уже давно вошел в учебники квантовой теории поля и использовался, наверное, в сотнях статей¹.

Точка зрения Бухбиндера согласовывается с мнением Дельфенича, приведенным выше, а также с мнением еще одного специалиста в области математической физики из Польши — А. Ядчука (A. Jadczyk)², с которым автор также состояла в переписке. Завершить данный фрагмент научной биографии Ю. Б. Румера можно только философским рассуждением о том, что будущее науки нужно считать открытым: в поле науки, которое по Бурдье является «ареной борьбы», известны случаи перехода теорий из разряда маргинальных в общепринятые.

Но вернемся в 1950-е годы. Еще в Енисейске Румер смог найти точное решение уравнений Навье — Стокса для затопленной струи с конечным потоком импульса³. В современной исследовательской практике продолжается изучение струйных потоков в затопленном пространстве, поскольку подобные течения используются во многих отраслях техники и технологии. Их практические применения многочисленны — форсунки двигателей, струйно-вихревые следы летательных аппаратов, нанесение покрытий, тестирование программ численного исследования сложных газодинамических потоков — и здесь можно встретить ссылки на ранние статьи Румера⁴. С 1950 по 1953 г. Юрий Борисович не имел работы. Тем не менее, библиография его трудов в этот период составляет около двух десятков статей. В числе его исследований, помимо оптики, в частности, интерпретация работы Онзагера о дипольной решетке Изинга. Ю. Б. Румер смог преодолеть математические трудности, разобрался в специальной алгебре, построенной Онзагером, и свел ее к алгебре спинов в многомерном евклидовом пространстве⁵. Л. Д. Ландау, представляя работу в УФН, писал: «Статья Ю. Б. Румера “Термодинамика плоской дипольной решетки” содержит оригинальное изложение работ по статистической термодинамике плоских решеток, проводившихся в последние годы рядом

¹ Бухбиндер И. Л. — Крайневой И. А. 13.09.2016. Архив автора. Ссылки на работы Ю. Б. Румера, см., например Starks S. A., Kosheleva O., Kreinovich V. *Kaluza-Klein 5D Ideas Made Fully Geometric* // Departmental Technical Reports (CS). 2005. Paper 246; Stern A. *Quantum Theoretic Machines. What is thought from the point of view of physics*. North-Holland Elsevier, 2000. P. 160—161, 180, 231—232. [Электронный ресурс] http://digitalcommons.utep.edu/cs_techrep/246 (дата обращения 13.09.2016).

² A. Jadczyk — И. Крайневой. 29.08.2016 (Архив автора).

³ Румер Ю. Б. Задача о затопленной струе // Прикладная математика и механика. 1952. Т. 16, № 2. С. 255—256.

⁴ Маликов З. М., Стасенко А. Л. Асимптотика затопленной струи и процессы переноса в ней // Труды МФТИ. 2013. Т. 5, № 2. С. 59—68.

⁵ Румер Ю. Б. Термодинамика плоской дипольной решетки // УФН. 1954. Т. 53, № 2. С. 245—284.

Семинар в ИРЭ СО АН СССР. 1960-е г.

авторов, главным образом Онзагером. Ю. Б. Румеру удалось достичь весьма существенного упрощения чрезвычайно сложного математического аппарата, который был использован в оригинальных работах указанных авторов, и в таком виде эта область стала доступной всякому физику-теоретику¹. Уже в декабре 1954 г. это исследование было отмечено премией Президиума АН СССР, оно стимулировало интерес к теории фазовых переходов и способствовало построению общей теории критических явлений. К ней он привлек В. Л. Покровского и А. З. Паташинского. Позже, в Институте радиофизики и электроники его теоретики проявили себя в различных областях теоретической физики: квантовой и классической механике (А. М. Дыхне, В. Л. Покровский, С. К. Саввиных, Ф. Р. Улинич), теории сверхпроводимости (В. Л. Покровский, М. С. Рывкин), электродинамике (А. М. Дыхне, И. А. Гилинский, А. П. Казанцев, В. Л. Покровский, С. К. Саввиных)².

1958—1985 гг. Завершающий период научной деятельности Румера, который определен как «научный коллаж»: теоретическая физика, теория унитарной симметрии, молекулярная биология, периодизация химических элементов, история науки, не менее плодотворен. Ю. Б. Румер не раз выступал по философско-методологической проблематике неклассической физики, которая хотя и сложилась в первой трети XX в., но продолжала быть актуальной. Его соавтором в этих работах чаще всего был Моисей Соломонович Рывкин (1919—1979). Этим работам присущ глубокий анализ той революции в физике, которая произошла в начале века (зарождение квантовой физики, создание специальной и общей теории относительности), а также новым проблемам современного авторов физического познания. На 1960-е гг. приходится расцвет

¹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 274.

применения математических методов в смежных науках, Ю. Б. Румер выступает не только как сторонник этих методов¹. Совместно с М. С. Рывкиным он дает философскую интерпретацию применения математических методов в физике. В его понимании физика микромира, которая имеет дело с элементарными частицами, требует не только новых приборов для эксперимента, она требует и высоко развитой физической теории. Теоретик может рассчитать новые закономерности, явления и свойства физического мира, но и конструирование новых приборов также требует теоретического расчета, предварительной теории ожидаемого явления. Кроме того, ими отмечено проникновение в теоретическую физику новых разделов математики, что обогащало обе науки².

На примере уравнений классической механики авторы прослеживают важнейшее свойство физической теории, сформулированной на языке математики, а именно: содержание уравнений теории гораздо богаче того, что в них первоначально было заложено. Рассмотрение этой особенности привело Румера и Рывкина к формулированию методологического принципа *гносеологического продолжения*. Название предложено ими по аналогии с известным в теории функций комплексного переменного принципом аналитического продолжения: если на плоскости комплексной переменной задана в некоторой области аналитическая функция, то, опираясь на знание этой функции в исходной области, можно определить ее значение в более широкой области. В этой связи авторы отметили факт радикального изменения роли математического аппарата в физике: если в ньютоновой физике математический аппарат применялся для короткой записи результатов эксперимента или как инструмент решения конкретной задачи, то теперь он используется для предсказания новых явлений, свойств и закономерностей физического мира³.

В 1960-е годы физика элементарных частиц переживает настоящий бум теории унитарной симметрии после предсказания в 1962 г. Ω^- -гиперон (омегаминус-частица) и его открытия в 1964⁴. Румер акцентирует внимание на методах теории групп в современной физике элементарных частиц по мере того, как выявляется наличие симметрии у физических объектов: симметрии не только геометрической, но и симметрий, связанных с переходом от одной системы отсчета к другой, симметрий, характерных для типов взаимодействий между частицами. Он применил симметричное обоснование к свойствам химических элементов и при систематизации генетического кода⁵. Работа по выявлению механизмов управления закономерностями химических элементов выполнена

¹ Румер Ю. Б. Метод исследования физического мира // За науку в Сибири. 26 августа. 1968. № 34. С. 2. Доклад на теоретической конференции «Математизация знаний», организованной Институтом математики СО АН СССР, Центральным бюро философских (методологических) семинаров АН СССР, Центральным комитетом ВЛКСМ. Конференция прошла в Академгородке 11—14 июля 1968 г. Председатель Оргкомитета чл.-корр. АН СССР А. А. Ляпунов.

² Румер Ю. Б., Рывкин М. С. Некоторые проблемы современного физического познания // Вопросы философии. 1964. № 7. С. 59—68.

³ Румер Ю. Б., Рывкин М. С. Роль математических методов в физике // Вопросы философии. 1967. № 5. С. 93.

⁴ Существование омега-гиперона было предсказано американским физиком М. Гелл-Манном в 1962 г. в рамках кварковой модели. Экспериментально открыт на ускорителе в Брукхейвенской национальной лаборатории на Лонг-Айленде в 1964 г.

⁵ Румер Ю. Б., Фет А. И. Группа Spin (4) и таблица Менделеева // Теоретическая и математическая физика. 1971. Т. 9, № 2. С. 203—210.

в соавторстве с Абрамом Ильичом Фетом¹, выдающимся математиком и философом. Ими была предложена групповая трактовка системы элементов на основе группы $SO(4)$. В результате их работ целый раздел химии, связанный с таблицей Менделеева, стал частью математической физики. В дальнейшем А. И. Фет продолжил работу самостоятельно в рамках более широкой конформной группы $SO(4,2)$, в 1984 г. им была подготовлена монография². Но данное направление практически не получило развития в России по причине высокой сложности предмета, который требовал глубокого знания физики, химии и математики. Блестящее владение математическим аппаратом теоретической физики нашло отражение в двух совместных монографиях Румера и Фета «Теория унитарной симметрии» (1970 г.) и «Теория групп и квантованные поля» (1977 г.).

Ю. Б. Румер получил неожиданные и интересные результаты при групповом анализе генетического кода, важнейшего объекта современной биологии. Исследуя симметрию в генетическом коде, Румер предложил свой подход к фундаментальной проблеме вырожденности генетического кода (соответствия нескольких кодонов одной аминокислоте)³. Ученик и соавтор Юрия Борисовича Б. Г. Конопельченко писал: «Весь подход Румера к проблемам генетического кода был настолько симметрично-лингвистический, что, хотя и вызывал большой интерес у исследователей генетического кода того времени, все же казался им чересчур формальным. Они не пережили еще период, аналогичный буму унитарных симметрий в физике элементарных частиц в шестидесятых годах. Для Юрия Борисовича, главные интересы которого в шестидесятые годы были связаны с унитарными симметриями (типа группы $SU(3)$...), такой подход был естественным. Симметрия правит бал в физике. А почему бы не в молекулярной биологии?»⁴. При выходе из печати эта его работа вызвала живейший интерес и поток писем широкого круга биологов с просьбой прислать оттиск — от первооткрывателя структуры ДНК нобелевского лауреата Френсиса Крика⁵ до молодых африканских генетиков⁶. Подход, предложенный Юрием Борисовичем, актуализирован в современной практике отечественных и зарубежных исследователей. Работы Румера и его соавторов М. В. Волькенштейна и Б. Г. Конопельченко признаны пионерными в области матричной генетики (matrix genetics)⁷. Не так давно, в начале 2016 г. статьи Румера были переведены на английский язык, опубликованы на сайте Лондонского королевского общества как часто цитируемые и важные для широкого исследовательского сообщества (Due to their

¹ Фет Абрам Ильич (1924—2007) — российский математик, физик, философ и публицист, переводчик и просветитель, доктор физико-математических наук. В 1965 г. Фет начал сотрудничать с Ю. Б. Румером.

² Фет А. И. Группа симметрии химических элементов. Новосибирск, 2010. 238 с. Книга не была издана в 1984 г.

³ Румер Ю. Б. О систематизации кодонов в генетическом коде // Докл. АН СССР. 1966. Т. 167, № 6. С. 1393—1394.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 442.

⁵ Крик Фрэнсис (1916—2004) — британский молекулярный биолог, врач и нейробиолог. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 г. совместно с Джеймсом Д. Уотсоном и Морисом Х. Ф. Уилкинсом «За открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живых системах».

⁶ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 445—446.

⁷ Symmetrical analysis techniques for genetic systems and bioinformatics: advanced patterns and applications. Hershey-New York: Medical Information Science Reference, 2010. P. 8.

importance and their frequent citation, we here present translations of these articles into English in order to make them accessible to a broader community)¹.

Интервал с середины 1960-х и до 1978 г., когда Ю.Б. отошел от административных дел, является периодом его активной преподавательской деятельности в Новосибирске. Еще в 1955 г., после реабилитации, Юрий Борисович стал заведовать кафедрой теоретической физики и астрономии в Новосибирском педагогическом институте (НГПИ), где прослужил до конца 1962 г.² Он читал лекции по термодинамике и специальной теории относительности и, видимо, по астрономии, поскольку эти лекции он читал и в начале своей работы в НГУ в 1962—1963 гг.³ Его студент, в будущем — преподаватель, профессор НГПИ (ныне НГПУ), Кузьма Александрович Рязанцев (1941—2022) вспоминал: «Юрий Борисович лекции читал блестяще — доступно, но вполне строго, без скидок на наше “пединститутское происхождение”. Насколько я могу об этом судить только сейчас, к этому делу он относился очень ответственно (не так, как многие из нынешних совместителей), считая нас в будущем важным звеном в становлении физического образования в стране и в развитии физики. Об этом свидетельствует, во-первых, стиль его лекций. Юрий Борисович часто отвлекался от программы курса и рассказывал о последних достижениях в физике и не только — о микроскопической теории сверхпроводимости, создании лазеров, открытии пространственной структуры ДНК и т. д.»⁴.

В этот период совместно с М. С. Рывкиным написан учебник по теории относительности для студентов педагогических вузов и преподавателей физики в школах⁵. Авторы изложили основные положения и результаты теории относительности, приложения (квантовая теория света, теория ускорителей, энергетика ядерных реакций). Они широко иллюстрировали изложение конкретными физическими примерами, используя математический аппарат из курса математики педагогических и технических вузов с использованием основ дифференциального и интегрального исчисления и аналитической геометрии. Книга была переиздана в серии «Физико-математическое наследие» в 2010 г.

Новосибирский государственный университет в Академгородке начал свою работу в 1959 г., Румер некоторое время — заведующий кафедрой радиофизики и электроники. В мае 1962 г. он подает заявление на должность профессора кафедры теоретической физики, и в этом качестве он связан с университетом до 1978 г. Заведовал кафедрой теоретической физики (а также отделом теоретической физики в Институте математики СО АН СССР) проректор по учебной и научной работе НГУ член-корреспондент АН СССР Дмитрий Васильевич Ширков⁶, который конкурировал с Румером на выборах

¹ Fimmel E., Strüningmann L. Yury Borisovich Rumer and his 'biological papers' on the genetic code// [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [London], 2016. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsta.2015.0228> (дата обращения: 29.03.2023).

² Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_4564&eid=Ru_0002_0013

³ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 59. Л. 36.

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 523—524.

⁵ Румер Ю. Б., Рывкин М. С. Теория относительности. М.: Учпедгиз, 1960. 212 с.

⁶ Ширков Дмитрий Васильевич (1928—2016) — физик, действительный член РАН (1994), член-корреспондент АН СССР (1960), зав. Отделом теоретической физики ИМ СО АН СССР (1960—1969).

в Академию по Сибирскому отделению в 1958 г.¹ В начале 1960-х гг. НГУ активно работает с учительской аудиторией. Ю. Б. Румер в числе тех ученых СО АН, кто читает лекции для курсов повышения квалификации учителей физики городов Новосибирска и Барнаула в 1962 и 1963 гг. Вместе с ним работали его коллеги по ИРЭ В. Л. Покровский, Н. И. Кабанов, математики А. А. Ляпунов, В. А. Топоногов² и другие³.

В университете Ю. Б. Румер читал лекции и вел спецкурс по термодинамике и статистической физике для студентов 4 курса, работал в Государственной экзаменационной комиссии, являлся членом Ученого совета физического факультета (с 1963 по 1970 г.)⁴. В НГУ продолжалось сотрудничество Ю. Б. Румера и М. С. Рывкина. Они вместе разрабатывали лекции и семинары по теории элементарных частиц в 1964—1965 учебном году⁵. Лекции переиздаются, под влиянием Моисея Соломоновича их изложение обрело философскую нагруженность. В это же время Юрий Борисович ведет спецкурсы «Метод функций Грина в статистической физике» и «Систематика элементарных частиц»⁶.

В воспоминаниях физиков, которые учились у Румера, содержатся хорошие отзывы о его преподавании⁷. Приведем один из них, принадлежащий академику Е. А. Кузнецову: «Мне посчастливилось, в бытность студентом физфака, слушать его замечательные лекции по статистической физике и термодинамике, а потом, после окончания университета, быть ассистентом (семинаристом) по его курсу. Его лекции были замечательными по способу изложения, всегда четкими и понятными, по крайней мере, для меня и многих слушателей. Хочу сказать, что его учебник, написанный совместно с М. С. Рывкиным, «Термодинамика, статистическая физика и кинетика» я считаю по некоторым параметрам лучше известной книги Ландау—Лившица «Статистическая механика». Для меня Юрий Борисович был классическим образцом профессора»⁸.

Во второй половине 1960-х гг. кафедра теоретической физики совместно с кафедрой общей физики перестраивает свою работу так, чтобы синхронизировать чтение лекций по общей и теоретической физике (единый курс физики). Были созданы методические комиссии, которые должны были согласовать программы нового курса и уточнить их разделы. В работе одной из них Ю. Б. Румер принимал участие⁹. В 1960-е гг. он активен по линии общества «Знание». Очевидец вспоминал его лекции: «Народу на них набивалось вдвое больше того, что могла вместить самая большая аудитория на Комсомольском проспекте, 20 (учебный корпус пединститута) или читальный зал областной библиотеки. Юрий Борисович рассказывал о своих встречах с великими физиками, их работах, о значении этих работ для развития науки и техники и важ-

¹ Видимо, у Д. В. Ширкова как участника Атомного проекта шансы были выше, поскольку в 1960 г. он был избран. Покинул Академгородок в начале 1970-х.

² Топоногов Виктор Андреевич (1930—2004) — математик, ученик А. И. Фета. Некоторое время работал у Румера в ИРЭ.

³ ГАНУ. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 59. Л. 30—31.

⁴ Там же. Д. 910. Л. 18. В списке членов УС ФФ НГУ на 1971—1972 годы Румер уже не значится.

⁵ Там же. Д. 182. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 202. Л. 14.

⁷ О времени и о себе. ФФ НГУ 1963—1968. Новосибирск, 2013. 748 с.

⁸ Е. А. Кузнецов — И. А. Крайневой. 28.07.2023. Архив автора.

⁹ ГАНУ. Ф. 1848. Оп.1. Д. 431. Л. 25.

нейших современных исследованиях не только в области физики, но и в биологии, химии»¹. Это было время просветительства, популярных лекций, научно-популярных журналов и дискуссий «физиков» и «лириков».

Под влиянием и опекой Ю. Б. Румера в СО АН вырос сильный коллектив физиков-теоретиков: В. Покровский, Ф. Улинич, М. Минц, А. Дыхне, А. Казанцев, Б. Конопельченко, Г. Сурдутович, С. Саввиных, А. Чаплик, Э. Батыев, М. Энтин, И. Гишинский, Л. Магарилл, А. Паташинский и др. Некоторые из них живут за рубежом, куда вынуждены были уехать в 1990-е гг. Александр Зиновьевич Паташинский работал с Румером в Институте ядерной физики СО АН СССР с 1968 и до конца 1970-х гг. Он так охарактеризовал личность Румера: «Есть некоторое сходство (при различии масштабов) в качествах между Ю.Б. и М. Борном, его учителем. Борн был главой Копенгагенской школы² во многом по служебному положению. Возможно, так и нужно: иметь материальную (служебную) возможность быть хозяином, собирающим талант под одной крышей и регулирующим климат под этой крышей. В этом смысле Ю. Б. помогал Дау³ в житейских вопросах в 30-е, когда он имел какие-то возможности устроить, например, Померанчука⁴, и в Новосибирске он помогал многим (включая Валерия Покровского который это хорошо описал)⁵. Так что школа Ю.Б. это не научная школа, а скорее школа жизни. Около него было теплее жить тем, кто не был достаточно хищным или хитрым для успеха в окружающей действительности, но любил интеллигентские занятия: науку, литературу, дискуссии, воспоминания... Увы, обстоятельства Советской власти и России не дали Ю.Б. стать российским Борном. Вспомнил его слова (по памяти, по смыслу): Саша, мне жаль нынешних наших студентов, у них нет правильной единицы масштаба. Я и Ландау — мы видели Эйнштейна, хорошая единица. Вы видели Ландау, единица поменьше, но все еще хорошо различимая. А они видят Румера...»⁶.

Представляется, что и А. З. Паташинский, и сам Юрий Борисович преуменьшали его роль в становлении школы теоретической физики в Новосибирске. Стиль Румера — это и был стиль Борна: оставаясь на острие науки, он не заботился тем, чтобы его ученики окружали его плотным кольцом. Он «ставил их на крыло» и отпускал туда, где они могли продолжить развитие своего потенциала. Его школа — это школа-мастерская, а тип его лидерства — эмоциональный, когда лидер вызывает доверие, уважение, психологический комфорт, хотя в признании лидерских качеств Румера немаловажную роль играла и его эрудиция. Достаточно назвать некоторых питомцев Ю. Б. Румера, которые получили возможность научного роста под его покровительством. В 1959 г. Румер передал теоретдел ИРЭ Валерию Леонидовичу Покровскому, своему лю-

¹ Юрий Борисович Румер. Физика, XX век. С. 524.

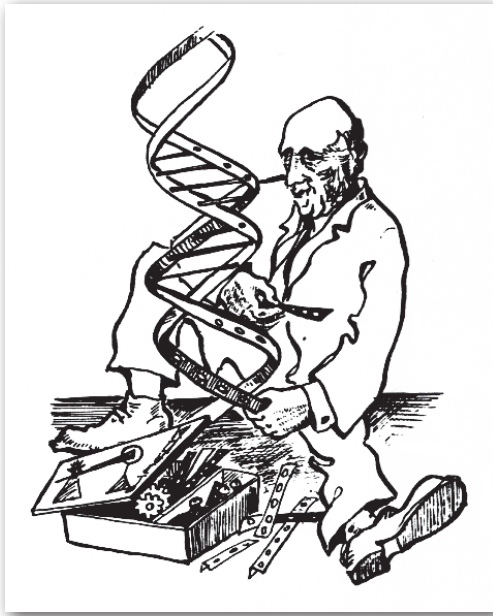
² Главой Копенгагенской физической школы был Нильс Бор. (См. «Юрий Борисович Румер: Физика, XX век», с. 111). В данном случае речь идет о школе М. Борна, которую он создал в Геттингене.

³ Дау — прозвище Льва Давидовича Ландау, Ю. Б. Румера — Рум.

⁴ Померанчук Исаак Яковлевич (1913—1966), физик-теоретик, академик АН СССР (1964). Работы по физике твердого тела, физике низких температур, электродинамике электронов, позитронов и мезонов, в области теории нейтронных реакторов и др. Профессор МИФИ.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 480—491.

⁶ Паташинский А. З. — Крайневой И. А. 01.01.2014 г. Архив автора.

Ю. Б. Румер «конструирует» спираль ДНК.
Шарж 1980-х гг.

бимому ученику. В 1966 г. д. ф.-м. н. В. Л. Покровский продолжил работу в Институте теоретической физики им. Л. Д. Ландау АН СССР, где разрабатывал теорию сверхпроводимости и куда Ю. Б. Румер тоже рассчитывал со временем перебраться. Ныне Покровский живет в США, в 1992 г. став профессором университета «Texas A&M». В 1960 г. под руководством Румера и Покровского защитил кандидатскую Александр Михайлович Дыхне (1933—2005), будущий академик (1992) и директор Центра теоретической физики и вычислительной математики Троицкого института инновационных и термоядерных исследований¹.

Талантливым исследователем проявил себя в ИРЭ Александр Пе-

трович Казанцев (1934—1989), чьи научные интересы были связаны с лазерной физикой, а после его перехода в 1967 г. в Институт теоретической физики им. Л. Д. Ландау он выполнил свои основные работы по квантовой теории лазера и заложил основы современной теории резонансного светового давления. Как написал о нем другой сотрудник Ю. Б. Румера, ныне академик Александр Владимирович Чаплик: «Преждевременная смерть сделала невозможным рассмотрение его в качестве кандидата на присуждение Нобелевской премии по физике в 1990-е гг. (за магнитно-оптические ловушки и бозе-конденсацию охлажденных газов)»². Сам А. В. Чаплик, специалист в области теории твердого тела и теорий атомных и молекулярных столкновений, ныне руководит лабораторией теоретической физики в Институте физики полупроводников им. А. В. Ржанова СО РАН. Нужно упомянуть и известного в Новосибирском Академгородке геометра д. ф.-м. н. Виктора Андреевича Топоногова (1930—2004). Из-за конфликта и последующего ухода из Томского университета его руководителя А. И. Фета Топоногов был отчислен из аспирантуры. Юрий Борисович предоставил ему работу в своем институте (1956—1961), поддержав его научные изыскания в области многомерных римановых многообразий, в итоге он смог защитить кандидатскую диссертацию в 1958 г. Вот контраргументы к рассуждениям Паташинского.

Ю. Б. Румер выполнил ряд работ по истории науки, в том числе в январе 1976 г. подготовил доклад для Научной сессии в Институте истории естествознания и техники АН СССР, посвященной 50-летию квантовой механики.

¹ Памяти Александра Михайловича Дыхне // УФН. 2005. Т. 175, № 2. С. 221—222.

² 40 лет Институту физики полупроводников Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск, 2004. С. 73.

Юрий Борисович изложил историю развития физических идей, на основе которых была создана квантовая теория¹. Исторические эссе Ю. Б. Румера для научных и научно-популярных журналов посвящены А. Эйнштейну, Л. Д. Ландау и М. Борну². Впервые о своем учителе Максе Борне Юрий Борисович написал статью к пятидесятилетию ученого³, следующая его более обширная публикация появилась в 1962 г., когда Борну исполнилось 80⁴. Об Эйнштейне написаны эссе в 1955 г., 1977 и 1979 гг.⁵ О Ландау первая публикация появилась лишь в 1974⁶.

Таким образом, научное наследие Ю. Б. Румера получило в наши дни новый импульс в той части его работ, которые касаются систематизации генетического кода и в свое время не были завершены по объективным причинам: неполноты экспериментальных данных, отсутствия компьютеров. Теперь же эти исследования активно развиваются у нас и за рубежом. Приоритет Румера признан в этой области. Его пятиоптика заняла свое историческое место в ряду исследований по созданию единой теории поля. Школа теоретической физики, школа-мастерская Румера приобрела черты незримого колледжа, поскольку его ученики работали и работают в разных странах мира: в России, Бразилии, Италии, США, где продолжили успешно готовить научную смену.

Глава 3. Дела судебные: Юрий

Актуальность более пристального рассмотрения периода жизни Ю. Б. Румера, когда он был арестован и осужден (апрель 1938—май 1940 гг.), вытекает из обстоятельств, когда роль одного человека могла оказаться фатальной для судеб целой науки, в данном случае — теоретической физики в СССР. Это исследование основано на анализе репрессивного потенциала власти, его воздействия на ученых в целях подчинения и подавления инакомыслия, феномена, лежащего вне научного дискурса. В итоге этих воздействий и трансформаций Румер приобрел опыт в результате смены доминирующего проекта власти, что не только кардинально изменило его персональную историю, но могло существенно изменить условия функционирования самой физической науки.

В контексте истории отечественной науки, материалов, уже введенных в научный оборот, а также на основе архивно-уголовного дела физика-теоретика

¹ Румер Ю. Б. Квантовая механика — 50 лет: доклад. Новосибирск, 1976. Препринт АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т ядерной физики, № 76—77. С. 26.

² Румер Ю. Б. «Пластинки». К 100-летию со дня рождения. Запись сделана в 1962 г. в Москве в доме А. Ливановой, знавшей ЮБ еще с того времени, когда она была студенткой физфака МГУ. См. также <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer7/Rumer1.htm>. Румер Ю. Б. Макс Борн (К восьмидесятилетию со дня рождения) // УФН. 1962. Т. 78. № 4. С. 695—699.

³ Румер Ю. Б. К пятидесятилетию Макса Борна // УФН. 1933. Т. 13, № 1. С. 152.

⁴ Румер Ю. Б. Макс Борн (К восьмидесятилетию со дня рождения) // УФН. 1962. Т. 78, № 4. С. 695—699.

⁵ Румер Ю. Б. Крупнейший физик современности [А. Эйнштейн. 1895—1955] // Сибирские огни. 1955. № 6. С. 156—164; Он же. Неизвестные фотографии Эйнштейна // Природа. 1977. № 9. С. 108—111; Он же. Последний из «классиков». К 100-летию со дня рождения А. Эйнштейна // Литературная газета. 14 марта 1979. № 11.

⁶ Румер Ю. Б. Странички воспоминаний о Ландау // Наука и жизнь. 1974. № 6. С. 99—101.

Фото Ю. Б. Румера из следственного дела. 1938 г.

д. ф.-м. н. Юрия Борисовича Румера¹ раскроется еще одна страница истории «Большого террора» — периода массовых репрессий в СССР накануне Великой Отечественной войны. Актуальность исследования, выполненного на примере персональной истории ученого, который стал жертвой советского репрессивного механизма, определяется незавершенностью представлений о самом этом механизме. Ограниченность источников по проблеме — дело доступно не полностью — позволяет, тем не менее, выдвинуть историческую гипотезу о планировании в недрах НКВД громкого судебного процесса над советскими и зарубежными физиками — так называемого «Дела физиков», обвиняемых в шпионаже в пользу фашистской Германии, в подготовке международного заговора, направленного на подрыв и уничтожение советской физики².

Вероятность планирования такого процесса вытекает из логики и практики «Большого террора», карающая машина которого затронула все социальные страты общества по вертикали и по горизонтали. По данному проекту власти не должно было быть ни одной социальной группы, которой удалось

¹ ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Материалы дела, которые были предоставлены частично, были скопированы сыном Ю. Б. Румера М. Ю. Михайловым. По свидетельству Михаила Юрьевича, «В деле Ю. Б. Румера вплоть до 16 июля 1938 года отсутствуют документы, фиксирующие какие-либо следственные действия, но это не означает, что в этот период допросы вовсе не проводились. [...] Последовавшие интенсивные допросы (в августе 1938 г. — И. К.) позволили окончить следствие за две недели, а объем следственных материалов составил 56 листов (листы 16—72). К сожалению, эти документы до настоящего времени засекречены и не доступны для ознакомления. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 451—452.

² Крайнева И. А. Ю. Б. Румер и «Дело физиков» (апрель 1938—май 1940 гг.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2014. Т. 13, № 1. С. 97—107.

бы избежать наказания и устрашения, а в результате, всех следовало привести к покорности и непротивлению действиям властей¹. Научное сословие как часть российской интеллигенции также подверглось репрессиям.

Доступные нам материалы позволяют не только дополнить представления о репрессивной практике Советского государства в целом, но также расширить знания о преследовании ученых. На персональном уровне исследования удалось также выявить и объяснить феномен мифологизации персональной истории, который проявился в результате обвинения уголовного характера, сфабрикованного органами НКВД.

В данном разделе ставится исследовательская задача выявить, насколько документы из следственного дела Румера позволяют получить представление о коллизиях конца 1930-х гг., проследить их влияние на судьбу ученого и его окружения в контексте взаимодействия власти и науки. Поместив персональную историю в исторические реалии 1930-х гг.: с идеологическими кампаниями в СССР, со сменой внутривластного и международного курса, реорганизацией науки и других институтов, в сфере воздействия которых оказалась данная персональная история, возможно решить поставленную задачу. Исторический контекст включает внутреннюю политику правительства СССР в области науки, международные отношения накануне Второй мировой войны, развитие самой физической науки, персональные истории из окружения Ю. Б. Румера.

Внутренняя политика Советского государства в отношении науки в рассматриваемый период характеризовалась двумя разнонаправленными тенденциями: политикой устрашения и подчинения всех социальных институтов, в том числе и науки, властным структурам, и политикой сотрудничества с учеными как носителями технического знания, необходимого для укрепления обороноспособности страны и ее хозяйства. Отсюда разнообразие методов воздействия, которые власть имела в своем арсенале. Начало 1930-х годов совпало с очередным поворотом (кризисом по Колчинскому) в научной политике Советского государства от пролетарской и леворадикальной к консервативной и национально-государственной, ознаменовав завершение культурной революции. Сталинское руководство, ранее делавшее ставку на так называемую красную профессию, было вынуждено принять во внимание незаменимость специалистов, получивших образование в других социальных условиях и не всегда к нему лояльных. Наряду с положительными сдвигами в господдержке советской науки происходили характерные для того периода события, свидетельствовавшие об усилении тотального контроля за умонастроениями, передвижением и общением ученых (сциентистский тоталитаризм)². Репрессивные механизмы, выполнявшие устрашающую функцию, работали с новой силой³. Они принимали разные формы: громких разоблачительных кампаний, арестов, ссылок, использования специалистов в закрытых конструкторских бюро — «шарашках», заключения в лагерях, высшей меры наказания — расстрела.

¹ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937—1938. Краткая хроника. http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения 30.03.2023).

² Огурцов А. П. Наука и власть // Тез. Второй конференции по социальной истории советской науки. Препр. ИИЕТ АН СССР. М., 1990. № 35. С. 39—40.

³ Соболев В. С. Нести священное бремя прошлого... СПб.: Нестор-История, 2012. С. 152—163.

Поскольку наука в предвоенном СССР стала одним из факторов развития и укрепления экономики, а советские ученые, помимо всего прочего, играли заметную роль в создании положительного имиджа страны посредством научных коммуникаций, эти обстоятельства отразились на отношении власти к данной социальной страте. Само состояние советской науки, в частности физики, в заявленный период свидетельствует о том, что она формировалась и институализировалась как самостоятельная и успешная. Физика в СССР получила признание коллег из европейских стран, где существовало несколько сильных физических школ, группировавшихся вокруг таких лидеров, как Нильс Бор, Макс Борн, Эрнст Резерфорд и другие. Многие советские физики приумножили свой научный капитал, стажирясь в разное время за рубежом: Д. С. Рождественский¹, Н. Д. Папалекси², А. Ф. Иоффе, И. В. Обреимов, П. Л. Капица, И. Е. Тамм, Б. М. Гессен, Л. В. Шубников, А. И. Лейпунский, Г. А. Гамов, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Румер и др.

Признание важности физических исследований в СССР выразилось в материальной поддержке этой отрасли науки: в начале 1930-х годов преодолевался недостаток физического оборудования, создавались новые учреждения, расширялся штат сотрудников. Евгений Львович Фейнберг (1912—2005), в те годы студент МГУ, вспоминал: «Я сам видел, как стали наполняться пустые ранее шкафы в Институте физики Московского университета. Так, появились в огромном количестве зеркальные гальванометры “ФИ” производства Ленинградского физического института. Сначала половина из них сразу выходила из строя, но с каждым годом качество их улучшалось... Появились и оптические приборы. В Радиевом институте в 1932 г. начали строить циклотрон³, в Харькове — еще ранее — ускоритель Ван де Граафа⁴, и промышленность выполняла специальные заказы»⁵.

В 1930-х гг. при активной поддержке государства создается Физический институт им. П. Н. Лебедева⁶ АН СССР (ФИАН) под руководством С. И. Вавилова, в мае 1935 г. началось строительство лабораторного корпуса для Ин-

¹ Рождественский Дмитрий Сергеевич (1906—1940), физик, основатель и первый директор (1918—1932) Государственного оптического института (ГОИ), один из организаторов оптической промышленности в СССР, академик АН СССР (1929). Работы по атомной спектроскопии начала 1920-х годов выдвинули Д. С. Рождественского в число ведущих ученых-исследователей страны.

² Папалекси Николай Дмитриевич (1880—1947), физик, академик АН СССР, основоположник советской радиоастрономии. Председатель Всесоюзного научного совета по радиофизике и радиотехнике при АН СССР (1944—1947). Автор научного открытия «Явление радиоизлучения солнечной короны».

³ Циклотрон — циклический резонансный ускоритель тяжелых частиц (протонов, ионов). Проект предложен американским физиком Р. Ван де Граафом в 1931 г. Запущен в Харькове в 1937 г. (Van der Graaf Generator).

⁴ Генератор высокого напряжения, который применялся в ядерных исследованиях для ускорения различных заряженных частиц.

⁵ Фейнберг Е. Л. Игорь Евгеньевич Тамм // УФН. 1995. Т. 165, № 7. С. 814.

⁶ Петр Николаевич Лебедев (1866—1912) — русский физик-экспериментатор, первым подтвердивший на опыте вывод Максвелла о наличии светового давления и первым разработавший основы резонансного воздействия полей на резонаторы независимо от их природы. Создатель первой в России научной физической школы.

Конференция по новейшим проблемам физики.

Первый ряд (слева направо): Д. Д. Иваненко, Л. В. Розенкевич, Н. Бор, Л. Д. Ландау, Я. И. Френкель, -, И. Е. Тамм. Второй ряд: -, Л. Тисса, Ю. Б. Румер, за Таммом В. А. Фок. Харьков, УФТИ, 1934 г.

ститута физических проблем, директором которого стал П. Л. Капица¹, происходит укрупнение физических институтов в Ленинграде. Физико-технический институт А. Ф. Иоффе стал прародителем физико-технических институтов в Томске, Днепропетровске, Свердловске и Харькове. Харьковский физико-технический институт становится одним из центров теоретической физики мирового уровня благодаря работам Л. В. Шубникова и Л. Д. Ландау в области низких температур. Здесь в мае 1934 г. состоялась Всесоюзная конференция по теоретической физике, в которой принимал участие Нильс Бор². На этой конференции был и Юрий Борисович Румер: он использовал любую возможность для общения с Ландау, который в это время возглавлял теоретдел УФТИ.

Здесь же в Харькове стали издавать журнал *Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion* (1932—1938), в котором публиковались статьи на немецком, английском и французском языках — советские работы получили выход за границу. Главным редактором нового журнала был А. Ф. Иоффе, в состав редколлегии входили Я. И. Френкель, Б. М. Гессен, А. И. Лейпунский, Л. И. Мандельштам, И. В. Обреимов, А. Вайсберг³, С. И. Вавилов, Л. В. Розенкевич, Д. С. Рождествен-

¹ В 1934 г. П. Л. Капица приехал в СССР на Менделеевский съезд из Великобритании, где он работал у Эрнста Резерфорда. Обратного ему не разрешили. Резерфорд, смирившись с потерей одного из лучших своих сотрудников, согласился с предложением советских властей выкупить оборудование лаборатории, подготовленной им для Капицы.

² Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. С. 383.

³ Вайсберг Александр Семенович или Вайсберг, также Вайсберг-Цыбульский (1901—1964), польско-австрийский физик еврейского происхождения, инженер, писатель, предприниматель. Коммунист. В 1931—1937 гг. работал в Харьковском физико-техническом институте, арестован по сфабрикованным обвинениям, более трех лет находился в советских тюрьмах, выдан гестапо. Бежал из Краковского гетто, в 1944 г. участвовал в Варшавском восстании. Эмигрировал во Францию, написал несколько книг по истории.

ский и другие¹. Столь раннее закрытие журнала связано не только с арестами многих членов редколлегии. Зарубежные контакты стали подозрительны.

Реализация внутренней политики правительства СССР в отношении науки в преддверии 1930-х гг. осуществлялась и по другим каналам влияния, которые привели, по мнению одного из участников событий, к «установлению идеологической и методологической диктатуры»². Ярким выражением проявления новой научной политики явились события 1927 (изменение Устава АН) и 1928 г. (выборы в АН с проталкиванием партийно-правительственных кандидатов), которые показали стремление власти добиться покорности Академии. Постановление Совнаркома, утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б), о переводе Академии из Ленинграда в Москву в апреле 1934 г. «с целью дальнейшего приближения всей работы Академии наук к научному обслуживанию [курсив мой — И. К.] социалистического строительства», что поставило АН в ряд «отраслевых» министерств государства, подчинило ее влиянию структур партийно-государственного аппарата³.

Консолидация советской государственной системы предвоенного периода включала и репрессивную политику государства⁴, которая касалась как отдельных институций, так и персоналий⁵. В период «Большого террора», когда был арестован и Ю. Б. Румер, подверглись преследованию и были убиты многие советские ученые, в том числе физики. В 1930-е гг. было проведено несколько специально направленных против ученых кампаний, таких как «Академическое дело» начала 1930-х гг., «Дело немецкой фашистской организации в СССР» 1935 г. против деятелей науки и искусства, «Дело Лузина» 1936 г., «Дело Украинского физико-технического университета (УФТИ)» 1937 г. против физиков-теоретиков и другие. По делу УФТИ были расстреляны руководитель первой криогенной лаборатории Л. В. Шубников⁶, руководитель лаборатории атомного ядра Л. В. Розенкевич⁷, руководитель рентгеновского отдела В. С. Горский⁸,

¹ Еще несколько слов о *Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion* [Электронный ресурс] <http://traveller2.livejournal.com/402694.html> (дата обращения 30.03.2023).

² Цит. по Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201—235.

³ Есаков В. Д. Штаб советской науки меняет адрес // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 9. С. 840—848.

⁴ Колчинский Э. И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 728—782; Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937—1938. Краткая хроника // [Электронный ресурс] http://www.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения 04.06.2013).

⁵ Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914—1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3—24; Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год (собрание в ФИАНе в апреле 1937) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 54—75; Горобец Б. С. Неизвестное о подвиге академика П. Л. Капицы, спасшего Л. Д. Ландау из тюрьмы НКВД (новая версия) [Электронный ресурс] <http://www.7iskusstv.com/2012/Number2/Gorobec1.php> (дата обращения 24.06.2013); Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения: о чем рассказали секретные архивы 1930—50-х гг. М., 1992. 262 с.

⁶ Шубников Лев Васильевич (1901—1937) — российский физик-экспериментатор, специалист в области физики низких температур, профессор, соавтор открытия «Эффект Шубникова—де Хааза». Реабилитирован в 1956 г.

⁷ Розенкевич Лев Викторович (1905—1937), физик-теоретик, профессор. Реабилитирован в 1956 г.

⁸ Горский Вадим Сергеевич (1905—1937), физик, специалист по рентгеноструктурному анализу. Реабилитирован в 1957 г.

а также сотрудники УФТИ В. П. Фомин и К. Б. Вайсельберг¹. Двое немецких специалистов — Ф. Хоутерманс (Гаутерманс)² и А. Вайсберг — выданы Германии в 1940 г. В 1938 г. были арестованы И. В. Обреимов³, основатель и директор УФТИ в 1929—1933 гг., А. И. Лейпунский⁴, директор УФТИ в 1933—1937 гг.

После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. был арестован ряд ученых-физиков: В. А. Фок, Е. Ф. Гросс, В. К. Прокофьев, Д. Д. Иваненко, Г. Г. Слюсарев, Л. С. Сазонов и другие. Первых троих отпустили, остальные были сосланы⁵. «Пулковское дело» 1936—1937 гг.хватило не только астрономов, но и ученых различных специальностей в нескольких научных центрах⁶. В декабре 1936 г., был в частности, арестован и осужден на 10 лет физик, член-корреспондент АН СССР (1933) Ю. А. Крутков (1890—1952), реабилитированный в 1957 г. В 1937 г. при массовом характере репрессий вновь был арестован (и освобожден по просьбе П. Л. Капицы) физик-теоретик В. А. Фок. Арестован и осужден на пять лет ИТЛ заведующий кафедрой электричества физфака ЛГУ и научный сотрудник ЛФТИ, член-корреспондент АН СССР (1933) П. И. Лукирский (1894—1954), а талантливый физик, д. ф.-м. н. М. П. Бронштейн (1906—1938) приговорен к расстрелу. В Ленинграде на физфаке ЛГУ арестованы профессор ЛГУ, декан факультета, директор Физического НИИ, ученый секретарь и заведующий теоретической лабораторией ЛФТИ В. Р. Бурсиан (1886—1937) и теоретик электроразведки профессор ЛФТИ и ЛГУ В. К. Фредерикс (1885—1943). Оба реабилитированы посмертно в 1956.

Аресты сопровождались разоблачительными кампаниями в учреждениях, в которых ранее арестованные осуществляли «свою вредительскую деятельность», в том числе в физических институтах. Эти кампании использовались некоторыми физиками для упрочения своих позиций. В августе 1936 г. был арестован директор НИИФ МГУ Б. М. Гессен, в декабре его расстреляли. Это событие долго сотрясало и НИИФ, и ФИАН, где работал Румер. В конце декабря 1936 г. состоялось двухдневное общее собрание научных работников и аспирантов НИИФа, отчет о котором опубликовала университетская газета в январе 1937 под заголовком «Выкорчевать остатки преступной деятельности Гессена». Первую страницу сопровождала цитата из А. Жданова «Осиные гнезда троцкистов и зиновьевцев, предателей советской родины и агентов фашизма мы должны выкорчевать и уничтожить дотла»⁷.

¹ Фомин Валентин Петрович (1909—1937), инженер физик, реабилитирован в 1989. Вайсельберг Конрад Бернардович (1905—1937), доктор химии, реабилитирован в 1959.

² Гаутерманс (Хоутерманс) Фридрих Георг (1903—1966), немецкий ученый (специалист по ядерной физике и космохимии) нидерландского происхождения. Коммунист, в 1935 г. эмигрировал в СССР, работал в Харьковском физико-техническом институте. В дек. 1937 был арестован («дело УФТИ»), подвергнут пыткам, оговорил себя, что был «троцкистом» и «немецким шпионом». Передан гестапо. В 1942 по поручению германского командования занимался описью научного оборудования и поиском специалистов в Харькове.

³ Обреимов Иван Васильевич (1894—1981) — физик, академик АН СССР (1958). Под арестом в 1938—1941 гг. Освобожден за отсутствием состава преступления.

⁴ Лейпунский Александр Ильич (1903—1972) — физик-экспериментатор, академик АН УССР (1934). Под арестом находился в июне—августе 1938 г. Один из участников Атомного проекта СССР.

⁵ Владимир Ю. С. Между физикой и метафизикой. С. 78.

⁶ Жуков В. Ю. «Пулковское дело» [Электронный ресурс] <http://ihst.ru/projects/sohist/material/dela/pulkovo.htm> (дата обращения 07.10.2013).

⁷ За пролетарские кадры, 9 января 1937. № 2 (390). С. 1—2.

Положение в НИИФе в период директорства Б. М. Гессена и после его ареста подробно рассмотрено в исследовательской практике¹. Кроме того, показана суть конфликта в НИИФе, основанного на противостоянии политических группировок А. К. Тимирязева — Л. И. Мандельштама (напомним, что политическими они названы по Бурдье, что означает стремление их представителей к доминированию в поле науки). Материалы, которые мы приводим ниже, дополняют историю политико-идеологического поворота в НИИФе, который произошел после ареста Гессена. Они свидетельствуют о противостоянии как внутри научного коллектива, так и между наукой и властью. Из отчета в газете следует, что, несмотря на опасность, которая подстерегала сторонников Б. М. Гессена, И. Е. Тамм и Г. С. Ландсберг, видимо, пытались говорить в его защиту («пели дифирамбы вредителю Гессену»).

Наиболее одиозным из всех выступлений выглядит текст А. К. Тимирязева, который использовал совещание для укрепления своих позиций и формирования подозрительного отношения к своим противникам: «...мне пришлось столкнуться с одним кружком студентов методического характера, которым руководил Гессен. ...я был поражен, что по вопросам методологии физики стоит только классическая физика... Он использовал семинар для того, чтобы подрывать классическую физику, чтобы внушать студентам, что эта не нужна, а все новое является идеалом. И вы знаете, эта линия проводится у нас в институте»².

В апреле 1937 г. последовало еще несколько атак на НИИФ и ФИАН. В университетской многотиражке появилась статья «В институте физики без перемен»³, в которой критиковалась партийная организация НИИФ за «гнилой либерализм, зажим самокритики и притупление классовой бдительности». Статья была направлена против нового директора НИИФ С. Э. Хайкина⁴ («выдвиженец Гессена»), И. Е. Тамма («брат — вредитель») и Г. С. Ландсберга за поддержку опального Гессена. Тогда же, в апреле 1937 г. прошло заседание актива Физического института АН СССР, на котором многим сотрудникам пришлось доказывать свою политическую благонадежность. На заседании актива выступал и Румер. Он говорил: «В январе месяце я был командирован в город Харьков, где работал Ландау. Товарищ Дивильковский⁵ тоже был там. Он знает, какое там было острое положение. Ландау взяли тогда в подозрение, и я считал своим долгом открыто выступить в защиту своего друга Ландау.

¹ Андреев А. В. Физики не шутят; Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год (собрание в ФИАНе в апреле 1937) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Пресс-традиция, 2000. С. 92.

² За пролетарские кадры, 9 января 1937. № 2 (390). С. 2.

³ За пролетарские кадры, 11 апреля 1937. № 24 (412). С. 1.

⁴ Хайкин Семен Эммануилович (1901—1968) — физик, радиоастроном. В 1930—1946 гг. работал в Московском университете (профессор, 1935). Заместитель директора НИИФ (1931—1933), декан физического факультета (1934—1937), заведующий кафедрой общей физики, руководитель лаборатории по разработке фазовой радиолокации и радионавигации. После ареста Б. М. Гессена некоторое время исполнял обязанности директора НИИФ МГУ. В 1945—1953 — в Физическом институте АН СССР (заведующий сектором радиоастрономии в лаборатории колебаний). Руководил созданием первой советской радиоастрономической станции в Крыму (1948—1949). В 1953 г. создал в Пулковской обсерватории отдел радиоастрономии, которым заведовал до конца жизни.

⁵ Дивильковский М. А. — в 1936—1938 гг. ученый секретарь Физической группы Академии наук СССР.

И сейчас заявляю: Если Ландау окажется вредителем — я, несомненно, буду привлечен к ответственности; но и теперь, когда это мое заявление запротоколировано, я все же ручаюсь за него, как за своего лучшего друга. Больше ни за кого я не поручусь — ни за Гессена, ни за Г. С. Ландсберга, ни за И. Е. Тамма, потому что я с ними мало знаком, но за Ландау я готов всегда поручиться»¹.

Поскольку на заседании говорилось и об арестованном брате Румера, Юрий Борисович парировал претензии тем, что может выбирать друзей, но не братьев. Тем не менее, рассказал, как ему предложили уволиться из НИИФ МГУ, что в итоге и пришлось сделать осенью 1937 г.² Он перешел в Институт кожевенной промышленности им. Л. М. Кагановича заведующим кафедрой теоретической физики. На совещании в НИИФ С. И. Вавилов защищал Румера и Тамма от проявлений «общественного недоверия», пытаясь сделать упор на их научный потенциал: «Мы не должны забывать, что в лице Игоря Евгеньевича, в лице проф. Румера мы имеем очень больших и редких в нашей стране специалистов, и здесь при всей бдительности, при всей настороженности нужна некоторая внимательность и, если действительно, в этом нужда имеется — некоторая перевоспитательная работа, которую весь наш коллектив, и партийный и беспартийный, должен вести»³.

Одним из поводов к возникновению конфликта в УФТИ в Харькове, о котором говорил Румер, и повлекшего за собой репрессии, стал спор о соотношении теоретических и практических (оборонных) разработок, выразившийся в противостоянии теоретиков, руководимых Ландау, и дирекции института. Летом 1933 г. здесь началась перетасовка кадров, был снят беспартийный директор УФТИ академик И. В. Обреимов, сопротивление вызвало аресты. Примечательно, что через месяц после статьи Румера к 30-летию теории относительности, в ноябре 1935 г. «Известия»⁴ публикуют статью Ландау «Буржуазия и современная физика». В ней Ландау сравнивал отношение к физике за рубежом и в СССР: «Партия и правительство предоставляют небывалые возможности для развития физики в нашей стране. В то время как буржуазная физика черпает свои кадры из узкого круга буржуазной интеллигенции, которым занятие наукой по карману, только в Советском Союзе могут быть использованы все действительно талантливые люди, которые, в противоположность выдвигаемой буржуазией теории, встречаются среди трудящихся не реже, чем среди эксплуатирующих классов. Только государственное управление наукой в состоянии обеспечить подбор действительно талантливых людей и не допускать засорения научных учреждений различными непригодными для научной работы «зубрами» от науки, по существу тормозящими ее развитие»⁵. Эта статья написана, скорее всего, чтобы сгладить остроту конфликта в УФТИ. Ландау демонстрировал лояльность властям физиков-теоретиков УФТИ, которых он представлял. Но в середине ноября по доносу был арестован Моисей Абрамо-

¹ Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год (собрание в ФИАНе в апреле 1937 г.). С. 58.

² Новый декан физфака и директор НИИФ А. С. Предводителев назвал это «разгром троцкистов на ФФ МГУ». Горелик Г. Е. Физика университетская и академическая // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 40.

³ Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год. С. 70.

⁴ В 1934—1937 гг. редактором «Известий» был Н. И. Бухарин.

⁵ Ландау Л. Д. Буржуазия и современная физика // Известия ВЦИК, 23 ноября 1935. С. 2.

вич Корец, один из теоретиков, его, правда, освободили к лету 1936 г. и обвинения сняли.

В феврале 1937 г. Ландау все-таки уволили из Харьковского университета, он уехал в Москву, где временно поселился у Румера. П. Л. Капица принял его на работу в свой Институт физических проблем. Следом перебрались М. А. Корец (в Педагогический институт), И. Я. Померанчук и Е. М. Лифшиц (в Кожевнинский институт к Румеру). Подробности важны, поскольку судьба Ландау как лучшего друга Румера в дальнейшем будет трагически тесно переплетена с его собственной. Документы и исследования говорят о сгущении атмосферы страха, фотодокументы — о перемене настроения Ю. Б. Румера: на московских фотографиях уже не тот беспечный, улыбающийся, отчасти самодовольный молодой человек геттингенского периода. Он мрачен и задумчив, тяжело глядит исподлобья. Людмила стала замечать у него угнетенное состояние. Его выступление на активе ФИАНа отмечено характерной риторикой: «сигнализировал», «некоторые советские физики продолжают публиковать свои работы в фашистской печати», «принял все меры, как гражданин Советского Союза». Румер чувствовал себя идейно и политически «чистым», но установленное за ним негласное наблюдение и доносы зафиксировали, как увидим, его критические высказывания в адрес советской действительности.

В числе мероприятий, стимулирующих покорность Академии наук, необходимо упомянуть и мартовскую сессию АН СССР 1936 г., на которой прошло обсуждение состояния теоретических и прикладных разработок в области физики. В период подготовки сессии некоторые физики предприняли попытку развернуть на ней философскую дискуссию: теоретики Я. И. Френкель, В. А. Фок, Л. И. Мандельштам, И. Е. Тамм, Л. Д. Ландау и др., разделявшие идеи А. Эйнштейна, Н. Бора, В. Гейзенберга, П. Дирака, Э. Шредингера, М. Борна и др., по мнению блюстителей идеологии, находились «на грани идеалистического падения»¹. В этой группе были Г. М. Кржижановский² и Н. П. Горбунов³ («по должности», как заметил В. П. Визгин), а также лидер академической философии А. М. Деборин и специалисты по диалектико-материалистическому основанию науки А. А. Максимов, А. К. Тимирязев, Э. Кольман — «по убеждениям»⁴. Сплоченное выступление большинства физиков против такой дискуссии привело к тому, что ее отложили. Организаторы сессии, Г. М. Кржижановский и Н. П. Горбунов, которые также настаивали на проведении дискуссии, отказались от этой идеи, предложив перенести ее в будущие времена. В итоге физикам удалось сконцентрировать внимание руководства на обсуждении

¹ Визгин В. П. «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.) [Электронный ресурс] <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/viz2001.htm> (дата обращения 04.06.2013).

² Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — деятель революционного движения в России, советский государственный и партийный деятель; ученый-энергетик, академик и вице-президент АН СССР. В 1932—1936 председатель Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР.

³ Горбунов Николай Петрович (1892—1938) — советский общественный и партийный деятель, ученый-химик, академик АН СССР (1935). С 1935 — неперменный секретарь АН СССР.

⁴ Визгин В. П. «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.) [Электронный ресурс] <http://russcience.euro.ru/papers/viz2001.htm> (дата обращения 04.06.2013).

научных и научно-производственных вопросов, что продемонстрировало их смелость и решительность в отстаивании своих интересов.

Однако противники «физического идеализма» не оставляли попыток навязать философскую дискуссию и позднее. Очередная инициатива принадлежала академику В. Ф. Миткевичу¹, который в январе 1937 г. обратился с соответствующим письмом в Президиум Академии наук (на имя академика Н. П. Горбунова): «Считая весьма актуальным усиление борьбы за проникновение принципиальных установок диалектического материализма в область физических наук, я обращаюсь к Вам с просьбой об организации в АН собраний, посвященных рассмотрению основных натурфилософских установок современной физики...»². Но и данная попытка провалилась: усилия Я. И. Френкеля, В. А. Фока, И. Е. Тамма и других показали и философскую, и научную несостоятельность оппонента, отпор возымел действие³.

Таким образом, с конца 1920-х и до конца 1930-х годов шел процесс, который в научной литературе характеризуется как «консолидация советской системы»⁴. В ходе этого процесса власти использовали политику кнута и пряника в отношении науки. Репрессивные меры — «кнут» — носили алогичный, избыточный характер. Преследованию и уничтожению подверглись ученые, которые могли принести пользу своей стране, науке. Наука стала одним из объектов управления, а методы управления были унифицированы. Однако физики сумели найти достаточно веские аргументы, чтобы оказать сопротивление надуманным идеологическим баталиям, открыто отстаивали свои интересы перед властью, используя ее прагматизм в отношении технических наук. То, что власть не оставляла попыток обуздать физиков, говорит и выдвигаемая нами гипотеза о «Деле физиков» 1938 г., которое фабриковалось в недрах НКВД⁵.

Ни в ранних работах, ни позднее, когда исследователям стали известны материалы следственных дел Ю. Б. Румера, Л. Д. Ландау и М. А. Кореца, события, последовавшие за арестом, не рассматривались в контексте попыток подготовки процесса против представителей физической науки⁶. Документы из Центрального архива ФСБ РФ, архивно-уголовного дела Р-23711 Ю. Б. Румера включают ордер, протокол обыска, справку на арест. О ходе следствия свидетельствуют анкета арестованного, квитанции об изъятии вещей, согласие сотрудничать со следствием (автограф), протокол допроса. Итоговые документы следствия включают обвинительное заключение, приговор и расписку в объявлении приговора. Сопутствующие материалы дела: заявление об отказе от признательных показаний без архивного номера (автограф) и фотографии ан-

¹ Миткевич Владимир Федорович (1871—1951) — советский ученый-физик, специалист в области электротехники, доктор физико-математических наук, профессор, академик АН СССР (1929), Лауреат премии А. С. Попова (1906), Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1933), лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

² Сонин А. С. «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1994. <http://scilib-physics.narod.ru/Sonin/index.html>

³ Визгин В. П. Ядерный щит в «тридцатилетней войне» физиков с невежественной критикой современных физических теорий // УФН. 1999. Т. 169, № 12. С. 1369—1371.

⁴ Колчинский Э. И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы...

⁵ Крайнева И. А. Ю. Б. Румер и «Дело физиков» (апрель 1938 — май 1940 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, № 1. С. 97—107.

⁶ Горелик Г. Е. Советская жизнь Льва Ландау...

фас и в профиль — переданы архивистами на хранение М. Ю. Михайлову. Как уже было сказано, более 50 листов засекречено (видимо, это протоколы очных ставок и доносы сексотов). Поэтому полной картины следствия представить на данный момент невозможно. Тем не менее, очевидно, что фигурантами планируемого процесса на основе данного «дела», помимо Румера, могли стать многие физики СССР и, возможно, других стран. Хронологические рамки «Дела физиков» мы ограничиваем апрелем 1938—маем 1940 г., поскольку именно в этот период укладываются доступные документы из архивно-следственного дела Ю. Б. Румера.

Л. Д. Ландау, М. А. Корец и Ю. Б. Румер были арестованы в конце апреля 1938 г. Все без исключения биографы Румера вслед за ним самим утверждают, что арестован он был в день своего рождения, 28 апреля. Анализ документов позволяет предположить, что это произошло раньше и задержан он был 27-го. Справка на арест составлена 26 апреля. Квитанции об изъятии документов и ценностей (часы, коронка желтого металла) датированы 27 апреля: если только документы не составлены задним числом или дата проставлена ошибочно. Так, задержание Л. Д. Ландау было произведено 27-го, а ордер выписан 28-го апреля¹. Обыск у Румера дома производился 28-го апреля в его отсутствие, документ об обыске подписан женой Людмилой. Ниже приведена справка, предшествовавшая аресту. В справке процитированы выдержки из нескольких агентурных донесений, которые послужили обоснованием обвинений, сформулированных в преамбуле документа: (правописание соответствует подлиннику)²:

«РУМЕР Юрий Борисович, 1901 года рождения, уроженец гор. Москвы, еврей, беспартийный, профессор Института Физических Проблем Академии Наук СССР³.

В 1934—35 г. г. был в Германии⁴.

Проживает: ул. Горького д. 86 кв. 40.

Является активным участником законспирированной антисоветской группы, состоящей, главным образом, из научных работников-физиков, именующей себя «Антифашистская рабочая партия». Организационно связан с ее руководителями — ЛАНДАУ и КОРЕЦОМ и вместе с ними подготавливает выпуск антисоветской листовки к Первомайским дням. Высказывает крайне резкие антисоветские взгляды. Подозревается в шпионаже».

В справке содержатся выдержки из агентурных донесений, что свидетельствует о том, что Ю. Б. Румер и его окружение находились под неусыпным наблюдением:

«Профессор РУМЕР, 5/III-38 г. На вечере в Доме Ученых со своим приятелем профессором ЛАНДАУ заявил мне: “Читали, что делается в правящих кругах”⁵,

¹ Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения. М.: ДЭМ, 1992. С. 123—124.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 448—449.

³ Неточность: сотрудник Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР.

⁴ Неточность: Ю. Б. Румер находился в Германии в 1927—1932 гг. (ЦА ФСБ РФ, арх.-уголовн. дело Р-23711. Л. 1—2).

⁵ Имеется в виду прошедший 2—13 марта 1938 г. открытый политический процесс по делу об «Антисоветском правотроцкистском блоке». В числе обвиняемых, приговоренных к расстрелу, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода.

сплошь изменник на изменнике сидит, а ведь почти все были руководителями страны. Ничего себе, хорошенькое правительство, состоящее из агентов охраны, предателей, убийц. И сидящие на скамье подсудимых, и оставшиеся один другого стоят».

Присутствующий при этом ЛАНДАУ добавил: «Моральные качества людей низкого развития и неполноценных по своей расовости характерны для наших большевиков, чего же вы хотите еще». (Аг[ентурное] донесение от 7/III-38 г.)

«18/IV КОРЕЦ у себя на квартире представил источника двум лицам, называвшим себя ЛАНДАУ и РУМЕР. Источник был представлен как вновь привлеченный КОРЕЦОМ участник организации. Из бесед КОРЕЦА с источником ясно, что ЛАНДАУ и РУМЕР полностью посвящены в проводимую подготовку к выпуску антисоветских листовок». (Аг[ентурное] донесение от 19/IV-38 г.)

«Брат гр. МАЗО¹ (дочь известного раввина, эксперта по делу БЕЙЛИСА²) был в свое время выслан органами ГПУ за границу, в настоящее время живет в Берлине.

По словам РУМЕР он, будучи в Берлине, видел брата МАЗО, тот стал ярым гитлеровцем и работает в охране». (Аг[ентурное] донесение)

Арест, обыск. ВРИО. НАЧ. 3 ОТД[ЕЛЕНИЯ]. 4 ОТДЕЛА ГУГБ (Вальберг). «26» апреля 1938 г.».

Из текста документа следуют три повода для ареста Ю. Б. Румера: подготовка выпуска антисоветской листовки, антисоветские высказывания и участие в законспирированной антисоветской организации научных работников «Антифашистская рабочая партия». Он «подозревается в шпионской деятельности», но в чем эта деятельность состоит — составитель справки не конкретизировал. Арест, следствие по делу Ландау достаточно подробно рассмотрены в исследовательской литературе³. Материалы дела М. А. Кореца выложены на сайте проекта «Социальная история советской науки» Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН⁴. Из этих источников и исследований известно, что Ландау обвинялся в антисоветской деятельности⁵, а Корец — и в антисоветской деятельности, и в шпионаже в пользу германской разведки. Корец и Ландау были уличены в причастности к написанию и попытке распространения антисоветской листовки, которая призывала к борьбе против «сталинского фашизма»⁶. Из справки на арест Румера также следует,

¹ Верно: Мазе, имеются в виду Аля Яковлевна Мазе-Савич и ее брат Сади, который в 1920-е гг. эмигрировал из России. Их отец главный московский раввин Я. И. Мазе выступал в качестве богословского эксперта по делу М.-М. Бейлиса (1911—1913 гг.).

² Бейлис Менахем-Мендель (1862—1934) — фигурант судебного процесса по обвинению в ритуальном убийстве 12-летнего ученика подготовительного класса Киево-Софийского духовного училища 12.03.1911. Киев, сентябрь — октябрь 1913. Процесс сопровождался активной антисемитской кампанией и в то же время общественными протестами всероссийского и мирового масштаба. Бейлис был оправдан.

³ Горелик Г. Е. Советская жизнь Льва Ландау...; Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения: о чем рассказали секретные архивы 1930—50-х гг.

⁴ Дело Кореца [Электронный ресурс] URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/ufti/korets.htm/> (дата обращения 06.04.2023).

⁵ Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения. С. 127, 141, 150.

⁶ Горелик Г. Е. Советская жизнь Льва Ландау. С. 187. Юрий Борисович Румер. Физика, XX век. С. 450.

что ему было известно о листовке. Одного этого было вполне достаточно для ареста и сурового приговора всем троим физикам, причастным так или иначе к листовке со словами «сталинская клика, фашистский переворот, палачи из НКВД, несуществующие заговоры» и с призывом «сбросить фашистского диктатора и его клику». Но, видимо, не листовка являлась центральным звеном репрессивной акции в отношении Румера. К этой мысли приводят документы из его следственного дела.

Итак, арест 27 или 28 апреля 1938 г. Согласно имеющимся документам, 7 мая 1938 г. было принято постановление об избрании меры пресечения и формулировке обвинения, но предъявлено оно было Румеру лишь 4 августа 1938 г. — тогда же, когда и протокол о завершении следствия¹. Знал ли Румер, в чем его обвиняли в начале следствия? Или все то время, до 16 июля, когда им было написано заявление о признании себя виновным в том, «что был в 1929 г. завербован в Берлине профессором П. Эренфестом для целей научного шпионажа в пользу немецкой разведки» и намерениях сотрудничать со следствием², шла «подготовительная» работа к этому заявлению? О других документах в этот промежуток времени между 28 апреля и 16 июля неизвестно. Очевидно, в этот период Ю. Б. Румер был склонен следствием к тому, чтобы признать свою «шпионскую и подрывную деятельность», а постановление об избрании меры пресечения было составлено задним числом и зафиксировало договор со следствием: в постановлении нет упоминания о листовке. Она могла быть средством шантажа.

Я думаю, что через два с половиной месяца после ареста Румер поддался настоятельным усилиям следствия и подписал сфабрикованное дело об «анти-советской группе физиков — “Объединение немецкой науки” (вместо “Анти-фашистской рабочей партии” в листовке)»³, в которую его «завербовал» Эренфест. Нужно напомнить здесь, что Пауль Эренфест, выдающийся австрийский теоретик, знал многих российских и советских физиков, работал в Петербурге в 1907—1912 гг. Он был женат на русской, Т. А. Афанасьевой, преподавательнице математики Высших женских курсов. В 1924 г. ему было присвоено звание члена-корреспондента АН СССР. После Первой мировой войны и Гражданской войны в России Эренфест много сделал для советских физиков, помогая им преодолеть изоляцию от европейской науки. Румер был хорошо знаком с ним, поскольку тот принял участие в его судьбе, помогая в поиске средств для научной работы в Германии⁴. Ландау также встречался с Эренфестом в Харькове в 1932 г., где тот пробыл недолго, а возможно, знал его и раньше. К рассматриваемому моменту Эренфеста уже не было в живых (будучи в глубокой депрессии, он покончил с собой 25 сентября 1933 г.).

Еще через полмесяца, 4 августа 1938 г., был составлен протокол допроса, в котором на вопросы следователя в шпионском ключе Ю. Б. Румер развил свои «показания», изложенные в заявлении, и добавил подробностей в дело о международном заговоре физиков, направленном на «подрыв и уничтожение советской физики». Протокол допроса зафиксировал, что именно через

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 133—134.

² Там же. С. 122—124.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 336.

Эренфеста и «связанных с ним акад. Л. Мандельштама и проф. И. Тамма» ему удалось получить место в 1-м МГУ, а приехал он в СССР «для целей научного шпионажа». Далее следует, что после кончины П. Эренфеста связь с немецкой разведкой с 1933 г. по осень 1936 г. поддерживалась через В. Вайскопфа, Г. Плачека¹ и Г. Э. Пайерлса². Румер писал: «В Ленинграде [очевидно, во время Менделеевского съезда — И. К.] я передал Вайскопфу сведения о начальной стадии работ Тамма и Иваненко о природе ядерных сил, которые Вайскопфом были переданы Гейзенбергу (Лейпциг), что позволило последнему опубликовать свою работу раньше советских физиков».

Попытаемся проверить некоторые утверждения из «показаний» Ю. Б. Румера, касающиеся физической науки. Так, Г. А. Сарданашвили выяснил, что с апреля по август 1932 г. Д. Д. Иваненко написал четыре статьи по ядру, две из них предшествовали работе Гейзенберга. Их исследования выполнены независимо друг от друга³. Передача сведений Вайскопфу на квартире Ю. Б. Румера в Москве в 1936 г., о чем он написал далее, не могла состояться, поскольку в это время Вайскопф работал в Швейцарии и Дании. То же и об утверждении, что в сентябре 1936 года он сообщил Вайскопфу у себя на квартире основные мысли Ландау о статистической теории атомного ядра. Эти сведения Вайскопф якобы использовал для собственной публикации, и его работа появилась раньше работы Ландау. Известно, что вклад в развитие статистической теории ядра внесли в свое время В. Гейзенберг (1934), К.-Ф. фон Вайцзеккер (1935), Х. Бете (1936), которые независимо друг от друга изучали данную проблематику⁴. Работы Вайскопфа и Ландау относятся к 1937 г.

Далее, Румер утверждал, что в 1934 году на Менделеевском съезде в Ленинграде он, якобы, передал Р. Пайерлсу сведения об идее проф. Никольского⁵ о рассеянии света на свете, одной из плодотворнейших проблем современной оптики, которые Пайерлсом были переданы П. Дебаю (Лейпциг), опубликовавшему об этом работу. Однако в библиографии профессора К. В. Никольского не обнаружено работ по рассеянию света. Румер явно приводил сведения, не соответствующие фактам, возможно, он надеялся, что опытный глаз обнаружит эти несоответствия. Работа о рассеянии света на свете действительно существовала, но принадлежала она Ландау, Ахиезеру и Померанчуку⁶, а поскольку опубликована за рубежом, то, естественно, была известна заинтересованным лицам.

¹ Плачек Георг (1905—1955) — американский физик-теоретик чешского происхождения. В 1932—1938 работал в Копенгагене у Н. Бора, выезжал в научные командировки в Харьков, Иерусалим, Париж. В 1939 эмигрировал в США.

² Сэр Пайерлс Рудольф Эрнст, англ. sir Rudolf Ernst Peierls (1907—1995) — английский физик-теоретик немецкого происхождения, еврей. В 1929—1932 преподавал в Цюрихе, затем переехал в Англию, где остался после прихода фашистов к власти. Участник Манхэттенского проекта. Инициатор приглашения в проект К. Фука, советского шпиона. Муж Е. Н. Каннегисер, подруги юности Л. Д. Ландау. Иностраный член АН СССР (1988).

³ Сарданашвили Г. А. История советской физики: Модель ядра Д. Д. Иваненко [Электронный ресурс] http://sardanashvily.blogspot.ru/2011/06/blog-post_18.html (дата обращения 23.03.2023).

⁴ Гомбаш П. Статистическая теория атомных ядер // УФН. 1953. Т. 49, № 3. С. 385—448.

⁵ Профессор Никольский Константин Вячеславович (1905—1978) работал в ФИАНе в названное время, занимался развитием аппарата квантовой механики, стал первым советским физиком, заявившим ансамблевую интерпретацию квантовой механики в 1934 г.

⁶ Akhieser A., Landau L., Pomeranchuk I. Scattering of Light by Light // Nature. 1936. Vol. 138, N 206. doi:10.1038/138206a0

В заявлении от 16.07.1938 г. Румер писал: «В 1937 г. в Харькове оформилась антисоветская группа в составе Ландау, Кореца, Шубникова, Горского, Розенкевича, Бриллиантова, Лифшица, Померанчука, Ахиезера, Гаутерманса¹, Вайсберга. Я вступил в нее и принял активное участие в ее организации. Основной задачей этой группы было насаждение в Союзе взглядов и идей идеалистической школы, борьба с теми советскими физиками, которые стояли на материалистической позиции, путем их научной дискредитации, привлечение молодежи и обработка ее в духе нашей школы.

Поскольку наши взгляды полностью совпадали со взглядами группы Манделштама в составе: Тамма, Ландсберга, Хайкина, Леонтовича и Блохинцева, — я принял все меры к тому, чтобы создать контакт и полную договоренность между обеими группами для совместной антисоветской деятельности в области физики»².

Знакомство с этими документами позволяет видеть, как Румер «раскрывает» налаженную «шпионскую сеть» с участием советских, немецких, австрийских и чешских физиков. В Москве это сотрудники ФИАН и МГУ (Манделштам и его «группа» — Тамм, Блохинцев, Леонтович, Ландсберг и Хайкин), бывшие сотрудники УФТИ (Корец, Лифшиц, Померанчук, Шубников, Обреимов и др.), в Ленинграде — сотрудники Государственного оптического института, Ленинградского физико-технического института (Фок, Френкель, Франк), иностранные специалисты — участники шпионской сети Негебауэр (австриец), датчанин Бор, Гайтлер, Пайерлс, Хоутерманс (немцы), Вайскопф (австриец), Плачек (чех) — все, разумеется, агенты «Объединения», Гейзенберг (немец) — связной. Кроме того, Румер «показывал», что в Институте физических проблем его «сообщник» Ландау близко сошелся с академиками П. Л. Капицей и Н. Н. Семеновым³, которые критически были настроены к советской власти, считая, что политика партии ведет к гибели науки в СССР⁴.

Очевидно, «аргументы» следствия были достаточно убедительными для подобного самооговора. По позднему утверждению Румера, в период всего предварительного следствия мер физического воздействия к нему не применяли. Это сомнительное утверждение опровергается следующим образом. М. А. Корец в 1956 г. писал, что он оговорил себя и других физиков «под принуждением», свидетельствовал об избиваниях его во время следствия в Лефортовской тюрьме⁵. Л. Д. Ландау свидетельствовал, что оговорил себя и других «под влиянием применявшихся ко мне воздействий, в особенности бессонницы»⁶. Несомненно, Ландау имел в виду «конвейерный метод» допроса, когда подследственному не позволяли спать, меняя следователей в течение нескольких суток. Кроме того, условия заключения в следственной тюрьме приводили к физическому и моральному истощению. По свидетельству Л. Залкинд, первой

¹ Так в оригинале. О Хоутермансе (Гаутермансе) см. с. 81.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 124.

³ Семенов Николай Николаевич (1896—1986) — физико-химик, академик, первый советский нобелиат, единственный советский лауреат Нобелевской премии по химии (1956).

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Дело М. А. Кореца [Электронный ресурс] [Http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/ufti/korets.htm](http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/ufti/korets.htm) (15.05.2023).

⁶ Горелик Г. Е. Советская жизнь Ландау. С. 440.

жены Румера, «Ландау вышел из тюрьмы в ужасном состоянии, весь в фурункулах. Он очень не любил говорить об этом годе»¹. Сын Румера М. Ю. Михайлов рассказал: «Воспоминания о пережитом унижении очень крепко въелось в отцовское сознание. Много позже в семейной обстановке иногда случалось, что наша собака начинала скулить возле входной двери. Если я и сестра не проявляли при этом должной поспешности, из кабинета появлялся разгневанный отец и, я подозреваю, не без театральности объявлял: “Каждое живое существо имеет неотъемлемое право п...ть, когда ему хочется, и я, старый арестант, не позволю, чтоб в моем доме так издевались над животным. Я требую, чтобы собака на оправку выводилась ре-гу-ляр-но!”. Наши вялые возражения во внимание уже не принимались: “Я не могу слышать, как мучается животное!”»².

Изучение протокола допроса Л. Д. Ландау от 3 августа 1938 г. выявляет некоторое различие в списке привлеченных лиц и в составе инкриминируемого преступления. Ландау обвиняли в антисоветской деятельности, ему был предъявлен рукописный экземпляр листовки. Он назвал людей, с которыми «сошелся на почве антимарксистских взглядов», — Г. А. Гамов, Д. Д. Иваненко, М. П. Бронштейн, Я. И. Френкель — и с которыми вел «подрывную» деятельность в УФТИ: Л. В. Розенкевич, М. А. Корец, А. С. Вайсберг, Л. В. Шубников, И. В. Обреимов³. В заключение допроса следователь потребовал назвать людей, по поручению которых Корец предложил выпустить листовку. Ландау отвечал, что таких людей он не знал. Следователь пояснил: «Установлено, что поручение выпустить листовку <...> было дано Корецу представителем немецкой разведки, агентом которой был Корец»⁴.

Сын Ю. Б. Румера Михаил Юрьевич прокомментировал протокол допроса отца следующим образом: «По бытующему в нашей семье преданию, в тюрьме отец встретил арестанта, товарища Исидора — брата отца. И тот популярно объяснил, что, если Юра хочет как-то облегчить свою участь (то есть избежать расстрельного приговора), то свое дело он должен придумать сам. И он придумал и, по возможности, тщательно продумал свои будущие показания. <...> В полной мере проявилась склонность отца к безудержным фантазиям и мистификациям. Уж что-что, а мистифицировать на грани фола отец умел и любил, можно сказать, с детства. Здесь <...> необходимо было приготовить точно дозированную смесь “чистой лжи и оголтелой правды”, сдобрив ее порцией мелких подробностей и деталей. И все это было виртуозно выполнено отцом в “шпионской” части своих показаний»⁵. Но какова причина, по которой Ю. Б. Румер фактически меняет одно расстрельное «дело» на другое?

Представляется, что позднейшие утверждения бывших арестованных в годы сталинизма о сотрудничестве со следствием методом «придумай себе дело» с целью сохранить жизнь (или избавить себя от издевательств) представляли собой включение компенсаторного механизма, направленного на оправдание морального падения под действием обстоятельств практически безальтернативного выбора. В данном случае антисталинская листовка была

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 516.

² Там же. С. 452.

³ Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения. С. 127—139.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 454.

достаточным основанием для того, чтобы вынести ее авторам и причастным к ней самый суровый приговор. Но целью следствия было, как полагаем, не только осудить физиков за листовку, но и извлечь максимальную пользу из проступков подследственного контингента. Фабрикация международного заговора физиков — вот одна из целей НКВД. В это действие могло быть вовлечено практически все физическое сообщество, которое демонстрировало самостоятельность мышления, чувствовало свою полезность и нужность, имело международный авторитет и связи, и эти обстоятельства поддерживали его относительную автономию перед лицом вызовов, поступавших от идеологически ангажированных философов и власти, что стояла за ними.

Мифологизация событий заслуживает отдельного внимания. Любопытно еще одно высказывание Ю. Б. Румера, который, видимо, хотел избежать серьезного разговора с сыном. На вопрос о том, что он чувствовал в момент ареста, тот ответил: «Облегчение», — поскольку таким образом разрешалась коллизия его запутанных отношений с двумя женщинами¹. Разумеется, это горькая шутка. Но ситуация с мифом «выдумай себе дело» иная: дело выдумывал следователь, а подследственный должен был ему помочь. Награда — жизнь подследственного или его близких. Еще один случай мифологизации, касающийся сути обвинения Л. Д. Ландау, выявил Б. С. Горобец, изучая ситуацию вокруг освобождения известного физика из заключения. По воспоминаниям людей, близких Ландау (Е. Л. Фейнберга, С. П. Капицы и др.), П. Л. Капица рассказывал друзьям, что, встречаясь с руководством НКВД, переубеждал их в том, что Ландау был немецким шпионом, и преуспел в этом. Но известно, что Ландау обвинялся не в шпионской, а в антисоветской деятельности², также был «замечен» в дружеских отношениях с репрессированными физиками-иностранцами УФТИ. Легенда о шпионской подоплеке ареста Ландау, считал Горобец, была вымышленной, поскольку подлинная причина ареста Ландау — антисталинская листовка — в данной ситуации, видимо, была гораздо опаснее как для самого Ландау, так и для его защитника: «...такие сведения неминуемо принесли бы огромный вред как Ландау, так и самому Капице, а тем самым и всему институту»³. Поэтому П. Л. Капица поддерживал менее опасную, по мнению Горобца, исследовавшего этот случай, версию ареста Ландау.

Но вернемся к протоколу допроса Румера. На наш взгляд, прослеживается принуждение следователем к признанию факта существования разветвленной шпионской сети, связанной с германской разведкой, которая вела подрывную работу в области советской физики с помощью как иностранных, так и советских специалистов, включая самых маститых. Об этом могли бы рассказать недоступные документы из дела, протоколы очных ставок и показаний «свидетелей», связывающих по времени арест 28 апреля и заявление о признании вины 16 июля 1938 г. Тогда можно было бы проследить, как формировалось признание вины, которая не была прописана в справке на арест,

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 448.

² Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения. С. 127, 148. Л. Д. Ландау обвинялся по ст. 58, пп. 7, 10, 11.

³ Горобец Б. С. Неизвестное о подвиге академика П. Л. Капицы, спасшего Л. Д. Ландау из тюрьмы НКВД (новая версия) [Электронный ресурс] URL: <http://www.7iskusstv.com/2012/Nomer2/Gorobec1.php> (дата обращения 24.06.2013).

т. е. «шпионская работа в области физики и участие в антисоветской группе, ведущей подрывную деятельность в области физики», и готовности сотрудничать со следствием. В обмен на «шпионские» признания Румеру была прощена листовка, или недонесение о том, что он был информирован о ее подготовке. На заключительный вопрос следователя: «Вы были в курсе подготовки к выпуску этого контрреволюционного документа?», — последовал ответ: «Нет, об антисоветской листовке, подготовленной Корецом и Ландау, я ничего не знал»¹. Хотя, как было показано выше, в агентурном донесении о Румере, Ландау и Кореце присутствует указание на подготовку листовки и их общую осведомленность о ней.

Материалы следствия М. А. Кореца свидетельствуют, что за ним, так же, как и за Л. Д. Ландау, тянется «харьковский след»: в деле присутствуют выписки из протоколов допросов Л. В. Шубникова, Л. В. Розенкевича и В. П. Фомина, которые «подтверждали» его участие в «контрреволюционной троцкистской организации» вместе с Л. Д. Ландау. В. П. Фомин, научный сотрудник УФТИ, признал, что вел «подрывную работу в пользу германской разведки». На одном из допросов 1938 г. М. А. Корец назвал его как человека, принудившего его «работать по заданиям немецкой разведки»². Следствие по делу М. А. Кореца завершилось 22 декабря 1938 г. В обвинительном заключении фигурировала, в том числе, шпионская деятельность, но по решению суда от 25 ноября 1939 г. эта часть обвинения была снята. М. А. Кореца осудили по статье 58 п. 10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти») и п. 11 УК РСФСР («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений»). Он один понес наказание за листовку и был реабилитирован по делу 1938 г. лишь в 1990 г.³ Ю. Б. Румер приговором от 27 мая 1940 г. был осужден по статьям 58 п. 6 (шпионаж) и 58 п. 11 УК РСФСР.

Как известно, Л. Д. Ландау через год заключения был освобожден. О нем ходатайствовали директор его института академик П. Л. Капица и профессор Н. Бор. М. А. Корец в 1939 г. содержался в Бутырской тюрьме НКВД СССР, затем отбывал наказание в Печорлаге. Ю. Б. Румер, видимо, осенью 1938 г., пройдя пересыльный пункт в Болшево, где собирали научно-технический персонал для ГУЛАГа⁴, был направлен на Тушинский авиамоторный завод № 82, где «выполнял специальные работы»⁵. Здесь в производственном корпусе «Г» были оборудованы специальные помещения для работы заключенных специалистов (Особое техническое бюро, ОТБ-82 по созданию дизельных авиамоторов), руководство которыми осуществлял бывший директор опытного завода Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) А. А. Шумили, а с января 1939 г. главным конструктором назначен А. Д. Чаромский.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 133.

² Дело Кореца [Электронный ресурс] <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/ufti/korets.htm> (дата обращения 30.03.2023).

³ В 1942 г. в лагере М. А. Корец был осужден еще и «за сомнения в силе советского строя», реабилитирован по этому делу в 1958 г.

⁴ Болшевская шарашка (г. Королев). Действовала с 1938 по 1953 г. [Электронный ресурс] <https://topos.memo.ru/en/node/58> (10.05.2023).

⁵ Курилов И., Михайлов Н. Тайны специального хранения. С. 153.

Итак, ни объединения трех дел в единое производство не произошло, ни громкого процесса не состоялось. Красноречивая формулировка содержится в Заключении Главного военного прокурора на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1954 г. по делу о реабилитации Ю. Б. Румера: «Проведенной в связи с жалобами Румера дополнительной проверкой установлено, что дело в отношении организатора антисоветской группы Ландау органами НКВД СССР производством прекращено *за нецелесообразность* (выделено мной — И. К.)»¹. Использование внеюридического термина в юридической практике говорит о том, что существовала внеюридическая, вызванная иными причинами цель ареста и обвинения. Представляется, что это была попытка сфабриковать дело о международном заговоре физиков и организовать громкий процесс. Целесообразность была, но к моменту предполагаемого нами судебного процесса она перестала существовать. Что же произошло?

В конце 1938 г. намечаются изменения во внутренней политике сталинского режима: «Большой террор» («Ежовщина») был свернут, его исполнители репрессированы. Все внесудебные органы, кроме Особого совещания, были ликвидированы, массовые аресты прекращены. Началось освобождение некоторых арестованных. Но наши физики оставались под стражей. Тот факт, что приговор Ю. Б. Румеру вынесли только 4 мая 1940 г., наводит на предположение, что его дело было отложено до прояснения некоторых обстоятельств. Возможно, в судьбу физиков вмешался еще один немаловажный фактор. Дело в том, что с весны 1939 г. явно определяется вектор международной политики СССР, когда «международный заговор» физиков, среди которых есть немцы, и громкое дело с освещением в прессе стали нецелесообразны в преддверии заключения советско-германского пакта. Второе письмо П. Л. Капицы по поводу освобождения Ландау председателю Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотову было написано 6 апреля 1939 г. после XVIII съезда ВКП (б). Л. Д. Ландау был освобожден в конце апреля. Как известно, 10 марта 1939 г. в своем выступлении на съезде Сталин говорил о политике мира в отношении своих соседей. Пакт Молотова — Риббентропа был заключен 23 августа 1939 г.

Как было сказано выше, весной 1939 г. Румер находился в Тушино, на моторостроительном заводе НКВД № 82. Там могли работать вольнонаемные или поступили те, кто успел узнать об освобождении Ландау в конце апреля 1939 г. 25 мая 1939 г. Румер написал заявление на имя народного комиссара внутренних дел СССР, в котором, в частности, говорил: «Под влиянием тяжелого морального состояния я подписал *предъявленный мне протокол* [курсив мой — И. К.], в котором признавал мою научно-общественную деятельность преступной. Я заявляю, что ни в какой антисоветской группировке физиков, пропагандирующей идеалистическую физику, не участвовал. Являясь специалистом в области атомной физики, я, естественно, примыкал к наиболее передовой, руководимой Нильсом Бором “копенгагенской школе” и солидаризировался с взглядами, наиболее полно выраженными в нашей печати академиком В. А. Фоком, отнюдь не являющимися антимарксистскими. Я никогда не вербовался и не мог быть завербован в агенты вымышленного “общества немецкой науки”, руководимого мировыми физиками Франком и Борном, в настоящее

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 214—217.

«Специалисты» Четвертого спецотдела НКВД в авиационной промышленности.
Куломзино, Омская обл. 24.03.1944. Рис. К. Сциларда.

время изгнанными из Германии <...>¹. Это заявление даже не было подшито к делу и возможно, принято во внимание только в процессе реабилитации ученого в августе 1954 г.

Завершая исследование контекста, в который помещена гипотеза о планировании «Дела физиков», необходимо учесть еще одно обстоятельство: стремление власти провести идеологическую чистку в рядах физиков получило новый импульс после окончания войны. Было запланировано Всесоюзное совещание физиков 1949 г. по аналогии с Всесоюзной сессией ВАСХНИЛ, надолго остановившей развитие генетики в СССР. Один из тезисов, который с новой силой готовили обрушить на физиков, прозвучал в подготовленном проекте постановления этого совещания в духе кампании по борьбе с космополитизмом и преклонением перед Западом: «Среди некоторой части советских физиков до сих пор не изжита идиотская болезнь раболепия перед наукой капиталистических стран, увлечение космополитическими идеями, некритическое восприятие и пропаганда реакционных идей, проповедуемых некоторыми физиками (Н. Бор, Гейзенберг, Шредингер, Йордан)»². В этот период, как видим, позиции физиков, которые ориентировались не только на одобрение их деятельности собственным государством, но и на признание их авторитета международным научным сообществом, оказались в менее выгодном положении

¹ Рукописный документ на листе в клетку, с двух сторон. Составлен Ю. Б. Румером. Вверху, в центре страницы, квадратный штамп отделения 1-го Спецотдела НКВД СССР, вх. № 26/20 1939 г. Подчеркивания выполнены графически (в оригинале красным карандашом). Подлинник. Документ вместе с конвертом и фотографией из дела передан на личное хранение М. Ю. Михайлову из Центрального архива ФСБ РФ.

² Социальная история отечественной науки [Электронный ресурс] <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/vs1949pr.htm> (дата обращения 15.09.2016). Двое из перечисленных ученых — В. Гейзенберг и П. Йордан сотрудничали с фашистскими властями.

в условиях очередной смены проекта государственной идеологии¹. Вся грандиозность подготовки этого мероприятия — Всесоюзного совещания по физике 1949 г. — его возможные последствия и его отмена проанализированы достаточно скрупулезно. К счастью, в этот раз, когда уже стремительно разворачивался Советский атомный проект, прагматизм власти возобладал над желанием получить (или попытаться получить) моральное превосходство над физиками².

Итак, «Дело физиков» (апрель 1938—май 1940 гг.) не получило своего развития и воплощения, однако гипотеза, что такого рода судебный процесс мог планироваться, но не состоялся «за нецелесообразностью», вызванной изменением проекта власти, представляется вполне допустимой. Замысел такого процесса вписывается в общую атмосферу репрессий 1930-х—начала 1950-х гг. и во всю мрачную картину репрессивно-организационной деятельности властей в отношении всех социальных полей и страт, в отношении науки и физической науки — в частности. Особенность противостояния власти и физической науки состояла в том, что в этот период физики вполне осознавали свою полезность и зависимость власти от успешности и результативности их деятельности. Кульминацией этого сотрудничества стал Советский атомный проект. Кандидатура Юрия Борисовича Румера идеально подходила для провокации, которую готовило НКВД. Это был зрелый ученый, физик-теоретик, «завербованный» физиками Германии, где приобрел свой стартовый научный капитал, лично знакомый со многими зарубежными и отечественными физиками, участвовавший в соответствующих научно-организационных мероприятиях. Морально-этические соображения не учитывались в стремлении системы к консолидации, где всякие средства были хороши, когда система нацелена была на непреложный конечный результат — укрепление власти вождя.

Исследование, проведенное на основе материалов следственного дела Ю. Б. Румера, позволило некоторым образом дополнить картину работы репрессивного механизма, сложившегося в СССР в годы сталинизма. Выводы не бесспорны и не могут считаться окончательными: следственное дело не доступно полностью. Закономерно и сомнение в том, что оно станет таковым в ближайшее время. Есть и нечто совсем новое, что удалось выявить при изучении следственного дела Ю. Б. Румера и воспоминаний его сына М. Ю. Михайлова, — это данные о морально-психологическом состоянии бывшего узника ГУЛАГа, его попытке преодолеть свое униженное положение путем мифологизации персональной истории. Такие случаи не единичны, о чем свидетельствуют примеры Ю. Б. Румера и Л. Д. Ландау.

В результате деформации сложившейся идентичности личности, деформации насильственного характера под воздействием исторической реальности, прессинга репрессивной системы власти, обстоятельств безальтернативного выбора фактически произошла утрата внушительного фрагмента биографии ученого. Румер перенес воспоминания об этих событиях глубоко внутрь, но они постоянно корректировали его поведение. Получив справку о реабилитации, он вычеркнул из внешней памяти огромный пласт своей жизни. Этот

¹ Костырченко Г. В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 47—60.

² Визгин В. П. Ядерный щит в «тридцатилетней войне» физиков с невежественной критикой современных физических теорий. С. 1371—1386.

утраченный фрагмент реконструирован нами с согласия детей Юрия Борисовича, но не известно, как бы он сам характеризовал эти усилия. Полагаю, он мог стать ключевой фигурой в подготовке событий, которые могли изменить не только его персональную историю, но и всю историю отечественной физической науки, и не только. Поэтому так важно было восстановить этот фрагмент, прояснить исторический контекст.

Научная биография Юрия Борисовича Румера, его научное наследие сложились на основе трех императивов: его личных устремлений, мейнстрима теоретической физики 20—30-х гг. XX века, что привело его в поле науки, а также социально-политического фактора, который интерпретирован Гореликом как фактор воздействия социально-гравитационного поля или поля власти. Румер по своему устремлению и способностям оценить и понять новые физические идеи оказался в кругу последователей теории Эйнштейна, внес определенный вклад в развитие квантовой теории, ее математического аппарата. Он ощущал комфорт, находясь в поле науки, питал определенные надежды на то, что это обстоятельство принесет ему обеспеченное существование. Он не принял в расчет воздействие социально-гравитационного поля, поскольку был оторван от реалий, сложившихся в СССР к 1930-м годам, когда решил вернуться в СССР. Здесь он оказался вовлечен не только в научные и общественные конфликты своего круга, но и в разбирательство по вымышленному уголовному делу. Последнее обстоятельство привело его в разряд «специалистов» ГУЛАГа на долгие 10 лет, что стало фатально для теоретика его уровня, поскольку он оказался оторван от научной жизни в нормальных условиях. Тем не менее, занятие наукой в «шарашке» привело его к теории пятиоптики, с которой Румер надеялся вернуться в круг теоретиков физики. Научный истеблишмент, на первых порах прислушиваясь к его идеям, не поддержал их в целом, сам он также понимал недостатки своей конструкции. Тем не менее, в научном плане Румер сделал немало для развития математического аппарата теоретической физики, приложения теории унитарной симметрии к биологии и химии, которые с новой силой актуализированы сегодня. У него, как и у Макса Борна, математика и физика были тесно связаны друг с другом. Румер подготовил ряд добротных учебников, его ученики и студенты всегда могли рассчитывать на изложение новейших фактов теоретической физики, а он, пока хватало сил, стремился быть в курсе дел новейших достижений науки.

Изучение научной судьбы и научного наследия Ю. Б. Румера позволяет сделать вывод о том, что только два обстоятельства важны с точки зрения всего произошедшего с ним. Одно из них внутреннего свойства — проявившийся интерес к науке, другое — внешнего характера — в результате внутриполитических изменений в Германии и экономического кризиса в США ему пришлось вернуться в СССР в поисках работы. Вот две причины, то особенное, что привело его в ряды типичных представителей эпохи, испытавших на себе влияние ее негативных факторов. Все остальное практически было ими обусловлено, т. е. явилось следствием, явлениями общего порядка. В дальнейшем экстерналии императивы заработали безотказно, ломая траекторию его жизни, научной карьеры, формируя настороженное отношение к окружению. Тем не менее, наука стала для него безусловным выбором, «всегда, везде, при

любых обстоятельствах» он не пытался сменить род занятий. Он скорее был готов расстаться с жизнью¹. Румер возлагал большие надежды на свой научный потенциал, который позволил бы ему занять достойное положение в обществе.

Воздействие внешних по отношению к науке факторов отрицательной коннотации несколько ослабло со временем (факт реабилитации относится к внешним факторам положительной коннотации), но не исчезло полностью: Румер был невыездным, он вступил в КПСС, что противоречило его менталитету (тщательно скрываемые симпатии к государству Израиль, чтение иностранных газет шли в разрез с официальной линией), он пытался привлечь М. Борна на сторону движения борцов за мир под эгидой СССР. Таким образом, внешние факторы воздействия диктовали Румеру поведенческие практики, выходящие за пределы его научных и гражданских интересов, являлись обстоятельствами травмирующего характера.

¹ Записки Д. Д. Саратовкина. 16.10.1951. Архив автора.

Часть II

ДОКУМЕНТЫ

Глава 4. Материалы к биографии семьи Румеров

Метрическое свидетельство¹

Дано сіе от Московского Раввина в томъ, что в метрической тетради, части первой, о родившихся евреяхъ по городу Москве и уезднымъ городам Московской губерніи за тысяча *девятисот первый* год под № *Тридцать пятым* графы *мужской* значится актъ о рождении, следующего содержания: «тысяча *девятисот первого* года *Апреля пятнадцатого* дня, у Московского первой гильдии купца *Боруха Хаимовича Румера*, от его жены *Анны Юрьевны, урожденной Сегаловой*, здесь, в городе Москва, родился сын, коему дано имя *Юрій*».

В чем подписью и приложением печати удостоверяю,
Московскій Раввинъ Яков Исаевич Мазе (автограф)

Аттестатъ²

Дан сей сыну купца *Юрію Боруховичу Румеру* иудейского вероисповедания, родившемуся в *19 апреля тысяча девятьсот первого* года в том, что он, вступив в Московское частное реальное училище *Общества преподавателей 1 июля 1915 г.* при отличном поведении, обучался по *1 сентября 1917 г.* и окончил полный курс по основному отделению. При окончании полного курса онъ, Румер оказал следующие успехи:

В Законе Божием _____
русском языке _____ *хорошіе* _____ 4
немецком языке _____ *отличные* _____ 5
французском языке _____ *отличные* _____ 5

¹ Рукописный (курсив в тексте) документ на бланке М.В.Д. Московскаго Раввина. Подлинник. Приведен не полностью, только лицевая часть. Вверху слева угловой штамп бланка. От руки проставлена дата «Апреля 14 дня, 1902 г.». Ниже № 993. Ниже, видимо, марка об уплате за документ. Внизу под текстом слева круглая именная печать, подпись раввина от руки неразборчива. Подчеркивания отмечены графически. Архив МГУ. Д. 8.1. № 9767. Л. 5.

² Рукописный (курсив в тексте) документ на специальном бланке с двух сторон. Подлинник. На обороте внизу слева круглая печать училища. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 3.

математике, а именно:

{	арифметике _____	хорошие _____	4
	алгебре _____	отличные _____	5
	геометрии _____	отличные _____	5
	тригонометрии _____	отличные _____	5
	истории _____	отличные _____	5
	географии _____	отличные _____	5
	естественной истории _____	хорошие _____	4
	физике _____	отличные _____	5
	рисование _____	хорошие _____	4
	черчение _____		

При поступлении в гражданскую службу он, Румер пользуется правом изложенным в ст. 83 Св. зак. т. III (изд. 1896 г.) уст. о сл. по опред. отъ прав по отбыванию воинской повинности онъ пользуется льготами по образованію, предоставленными учебнымъ заведениямъ перваго разряда. В свидетельство чего и выданъ ему Румеру Юрію сей аттестатъ за надлежащей подписью съ приложением печати училища.

г. Москва,

Сентябрь 11 дня 1917 г.

Директор	(подпись неразборчива)
И. О. Инспектора	(подпись неразборчива)
Законоучитель	(подпись неразборчива)

Преподаватели	{ (6 подписей)
---------------	----------------

Петроград, Сентябрь 18 дня 1917 г.

Удостоверение¹

№ 102

Дано настоящее удостоверение временно до получения свидетельства за 7-й класс реального училища Юрию Борисовичу Румеру в том, что Юрий Румер подвергся экзаменационным испытаниям по программе 7-го класса реального училища при общеобразовательных курсах «Наука» в г. Петрограде в присутствии депутата от Петроградского учебного округа А. А. Мохначева в августе—сентябре 1917 года и выдержал все экзамены.

Депутат от Петроградского Учебного округа (подпись)

Заведующий курсами (подпись)

¹ Рукописный документ на бланке с угловым штампом Министерства народного просвещения. Подготовительные и общеобразовательные курсы «НАУКА». Петроград, Большая Гребецкая, 15. Тел. 5-65-35. Внизу слева круглая печать. Подлинник. Архив МГУ. Д. 8.1. № 9767. Л. 4.

[Заявление]¹

В Льянную секцию Народного Комиссариата Торговли и Промышленности
Юрия Борисовича Румера

Честь имею просить принять меня на службу в статистический отдел. В настоящее время состою студентом физико-мат[ематического] факультета Моск. Университета. Знаю немецкий, французский и итальянский языки.

Юрий Борисович Румер
Билет с биржи труда за № 36791 получил обратно. Ю. Румер
27 ноября 1918 г.
Остоженка 7, кв. 87

Прошу зачислить тов. Румера на должность журналиста в Льянную секцию с 1 декабря 1918 г. на оклад шестьсот десять рублей. Н. Митюшин.

Удостоверение²

Российская Федеративная Советская Республика
Народный комиссариат торговли и промышленности
Главная канцелярия
16 декабря 1918 г.
№ Л-1035/А-7691
Москва, Милютинский, 3
Телеф. 3-39-49

Дано сие Юрию Борисовичу Румеру в том, что он с 1 декабря с г состоит на службе в Народном Комиссариате Торговли и Промышленности в должности журналиста Льянной секции при Отделе Внешней Торговли, что подписями и приложением печати удостоверяется

И. о. Заведующий Главной Канцелярией А. Бик
И. о. Заведующего Отделением Личного Состава А. Хохлов

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3140. Л. 1. (Фонд Народного комиссариата торговли и промышленности, Личное дело 604 Румер Ю. Б.) Документ рукописный. Кроме приведенных имеются другие плохо читаемые резолюции, служебные пометы, штампы. В правом верхнем углу наклеена гербовая марка в 1 рубль.

² Там же. Л. 7. Машинописный документ, слева вверху угловой штамп НКТП, под автографами круглая печать комиссариата.

В Народный Комиссариат Торговли и Промышленности
Журналиста Льняной секции Юрия Борисовича Румера

Прошение¹

В виду того, что я перехожу на службу в Народный Комиссариат Просвещения в отдел Реформы школы, покорнейше прошу уволить меня с 1 января 1919 г.

Юрий Борисович Румер

Со стороны Льняной секции препятствий не встречается. Н. Митюшин.
Аванса за т. Румер не числится. 10/1 1919

В ЦТО Центроснаба ВСНХ

Заявление²

От Б. Е. Румера

Ссылаясь на личные переговоры с Б. О. Богдановым, прошу оформить мое зачисление на службу в ЦТО.³ Согласие на мое поступление было изъявлено Б. О. Богдановым 19-го сего, января м-ца.

Москва, 27 янв. 1922.
Б. Румер

АНКЕТА⁴

СОТРУДНИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ТОРГОВОГО ОТДЕЛА ЦЕНТРОСНАБА
В.С.Н.Х.

1. Фамилия, имя, отчество	Румер Борис Ефимович
2. Возраст	62 г.
3. Образование	Домашнее
4. Род занятий и специальность	Товаровед, финансовый сл. Бухгалтер
5. Служебный стаж: / Автобиография с указанием времени, места службы/ фирмы учреждения/должности и лиц, могущих подтвердить данные сведения по каждой работе в отдельности а/ до Февральской революции	Занимался коммерческой деятельностью. Одно время был членом правления и директором-распорядителем Московского Т-ва Резиновой мануфактуры, преобразованной затем в Общество «Богатырь»

¹ Рукописный документ со множеством помет и резолюций от руки, один прямоугольный штамп: свидетельство об исключении из личного состава. В данном воспроизведении приведены две резолюции. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3140. Л. 10.

² Рукописный документ с пометами от руки, которые плохо читаются, но свидетельствуют о положительном решении о принятии Б. Е. Румера на работу. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 28. Д. 275. Л. 1.

³ ЦТО — Центральный торговый отдел.

⁴ Документ на бланке, заполнен от руки. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 28. Д. 275. Л. 2.

б/ от Февральской до Октябрьской революции в/ после Октябрьской революции	1 августа 1920 г. поступил на службу в Высшую коллегию по постройке топливных ветвей как заведующий отделом снабжения. По расформировании коллегии перешел во Стройтоп и Цу-стоп ¹ (Гута), откуда уволился в декабре 1921 г. по своему желанию.
6. Время поступления на службу в Торговый отдел, на какую должность и какое содержание	19 января 1922 на должность заведующего организующимся иностранным отделом. До организации временное содержание в 125 рублей. неразборчиво
7. Кем рекомендован в Торговый отдел и кем зачислен:	Рекомендован В. В. Гомбергом, зачислен Б. О. Богдановым
8. Адрес	Остоженка 7, кв. 87. Телефон 2.14.64

1 февраля 1922 г.

Подпись: Б. Румер

Заявление²

Румера Осипа Борисовича, Остоженка 7, кв. 87 — начальнику Иностранного Отдела В.В.Р.С. Э. С. Батенину³

Прошу зачислить меня в число литературных сотрудников Иностранного отдела. Получил высшее образование. Владею немецким, французским, английским, польским, скандинавскими, персидским.

12.XII.1921.

Резолюция: О. Б. Румер зачислить переводчиком. Подпись: Батенин.

[Извлечение из анкеты]⁴

Начальнику Отдела Военной Литературы [Румера О. Б.]

При Революционном военном совете республики

[Румер О. Б.]

Желая поступить на службу в [...] отделение Иностранной части Отдела Военной Литературы при Р.В.С.Р. прошу Вашего распоряжения о зачислении меня на таковую.

¹ В тексте, скорее всего, описка: Цутоп — Центральное управление топливом и лесозаготовками Наркомата путей сообщения.

² Рукописный документ с рукописными пометами. О. Б. Румер работал здесь до февраля 1922 г. В это же время он преподавал шведский язык на факультете общественных наук МГУ и работал в НКВДе. РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 40775. № 169—840.

³ Батенин Эразм Семенович (1883—1937) — во время 1-й Мировой войны штабс-ротмистр царской армии; затем помощник главкома Петроградской военной охраны при Керенском. В 1918—1919 служил в Главархиве, гл. редактор военного научно-издательского отдела. Писатель (псевд. Эразм Батени). В 1930 был арестован по делу о шпионаже, освобожден. В 1933—1934, «будучи сотрудником НКВД», участвовал в собраниях «рабочей оппозиции». Вновь арестован 30.04.1935, обвинен в «участии в к/р группе». Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 13.07.1935 приговорен к 5 годам ИТЛ. В заключении на Соловках. Постановлением Особой тройки УНКВД ЛО от 10.10.1937 приговорен к ВМН. Расстрелян 04.11.1937 в урочище Сандормох (Карельская АССР). Реабилитирован. Электронный архив фонда Иофе. URL: <https://arch2.iofe.center/person/4073> (04.04.2023).

⁴ Документ на бланке, заполнен от руки черными чернилами. Квадратные скобки на месте нечитаемого слова. РГВА Ф. 37976. Оп. 5. № 169-840. Л. 1—2.

При чем сообщаю о себе следующие сведения:

Румер Осип Борисович, 1883 г. р., еврей, окончил Московский университет, российского гражданства, место рождения Москва, родной язык русский. Говорю по-немецки, по-французски, читаю на немецком, французском, английском, польском, шведском, персидском. Обучался в Лазаревском институте (8 классов), окончил Московский университет, 4 семестра учился в Лейпцигском университете, 2 года на Восточном отделении [Академии] Генерального штаба. Профессия: журналист и литератор, стаж 10 лет. Беспартийный, в других политических партиях не состоял.

4 января 1922 г.

Послужной список¹

Составлен 18 октября 1922—1 февраля 1925 г.

Румер Юрий Борисович

Слушатель Восточного отдела Военной Академии штаба Р.К.К.А.

I. Фамилия, имя, отчество		Румер Юрий Борисович
II. Когда родился и какой местности уроженец.		28 апреля (15 апреля) 1901, Москва
III. Общее. Какое военное, юнкерское училище, школу прапорщиков, инструкторские курсы и когда окончил.		Реальное училище Институт Востоковедения
Высш.	Какую академию и когда окончил	Был слушателем восточного отдела Военной Академии РККА
IV. Знаки и боевые отличия		–
V. Холост или женат		Холост
VI. Подвергался ли наказаниям или взысканиям		–

Вкладной лист к послужному списку

III. 1. Какой национальности	Еврей
2. Какой язык считает родным	Русский язык
3. Какими языками владеет	Немецкий, французский, английский, испанский, персидский. Читаю по польски и итальянски

¹ Документ на бланке в несколько страниц (брошюра?), сведения внесены от руки. На первой странице справа сверху угловой штамп. Сведения в штамп внесены от руки красными чернилами. «Тов. Румер Переучтен (неразборчиво) Управления Терокруга гор. Москвы и губернии на основании циркуляра Наркомвоенмор 1925 г. № 171. Отнесен: Состав: Адм[инистративный] Группа средн[ая] Род войск Адм[инистративный] штаб[ной служащий] Вид войск Строев[ой] Специальность Переводчик Должность нет Разряд учета Дом[ашний] срочный отпуск Категория 4 Графа учетной ведомости 31 Председатель комиссии Подпись 1 февраля 1926 г. Члены комиссии Подпись. На листе с № VII (Прохождение службы) внизу справа прямоугольный штамп «Уволен в бессрочный отпуск. ОСНОВАНИЕ: пр. РВСР № 192_г.» РГВА. Ф. 37976. Оп. 5. Д. 40775. № 192-012.

IV. Социальное происхождение 1) Профессия до поступления на военную службу 2) Профессия родителей а) до Октябрьской революции б) в настоящее время	1) Служащий 2) Отец был коммерсантом. Дело прекратил в 1915 г.
Образование общее специальное партийное	Реальное училище I Моск. Государ. Университет
Военное	Был два года слушателем Восточного Отдела Военной Академии Штаба Р.К.К.А.
С какого времени состоит членом или кандидатом РКП	Беспартийный

XIV. Деятельность вне военной службы

Служащий в Наркомпросе	До 1920
— в НКВД	1921
Работал в К.У.Б.С. I-го МГУ	1924
Заведующий отделением Гостехиздата в Тифлисе	1925
Переводчик с иностранных языков для Госплана, Госиздата	Почти все время
Работал в радифирме И. В. Шаурова	Июль—сентябрь 1925
В настоящее время контролер морского отдела Госстраха	

VII. Прохождение службы

Призван в Красную Армию по призыву 1901 года	1920	апрель	Прикомандирован как слушатель Восточного отдела для работы в Народном комиссариате Иностранных дел (Хоз. часть и Отделение Востока)	1920	окт
Зачислен курсантом Московских Военно-инженерных курсов и отправлен на Юго-Западный фронт	1920	март	Освобожден от работы в Н.К.И.Д. для большей продуктивности занятий в Военной Академии	1921	март
Откомандирован на Восточное отделение Академии Генштаба для работы по специальности	1920	июль	Откомандирован Военной академией в Московский Институт Востоковедения	1922	январь
Причислен для работы в Полномочном Представительстве Р.С.Ф.С.Р. в Персии и Турции	1920	август			

[Справка]¹

Домоуправление дома-коммуны «Красная Печать», дома № 7 по Остоженке, настоящим удостоверяет, что проживающим в кв. 46 гр. Румер Юрий Борисовичем, род. в 1901 г. представлен учетно-воинский билет, из которого видно, что он

- 1) Переучтен (Приказ Р.В.С.Р. № 2751 1922 (стр. № 6)
- 2) Принят на учет Военкоматом гор. Москва по книге учета № 13013 от 5 июня 1923
- 3) Уволен в бессрочный отпуск на основании Пр. Р.В.С.Р. № 1653
IX 23 г. Управдом (подпись)

В Комиссию по взиманию платы студентов физ. мат.

Заявление²

Прилагая при сем свидетельство врача о моем теперешнем состоянии, прошу отсрочить решение вопроса о взимании с меня за учение до моего выздоровления.

Живу я на литературный заработок (переводы с иностранных языков) и получаю не больше 1000 руб. в месяц (не регулярно).

Участвовал в гражданской войне, был слушателем Академии Генштаба, служил в нашем посольстве в Персии и т. д.

22/III [1923] Юрий Румер

Давно зная тов. Румера правильность данных им сведений подтверждаю.

Член РКП с 01.01.18 г. С. Солоденин бил. № 148027, выданный Гор. райкомом Моск. губ.

Подпись руки т. Солоденина сим удостоверяю: Секр. правления

УДОСТОВЕРЕНИЕ³

Дано сие сотруднику Государственного Технического Издательства гр. Румер Юрию Борисовичу в том, что ему поручается организация отделения Гостехиздата в пределах Закавказских Социалистических Федеративных Республик для чего ему предоставляется право:

¹ Рукописный документ, заверен печатью Р.С.Ф.С.Р. Остоженка № 7 Дом коммуны рабочих типографии «КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ». Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 15.

² Рукописный документ заверен круглой печатью ПРАВЛЕНИЯ [неразборчиво] ТОВАРИЩЕСТВА. В левом верхнем углу наискось рукописная резолюция — Утвердить 150 руб. (подпись) и дата 22/III [1923]. В правом верхнем углу рукописные пометки, вероятно, указывающие номер квитанции, по которой вносилась плата в 1918 г., и номер квитанции 9695 от 29/III, по которой внесено 50 р. Внизу рукописное подтверждение: Давно зная товарища Румера, правильность данных им сведений подтверждаю. Член РКП с 1918 г. [подпись неразборчива] бил. № 148027 выданный Гор. [неразборчиво] Моск. [неразборчиво]. Подпись руки тов. [неразборчиво] сим удостоверяю: секр. Пр [неразборчиво]. Подлинник. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 16.

³ Документ на бланке с угловым штампом Гостехиздатат слева вверху. Круглая печать организации поверх подписей внизу листа. РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 5.

1. Входить в переговоры со всеми Государственными, партийными, профессиональными и общественными организациями по вопросам, связанным с организацией отделения.

2. Организовывать снабжение Государственных, партийных, профессиональных и общественных организаций, трестов, учебных заведений, кооперативов, а также частных предприятий и лиц продукцией Гостехиздата.

3. Вести переговоры о переводе и издании продукции Гостехиздата на государственных языках ЗСФСР.

4. Вести переговоры по вопросам, связанным с распространением метрической литературы и изданием таковой на государственных языках ЗСФСР.

5. Приглашать и увольнять агентов по распространению изданий Гостехиздата.

6. Заключать по вопросам, связанным с его деятельностью, предварительные договоры и соглашения, вступающие в законную силу по утверждению их Гостехиздатом.

7. Получать денежные суммы и векселя, равно как и принимать заказы и подписки на все издания Гостехиздата.

Подпись руки гр. Юр. Румер удостоверяется.

Настоящее удостоверение выдано сроком по 15 мая 1925 г.

Зав. Гостехиздатом /РАБЧИНСКИЙ/

Упр. делами /ЧЕРНОМОРДИКОВ/

Выписка из приказа № 134¹

По Гостехиздату от 30-го июня 1925 г.

1-го июля с. г. уполномоченного по Тифлису т. РУМЕРА, вследствие ликвидации работы в Тифлисском районе, считать уволенным от должности. Основание: Отношение т. ХАТАЕВИЧА с резолюцией т. ЧЕРНОМОРДИКОВА.

Зам. Зав. ГТИ /Черномордиков/

Выписка верна: Н. Кувшинникова

[Анкетные данные]²

В Главное Управление Государственного Страхования

Юрия Борисовича Румер
(адрес: Остоженка 7, кв. 46)

Желая получить работу в Госстрахе, сообщаю о себе сведения. Родился в 1901 г. в Москве. Окончив среднее учебное заведение в 1917 г., я 1924 г окончил физико-математический факультет Московского Университета, получил диплом № 926 от 15 марта 1924 г. В период университетского курса я состо-

¹ Машинописный документ, от руки вставлен номер приказа, автограф Кувшинниковой. Круглая печать Государственного технического издательства ВСНХ. РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 6.

² Документ рукописный. Там же. Л. 7.

ял ответственным сотрудником Н.К.И.Д. по хозяйственному отделу, служил в учреждениях Наркомпроса, а также был сотрудником-контролером по хлебозаготовкам на Украине для Татареспублики. Военную службу пробыл частью на юго-западном фронте, частью на восточном отделении Академии Генштаба, где изучал персидский язык.

Знаю следующие языки: немецкий, английский, французский, испанский, итальянский, польский и персидский. На всех языках свободно читаю и перевожу.

Знаком со статистикой, и бухгалтерией, теоретически и практически. Москва, 17 декабря 1925 г. Подпись Ю. Румер.

Против зачисления в Тр[анспортный]. О[тдел]. Не возражаю. 2/1. Подпись неразборчива.

Гражд. Рюмер был рекомендован т. [Э. О.] Цобелем, заместителем т-я Рязанова¹ по Институту имени Маркса-Энгельса. На основании этой рекомендации, я поддерживаю кандидатуру т. Рюмера.

18/1. 1926 г. Санто (?).

ЛИЧНЫЙ АНКЕТНЫЙ ЛИСТ
сотрудника ГОССТРАХА²

1. Фамилия, имя и отчество	Румер Юрий Борисович
2. Образовательный ценз (перечислить все учебные заведения, в которых проходили курс; если окончил, то какое именно учебное заведение: гражданское, военное или специальное; по какому отделу, факультету и т. п.)	1). 15/III 24 года окончил Математическое Отделение Физико-Математического Факультета Московского Государственного Университета. 2). Учился в Институте Востоковедения на иранском разряде
3. Какими иностранными языками владеете	Немецким, французским, английским, испанским, персидским. Читаю по-итальянски и по-польски
4. Страховой стаж (указать число лет в акционерных обществах и Земстве)	
5. Имеются ли печатные работы по страховым вопросам и где таковые напечатаны	
6. Занимаемая должность и с какого времени	
7. Партийность (к какой партии принадлежите и в каких партиях состояли ранее, с какого времени)	Беспартийный
8. Возраст (год, месяц и место рождения)	28 апреля 1901 г., гор Москва

¹ Рязанов Давид Борисович (1870—1938) — при рождении Давид-Симха Зельман-Берович Гольдендах — деятель российского революционного (социал-демократ) и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист, марксовед. Основатель и первый руководитель Института Маркса и Энгельса (ИМЭ), который возглавлял в 1921—1931 гг. 21 января 1938 г. расстрелян в Саратове.

² Документ на бланке. Заполнен от руки с двух сторон. РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 3-3 об.

9. Подданство	С.С.С.Р.
10. Семейное положение (холост, женат и сколько на иждивении)	Холост
11. Бывшее социальное положение (мещанин, крестьянин, дворянин, духовного звания и т. п.)	Отец мещанин города Минска
12. Имущественное положение до революции (родителей и Ваше)	До революции отец был коммерсантом
13. Где, сколько времени и какого рода работу несли (излагается в хронологическом порядке с указанием дат) а) до февральской революции б) до Октябрьской революции в) после Октябрьской революции	1) до Октябрьской революции учился 1918—1920 в Наркомпросе Управдел Института Ритмического воспитания 1920—1922 год в Красной армии (на фронте и в Академии Генштаба) В это же время, как слушатель Восточного Отделения, работал в Н.К.И.Д. (хозяйственная часть, сотрудник для поручений) 1922 год на Украине контролером по заготовке хлеба для Татреспублики. Кончал Университет, имел переводы и уроки (1923, 1924). 1925 с апреля по 15 июня Завед. Отделением Гостехиздата в Тифлисе
14. Последняя (перед Госстрахом) служба, время и причины ее оставления	Заведующий отделением Гостехиздата в Тифлисе, с июля без работы. Ликвидация отделения
15. Отношение к воинской повинности: служба в старой, белой и Красной армиях, в качестве кого (комсостава — офицера, чиновника или рядового — фельдфебеля, унтер-офицера)	Был курсантом, слушателем Академии Генштаба, в настоящее время в бессрочном отпуску. Был переводчиком военной группы Полпредства Р.С.Ф.С.Р в Персии
16. Состоял ли когда-либо под судом или был арестован, когда и за что	Нет
17. Состоял ли членом профсоюза, какого и с какого времени	Не состоял, так как находился в армии
18. По чьей рекомендации поступил в Госстрах	
19. Имеются ли у Вас родственники в Главном Правлении Госстраха или в Губстрахе и в утвердительном случае, где именно и какую занимают должность и степень родства	Нет
20. Адрес	Остоженка 7, кв. 46

17 декабря 1925 г.

Юр. Румер

Удостоверение¹

З/И-27

Дано тов. РУМЕР Ю. Б. в том, что он состоял на службе в Главном Правлении Госстраха в должностях: контролера со знан[ием] иностр. языков с 16 января по 14 июля 1926 г., корреспондентом со знан. иностр. языков с 14 июля по 16 августа 1926 г. и старш. Контролера-инструктора Транспортного отдела с 16 августа 1926 г. по 1-е января 1927 г. с какового числа и уволен по собственному желанию.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ОБЩИМ ОТДЕЛОМ (И. Петров)
ЗАВ. П/ОТДЕЛОМ ЛИЧНОГО СОСТАВА (А. Дмитриев)

Глава 5. Геттинген

Борн М. — Эйнштейну А.²

Геттинген, 12.8.29

Дорогой Эйнштейн!

Некоторое время назад здесь всплыл молодой русский с шестимерной теорией относительности в багаже. Поскольку я даже к различным 5-мерным теориям отношусь с опасением и без больших надежд, что этим путем можно достичь красивых результатов, то я был настроен очень скептически. Но молодой человек говорил разумно, и вскоре убедил меня, что в его идее что-то есть.

Несмотря на то что в этих вещах я понимаю меньше эпсилон, я представил эту работу Геттингенской Академии наук и посылаю тебе оттиск с срочной просьбой прочитать и высказать свое мнение. Этот человек, по имени Румер, уехал из России, поскольку с относительщиками там плохо обходятся (серьезно!). Считается, что теория относительности противоречит официальной материалистической философии, и ее приверженцы подвергаются гонениям. Иоффе мне об этом еще раньше рассказывал. Румер приехал в Германию, как-то нашел возможность учиться в техническом вузе в Ольденбурге и хочет сдать выпускной экзамен. Потом он хочет пробиться сюда, а если не получится, эмигрировать в Южную Америку.

Если работа произведет на тебя хорошее впечатление, то я прошу тебя для него что-нибудь сделать. Он знает подробно математическую литературу о римановой геометрии и т. д. вплоть до современности и мог бы быть для тебя идеальным ассистентом. Он мил и производит впечатление исключительно умного человека. Вправду ли он русский или еврей, я не знаю; последнее более вероятно. Его адрес: Ольденбург, Ам Фестунгсграб, 8.

Я чувствую себя по-прежнему так себе. Я провел с детьми 8 дней в Вальдеке, но там было шумно и беспокойно. Нервы у меня в плохом состоянии. На

¹ Машинописный документ, дата проставлена от руки, слово «языка» исправлено на множественное число «языков». РГАЭ. Ф. 7625. Оп. 11. Д. 1414. Л. 16

² Albert Einstein — Hedwig und Max Born. Briefwechsel: 1916—1955, Munich, 1969. S. 107—109. Перевод И. С. Михайловой.

следующей неделе я еду один на озеро Фирвальдштэдтер, где у одного знакомого (швейцарский юрист) есть дом и моторная лодка в Керзитен-Бюргштот (мой адрес там: Отель Шиллер). Я видел твое фото в последнем журнале, на яхте, загорелым.

У Хайди проблемы с кишечником, она сидит на строгой диете. Сердечный привет Жене и Марго¹. Твой Макс Борн

Румер хочет писать книгу, прилагаю предполагаемое содержание².

Упомянутый русский Румер будет много раз появляться в последующих письмах. Его 6-ти мерная теория относительности всегда меня пугала. Позже я опубликовал с ним небольшую работу о ядрах, чисто спекулятивную, соответствующую его, а не моему характеру.

Выражение, что я понимаю в этом меньше эпсилон, взято у математиков, которые говорят «величина меньше эпсилон, где эпсилон бесконечно мало».

Неприятнь официальной коммунистической философии по отношению к теории относительности скоро прошла. Судьба Румера, возможно, с этим связана. Когда я сразу после войны в июне 1945-го года в составе английской делегации летал в Москву на 225 юбилей Российской Академии наук и спрашивал там о Румере, мне намекнули, что он попал в немилость и исчез. Я ничего о нем не слышал до моего 75-летия, к которому он прислал мне поздравления, а именно из Новосибирска. Я спросил о его судьбе, и он рассказал в длинном письме, что был депортирован и провел много лет в страшном лагере у ледовитого моря. Он выжил только благодаря помощи доброй медсестры, ставшей его женой. После смерти Сталина он получил телеграмму, не только возвращавшую ему свободу, но и вызывавшую его в Москву. Там он был назначен главой института физики в новом научном центре в Новосибирске и стал тем самым влиятельным человеком в советской науке.

Странность заключается в том, что долгие года страданий на севере Сибири не породили в нем никакой горечи, никакой враждебности по отношению к режиму. Напротив, он попытался в длинном письме объяснить мне преимущество советского строя над западным, не только в политическом и экономическом, но и в моральном плане³.

Борн М. — Эйнштейну А.⁴

Институт теоретической физики
Университет
Геттинген
Бунзенштрассе, 9
13.11.29

Дорогой Эйнштейн!

В суматохе начала семестра я так и не смог ответить на твое большое и милое письмо. Я хотел, прежде всего, обсудить твои замечания с Йорданом, а он

¹ Марго Левенталь — падчерица, дочь Эльзы, второй жены Эйнштейна, от первого брака

² Отсутствует.

³ Здесь и далее курсивом набран комментарий М. Борна к письму.

⁴ Эйнштейновский сборник 1972. М.: Наука, 1974. С. 12—13.

только недавно приехал. Мы очень благодарны тебе за твою критику и в соответствии с ней изменили соответствующие места в нашей книге. Действительно, ты совершенно прав в том, что логически нельзя оправдать будущее принятие или отрицание детерминизма. Ведь всегда можно найти способы описания процессов, которые будут существенно глубже, чем те, что нам уже известны (как это и подчеркивает твой пример с кинетической теорией в сравнении с макроскопической теорией). Иордан и я не склонны верить в нечто такое, но, конечно, не следует утверждать больше того, что может быть строго доказано. Словом, соответствующий кусок мы изменили в этом духе.

Сейчас я читаю релятивистскую теорию, и не только для того, чтобы преподавать ее студентам, а также для того, чтобы самому почувствовать себя в этом предмете как дома. Я надеюсь успеть это сделать до появления твоих новых работ, которые также собираюсь тщательно изучить и сообщить тебе о своем мнении.

Господин Румер находится здесь, в Геттингене. От господина Варбурга из Гамбурга он получил поддержку с тем, чтобы иметь возможность некоторое время еще позаниматься.

У жены все хорошо, ей очень хочется только, чтобы сюда как-нибудь приехала Марго. Я хотел бы организовать некий заговор. У Хеди 14 декабря день рождения¹. Нельзя ли было бы сделать так, чтобы Марго неожиданно появилась? Это доставило бы ей огромную радость.

Сердечный привет твоей жене и Марго.

Твой Макс Борн

Эйнштейн А. — Борну М.²

14.12.29

Дорогой Борн!

Твое ясное письмо меня очень обрадовало. В большом и малом проявляется все же, кто представляет собой цельную натуру.

Господин Румер мне очень понравился. Его идея привлечения многомерных множеств оригинальна и формально хорошо осуществлена. Слабость коренится в том, что найденные таким образом законы не полны и пути для логического обеспечения и полноты не предвидятся.

Во всяком случае, было бы хорошо, если этому человеку будет предоставлена возможность для научной работы. Самым лучшим, конечно, было бы просить о должности, которая оставила бы достаточно досуга для свободных занятий.

К сожалению, у нас ничего такого нет. Нельзя ли было бы для таких случаев получить место преподавателя в гимназии или другие должности с уменьшенной нагрузкой и оплатой? Это, безусловно, лучше, чем выданная на срок стипендия, так как аист, приносящий духовного новорожденного, является чересчур вольной птицей, не признающей сроков выполнения поставок.

Сердечный привет, твой [Эйнштейн]

¹ Хеди (Хедвиг, 1991—1972) — жена М. Борна.

² Эйнштейновский сборник 1972. С. 15.

Борн М. — Эйнштейну А.¹

Институт теоретической физики,
Университет Геттинген
Бунзенштрассе, 9
19.12.29

Дорогой Эйнштейн!

Я очень рад тому, что ты хочешь принять г-на Румера. Идея направить его на какую-либо должность, которая оставила бы ему время для научной работы, теоретически, конечно, очень хороша, но практически трудно выполнима. Очень желательным было бы обеспечение местом преподавателя гимназии с уменьшенным количеством часов и оплатой, но, конечно, и осуществить это очень трудно и, наверно, возможно только после многолетней подготовки. Мои собственные отношения с Министерством чересчур слабы для того, чтобы пробить что-либо в этом отношении. Но, может быть, понадобится твое влияние. Мне это в самом деле представляется практической задачей, при решении которой можно будет обратить на пользу молодым людям весомость твоего имени. Не мог ли бы ты попроситься на прием к Министерскому директору Рихтеру и изложить ему это дело?

Но в настоящее время господина Румера эти песни на будущее (Zukunftsmusik) не устраивают.

У него, кстати, есть практическое образование — техникум в Ольденбурге, где он сдал выпускной экзамен. Он мог бы найти место на практической службе, но при царящей сейчас безработице иностранцу найти работу в Германии — дело абсолютно безнадежное.

В настоящее время, как мне кажется, действительно ничего не остается, как обеспечить ему, по крайней мере на год, стипендию. Моя жена говорила мне, что ты собираешься сделать это вместе с Эренфестом, и именно из Рокфеллеровского фонда. Лично я не хотел бы обращаться туда сейчас ни при каких обстоятельствах, поскольку со мной они обошлись скверно. Весной у нас был Тисдаль, и когда он увидел, что у меня тяжелое нервное переутомление, то предложил попробовать направить меня на пару месяцев в Калифорнию за счет Рокфеллеровского фонда. Сначала я от этого отказался, так как надеялся отдохнуть в течение больших каникул. Но когда после этих больших каникул я почувствовал себя неважно, то снова написал Тисдалю, вернувшись к вопросу о его предложении.

В ответ на это он в довольно резкой форме отказался ходатайствовать перед центральными органами. Я могу себе это объяснить только тем, что рокфеллеровцы что-то имеют против Геттингена. Может быть, что-то произошло при основании Математического института, но мне это неизвестно. Поэтому как раз сейчас мне не хотелось бы туда обращаться с ходатайством.

Будь, пожалуйста, добр, и напиши господину Тисдалю (Рокфеллеровский фонд, 20, рю де ля Бом, Париж) ходатайство о стипендии г-ну Румеру на 1 год пребывания у тебя, или же у меня, или где-либо еще и добавь, что Эренфест

¹ Эйнштейновский сборник 1972. С. 15—17.

и я поддерживаем эту просьбу. Но я не хочу скрывать от тебя трудности: в общем случае у этих попечителей фонда железный принцип — давать стипендии только тем людям, которые способны показать, что по окончании срока выплаты стипендии они будут в своей стране обеспечены оплачиваемой должностью, а Румер не из таких. Но, возможно, твое имя в этом случае приведет к исключению из такого правила.

Лауэ прислал мне милое приглашение прочитать в январе доклад в Физическом обществе, в Берлине. Я принял его очень охотно, так как не видел всех вас с незапамятных времен. Правда, у меня нет никаких физически красивых проблем, о которых можно было бы рассказать.

Привет вам всем, особенно Марго, от Хеди.

Твой Макс Борн.

Эйнштейн все чаще и чаще высказывал мысли о том, что стремление к познанию не должно быть связано с практической работой, дающей средства для жизни, но что исследования должны являться чем-то самостоятельным. Сам он написал свою первую большую статью, когда зарабатывал себе на хлеб работой в качестве служащего в швейцарском бюро патентов в Берне. Только так, полагал он, можно утвердить свою духовную независимость. Его предложение о том, чтобы Румер подыскал себе место учителя в гимназии с сокращенным (по сравнению с нормой) числом преподавательских часов, имело непосредственное отношение к этому кругу людей.

Но он не принял во внимание то, что почти в каждой профессии имеется организационная косность, и ту важность, которую каждый приписывает своей деятельности, без чего, конечно, не могло бы развиваться и служебное рвение.

Чтобы с успехом заниматься наукой в виде побочного труда, нужно было быть Эйнштейном.

Тисдаль был, как видно из текста письма, представителем Рокфеллеровского фонда в Европе. Из поездки в Америку ничего не получилось: после 1926 года я никогда больше там не был.

Борн М. — Эйнштейну А.¹

22.2.31

Проф. д-р Макс Борн
Геттинген,
Виль Веберштрассе, 42

Дорогой Эйнштейн!

После того как Хеди видела в киножурнале твой приезд в Калифорнию, мы решили, что вы совсем пропали в суматохе и сутолоке американской жизни. Тем большую радость доставила нам ваша открытка, которая пришла сегодня. Так приятно сознавать, что вы иногда о нас думаете. Наверное, ты сейчас размышляешь о космологии, расширяющейся Вселенной и тому подобном.

¹ Эйнштейновский сборник 1972. С. 17—21.

Эти вещи мы слушали на астрономическом семинаре, причем с разъяснениями выступил Вейль. Вейль вообще удивительно оживил круг наших физиков. Он часто приходит на физический коллоквиум и регулярно на мой теоретический семинар, часто берет слово, и все, что он рассказывает, необычайно живо, умно, остроумно. Мои молодые ребята многому научились у него, но и он сам, благодаря семинару, сделал две маленькие работы о применении теории групп к молекулам и валентностям (появятся в Геттингенских Изв.). Очень приятно и личное общение с супругами Вейль, оба они очень интересуются литературой, благодаря чему у них установился контакт с Хеди.

Я рад тому, что семинар скоро кончится, так как ужасно много работал. Я мучаюсь с квантовой электродинамикой и верю, что здесь у меня есть некоторые перспективы, но все это чудовищно трудно. Проблема заключается в исключении бесконечной собственной энергии электрона и всего, что с этим связано. Наряду с этим я обрабатываю свои лекции по оптике, которые хотел бы издать с целью заработка. В остальном о Геттингене мне рассказать нечего. Иногда можно сходить в кино и увидеть, как хорошо в других местах, а ваша открытка с апельсиновым деревом пробудила в нас тоску по дальним странам. Несколько лет тому назад, кажется, в Комо меня спросил Милликен, не хотел ли бы я на полгода приехать в Пасадену. Тогда я ответил, что, пока мои дети еще так малы, мне не хотелось бы разлучаться с ними надолго. Теперь девчушки почти взрослые, и мы легко могли бы уехать на пару лет. Не мог ли бы ты при случае спросить у Милликена, не понадобится ли я ему через 1,3/4—2 года? Раньше я не смогу и по другим причинам, мне придется как раз с октября пробыть в течение года на должности декана. Полных 10 лет я отбивался от этого места, частично правдой, частично надуманными трюками, а теперь уже больше ничего не выходит... Но надеюсь пережить и этот год. Мой сотрудник Румер, о делах которого я тебе как-то писал, может остаться у меня еще на один год. Мой ассистент Гайтлер уезжает летом в Америку (Колумбия, Огайо), и Румер будет его замещать, а на зиму я денег наклянчил. На рождественских каникулах я в течение 12-ти дней гостил у одного приятеля — промышленника в Швейцарии (Ароза), а на обратном пути был в Цюрихе. Там, по приглашению студенческого общества, прочел доклад, а после этого мы продолжили беседу в пивном баре, где я познакомился с твоим сыном. Он мне очень понравился — у него изящный и острый ум и точно такой же великолепный смех, как у тебя.

Ну, что еще осталось рассказать?

В Европе все выглядит как-то неуютно и политически, и экономически.

У нас есть и личные заботы об «отделившихся» родственниках, так же как и у большинства людей. Но надеемся на лучшее, несмотря на Гитлера и его компанию.

О Калифорнии я хорошо осведомлен; как раз читаю удивительно живые путевые письма Эрнфеста, которые он прислал Хеди. Как этот парень умеет все переживать, видеть, изображать! Читая, я совершенно отчетливо вижу калифорнийский ландшафт и милых тамошних людей, особенно Толменов, Эпштейна, Милликенов! Передай им всем от меня привет! Хеди сама напишет еще несколько слов.

Письмо будет тебе заодно и поздравлением с наилучшими пожеланиями ко дню рождения. Оно должно поспеть как раз вовремя.

Передай сердечный привет жене! О Марго, молодой супруге, мы почти ничего не знаем.

Твой Макс Борн.

Намек о космологии и расширении Вселенной, сделанный в письме, связан с произведшим сенсацию открытием американского астронома Хаббла. Оказалось, что далекие звездные системы, которые называют галактиками, — каждая из которых такова же, как Млечный путь (галактическая система в прежнем понимании этого слова), разбегаются друг от друга со скоростями тем большими, чем на большем расстоянии друг от друга они находятся. С этого начался новый подъем в космологии, стимулированный эйнштейновской общей теорией относительности.

Герман Вейль, который одновременно со мною был в Геттингене сначала студентом, а позднее приват-доцентом, был преемником Гильберта. Вейль был одним из последних крупных математиков, которые также занимались теоретической физикой и астрономией и внесли в них важный вклад. Когда Гитлер пришел к власти, Вейль уехал в Принстон, в Институт теоретических исследований, где работал также и Эйнштейн.

В чем заключалась моя попытка продвинуться в области квантовой электродинамики, я совершенно не помню. Вероятно, она оказалась несостоятельной.

Год, в течение которого я был деканом (1932), был одним из самых неудачных во всей моей академической карьере. Кризис, возникший в Европе из-за краха американской финансовой системы, принудил немецкий кабинет, возглавляемый канцлером Брюнингом, к крайним мерам экономии. Благодаря этому университеты должны были сократить свой значительный процент младших ассистентов и других оплачиваемых сотрудников. Многие из членов нашего факультета естествознания сочли это возмутительным. Во-первых, было ужасным выгонять за порог молодых и устремленных к знанию людей, многие из которых уже имели семьи, и тем самым ставить под удар их и без того трудное финансовое положение. Затем это парализовало деятельность института, которая быстро скатывалась к застою. Мы создали Комитет и решили предложить факультету, чтобы оплата большинства тех, кого коснулось сокращение, производилась за счет добровольного сбора — он составлял менее чем 10 % нашего жалования. Мне до сих пор страшно вспомнить те битвы, которые это предложение вызвало на факультете. На бесконечно затянувшимся заседании мы добились принятия этого предложения большинством голосов. Однако эта победа выявила и злопыхателей, о которых мы никогда ранее не подозревали. Это было несколько историков, а главным образом специалистов по сельскому и лесному хозяйству. Спустя полгода мы узнали, кем они были на самом деле: заклетыми нацистами, которые, будучи деятелями научного института, считали заботу об отдельных людях излишней.

Единственным светлым пятном был тот момент, когда я осведомил лично куратора факультета, тайного советника Валентинера, о решении фа-

культета. Он был настолько расстроган, что на глазах у него появились слезы. Вот что он примерно сказал: «Если бы все корпорации были настолько бескорыстны, как ваш факультет, тогда наша страна была бы освобождена от забот».

Вальтер Гайтлер в течение многих лет был моим ассистентом, одновременно с Лотаром Нордхаймом. Когда Нордхайм во времена гитлеризма уехал в Америку (Калифорнию), Гайтлер сначала эмигрировал в Англию, где он был профессором в Дублине (Ирландия), в Институте перспективных исследований, и, в конце концов, профессором в Цюрихе; этой профессурой он обязан своим выдающимся работам по квантовой теории химической связи (совместных с Ф. Лондоном), по космическому излучению и своей превосходной книге по квантовой теории излучения.

Упомянутый в моем письме мой друг — промышленник — это Карл Штиль из Рекламсхауза, о котором я уже упоминал ранее.

Что касается моего оптимизма относительно политического положения, то следует сказать, что письмо это написано в момент, когда появился проблеск надежды. Я точно вспоминаю, что у меня были также и моменты отчаяния. Часто упоминаемое в моих письмах тяжелое состояние моих нервов вызывалось не только тем, что я был крайне переутомлен работой, но и другими заботами, прежде всего — политическими. Я был, кажется, с начала 1929 г. отправлен в санаторий в Констанце на берегу Бодензее. Там я был поначалу уложен в постель, позднее я смог по вечерам бывать в холле и беседовать с отдыхающими. Но разговоры этих фабрикантов, врачей, адвокатов — все это были во всяком случае люди из «хорошего круга» — вращались только вокруг Гитлера и надежды, которые они с ним связывали, и сопровождались явными антисемитскими выпадами. Это заставляло меня вновь удаляться в мою комнату. Настоящий отдых я нашел только после того, как сбежал из санатория и отправился в Кенигсфельд в Шварцвальде. Только в одиноких лыжных прогулках я привел свои мысли в порядок. Прежде всего надо сказать о том, что я познакомился там с Альбертом Швейцером. Я услышал, проходя мимо одной из кирх, замечательную игру на органе. В кирхе я и нашел д-ра Швейцера, которого я хорошо знал по фотографиям и который сидел за красивым органом. Воспользовавшись паузой, я заговорил с ним. Потом он рассказывал мне о своей жизни и работе в Ламбарене во время наших многочисленных и длительных прогулок. Все это помогло мне снова обрести душевное равновесие. Именно с этим, вероятно, и связан тот оптимизм в оценке политических перспектив, который виден из моего письма.

Американские друзья, упомянутые в связи с эренфестовскими письмами из США, — все это физики высокого ранга: Толмен, наиболее известный своими работами по теории относительности и космологии; Эпштейн, внесший существенный вклад в боровскую теорию строения атома, и Милликен, известность которого связана с решающим подтверждением корпускулярной природы электричества и точным изменением заряда электрона.

Борн М. — Эйнштейну А.¹

Институт теоретической физики
при Университете
Геттинген
Бунзенштрассе, 9
6.10.31

Дорогой Эйнштейн!

Этой же почтой я отправляю тебе новую работу Румера, в которой он, как мне кажется, сделал действительный шаг вперед в том направлении, к которому стремился несколько лет. Я знаю, конечно, ты весь в мыслях о совсем другом, но, может быть, найдешь время, чтобы хотя бы посмотреть работу Румера. Я думаю, что его утверждение вполне правильно: допущение римановского пространства влечет за собой как следствие необходимость определенных допущений относительно тензора материи и с необходимостью приводит к своеобразной и новой полевой теории материи. Теперь остается только вопрос, следует ли идти в этом направлении дальше и сформировать эту теорию или же переходить, как ты это пробовал, к совершенно новой геометрии — об этом я не могу судить. Но думаю, однако, что нужно идти обоими путями.

Сердечный привет от меня и жены.

Твой Макс Борн.

Об этой работе Румера я ничего не могу припомнить.

Мое письмо от 6.10.31 и следующее письмо Эйнштейна отделяют друг от друга около полутора лет, которые вместили в себя столько событий, что научные проблемы отодвинулись на задний план. Это было уже упомянутое время моего деканства. Имело место несколько выборов в Рейхстаг, в процессе которых возросло число нацистских депутатов и усилилось влияние Гитлера. Толпы коричневорубашечников терроризировали страну; затем наступил нацистский переворот, и однажды, в конце апреля 1933 г., я нашел свое имя в газете, в списке лиц, которые, согласно «новым законам» о служащих, были отнесены к числу неугодных. Среди них не было Франка, поскольку он рассматривался как фронтовик периода Первой мировой войны.

В это время Эйнштейн находился в США. Он вернулся в Европу в начале 1933 г., но направился в Бельгию и Англию, а не в Германию, так как его безопасность там не была гарантирована.

После моего «отпуска» мы решили тут же покинуть Германию. На летние каникулы у нас было арендовано жилище у крестьянина по имени Ператонер, проживавшего в Волькенштейне в долине Гроднера (Итальянская Сельва). Он сразу же высказал готовность принять нас. Так что в начале мая 1933 г. мы выехали в Южный Тироль, взяв с собой двенадцатилетнего сына Густава; более взрослых дочерей мы оставили в их немецких школах. Из Сельвы я написал Эйнштейну через Эренфеста (Голландия); последующее письмо представляет его ответ.

¹ Эйнштейновский сборник 1972. С. 21—22.

Institut für theoretische Physik
der Universität

9 января 1932 г.
Göttingen, den
Bunsenstr. 9.

Жизнеописание¹

Я, Юрий Борисович Румер родился в 1901 г. в Москве. Учился в Реальном училище о-ва преподавателей. В 1917 году поступил на физмат, каковой окончил в Москве в 1925² году. По призыву 1921 года был в Кр. Армии, участвовал в Гражданской войне на фронте в качестве курсанта военно-инженерных курсов. Демобилизован в 1922 году и состою на учете комсостава в качестве переводчика с иностранных языков.

По окончании физмата работать по специальности я не мог (в Союзе в это время была безработица среди математиков). 1926 год я прослужил в Госстрахе, откуда уволен по собственному желанию.

Отец моей жены, по специальности врач, оптировавший латвийское гражданство, предоставил мне средства для получения технического образования в Германии, где я и учился до мая 1929 года. Одновременно я заинтересовался новейшим развитием физики. Мною заинтересовался проф. Борн и пригласил к себе в ассистенты. Кроме него интерес ко мне проявили проф. Эйнштейн, Эренфест, Леви-Чивита, Шредингер. Я с согласия полпреда и прусского министерства просвещения занимал штатную должность в Институте.

В настоящее время считаю, что моя переквалификация завершена, и я могу быть полезным работником в Союзе, куда мог бы выехать в случае получения работы в марте—апреле сего года.

Юрий Румер

Institute für theoretische Physik
der Universität

Göttingen, den
Bunsenstr. 9

09 января 1932

Дирекции научно-исследовательского института физики
Московского Государственного Университета

Румер Юрий Борисович

Заявление³

Я окончил физмат МГУ в 1925 году, по математическому отделению. С декабря 1927 года изучал статику сооружений и железо-бетон в Oldenburg-Polytechnicum (Oldenburg IO), с лета 1929 года по сие время работаю ассистентом проф. Борна в Геттингене. Я работал в следующих областях: теория относительности, волновая механика, теория электрона Дирака, квантовая химия, оптика и теория света. Научные работы при сем прилагаю. Рекомендация и от-

¹ Рукописный документ выполнен на бланке Института теоретической физики Геттингенского университета. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217. Л. 5.

² Ю. Б. Румер окончил МГУ в 1924 г.

³ Рукописный документ на бланке Института теоретической физики Геттингенского университета. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217-а. Л. 6.

зыв Борна последуют. Проф. Шредингер согласился в случае Вашего запроса дать мне наилучшие рекомендации. Проф. Эйнштейн, который сейчас находится в Америке, сможет дать обо мне благоприятный отзыв.

В случае, если моя квалификация может считаться достаточной прошу предоставить мне соответствующую работу.

Сведения обо мне может дать Г. К. Хворостин. Кроме него, полагаю, что дополнительные сведения могут дать Шнирельман, Гельфанд¹ и Степанов².

В случае Вашего согласия прошу, по возможности, срочно сообщить мне какие формы конкретной работы могут мне быть предоставлены с тем, чтобы я уже здесь мог войти в курс предстоящей мне деятельности.

Юрий Румер

[Отзыв]³

По окончании Математического факультета Московского университета Юрий Борисович Румер переехал в Германию, где перешел к занятию теоретической физики и в течении ряда лет был сотрудником проф. М. Борна. Вернувшись к нам в Союз в 1932 г., он сразу стал в ряды наших лучших физиков теоретиков. Ему весьма удачно удалось использовать свои математические познания и дарования для исследования и решения труднейших вопросов современной теоретической физики. Работы его посвящены теории относительности и квантовой механике и электродинамике.

В двух работах по общей теории относительности [1, 8] Ю. Б. Румер впервые поставил вопрос о возможности физического истолкования как второй фундаментальной дифференциальной формы многомерной теории поверхностей, так и условий, обеспечивающих возможность рассмотрения пространства v_n как сечения пространства v_m при $m \neq n$.

Эти исследования привели его к построению теории не лишенной электромагнитных свойств материи, описываемой полем, уравнения которого формально совпадают с уравнениями теории упругости.

Из ряда работ Ю. Б. Румера по квантовой механике, особенный интерес представляют волновая теория фотонов [2, 7] и в особенности ряд фундаментальных исследований по квантовой химии, в области которой Ю. Б. Румер несомненно является крупнейшим из советских специалистов. В двух совместных с В. Хейтлером⁴ работах [3, 4] на основе теорий Дирака и Слэтера им впер-

¹ Гельфанд Израиль Моисеевич (1913—2009) — один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования, доктор ф.-м. наук, академик (до 1989 года — в Советском Союзе, после 1989 года — в Соединенных Штатах).

² Степанов Вячеслав Васильевич (1889—1950) — выдающийся советский математик, член-корреспондент АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор, вице-президент Московского математического общества, лауреат Государственных премий СССР. После окончания Московского университета (1912 г.) был направлен на продолжение обучения в Геттинген. Всю жизнь работал в Московском университете, многие годы заведовал кафедрой дифференциальных уравнений, руководил Институтом механики.

³ Рукописный документ на двух листах за подписью И. Е. Тамма. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217-а. Л. 36—37.

⁴ Гайтлер В. Г. в транскрипции данного издания.

вые был дан метод расчета многоатомных молекул, известный под названием метода спиновой валентности. В настоящее время этот метод широко применяется в квантовой химии и вошел во все изложения теорий молекулярной связи.

В дальнейших работах [9, 10] была установлена связь этого метода с алгебраической теорией инвариантов и указаны способы отыскания соответствующей системы независимых инвариантов. Сотрудники Ю. Б. Румера (Г. О. Тордадзе, М. А. Марков) под его непосредственным руководством успешно применили этот метод к ряду конкретных вопросов. В частности в совместной работе с М. А. Марковым Ю. Б. Румером было дано очень интересное и важное обобщение метода спиновой валентности на случай орбитальной валентности [13].

Изложенное, как мне кажется, заставляет признать, что имеются все основания для присуждения Ю. Б. Румеру степени доктора физики по совокупности работ без защиты докторской диссертации.

Проф. Иг. Тамм
14 ноября 1934 года

Список научных работ Ю. Б. Румер¹

1. Uber eine Erweiterung der allgemeinen Relativitatstheorie. Nachrichten von der Ges. der Wiss. Zu Gottingen. Math.-Phys. Klasse, 1929, № 2, s. 92—99.

2. Quantenchemie mehratomiger Molekule. Nachrichten von der Ges. der Wiss. Zu Gottingen. Math.-Phys. Klasse, 1930, № 3, s. 277—284. (zusammen mit W. Heitler).

3. Zur Wellentheorie des Lichtquants. Z. Phys., 1930, Bd. 65, s. 244—252.

4. Ansätze zur Quantenelektrodynamik. Z. Phys., 1931, Bd. 69, s. 141—152. (zusammen mit M. Born).

5. Der gegenwartige Stand der Diracschen Theorie des Elektrons. Z. Phys., 1931, Bd. 32, N 16, s. 601—622.

6. Quantentheorie der chemischen Bindung fur mehratomige Molekule. Z. Phys., 1931, Bd. 68, s. 12—41 (zusammen mit W. Heitler).

7. Uber die Nullpunktsenergie des Hohlraums. Z. Phys., 1931, Bd. 69, s. 664—665.

8. Zur allgemeinen Relativitatstheorie. Nachrichten von der Ges. der Wiss. Zu Gottingen. Math.-Phys. Klasse, 1931, N 2, s. 148—156.

9. Eine fur die Valenztheorie geeignete Basis der binaren Vektorinvarianten. Nachrichten von der Ges. der Wiss. Zu Gottingen. Math.-Phys. Klasse, 1932, N 5, s. 498—504. (zusammen mit E. Teller, H. Well).

10. Zur Theorie der Spinvalenz. Nachrichten von der Ges. der Wiss. Zu Gottingen. Math.-Phys. Klasse, 1932, N 4, s. 337—341.

11. Собственные функции атомов в пространстве импульсов. ДАН СССР, 1933, т. 1, № 3, с. 102—103.

12. Nichtkanonische Transformationen und das elektromagnetische Feld. Z. Phys., 1933, Bd. 83, s. 351—353.

¹ Рукописный документ на одном листе, составленный Ю. Б. Румером. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217-а. Л. 10.

13. Волновая теория нейтрино. ДАН СССР, 1934, т. 4, № 1—2, с. 21—22.

14. A contribution to Dirac's theory of permutation. — Acta physicochim., 1934, v. 1, N 1, h. 56—63 (with M. Markov).

О ПРЕДСТАВЛЕНИИ Ю. Б. РУМЕРА В ДОЛЖНОСТИ ПРОФЕССОРА¹

Научная ценность работ Ю. Б. Румера подробно охарактеризована в отзыве, приложенном к представлению его на звание доктора. Что же касается его педагогической деятельности, то Ю. Б. Румер в течение последних двух с половиной лет выполнял и выполняет обязанности профессора теоретической физики МГУ, читал целый ряд основных курсов / квантовая механика, электронная теория, теоретическая механика и т. д.

Вместе с тем, он весьма успешно руководит рядом аспирантов и студентов-дипломников. Совокупность научных работ и обширной и успешной педагогической деятельности Ю. Б. Румера вполне обосновывает утверждение его в должности профессора.

Проф. Иг. Тамм

ОТЗЫВ С.Н.Р.²

Ю. Б. РУМЕР состоял членом бюро С.Н.Р., заведовал сектором техпропаганды. Неоднократно читал доклады по заданиям бюро, широко пропагандировал подготовку научно-популярной литературы для юношества и технической молодежи, принимал участие в работах методологического кружка.

Председатель бюро СНР:

Зав. Производствен. Сектором:

Московский Гос. Университет
физический факультет

РУМЕР Ю. Б.
(бесп., 33 г.)

ДОКТОРСКАЯ СТЕПЕНЬ³ НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РАБОТА

Среднее образование получил в реальном Училище в Москве.

В 1917 г. поступил в Петербургский Университет, на ФИЗМАТ.

В 1918 г. перевелся на ФИЗМАТ Моск. Унив., который кончил в 1925 г., с перерывом в 1920—21 г. в связи с призывом, одновременно был студентом Ин-та Востоковедения, который окончил в 1924 г. по персидскому разряду.

В середине 1927 г. уехал в Германию. До 1929 г. был студентом Политехнического Ин-та в Ольденбурге, где написал первую работу по теории относительности.

¹ Машинописный документ, подпись И. Е. Тамма от руки. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217-а. Л. 11.

² Там же. Л. 12. СНР — Секция научных работников, профсоюзная организация.

³ Там же. Л. 8.

С 1929—32 г. работал ассистентом теоретической физики в Геттингене. Весной 1932 г. читал лекции в Ганновере по квантовой химии. В 1932 г. вернулся в Москву. Работаю в Моск. Ун-те действительным членом НИИФ.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ — Имеет 14 печатных работ.

ОТЗЫВЫ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ.

Проф. ТАММ И. Е. отмечает, что РУМЕР Ю. Б. стоит в рядах лучших советских физиков. Его работы по общей теории относительности обратили на себя внимание крупнейших физиков Запада (Борн, Эйнштейн и др.) Из работ по квантовой механике особенно интересны его волновая теория фотонов, а так же ряд фундаментальных исследований по квантовой химии, в области которой Ю. Б. Румер является крупнейшим ученым в Союзе. Разработанные им методы исследования спиновой валентности широко применяются другими авторами. В заключение Тамм полагает, что имеются все основания для присуждения Ю. Б. Румеру степени доктора без защиты диссертации.

ОТЗЫВ С.Н.Р.

Поддерживает кандидатуру Ю. Б. Румера

ПОСТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА НИИФ МГУ

Представить Ю. Б. Румера на утверждение в ученой степени доктора физических наук без защиты диссертации.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО КОМИТЕТА НКПроса от 25/XI-34 г.

Утвердить постановление Ученого Совета НИИФ МГУ и ходатайствовать о присвоении Ю. Б. РУМЕРУ ученой степени доктора без защиты диссертации.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ УЧЕНОГО СОВЕТА МГУ

Считать РУМЕРА Ю. Б. достойным получения ученой степени доктора физических наук и звания профессора без защиты диссертации и ходатайствовать перед ВАК об утверждении.

Народный комиссариат по просвещению РСФСР
Выписка из протокола № 2/14¹
заседания высшей аттестационной комиссии НКП
от 15 февраля 1935 г.

СЛУШАЛИ: 15. — О кандидатуре Ю. Б. Румер на ученую степень доктора физических наук без защиты диссертации и на ученое звание профессора по кафедре теоретической физики Московского Гос. Университета.

¹ Машинописный документ на бланке Народного комиссариата по просвещению РСФСР. Справа вверху чернилами сделана приписка — Директору Московского гос. университета. Документ заверен круглой гербовой печатью — НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ РСФСР и подписью А. Торговичева. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217-а. Л. 7.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить Ю. Б. Румер в ученой степени доктора физических наук без защиты диссертации и в ученом звании профессора по кафедре теоретической физики Московского Гос. Университета.

Председатель: И. П. Орехелашвили
Секретарь А. Ф. Торговичева

Верно: Секретарь ВАК НКП: (подпись)
27/II-35

Румер Ю. Б. — Шенбергу Д.¹

31 декабря 1954 г.

ЧЛЕНУ КОРОЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА
профессору Давиду Шенбергу

Дорогой профессор Шенберг!

Позвольте, прежде всего, поблагодарить Вас за оттиски, которые Вы мне прислали пару лет тому назад. Я рад, что мои работы по теории эффекта Де-Гааза — ван Альфена привлекли Ваше внимание.

Я решаюсь обратиться к Вам со следующей просьбой. Из печати я узнал, что мой высокочтимый учитель профессор Макс Борн ушел на покой после стольких лет плодотворной, блестящей и богатой результатами научной деятельности. Двадцать пять лет тому назад он побудил меня стать теоретическим физиком и оказал мне большую поддержку в моих первых исследованиях, посвященных пятимерным обобщениям общей теории относительности.

Я думаю, что он будет рад узнать, что я в настоящее время возглавляю Отдел физики в Западно-Сибирском филиале Академии наук, пребываю в добром здравии и успешно работаю.

Думаю, что он испытает также радость, узнав, что я, спустя двадцать пять лет, вернулся к проблеме, которая нас обоих тогда занимала, и добился на этом пути существенного прогресса.

Я прошу Вас направить профессору Макс Борну прилагаемый оттиск из журнала «Успехи математических наук», в котором дается математически строгое доказательство вновь обнаруженной симметрии уравнений релятивистской механики в пространстве, времени и действии и показана целесообразность интерпретировать действие, как пятую координату пространства.

С кратким изложением моих работ в этом направлении он сможет познакомиться по рефератам в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» за 1950—1955 год.

С приветом и искренним уважением Ю. Б. Румер.

¹ Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 3.

Шенберг Д. — Румеру Ю. Б.¹

Кембриджский университет
Королевское общество

Физический факультет
Лаборатория Монд
Фри скул лейн,

Кембридж
А 3.

18 января 1955

Уважаемый профессор Румер,

Был очень рад получить от Вас письмо. Переслал Вашу статью и переведенные комментарии проф. Максу Борну. Пользуясь случаем, прилагаю несколько репринтов с моими работами, а также статью Онзагера, который работал здесь год тому назад.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш,
Дэвид Шенберг

Борн М. — Румеру Ю. Б.²

Проф. Ю. Б. Румеру
АН СССР
Западно-Сибирский филиал
Новосибирск
Мичурина 23

9 января 1955 г.

Бад Пирмонт, Западная Германия
Маркардштрассе, 4

Дорогой Румер,

Шенберг прислал мне английский перевод Вашего письма от 31 декабря 1954 г., адресованного ему, и Вашу статью «Оптико-механическая аналогия». Я был очень рад получить от Вас известие после столь большого перерыва, и я рад, что Вы занимаете высокое положение в Восточном филиале Академии наук и пребываете в добром здравии. Я с большим интересом читал, что Вы рассказывали о своей работе, в частности о пятимерном представлении релятивистской механики, над которой Вы работали еще у меня 20 лет тому назад в моем отделе. Я боюсь, однако, что уже слишком стар, чтобы подробно изучить эти интересные вещи.

Около двух лет тому назад я достиг предельного возраста, 70 лет и должен был оставить свое место в Эдинбурге, где я провел 17 лет. И хотя мы полюбили Шотландию и шотландский народ, мы предпочли провести остаток своей жизни у себя на родине и выбрали маленькое, тихое местечко близ Геттингена. Я продал большую часть моей научной библиотеки и едва ли могу заниматься

¹ Машинописный документ на бланке Кембриджского университета, английский язык. Подпись Д. Шенберга от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 1. Перевод И. Б. Адриановой.

² Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Nachl. Born, B.1126 (Born an Ruver), seit.1. Машинописный документ на английском языке. Перевод И. С. Михайловой.

теперь какой-то работой, разве что для собственного удовольствия. В декабре прошлого года я получил Нобелевскую премию за работы по квантовой механике, спустя 28 лет с тех пор, как они были опубликованы. Это принесло мне огромное удовлетворение. Я все еще думаю о проблеме детерминизма и случайности в физике.

Я надеюсь снова получить от Вас весточку. С наилучшими пожеланиями от меня и от моей жены, которая хорошо Вас помнит.

Ваш Макс Борн

Румер Ю. Б. — Борну М.¹

Москва, 27 апреля 1955

Многоуважаемый и дорогой профессор БОРН!

Ваше письмо, которое я получил несколько месяцев тому назад в Новосибирске, доставило мне много радости. Особенно я обрадовался, узнав, что Ваша многолетняя творческая деятельность в области теоретической физики принесла Вам заслуженную Нобелевскую премию. Мне трудно, однако, себе представить, что Вы совсем отошли от научной работы, и я убежден, что, размышляя о принципах детерминизма и причинности в физике, Вы еще сделаете в этой области многое. Что касается меня, то я получил в декабре прошлого года премию Президиума Академии наук СССР за работу, в которой фазовые переходы второго рода в кристаллической решетке рассматриваются при помощи спинорного анализа в многомерных пространствах (т. н. проблема Онзагера).

Я получил большое удовольствие, хотя был бы более рад, если мои работы в пятимерной оптике заслужили бы большее внимание у моих товарищей. Я убежден, что в этих работах достигается не только существенный прогресс в области единой теории поля, но, что еще важнее, обнаруживаются новые глубокие связи между геометрическими идеями, заложенными в общей теории относительности и основными идеями квантовой теории.

Я позволяю себе приложить тезисы моего доклада, который я недавно сделал на Всесоюзном совещании по квантовой электродинамике и теории элементарных частиц.

Я надеюсь, что если Вы найдете время прочесть эти тезисы, Вы получите некоторое представление о моих идеях без того, чтобы изучать мои работы в деталях. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сочли возможным направить эти тезисы Ф. Хунду и П. Бергманну, которые оба работали в области пятимерных теорий поля и мысли которых, как мне кажется, я довел в известном смысле до конца.

Я прошу Вас простить меня за беспокойство, которое я причиняю Вам моим письмом.

С приветом лично Вам и Вашей супруге
Ваш преданный Ю. Румер [1955]

¹ Машинописный документ на двух листах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 5, 6.

Борн М. — Румеру Ю. Б.¹

Профессор Ю. Б. Румер,
Академия наук СССР,
Западносибирский филиал,
Новосибирск,
Мичурина 23

Бад Пирмонт, 31 Мая 1955
Маркардштрассе 4

Дорогой Румер,

Сердечное спасибо за Ваше дружеское письмо от 27 Апреля и приложенную рукопись. Я прочитал и, насколько смог, понял. Я, впрочем, давно отошел от всех этих вещей. Я послал рукопись профессору Ф. Хунду во Франкфурте-на-Майне с просьбой переслать ее П. Бергманну. Хунд ответил, что и он тоже давно не занимался этими вопросами и вряд ли может себе позволить дать оценку Вашей работе. Ему также не очень ясно, какого Бергманна Вы имеете в виду, может быть Peter G. Bergmann, Department of Physics, Steele Hall, Syracuse University, Syracuse IO, N.Y., U.S.A.? По крайней мере, я знаю, что он занимался теорией относительности, так что я пошлю ему вашу небольшую рукопись.

Самый сердечный привет от моей жены,
Искренне Ваш,
Макс Борн

Недавно в Берлине, к моей большой радости, я встретил моего старого друга Фока. По его инициативе я попробовал убедить Royal Society в Лондоне добавить русские „Summaries“ к публикациям в надежде, что и в русских изданиях станут публиковать английские (и)или немецкие краткие содержания.

Румер Ю. Б. — Бергманну П.²

[Лето—осень, 1955]
ПЕРЕВОД

Дорогой профессор Бергманн!

Я получил письмо от профессора Борна, в котором он мне сообщает, что по моей просьбе он послал Вам тезисы моего доклада на совещании по квантовой электродинамике (Москва, апрель 1955 г.).

В журнале «Physical Abstracts» за 1951—1955 год Вы сможете найти краткие аннотации моих работ по пятимерной оптике, опубликованных в ЖЭТФ под общим названием «Действие как координата пространства».

¹ Машинописный документ. В конце письма подпись и приписка от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 4. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Машинописный текст на двух листах — перевод, видимо, с английского языка. В текст от руки вписано название Physical Abstracts, слова «В них», константы «b», «h», подпись Ю. Б. Румера и аббревиатура «P.S.». Копия. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 23—24.

Как Вы увидите, мои работы являются прямым продолжением Вашей и профессора Эйнштейна работы 1938 г. В них пятая координата получает физический смысл действия и введенная Вами новая мировая постоянная, обозначенная через «b», получает смысл постоянной Планка.

Я полагаю, что таким путем мы приходим к глубокому синтезу геометрических идей, воплощенных в общей теории относительности и основных идей квантовой теории, в чем и заключалась основная тенденция Ваша и профессора Эйнштейна работы.

Пятимерная теория исходит из вновь обнаруженной глубокой симметрии уравнений классической и квантовой механики в пространстве, времени и действии. Эта симметрия позволяет сформировать каждую проблему классической и квантовой механики как проблему геометрической и волновой пятимерной оптики о распространении волн в пятимерном пространстве Римана, которое топологически замкнуто в пятимерном пространстве «h».

Я думаю, что эта симметрия в пространстве, времени и действии является истинным основанием как оптико-механической аналогии Гамильтона—Шредингера, так и всех до сих пор предложенных пятимерных теорий.

Сейчас немногие интересуются подобными проблемами. Вы один из этих немногих. Поэтому я надеюсь, что мои работы привлекут Ваше внимание.

Ваш Ю. Румер

P.S. Я прилагаю отгиск из «Успехов математических наук», в котором дается строгий математический вывод вновь установленной симметрии в пространстве, времени и действии. Я надеюсь, Вы найдете возможность перевести русский текст на английский.

Румер Ю. Б. — Шредингеру Э.¹

18 января 1956 г.

№ 8

Профессору Эрвину Шредингеру
в Дублин (Ирландия)

Уважаемый дорогой профессор Шредингер!

25 лет назад я был у Вас в Берлине, и Вы любезно согласились послать рекомендательное письмо в Московский университет, куда я подавал заявку на позицию профессора. Вы вряд ли вспомните этот случай, но для меня он в определенной степени стал оправданием, чтобы Вам написать. За прошедшие 25 лет я постоянно трудился над тем, чтобы найти истинный смысл многих пятимерных обобщений теории гравитации Эйнштейна.

Я точно убежден в том, что мне действительно удалось существенно продвинуться в этом направлении, в течение последних 10 лет я опубликовал 10 научных статей в русском физическом журнале на эту тему. Несколько месяцев

¹ Машинописный текст на немецком языке. Выделенное курсивом написано рукой Ю. Б. Румера, синие чернила. Формулы в письме отсутствовали, вставлены по экземпляру тезисов о пятиоптике В. С. Черкасским. Купюра [...] — не восстановленный пропуск текста. Копия. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1044. Л. 3—7. Перевод Т. С. Гилевой.

назад я провел открытые лекции в Московском университете о моих работах в этой области. В течение нескольких месяцев в Москве выйдет моя монография на эту тему.

Я совсем не хочу отнимать Ваше время и внимание. Я бы хотел позволить себе представить Вам несколько основных идей, которые могли бы заинтересовать Вас как создателя волновой механики. Конкретно речь идет о недавно открытой глубокой зависимости между геометрическими идеями, которые воплощены в общей теории относительности, и основной идеей оптико-механической аналогии, которую допускает геометрическое толкование кванта действия Планка.

1. Рассмотрим релятивистское уравнение Гамильтона—Якоби для заряженной точечной массы во внешнем гравитационном и электро-магнитном полях

$$g^{ik} \left(\frac{\partial S}{\partial x^i} + \frac{e}{c} A_i \right) \left(\frac{\partial S}{\partial x^k} + \frac{e}{c} A_k \right) + m^2 c^2 = 0 \quad (*)$$

и введем обозначения: $g_k = (e / mc^2) A_k$, $x^5 = \frac{S}{mc}$. Полагая

$$\sum (x^1, x^2, x^3, x^4, x^5) = \text{const},$$

приводим уравнение (*) к оптической форме уравнения эйконала

$$g^{ik} \frac{\partial \Sigma}{\partial x^i} \frac{\partial \Sigma}{\partial x^k} - 2g^i \frac{\partial \Sigma}{\partial x^i} \frac{\partial \Sigma}{\partial x^5} + (1 + g^{ik} g_i g_k) \left(\frac{\partial \Sigma}{\partial x^5} \right)^2 = 0,$$

описывающее распространение света в пятимерном пространстве Римана трех координат, времени и действия, мероопределение которого

$$G^{\alpha\beta} = \begin{pmatrix} g^{ik}, & -g^k \\ -g^i, & 1 + g^{ik} g_i g_k \end{pmatrix}, \quad G_{\alpha\beta} = \begin{pmatrix} g_{ik} + g_i g_k, & g_k \\ g_i, & 1 \end{pmatrix}$$

не зависит от пятой координаты действия $x^5 = S / mc$ (так называемое условие цилиндричности).

Я утверждаю: задача пятимерной геометрической оптики о распространении лучей света в таком римановском пространстве математически эквивалентна задаче классической релятивистской механики о движении заряженной точечной массы в гравитационном и электромагнитном полях

$$g_{ik} = \frac{G_{ik} G_{55} - G_{i5} G_{k5}}{(G_{55})^2}; \quad A_k = \frac{mc^2}{e} \frac{G_{k5}}{G_{55}}.$$

Эта эквивалентность лежит в основе столь плодотворной оптико-механической аналогии Гамильтона—Шредингера.

2. Рассмотрим пятимерное римановское многообразие трех координат x, y, z , времени t и действия S , которое топологически замкнуто в координате действия S , т. е. метрические потенциалы которого являются периодическими функциями от S с периодом h , где h — постоянная Планка.

Я утверждаю: задача распространения (тензорных и спинорных) волновых полей в таком многообразии математически эквивалентна задаче волновой механики о движении частицы (бозона и фермиона). При предельном переходе к геометрической оптике условие периодичности, в силу $\hbar \rightarrow 0$, вырождается в условие цилиндричности классической механики.

В пятимерной оптике пятое измерение предшествующих теорий интерпретируется как действие, а постоянная Планка получает геометрический смысл периода пятой координаты.

3. Привычному в современной физике разделению на «Макроскопику» и «Микроскопику» соответствует в пятимерной оптике деление на «четырёхмерие» и «пятимерие».

При рассмотрении макроскопических волновых полей мы должны, в силу $\hbar \rightarrow 0$, последовательно пренебрегать периодической зависимостью полей от пятой координаты действия. Пятимерная оптика рассматривает, однако, как непоследовательность современной квантовой механики (например, квантовой электродинамики) пренебрегать этой зависимостью при рассмотрении микроскопических полей. Учет этой зависимости должен привести к обнаружению специфических новых эффектов, принципиально доступных наблюдению на опыте.

4. При общековариантной записи все уравнения пятимерной оптики должны быть ковариантны относительно группы общих точечных преобразований всех пяти координат

$$\bar{x}^i = x^i + f^i(x^1, x^2, x^3, x^4, S); \quad \bar{S} = S + f(x^1, x^2, x^3, x^4, S),$$

причем вследствие топологической замкнутости в пятой координате действия допускаются лишь те функции f и f^i , которые периодичны в координате S :

$$\begin{aligned} f^i(K, S+h) &= f^i(K, S), \\ f(K, S+h) &= f(K, S). \end{aligned}$$

При предельном переходе $\hbar \rightarrow 0$ группа распадается на две группы:

а) группа общих точечных преобразований четырех координат

$$\begin{aligned} \bar{x}^i &= x^i + f^i(x^1, x^2, x^3, x^4), \\ \bar{x}^i &= x^i; \end{aligned}$$

б) группа градиентных преобразований

$$\begin{aligned} \bar{x}^i &= x^i, \\ \bar{S} &= S + f(x^1, x^2, x^3, x^4). \end{aligned}$$

Обычным путем отсюда следует, что законы сохранения энергии, импульса и заряда объединяются в один пятимерный закон сохранения.

Перед тем, как посетить Вас в Берлине в 1931 году, я побывал у Эйнштейна, где обсуждался вопрос пятимерного обобщения теории относительности. Эйнштейн особенно выделил следующие три недостатка.

1. В этой теории пятое измерение пространства вводится чисто формально, отсутствует физический смысл пятого измерения.

2. Неудовлетворительна необходимость вводить условие цилиндричности (независимость тензора массы от пятой координаты).

3. Наряду с 10 гравитационными потенциалами и 4 электромагнитными потенциалами появляется один дополнительный скалярный потенциал, который сложно интерпретировать с точки зрения физического смысла.

Эти недостатки в моей теории пятимерной оптики будут устранены следующим образом:

1. Пятое измерение соответствует действию, что легко можно интерпретировать с точки зрения физического смысла. Действие, как и остальные четыре координаты, определены только с точностью до аддитивной функции.

Это свойство действия хорошо известно и из дорелятивистской классической механики. Что касается остальных четырех координат, наличие этого свойства показала только общая теория относительности.

2. Условие цилиндричности, которое налагается на метрические потенциалы, возникает только при предельном переходе и в квантовой теории заменяется на требование микроскопической периодичности пятой координаты действия. В классической теории условие цилиндричности соответствует закону сохранения заряда, так как в этом случае тяжело заряженные кванты не будут испускаться или поглощаться. Замещение более строгого условия цилиндричности на более слабое условие микроскопической периодичности позволяет учитывать процессы испускания и поглощения (Emission und Absorption) тяжело заряженных частиц в общей квантовой теории излучения.

3. In der approximation классической механики движение заряженной частицы описывается с помощью уравнения эйконала, которое является однородным в метрических потенциалах. Но в классическом приближении физический смысл могут иметь не 15 метрических потенциалов, а только 14 коэффициентов, используя которые можно выразить величины [...].

Моя пятимерная оптика связана со следующими тремя работами.

1. Феликс Кляйн еще в 1891 году первым заметил, что любая задача механики может быть представлена как задача оптики в пространстве большей размерности. Ф. Кляйн, О новых английских работах в механике. Собрание сочинений II, 601.

2. Оскар Кляйн в 1926 году впервые обнаружил взаимосвязи между квантовой теорией и пятимерной теорией относительности. (Физический журнал 37 (1926) стр. 895.)

3. В 1938 году А. Эйнштейн и П. Бергманн заменили более сильное условие цилиндричности на более слабое условие периодичности. (А. Эйнштейн, П. Бергманн, Обобщение электрической теории Калуза. *Annals of Mathematics* 39 (1938) 683.

Но так как в их работе пятое измерение еще не эквивалентно действию в физическом смысле, период пятой координаты в свою очередь не соответствует кванту действия Планка. Я думаю, Эйнштейн не смог продвинуться дальше в этом направлении, потому что он был абсолютно уверен в том, что задача

единой теории поля является исключительно классической и может быть решена без применения идей квантовой физики.

Я прошу прощения за то, что вам пришлось потратить свое ценное время на мое письмо. С глубоким уважением, Ваш Румер.

Румер Ю. Б. — Гайтлеру В.¹

Профессору Вальтеру Гайтлеру, Цюрих, Швейцария.

[18.01.1956]

Дорогой Вальтер!

Я прочитал второе издание твоей книги о квантовой теории радиации и узнал из предисловия о том, что ты женился. Пожалуйста, прими мои запоздалые искренние поздравления. Сейчас я живу в Новосибирске, где я занимаю позицию начальника отделения физики Академии Наук. Я здоров и хорошо себя чувствую. Я буду очень рад, если ты подашь о себе весть.

Последние годы я был занят одной задачей, с которой ты можешь ознакомиться из копии документа, приложенного к этому письму². Я надеюсь, ты наберешься терпения и дочитаешь этот документ до конца. Я бы хотел подчеркнуть, что речь здесь идет исключительно о вопросе математического характера, а именно:

Наряду с трехмерной формулировкой, изначально предложенной Эйнштейном, и хорошо известной формулировкой Минковского существует возможность пятимерной формулировки задачи классической релятивистской механики движения заряженной точечной массы в заданных полях. В области применения классической механики все три концепции равноправны и эквивалентны. В качестве пятой равноправной координаты выступает действие. В формулах классической релятивистской механики существует значительная симметрия между пространством, временем и действием.

Я повторяю, что речь идет о вопросе исключительно математического характера. Каким образом эта недавно открытая симметрия между пространством, временем и действием может быть полезна для физической науки, станет понятно только с течением времени.

Как ты видишь, я сделал большой круг и уже на склоне лет вернулся к задаче, которая очень занимала меня в молодости. Ты тогда не приветствовал мои старания. Я едва ли могу надеяться, что ты согласишься с моими идеями. Я могу надеяться только на то, что исключительно из психологического интереса ты дочитаешь до конца мое письмо и прилагаемый документ.

Сердечный привет тебе, а также твоей жене.
Твой

¹ Машинописный текст на немецком языке. Выделенное курсивом написано рукой Ю. Б. Румера, синие чернила. Дата поставлена по аналогии с датой на первом письме из данного дела (Э. Шредингеру). Копия. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1044. Л. 8, 9. Перевод Т. С. Гилевой.

² Румер Ю. Б. Тезисы о пятиоптике, см. письмо к Э. Шредингеру от 18.01.1956.

Румер Ю. Б. — Вайскопфу В.¹

Профессору Виктору Вайскопфу,

Массачусетский технологический институт, США.

[18.01.1956]

Ответ получен 15.2.56.

Дорогой Вайскопф!

Коллеги передали мне от тебя привет из Женевы, что меня очень обрадовало. Я слышал, что тебя пригласят на конференцию в Советский Союз, и я очень рад нашей возможной встрече.

Я посылаю тебе копию письма к Шредингеру, которое поможет тебе ознакомиться с тем, над чем я работал в течение последних лет.

[...]

У меня есть теория, которую я назвал пятимерной оптикой, значительно развитая и опубликованная в нескольких статьях. С моими работами ты можешь ознакомиться из рефератов Physical Abstracts.

С сердечным приветом,
Твой

Румер Ю. Б. — Хекману О.²

Профессору Отто Гекманну, обсерватория Университета Гамбург (Г.Ф.Р.).

[18.01.1956]

Дорогой Отто!

Ave post secular! Мне было необходимо написать тебе это письмо, а также послать тебе копию моего письма к Шредингеру, которое поможет тебе ознакомиться с тем, над чем я работал в течение последних лет.

Я вспоминаю прекрасные часы, которые мы проводили в обсерватории Геттингена, когда ты помогал мне в написании статьи «О теории относительности». Если когда-нибудь мои работы заработают всеобщее признание, я бы не хотел, чтобы ты узнал об этом из других источников.

[...]

Я очень прошу тебя, передай искренний привет всем тем, с кем я был близок, и всем тем, кому ты считаешь уместным передать от меня привет.

С сердечным приветом
Твой

¹ Машинописный текст на немецком языке. Выделенное курсивом написано рукой Ю. Б. Румера, синие чернила. Дата поставлена по аналогии с датой на первом письме из данного дела (Э. Шредингеру). Купюра [...] — третий и четвертый абзацы, повторяющиеся в письмах к Гайтлеру и Хекману. Копия. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1044. Л. 10. Перевод Т. С. Гилевой.

² Машинописный текст на немецком языке. Выделенное курсивом написано рукой Ю. Б. Румера, синие чернила. Дата поставлена по аналогии с датой на первом письме из данного дела (Э. Шредингеру). Купюра [...] — третий и четвертый абзацы, повторяющиеся в письмах к Гайтлеру и Вайскопфу. Копия. Научный архив СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1044. Л. 11. Перевод Т. С. Гилевой.

Хекман О. — Румеру Ю. Б.¹

Гамбургская Обсерватория
Гамбург-Бергдоф
31 января 1956

Профессор Ю. Б. Румер
Академия наук СССР
Западносибирский филиал
Новосибирск
Мичурина, 23

Дорогой Юра!

Большое спасибо за твое письмо от 24.1.56, которое сегодня я держу в руках. Краткое изложение твоей теории, конечно, разбудило мое любопытство. Мог бы ты как-нибудь представить полную версию на немецком для печати в отчетах о заседаниях или трудах немецкой академии наук (Адрес: Берлин, Егерштрассе; может по рекомендации проф. Папапетру, Берлин, Гумбольдтский Университет)? У меня сейчас есть молодой сотрудник, Е. Шюкинг, который долго работал у Йордана и теперь со мной работает над подготовкой второго издания моей «Теории космологии». Ему хорошо известна 5-тимерная теория Йордана. Его наверняка очень заинтересует твоя работа.

В прошлом году мы встретили Борна на Гаусс-Празднованиях в Геттингене. Он поведал нам пару новостей о тебе. Может, ты когда-нибудь приедешь на Запад? Предположительно, мы будем в Москве в 1958 г. на заседании международного Астрономического Союза. Я был бы очень рад тебя при этой возможности повстречать. Ко мне как раз заходила моя жена, когда пришло твое письмо. Я «посчитал уместным» дать ей прочесть твое письмо,

Наши сердечные приветы, всегда твой, Отто Хекман

Вайскопф Ф. — Румеру Ю. Б.²

Массачусетский технологический институт
Физический факультет
Кэмбридж 39, Массачусетс
Комната 6-305

5 марта 1956 г.

Д-ру Георгу Румеру
Академия наук
Москва, СССР

Уважаемый господин Румер,

Большое спасибо за Ваше письмо. Очень рад, что Вы продолжаете работать над интересными задачами. Тема моей работы, как Вы знаете, несколько

¹ Машинописный документ на бланке Гамбургской обсерватории, в конце письма стоит подпись от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 19. Л. 1. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Письмо на бланке МИТ, машинопись, английский язык. Подпись Ф. Вайскопфа от руки. Перевод И. Б. Адриановой. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

другая, хотя и то и другое — одна большая наука физика. Меня сейчас больше интересует физика элементарных частиц, и в свете многочисленных недавно открытых экспериментальных фактов эта работа становится действительно интересной.

Меня заинтересовал Ваш комментарий по поводу того, что меня приглашают на встречу в Москве. Пока ничего об этом не слышал и был бы рад узнать какие-то подробности.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш,
Виктор Ф. Вайскопф

Хекман О. — Румеру Ю. Б.¹

Гамбургская Обсерватория, Гамбург-Бергдоф

12. 11. 1956

Профессор Др. Ю. Румер,

Академия наук СССР,

Западносибирский филиал,

Новосибирск,

Мичурина 23

Дорогой Юра!

Большое спасибо за присланную книгу. Действительно, я надеюсь, что владеющий русским коллега сможет подробнее объяснить мне ее содержание.

С сердечным приветом, твой Отто

Хунд Ф. — Румеру Ю. Б.

Институт Теоретической физики Геттингенского Университета²

Проф. Др. Ф. Хунд³

Бунзенштр. 9

21.11.1957

11 Декабря Макс Борну исполнится 75 лет. Его геттингенским ученикам 1921—33 годов предлагается передать ему папку со своими фотографиями и короткими поздравлениями.

Если Вы согласны, пошлите мне, пожалуйста, на листе белой бумаги по толщине как хорошая бумага для печатной машинки в формате А4 21 см × 30 см — с вашей фотографией размером от от 6 × 9 см до 9 × 12 см (го-

¹ Машинописный документ на бланке Гамбургской обсерватории, немецкий язык, в конце письма стоит подпись от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 19. Л. 2. Перевод И. С. Михайловой. Речь в письме идет о книге Ю. Б. Румера «Исследование по пятиоптике», которая вышла в 1956 г.

² Машинописный документ, в конце письма подпись от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 15. Перевод с немецкого И. С. Михайловой.

³ Хунд Фридрих (1896—1997) — немецкий физик. Окончил Геттингенский университет (1922). Ученик М. Борна. Участник разработки метода молекулярных орбиталей.

лова высотой около 5—7 см) и напишите пару строк так, чтобы это выглядело как на помещенном рядом рисунке. Разумеется, Вы свободны выбрать расположение всего сами, но так, чтобы на фото и текст можно было бы смотреть с узкой стороны листа.

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы, не сгибая лист и защитив его так, чтобы он не помялся, послали его до 5 декабря мне, в Институт Теоретической физики Геттингенского Университета, Бунзенштр. 9. Листы, которые придут до 9-го декабря, я смогу добавить, позднее пришедшие листы можно будет добавить потом. А именно, для предварительного варианта я передам Борну листы в хронологическом порядке по времени работы в Геттингене поздравителя и потом позабочусь о переплете.

С дружеским приветом, ваш Ф. Хунд.

Румер Ю. Б. — Борну М.¹

Дорогой Профессор Борн,

Я сейчас немного старше, чем были Вы, когда мне посчастливилось стать Вашим учеником. Теперь вокруг меня молодежь, и я каждый день стараюсь быть по отношению к моим сотрудникам доброжелательным и дружелюбным так, как я этому научился у Вас, дорогой профессор Борн.

Институт Теоретической физики Геттингенского Университета²
Проф. д-р Ф. Хунд, Бунзенштр. 9
18. Декабря 1957

Уважаемые коллеги,

Всем, кто внес вклад в поздравительную папку для Борна, сердечная благодарность от имени его бывших геттингенских сотрудников.

Я имел возможность передать папку Борну в день его рождения. Он был очень рад получить в руки что-то личное от сотрудников из счастливых геттингенских времен, и он очень благодарен тем, кто так украсил его день рождения.

День прошел очень гармонично. Герр и фрау Борн чувствовали себя хорошо. Присутствовали двое из детей, Густав и Гритли. Геттингенский факультет, многие физические общества и город Геттинген послали личных представителей с поздравлениями и подарками.

У Борнов славный домик в Бад Пирмонте, о том, что они активно участвуют в жизни общества, вам, конечно, уже известно. Может быть, вас интересуют адреса тех, кто внес вклад в папку? Прилагаю список к этому письму.

С дружеским приветом, ваш Ф. Хунд

¹ Машинописный документ без подписи, без даты. Письмо Ю. Б. Румера, отправленное профессору М. Борну по случаю его 75-летия. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 14. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Машинописный документ, в конце письма подпись от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 12 Перевод с нем. И. С. Михайловой.

Борн М. — Румеру Ю. Б.¹

Маркардштрассе 4

3 Февраля 1958

Бад Пирмонт

Мой дорогой Румер,

Когда в мой день рождения Фридрих Хунд вручил мне собрание фотографий бывших сотрудников, он сказал, что еще несколько фотографий будут добавлены позже. Теперь он прислал мне собрание в переплете вместе с недостающими фотографиями, где, к моей большой радости, была также и Ваша фотография с очень славной подписью. Ваше лицо очень изменилось, в нем видно много страданий и большая сила воли. Сердечное Вам спасибо.

Мое семидесятипятилетие много праздновали, приехали делегации из Геттингена и других университетов, где я учился или преподавал, за исключением университета моего родного города Бреслау, который теперь принадлежит Польше. Приехали двое из моих детей и преемники во Франкфурте и Геттингене, Маделунг² и Хунд.

Дайте еще как-нибудь о себе знать. Я читал в газете, что в Новосибирске строится Центр ученых. Это была Ваша идея?

Я сейчас состою в переписке с московским профессором Суворовым³, который перевел на русский мою работу⁴ (On Physical Reality) и опубликовал ее вместе со своей работой. По этому поводу у меня есть пара замечаний. Суворов соглашается со мной в том, что я не принимаю так любимый многими физиками позитивизм (кстати, он их называет «Копенгагенской школой»; но, во-первых, я совсем к ним не принадлежу, как предполагает Суворов, так как пробыв в Копенгагене совсем недолго; и во-вторых, Бор, Гейзенберг, Паули, Меллер и пр. категорически отрицали бы, что они позитивисты.)

Но он осуждает меня за то, что я со своей стороны отрицаю материализм.

Я хочу попробовать проанализировать противоположности и надеюсь, что мне это удастся. На самом деле, я уже стар для такой работы. Я бы с удовольствием узнал побольше о Суворове; он философ, или физик, или только издатель журнала УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК? Упомянутая работа находится в томе 62, стр. 129 и 141. Могли бы Вы навести для меня справки?

Я пошлю Вам в ближайшее время парочку «безобидных» работ. Большая книга оптики⁵ на английском языке, над которой я работаю около 8-ми лет с др. Е. Волф, вероятно, выйдет в этом году. Мы заканчиваем правку.

С сердечным приветом, также и от моей жены,
Ваш старый Макс Борн

¹ Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 6, 7, 8, 9. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Маделунг Эрвин (1881—1972) — немецкий физик-теоретик. Окончил Геттингенский университет (доктор философии, 1905). В 1905—1912 работал там же в качестве приват-доцента.

³ Суворов Сергей Георгиевич. См. с. 37.

⁴ Суворов С. Г. Проблема «физической реальности» в копенгагенской школе (к статье Макса Борна) // УФН. 1957. Т. 62, № 2. С. 141—158.

⁵ Макс Борн, Эмиль Вольф. Основы оптики. Вышла на русском языке в 1970 г.

Хекман Х. — Румеру Ю. Б.¹

Гамбург-Бергдоф,
26.8.58
Обсерватория

Мой дорогой Юра!

Вот уже 4 дня как мы вернулись домой, за это время у нас побывала куча гостей, большой ужин в воскресенье; так что я не могла собраться с мыслями. Сегодня утром я паковала багаж для наших каникул в окрестностях Геттингена, где мы будем 2 недели, и у меня еще час времени до отъезда.

Когда я добивалась моей поездки в Москву, я обещала старые истории считать улаженными и представляла это себе сравнительно простым после такого долгого времени.

Так вот оказалось, что это было непросто. Я мучилась и рвалась на части почти как в былые времена. Факт, что я была в Москве и мы снова увиделись, кажется мне сном, абсолютно нереальным. То, что нам и часа не удалось поговорить без мешающих, — это гротеск. Во всяком случае, я тебе благодарна за все те добрые мысли, которые у тебя были обо мне все эти годы. Я была очень рада, что ты привел мне Ольгу и по-настоящему хорошо удавшихся детей. Это было для меня большое счастье, что она меня так теплосердечно обняла, и я рада, что рядом с тобой такой хороший человек. Передавай ей привет и скажи, что мне еще никогда так быстро не удавалось полюбить кого-то как ее, за 10 минут без настоящего языкового понимания. И поцелуй от меня твоих детей.

Я пошлю граммофонную пластинку², как только вернусь из Геттингена.

Прощай, Ханна

М. Борн — Румеру Ю. Б.³

21 апреля 1961

Бад Пирмонт, Маркардштрассе, 4

Профессор Ю. Б. Румер
Институт Физики
Академия наук СССР
Западно-Сибирский филиал
Новосибирск, Мичурина 23

Дорогой Румер,

До меня дошла новость о Вашем приближающемся 60-летию, и моя жена и я не хотим упустить случая высказать наши сердечные поздравления. Пусть

¹ Рукописный документ, выполнен синей авторучкой на двух листах. Хранится в семейном архиве Михайловой Т. Ю. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

² Пластинка с записью «Трехгрошовой оперы». Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Машинописный документ на немецком языке. Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Копия. Nachl. Born, B. 1126 (Born an Rumer), seit. 3. Перевод И. С. Михайловой.

Ваша деятельность будет и в дальнейшем успешной и Ваша жизнь счастливой и умиротворенной. Мы с удовольствием вспоминаем те времена, когда Вы были у нас в Геттингене. Я еще помню, как мы трудились над теорией элементарных частиц, и даже если это было преждевременным и безуспешным, все-таки сама работа была увлекательной и забавной. С тех пор и Вы, и мы многое пережили и все перенесли. С этим мы можем друг друга поздравить. Дайте мне знать, как Вы поживаете. Мы даже не знаем женаты ли Вы, и не имеем никакого представления о том, где и как Вы живете. У нас хорошенький домик в тихом курортном местечке. Вам стоило бы приехать и посмотреть. Мы сами слишком стары, чтобы далеко путешествовать.

С сердечными приветами и хорошими пожеланиями также и от моей жены,
Ваш старый друг Борн

Ю. Б. Румер — Борну М.¹

03.05.1961

Мой дорогой профессор Борн,

Мои дорогие сотрудники сделали мне неожиданную радость, тем, что сообщили Вам о моем приближающемся дне рождения. Я благодарю Вас, дорогой профессор Борн за Ваше доброе, сердечное письмо. Надо было бы Вам слышать, как аплодировали собравшееся, когда Ваше письмо, написанное почетным членом нашей Академии, было зачитано и переведено. Вы можете себе таким образом представить, как у нас здесь все прошло.

У меня все действительно очень хорошо. В тяжелые годы я встретил женщину, которая набралась смелости последовать за мной и которая в огромной степени содействовала тому, что я нашел в себе силы добраться до поста руководителя большого научного института.

Три года назад я снова встретил в Москве Кинле², Ханну и Отто Хекманов. Для меня это была большая радость и крупное событие, хотя я должен признаться, что некоторые детали из биографии Отто все-таки затруднили мне общение с ним.

Ханна Хекман познакомилась с моей женой и сказала мне, что она счастлива видеть рядом со мной такого хорошего человека.

У нас двое детей. Сыну двенадцать, доченьке — шесть. Я здоров и могу надеяться дожить до того времени, когда дети вырастут.

Я получаю большое удовлетворение от того, что вокруг меня талантливые сотрудники. Мы очень интересуемся применением новых методов квантовой электродинамики к проблемам статистической механики. Мои ученики помогают мне в этой области оставаться в курсе.

С Суворовым, с которым у меня хорошие отношения, мы часто о Вас говорили. Нам пришла мысль выпустить книжечку, в которой описывается Ваша

¹ Рукописный документ на немецком языке. Подлинник. Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Nachl. Born, B. 660 (Rumer an Born), seit. 4, 5. Перевод И. С. Михайловой.

² Кинле Ханс (1895—1975) — астроном.

общественная деятельность. К сожалению, у нас есть не все документы. Мы попытались их достать, но безуспешно.

Возможно, пользуясь случаем, было бы уместно Вас попросить прислать нам список Ваших письменных работ на общественном поприще, особенно газетных статей, праздничных речей и тому подобных.

Прилагаю к письму книжицу, которую я и Ландау написали много лет назад и которая по независящим от нас причинам только недавно была опубликована. Возможно, эта книжица доставит удовольствие Вам или Вашей милой жене.

Сердечные приветы Вам и Вашей милой жене,
искренне Ваш,
Георг Румер.

Борн М. — Румеру Ю. Б.¹

Профессор Ю. Румер,
Институт Физики
Сибирский филиал академии наук
Мичурина 23
Новосибирск, СССР.

Бад Пирмонт, 19 Мая 1961
Маркардштрассе 4

Дорогой Румер,

Я получил вашу с Ландау книжицу «Что такое теория относительности» и сразу же прочитал до конца. Она мне принесла много удовольствия, и текст, и забавные картинки. Моя старая-престарая книга о теории относительности 1921-го года скоро выйдет в новом, более-менее обновленном издании на английском языке в Довер Пабליкайшен, Нью-Йорк.

Между тем, я получил Ваше письмо от 3.5.61. Оно особенно порадовало меня, потому что в нем Вы рассказываете о Вашей семье. *Как был бы я рад* познакомиться с Вашей женой. Но мы, к сожалению, слишком стары для больших путешествий. После моего возвращения из Германии я тоже несколько раз встречался и переписывался с Кинле; он прямолинейный, могучий человек, который никогда не прогибается под политическим давлением. Об Отто Хекмане я слышал *слухи*, что в темные времена он не всегда оставался чист. У меня самого была одна история с ним в таком ключе; но он потом очень порядочно попросил у меня прощения. Иногда мы видимся с ним и его женой.

Меня очень порадовало, что мое письмо к Вам было одобрено. Для меня очень важно, чтобы напряжение и разногласия, порожденные политикой, уменьшались с помощью человеческих связей. Но идея описать мою общественную деятельность в книжке мне не очень приятна, и я попросил бы Вас и Суворова от нее отказаться.

¹ Машинописный документ, в конце письма сделана подпись от руки. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 16. Л. 16, 17. Перевод с нем. И. С. Михайловой.

Моя цель — это сохранение человеческой цивилизации, всех могучих произведений и ценностей, созданных на протяжении тысячелетий. Я совершенно уверен, что большая война уничтожила бы это все, да и, наверное, большую часть человечества. Я считаю, что нет такой политической цели, которая бы оправдала подобные жертвы. Мне кажется, что политики, как на Западе, так и на Востоке, хотя и утверждают, что знают это, не понимают, о чем идет речь. Иначе они не стали бы с таким непостижимым упрямством преследовать свои политические идеи и цели. Настоящий враг — это не другая идеологическая группировка, а вера в насилие и войну. Мне кажется, что этот враг распределен равномерно на Западе и на Востоке. Вы, наверное, скажете, что это мнение неверно, поскольку Советское правительство вновь и вновь заверяет о своем миролюбии и предлагает разоружение. Но это делают и силы Запада, и это не главное. Большая опасность исходит от притязаний идеологии на абсолютное превосходство. И эти притязания есть у обеих сторон. Отсюда вытекает упрямство по отношению к вопросам о сегодняшних политических границах и другие силовые политические вопросы. Но я не могу осветить этого в коротком письме. Я могу бороться с милитаризмом на Западе, пока я считаюсь «нейтральным», меня нельзя обвинить в тайной симпатии к коммунистам. Я действительно не поддерживаю Советские требования и утверждения и считаю милитаризм на Востоке таким же опасным, как и на Западе. Такая книжица, как Вы планируете, усложнила бы мне мою задачу здесь. Я думаю, что ситуацию в мире можно улучшить, только если каждый будет критиковать ошибки своего правительства, а не других стран. От одного из участников Пагоушской конференции в Москве я узнал, что и в России есть такие независимые и мужественные люди. Я не называю их имен, чтобы не ослабить их влияние. Так же и я прошу Вас не хвалить меня публично, потому что это может подорвать мое влияние здесь.

Но, конечно, я бы с удовольствием обсудил все это в личной беседе с Вами. Вы не могли бы как-нибудь навестить нас здесь?

В начале июня мы поедem на отдых в Швейцарию и потом на ежегодную конференцию Нобелевских лауреатов в Линдау на Бодензее. Примерно с 10-ого июля мы снова будем здесь.

С сердечными приветами от дома к дому,
Ваш Макс Борн

Ю. Б. Румер — Борну М.¹

Академия наук и т. д. 17.07.1961

Мой дорогой Профессор Борн,

Я Ваше письмо получил и очень внимательно прочитал. Также я показал его многим друзьям, в том числе Суворову. Конечно, мы отказались от идеи написать книжку о Вашей деятельности.

¹ Машинописный документ на немецком языке на бланке Института радиопизики и электроники СО АН СССР. Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Nachl. Born, B. 660 (Rumer an Born), seit. 6, 7. Подлинник. Перевод И. С. Михайловой.

Я хочу рассказать о том, как Ваши мысли были восприняты мной и моими друзьями. Мы очень хорошо знаем, что Вы не коммунист и что Вы не всегда симпатизируете СССР. Однако мы очень высоко ценим таких людей, как Неру, Борн, Руссель, которых можно назвать нейтральными в лучшем смысле этого слова и чью деятельность в борьбе за мир у нас в стране сильно хвалят.

Я и мои друзья, однако, считаем, что Вы исходите в оценке положения в современном мире из симметрической модели (симметрия Восток—Запад), которая не соответствует действительности и представляет собой слишком грубое приближение. Вы ведь согласитесь, что очевидно нет симметрии между Лумумбой и Чомбе. Также мы не увидим симметрии, если вспомним и Гражданскую войну 1937 года в Испании. На одной стороне войска Гитлера—Муссолини, на другой — борцы интернациональной бригады, где, я признаю, было много коммунистов, но и много представителей общечеловеческого идеализма, в масштабе, который редко встречался в нашем столетии. И еще последний пример. В Европе есть два государства, в котором население говорит на одном языке. В одном правит преступник¹, место которому на скамье подсудимых вместе с Айхманом². В другом государстве министром обороны является бывший боец испанской интернациональной бригады.

Эти примеры можно было бы продолжать до бесконечности. Они показывают, что симметричная модель неверна. Я и мои друзья убеждены, что нужно покинуть симметричную модель и заменить ее у ведущих личностей, к которым в нашей стране и Вас причисляют, на более реалистичную.

Сердечные приветы Вам и Вашей жене,
искренне Ваш,
Георг Румер

М. Борн — Румеру Ю. Б.³

Бад Пирмонт, 24 августа 1961
Маркардштрассе, 4

Мой дорогой Румер,

Сердечно благодарю за Ваше письмо, несмотря на то что оно меня не убедило. Я не могу, к сожалению, поверить, что люди когда-либо добьются полной справедливости. Я считаю, что лучший и более здоровый вариант — это если два или больше мировоззрений сосуществуют. Не только как временное

¹ Кизингер Курт Георг (1904—1988) — немецкий политик, в описываемое время министр-президент Баден-Вюртемберга. Член НСДАП с 1933 г., работал в министерстве пропаганды Третьего рейха. После окончания войны будущий канцлер (1966—1968) был интернирован американцами, провел в лагере 18 месяцев и вышел на свободу как прошедший денацификацию. В 1948 г. вступил в ХДС, через год стал депутатом первого бундестага.

² Айхман (Эйхман) Теодор (1906—1962) — оберштурмбанфюрер СС, «архитектор Холокоста». После войны скрылся от правосудия в Аргентине. В мае 1960 г. похищен агентами израильской разведки «Моссад», вывезен в Израиль, где казнен по приговору суда.

³ Машинописный документ на немецком языке. Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Копия. Nachl. Born, B.1126 (Born an Rumer), seit. 6. Перевод И. С. Михайловой.

существование, но как постоянное состояние, поскольку без компромиссов и толерантности — это мы испытываем и в нашей личной жизни — и в жизни народов нельзя. Я не верю в совершенство, повсеместную правильность и вечность одного мировоззрения. Все относительно и зависят от точки зрения и исторического прошлого. Все требуют постоянной критики и поправок. Поэтому я считаю словесную пропаганду с обеих сторон вредной. «The proof of the cake is in the eating», — говорят англичане. Я также невысокого мнения о соревновании за престижность между обеими идеологиями. Я хотел бы жить не там, где построены лучшие ракеты или самолеты, а там, где я могу свободно принимать личные решения и нести с этим связанную ответственность.

Вашу теорию не-симметрии я мог бы опровергнуть достаточным количеством примеров, подобных Вашему. Но я не хочу. Примирение, взаимное признание мне важнее, чем моя правота. Единственное, что я хотел бы еще сказать: если бы я в 1936 году принял предложение Капицы возглавить кафедру в Москве, я бы стал жертвой сталинских чисток и не смог бы теперь радоваться дружбе моих русских коллег, на которую я отвечаю сердечной взаимностью.

Я несколько недель лежу в больнице и скоро меня прооперируют. Обыкновенная «стариковская» операция, и я надеюсь хорошо ее перенести, несмотря на мой возраст.

Вам, дорогой Румер, и русским коллегам, сердечный привет от Вашего
старого Борна

Ю. Б. Румер — Борну М.¹

Новосибирск 12.02.1962

Мой дорогой Профессор Борн,

Я был глубоко тронут, что Вы нашли время посмотреть мой вклад в праздничную газету, и я был очень рад, что Вы нашли его интересным.

Я надеюсь, что мои волны искривления и кванты кривизны заслужат дружественное внимание других физиков, и идея о приоритете искривления в теории гравитации придет к прорыву.

По поручению Академии Физиков СССР я опубликовал статью о Вас и Вашей деятельности в Физическом Вестнике². Поскольку в США одновременно публикуется перевод этого журнала, Вы скоро сможете его прочитать.

Я надеюсь, что вы благосклонно его воспримете.

Мои наилучшие пожелания, искренне Ваш,
Георг Румер

¹ Рукописный документ на немецком языке. Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz (Берлинская государственная библиотека, прусское культурное наследие). Nachl. Born, V. 660 (Rumer an Born), seit. 8. Подлинник. Подчеркивания выполнены графически. Перевод И. С. Михайловой.

² Румер Ю. Б. Макс Борн (К восьмидесятилетию со дня рождения)// УФН. 1962. Т. 78, № 4. С. 695—699.

Глава 6. ГУЛАГ

Выписка из приказа¹
по НИИФ МГУ им. М. Н. Покровского²
№ 33от 4/IX-37 г.

§ 7

Действ[ительного] чл[ена] ин-та Ю. Б. Румер отчислить с занимаемой должности с 1/IX-37 г. по собственному желанию.

С рез[олюции] директора А. С. Предводителя.³

Директор НИИФ
профессор — А. С. Предводителей
Верно. Секретарь НИИФ (подпись)
И.38 г.

Заявление⁴

от арестованного проф. физики
Румер Ю. Б.

Я, Румер Юрий Борисович, признаю себя виновным в том, что был в 1929 году завербован в Берлине проф. П. Эренфестом для целей научного шпионажа в пользу немецкой разведки. Благодаря проф. Эренфесту мне были предоставлены материальные средства для учебы в Геттингенском Университете, получено разрешение на дальнейшее мое пребывание в Германии, а в дальнейшем было представлено место ассистента в университете.

В 1932 году проф. Эренфест, через лично связанных с ним акад. Л. Мандельштамом и проф. И. Таммом, способствовал получению мною места профессора Московского Университета. После этого я приехал в Союз для целей научного шпионажа. В 1933 году проф. Эренфест покончил жизнь самоубийством при загадочных обстоятельствах.

После его смерти связь с немецкой разведкой с 1933 года по осень 1936 года поддерживалась через следующих лиц: Вайскопфом, Плачеком, Пайерлсом.

В разное время я передал им следующие научные идеи и темы, разрабатываемые советскими физиками.

¹ Рукописный документ, заверен круглой печатью Московский Государственный Университет им. М. Н. Покровского. Подлинник. Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 23.

² Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — видный русский историк-марксист, советский политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е годы, «глава марксистской исторической школы в СССР». Член РСДРП(б) с апреля 1905 года. Академик Белорусской АН (1928). Академик АН СССР (1929). МГУ носил имя М. Н. Покровского с 20.10.1932 по 10.11.1937.

³ Предводителей Александр Саввич (1891—1973) — российский физик, член-корреспондент АН СССР (1939). В 1937—1946 гг. декан физического факультета МГУ и директор Научно-исследовательского института физики Московского университета.

⁴ Рукописный документ. В указании автора заявления в верхнем углу справа слово «арестованного» вставлено над галочкой. Подлинник. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 13—15.

В 1933 году на ядерной конференции в Ленинграде я передал Вайскопфу сведения о начальной стадии работ Тамма и Иваненко о природе ядерных сил, которые Вайскопфом были переданы Гейзенбергу (Лейпциг), что позволило последнему опубликовать свою работу раньше советских физиков.

В 1934 году на Менделеевском конгрессе в Ленинграде я передал Пайерлсу сведения об идеи проф. Никольского о рассеянии света на свете, одной из плодотворнейшей проблем современной оптики, которые Пайерлсом были переданы Дебайю (Лейпциг), опубликовавшем об этом работу.

В сентябре 1936 года я сообщил Вайскопфу у себя на квартире основные мысли Ландау о статистической теории ядер. Эти сведения Вайскопф использовал для собственной публикации и его работа появилась раньше работы Ландау.

Одновременно с этим я использовался как человек, через которого будут засылаться под видом немецких эмигрантов-физиков и математиков в Союз шпионы.

1). Мне было предложено, пользуясь своими связями с директором Саратовского Университета Хворостинным (ныне арестованным) устроить в Саратове немецкого эмигранта Швердфегера. Мной были приняты соответствующие меры, но ему было в визе отказано.

2). Устроить переезд в Москву из Ленинграда немецкого математика Кон-Фоссена¹ с женой, что благодаря мне и осуществилось.

В 1937 году в Харькове оформилась антисоветская группа в составе Ландау, Кореца, Шубникова, Горского, Розенкевича, Бриллиантова, Лифшица, Померанчука, Ахиезера, Гаутерманса², Вейсберга. Я вступил в нее и принял активное участие в ее организации. Основной задачей этой группы было насаждение в Союзе взглядов и идей идеалистической школы, борьба с теми советскими физиками, которые стояли на материалистической позиции, путем их научной дискредитации, привлечение молодежи и обработка ее в духе нашей школы.

Поскольку наши взгляды полностью совпадали со взглядами группы Мандельштама в составе: Тамма, Ландсберга, Хайкина, Леонтовича и Блохинцева — я принял все меры к тому, чтобы создать контакт и полную договоренность между обеими группами для совместной антисоветской деятельности в области физики.

О всех своих преступлениях обязуюсь дать следствию подробные показания.

16 июля 1938 года.

¹ Кон-Фоссен, Стефан Эммануилович (1902—1936) — немецкий геометр. В 1934 году эмигрировал в СССР. Работал в Математическом институте АН СССР. В 1936 году умер в Москве от пневмонии.

² Гаутерманс Ф. в транскрипции данного издания.

Протокол¹
об окончании следствия

1938 года августа 4 дня гор. Москва. Мне объявлено, что следствие по моему делу закончено.

Добавлений и изменений к моим показаниям больше не имею, в чем расписываюсь.

(подпись)

4/VIII-38

Оп. уполн. 6 отдела 1 упр. НКВД
Мл. лейтенант Госбезопасности
Шаповалов

УТВЕРЖДАЮ

Зам. Нач. 4 отд. 1-го Упр.

Майор Гос. Без. Глебов

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

об избрании меры пресечения и объявлении обвинения

Город Москва

1938 мая 7 дня

Я, Пом. Нач. 6 отд. 1-го упр. НКВД лейтенант госбезопасности Щавелев, рассмотрев следственные материалы по делу № 18761 и приняв во внимание, что гр. Румер Юрий Борисович достаточно изобличается в том, что: 1) ведет на территории СССР предательскую шпионскую работу в области физики, 2) является одним из участников антисоветской группы физиков, ведущих подрывную деятельность в области советской физики

Постановил:

гр. Румер Ю. Б. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.

58 п. 6 и 11 УК мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей.

Пом. Нач. 6 отд. 4 отд.

Лейтенант госбезопасности

Щавелев

«СОГЛАСЕН»

Нач. 6 отделения

Капитан госбезопасности

Визель

Настоящее постановление объявлено 4 августа 1938

Подпись обвиняемого

¹ Рукописный документ, составленный Ю. Б. Румером. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 96.

² Документ на бланке. Подлинник. На машинке впечатаны даты, имена, текст обвинения. Дата объявления постановления и подпись обвиняемого проставлены им от руки. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 9.

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ. СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ НКВД СССР КОМИССАР

ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА КОБУЛОВ

«28» апреля 1939 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ¹

Москва, 1939 года апреля 28 дня, я, начальник 6 Отделения 2 Отдела ГУГБ НКВД СССР, капитан государственной безопасности — ВИЗЕЛЬ, рассмотрев материалы следственного дела № 18747 по обвинению ЛАНДАУ Льва Давидовича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—7, 10 и 11 УК РСФСР

НАШЕЛ:

Арестованные в 1937 году Управлением НКВД по Харьковской области быв. научные работники Украинского физико-технического ин-та ШУБНИКОВ Л. В. и РОЗЕНКЕВИЧ Л. В. показали, что ЛАНДАУ Л. Д. с 1932 года вместе с ними входил в антисоветскую группу и вел вредительскую работу в Украинском физико-техническом ин-те.

В апреле 1938 года в НКВД СССР поступили данные о том, что ЛАНДАУ Л. Д. совместно с б. доцентом физики Московского педагогического ин-та КОРЕЦ М. А. составили контрреволюционную листовку, в которой призывали население СССР к активной борьбе против Советской власти.

Проверкой этих данных было установлено, что ЛАНДАУ Л. Д. и КОРЕЦ М. А. пытались размножить эту листовку и распространить ее 1 мая 1938 года во время демонстрации. На основании этих данных 28 апреля 1938 года ЛАНДАУ Л. Д. был арестован.

На следствии ЛАНДАУ Л. Д. признался в том, что, будучи озлобленным арестом своего отца Давида Львовича ЛАНДАУ, инженера, осужденного в 1930 году к 10 годам концлагеря за вредительство в нефтяной промышленности, примкнул в 1932 году к антисоветской группе, существовавшей в Харьковском физико-техническом ин-те.

ЛАНДАУ признал также, что совместно с другими участниками антисоветской группы во вредительских целях срывал важнейшие научные работы института, предназначенные для нужд обороны страны. Переехав в 1936 году из Харькова в Москву, ЛАНДАУ не прекратил своей враждебной деятельности против Советской власти.

В Москве ЛАНДАУ Л. Д., как он показал, привлек к антисоветской работе профессора физики РУМЕРА Ю. Б., и в апреле 1938 года по предложению КОРЕЦА М. А. принял участие в редактировании текста составленной КОРЕЦОМ контрреволюционной листовки, подписанной «Московский комитет антифашистской рабочей партии», которую они намеревались распространить к 1 мая.

На основании изложенного:

ЛАНДАУ Лев Давыдович, 1908 года рождения, уроженец гор. Баку, до ареста профессор физики, б/п, гр-н СССР, достаточно изобличен в участии в ан-

¹ Виноградов В., Михайлов Н. Лев Ландау: год в тюрьме // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 155—156.

тисоветской группе, вредительской деятельности и попытке выпустить и распространить антисоветскую листовку.

Однако, принимая во внимание, что:

1. ЛАНДАУ Л.Д. является крупнейшим специалистом в области теоретической физики и в дальнейшем может быть полезен советской науке;

2. Академик КАПИЦА П.Л. изъявил согласие взять ЛАНДАУ Л.Д. на поруки;

3. Руководствуясь приказанием Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, комиссара Государственной Безопасности I ранга тов. Л.П. БЕРИЯ об освобождении ЛАНДАУ на поруки академика КАПИЦЫ,

ПОСТАНОВИЛ:

Арестованного ЛАНДАУ Л. Д. из-под стражи освободить, следствие в отношении его прекратить и дело сдать в архив.

Начальник 6 отделения 2 отдела ГУГБ НКВД СССР государственной безопасности: капитан Визель.

Народному Комиссару Внутренних дел СССР
от арестованного Румера Ю. Б.
Особое техническое бюро, Группа № 3

ЗАЯВЛЕНИЕ¹

С момента моего ареста 28 апреля 1938 года до сегодняшнего дня я ни одного заявления не подавал. Под влиянием тяжелого морального состояния я подписал предъявленный мне протокол, в котором признавал мою научно-общественную деятельность преступной.

Я заявляю, что ни в какой антисоветской группировке физиков, пропагандирующих идеалистическую физику, не участвовал. Являясь специалистом в области атомной физики, я, естественно, примыкал к наиболее передовой руководимой Нильсом Бором «копентгагенской школе» и солидаризировался с взглядами, наиболее полно выраженными в нашей печати академиком В. А. Фоком, отнюдь не являющимися антимарксистскими.

Я никогда не вербовался и не мог быть завербован в агенты вымышленного «общества немецкой науки», руководимом мировыми физиками Франком и Борном, в настоящее время изгнанными из Германии и совместно с Ланжевенном² ведущими сейчас борьбу с фашизмом.

Верно то, что за мои научные работы я получал во время моего пребывания в Германии денежные премии и стипендии. В их присуждении принимали участие мировые физики во главе с Эйнштейном. В моем протоколе я изобра-

¹ Рукописный документ на листе в клетку, текст с двух сторон. Составлен Ю. Б. Румером. Вверху в центре страницы квадратный штамп отделения 1-го Спец отдела НКВД СССР, вх. № 26/20 1939 г. Подчеркивания выполнены графически (в оригинале красным карандашом). Подлинник. Документ вместе с конвертом и фотографией из дела передан М. Ю. Михайлову из ЦА ФСБ РФ на личное хранение, архивного номера не имеют.

² Ланжевен Поль (1872—1946) — французский физик. Известен также как деятель антифашистского движения во Франции.

зил эти премии, о которых знает вся мировая научная общественность, как плату за услуги в области научного шпионажа.

Область атомной физики в настоящее время является чисто научной областью. В ней нет ничего секретного или не подлежащего оглашению. Поэтому я ничего не мог передавать иностранным ученым, приезжающим к нам в Союз, что в какой-то ни было степени могло подходить под понятие научного шпионажа.

Я прошу возможность изложить следственным органам мои объяснения по всем предъявленным мне обвинениям.

25 мая 1939 г.

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ
(МЕШИК)
«20» сентября 1939 года

«УТВЕРЖДАЮ»
ПРОКУРОР СОЮЗА ССР
(ПАНКРАТЬЕВ)
«20» сентября 1939 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ¹

По делу № 18761 по
обвинению Румера Юрия
Борисовича в преступлениях,
предусмотренных ст. 58 п. п. 6
и 11 УК РСФСР.

В 1938 году в гор. Москва органами НКВД вскрыта и ликвидирована антисоветская группа, состоящая из научных работников-физиков, именующая себя «Антифашистская Рабочая Партия».

Организаторы и руководители этой антисоветской группы ЛАНДАУ и КОРЕЦ готовили к 1-му мая 1938 года выпуск и распространение в Москве антисоветских листовок от имени так называемой «Антифашистской Рабочей Партии», в связи с чем и были арестованы.

28 апреля 1938 года по данному делу был арестован один из активных участников антисоветской группы ст. н. сотр. Академии Наук РУМЕР Юрий Борисович.

На предварительном следствии РУМЕР признал себя виновным в том что:

1. В 1932 году, будучи в Германии, он был завербован германской шпионской организацией «Объединение немецкой науки» ФРАНКОМ для целей научного шпионажа (см. л. д. 75—85).
2. Вернувшись в СССР, РУМЕР по заданию «Объединения немецкой науки» систематически информировал его агентов о неподлежащих оглашению важнейших работ по актуальнейшим проблемам современной физики, в частности, по изучению атомного ядра и др.

¹ Машинописный документ. Подлинник. Подписи от руки. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 99—101.

3. Отрицая свою причастность к выпуску антисоветских листовок, РУМЕР признал, что он является активным участником антисоветской группы физиков, возглавляемой ЛАНДАУ и КОРЕЦОМ, и проводил практическую подрывную работу в области советской физики (см. л. д. 86—94).

Как активный участник антисоветской группы РУМЕР изобличается показаниями ЛАНДАУ и КОРЕЦА (см. л. д. 31—32).

На основании изложенного:

РУМЕР Ю.Б. 1901 г. р., уроженец г. Москвы, беспартийный, из семьи купца 1-й гильдии, до ареста — профессор физики, старший научный сотрудник Физического института АН СССР и зав. Кафедрой Кожевенного института,

Обвиняется в том, что:

1. Будучи в 1932 году завербован германской шпионской организацией «Объединение немецкой науки», вел в СССР шпионскую работу, передавая немцам достижения советской физики.

2. Является активным участником антисоветской группы физиков и вел практическую подрывную работу в области советской физики.

т.е. преступлениях предусмотренных ст. ст. 58 п. 6 и п. 11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР, следственное дело РУМЕРА Ю. Б. направить на рассмотрение в Военную Коллегию Верховного Суда СССР.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ (СЕНЬКИН)

«СОГЛАСЕН»

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ (АНДРЕЕВ)

Составлено

«22» сентября 1939 года

гор. Москва

СПРАВКА: РУМЕР Ю. Б. арестован 26/IV-1938 года. Вещественных доказательств по делу нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ (СЕНЬКИН)

ПРИГОВОР¹

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Армвоенюриста В. В. Ульрих

Членов: Корвоенюриста И. О. Матулевича и Диввоенюриста А. М. Орлова

При секретаре военном юристе I ранга А. А. Батнер

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве

¹ Документ на бланке, заполненном с двух сторон. Подлинник. Бланк Военной коллегии Верховного суда СССР, лист в линейку, впечатаны на машинке данные о членах Коллегии и подписанном. Текст приговора вписан от руки. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 102.

«24» мая 1940 года, рассмотрела дело по обвинению:

Румера Юрия Борисовича, 1901 г. р., бывш. ст. научн. сотрудника физического института Академии наук СССР и зав. Кафедрой физики кожевенного института — в преступлениях, предусмотренных ст.ст.58—6 и 58—11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимый Румер являлся участником антисоветской группы и проводил подрывную работу в области советской физики. Кроме того, подсудимый Румер с 1932-го года являлся агентом германской разведки и по заданию последней занимался шпионажем в пользу Германии.

Таким образом доказана виновность подсудимого Румера в совершении им преступлений, предусм. ст. ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

Румера Юрия Борисовича к лишению свободы сроком на десять лет, с поражением в избирательных правах на пять лет и с конфискацией, лично ему принадлежащего, имущества.

Срок лишения свободы исчислять с 26-го апреля 1938 г.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Председательствующий (подпись)
Члены (подписи)

РАСПИСКА¹

(об объявлении приговора)

Мне Румер Юрий Борисовичу

«3» июня 1940 года объявлено, что по приговору Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от «24» мая 1940 года, я осужден по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—6 и 58—11 УК РСФСР к лишению свободы сроком на десять лет с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах по отбытию наказания сроком на пять лет.

(Подпись осужденного)

Приговор объявлен:

ЗАМ. НАЧ. 1 СПЕЦ. ОТДЕЛА НКВД СССР
капитан государств. безопасности
Герцовский

¹ Рукописная копия (составлено М. Ю. Михайловым) документа на бланке, личные данные, даты, статьи приговора, срок отбытия наказания, впечатаны на машинке с синей лентой. Личная подпись от руки. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 106.

Глава 7. Енисейск—Новосибирск

Румер Ю. Б. — Михайловой О. К.¹

Дорогая моя Олечка! Хотя я и писал тебе из Ростова, чтобы ты ехала к моим, но дорогой несколько упал духом и не верил в эту возможность. Я страшно тосковал по тебе и боялся, что лишаясь тебя, и жизнь показалась совсем бессмысленной. Телеграмма привела меня в неистовый восторг, в особенности, потому что получение телеграммы совпало с прояснившейся возможностью жить и устроиться.

Итак, я получаю кафедру в педагогическом институте. Вчера меня директор водил показывать временную мою квартиру: две комнаты в четырехкомнатной квартире с кухней. К осени он реально обещает перевести в изолированную и лучшую. Комнаты уже вымыли и побелили. Сегодня дают кровать со спальными принадлежностями, стол, стулья. Дрова за счет института. Мне дали пропуск в преподавательскую столовую. Пища очень удовлетворительная и можно купить килограмм хлеба. Я купил себе сахар, масло и яйца (20 р. десяток). Ведро картошки 12 рублей. С огородом, к сожалению, мы опоздали. На работу меня зачисляют с 1-го июля, оклад пока 1500 руб. Как только я получу свой докторский диплом, не меньше 3000 р. Поэтому основная задача сейчас состоит в том, чтобы академики форсировали это в министерстве высшего образования и это основная причина, пожалуй, единственная, почему я прошу тебя задержать твой отъезд. Постановление о присвоении мне докторского звания вынесено одновременно с присвоением звания Леонтовичу. Поэтому нужно с ним связаться. Вообще очень нужно, чтобы министр утвердил мое назначение. Для этого ты должна быть все время на месте и следить за этим. Надеюсь, на это не уйдет больше 10—15 дней, и в начале июля ты будешь здесь.

Кроме того, я надеюсь, что ты привезла мои работы. Если Дау нет в Москве (почему я не получил от него телеграммы?), то работы необходимо передать Леонтовичу (для печатания в журналах) и просить его сделать изложение результатов для предварительного сообщения в Докладах.

Ты знаешь, какое значение имеют для меня мои работы. Надеюсь, что с Карлушей² все благополучно, и что мои работы целы. Если нет, то сообщи мне телеграфно, и я их сейчас же восстановлю.

Итак, обе задачи: об утверждении меня в звании и о передаче моих работ в печать, являются основными и решающими для всей нашей будущей жизни. До Красноярска ты доедешь прямо. Дальше нужно ехать два дня на пароходе и меня несколько беспокоит, где ты будешь жить в Красноярске, поскольку на пароход можно попасть иногда на третьи сутки. Я постараюсь найти в Красноярске адрес, куда бы ты могла заехать с вещами, которых будет немало.

¹ Рукописный документ на 4-х страницах. Из контекста следует, что это письмо написано Ю. Б. Румером в начале лета 1948 г., когда он прибыл в Енисейск. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Сцилард Карл Степанович.

Что касается вещей, то я вполне доверяю твоему хозяйскому глазу. Хорошо бы привезти побольше гречневой группы. Сахар здесь продается без очереди, и я постараюсь к твоему приезду его иметь.

Я считаю необходимым хозяйскую утварь собрать среди знакомых и не тратить деньги, которых у нас нет, но это ты, конечно, сама поймешь.

Напиши мне адреса: Ландау, Леонтовича, Келдыша, Люстерника, Кербера и Стечкина, людей, через которых я надеюсь получать литературный заработок. Кроме того, необходимо найти физика Померанчука, который был когда-то моим ассистентом, и попросить и его переговорить с министром Кафтановым¹.

Я страшно рад, что мне прислали столько денег. Ведь я нашел в дороге людей, которые поделились со мной последним, и я мог сразу отдать им долг 22 рубля. Без этих людей я приехал бы еще больше изнуренным. Если будешь писать мне, то только авиапочтой. Простые письма очень долго идут.

Ты не сердись, что я в Таганрог тебе телеграфировал спустя два дня, когда намечалась возможность устройства? Телеграмма была: «Свободен получаю хорошую работу надеюсь Юра». Слово надеюсь, означает на твой приезд. Я бесконечно горжусь тобою, моя родная, твоему мужеству и решительности. Никогда не махай ручкой и во всех случаях бросайся прямо ко мне. Никогда я в жизни не чувствовал рядом с собой жены и друга, как теперь, и хотя бы ради тебя, хотел бы, чтобы в жизни была удача, чтобы ты всегда была радостной и довольной, и сделать тебя счастливой, это основная цель моей жизни, перед которой отступают даже мои работы. Но всегда надо помнить, что работы ведут к иной цели.

Поцелуй Лизочку² и мою маму. Твой Юра.

Румер Е. Б. — Румеру Ю. Б.³

Дорогой мой Юрка, письмо твое я получила, оно пришло после письма к Оле, чему я очень рада, потому что иначе оно бы произвело очень грустное впечатление. Все просьбы твои уже были исполнены раньше, тем не менее, я вчера была у Дау, где был и Лифшиц, и показала им твое письмо, которое они проштудировали с большим вниманием и сегодня отправляются в Министерство. Про Олю говорить нечего, ты и так знаешь, что я ее уже полюбила. Но, к счастью, она очаровала не только меня, но и всех в Москве, вплоть до Александры Алексеевны и моих соседок, которые иначе как Олечка не называют ее. Я уверена, что жизнь с ней — одно сплошное удовольствие. Мы все надеемся увидеть тебя через некоторое время в Москве, хотя бы временно. Пиши чаще о всех подробностях твоей жизни.

Мама и я крепко обнимаем и целуем тебя.

Твоя Лиза.

¹ Сергей Васильевич Кафтанов (1910—1978) — советский государственный деятель, министр высшего образования СССР (1946—1951), председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР (1957—1963).

² Елизавета Борисовна Румер — сестра Юрия Борисовича.

³ Рукописный документ. Письмо Е. Б. Румер написано из Москвы. Дата отсутствует. Из контекста следует, что письмо написано летом 1948 г. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Я забыла написать, что твои работы, кроме большой, уже находятся в редакции. А относительно большой работы, Оля уже писала тебе, хотя бы вызвать тебя осенью в Москву для сообщения о ней.

Румер Ю. Б. — Михайловой О. К.¹

Енисейск, 22 июня 1948

Родная моя Оленочка, зайчик мой ненаглядный.

С тех пор как я узнал, что ты со мной, меня охватил такой подъем и вера в успех, что я окрылен всеми надеждами. У нас есть уже двухкомнатная квартира в трех минутах ходьбы от службы, электричество, дрова на зиму, койка, столы. Всю мебелировку получил от института. Я уже сплю на кровати с одеялом, подушкой и простыней. Если ты захочешь, то институт даст аванс на приобретение коровы, которая стоит здесь 3000 рублей. Картошкой на зиму мы тоже обеспечены.

Меня окружили теплой товарищеской атмосферой и очень дружно приняли в коллектив. Поэтому, как только ты узнаешь в Москве, что Кафтанов утвердил мое назначение, сейчас же выезжай. Наш доцент по кафедре ленинизма уезжает в Красноярск работать в Крайкоме партии. Поскольку я беспокоюсь о твоей пересадке в Красноярске на пароход, который идет не каждый день, я условился с ним, что как только ты выедешь из Москвы, ты дашь ему

Студенты и преподаватели Енисейского учительского института.
Справа налево в первом ряду: Ю. Б. Румер, Ю. А. Старикин. 1949 г.

¹ Рукописный документ на 4-х страницах. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

телеграмму «Выехала поездом номер вагон номер». Красноярск, Лебедева 123 Герасиму Львовичу Деревянко (ДЕРЕВЯНКО). На тот случай, если телеграмма не дойдет, позвони ему по телефону Крайком 625. Он встретит тебя на вокзале и обеспечит посадку на паром, и если нужно, ночлег. Если твой отъезд задержится до 5-го июля, то в этот день в Москву прилетит наш доцент физики Юрий Александрович Старыкин, у которого ты сможешь получить исчерпывающую информацию о городе и о том, что здесь нужно.

Валенки мне здесь дадут, в остальном я не нуждаюсь, так как будем жить очень близко от службы. Я, конечно, хотел бы, чтобы ты не служила, а только занималась хозяйством и посещала группу по изучению английского языка. Будем с тобой варить малиновое и брусничное варенье. Я очень надеюсь, что получу подъемные на твой приезд и отправку имущества, и думаю, что жить будем без материальной нужды.

Меня очень беспокоит, привезла ли ты в Москву мои работы, и даже об этом телеграфировал, но почему то до сих пор не получаю ответа. Ты знаешь, какое важное значение я им придаю, и что они означают. Если они у Карлуши и с ним благополучно, надо, чтобы он их сейчас же выслал.

Узнай адреса физиков: Померанчука и Маркова, которые были моими ассистентами и думаю, что очень любили меня. Пусть они ходят в министерство и двигают мое утверждение. Боюсь, что Дау слишком далек от жизни для того, чтобы помочь мне в таком жизненном деле.

Во всяком случае, от этого все зависит, возможность нашей счастливой жизни, работы по душе, благосостояния.

Мысль о моих работах меня сейчас больше всего беспокоит. Я надеюсь, что в остальном все сложится благополучно. Я хотел бы, чтобы ты уже была рядом со мной и очень надеюсь, что ты не задержишься дальше конца месяца.

Природа здесь мне очень нравится, гораздо больше чем на юге. Очень надеюсь быстро окрепнуть и отдохнуть от всех невзгод.

Ты молодец, моя Оленька, что послушалась меня и сразу поехала к моим. Я верю твоему инстинкту, и думаю, что ты поступила правильно. Вот и не придется тебе до конца жизни считать скучные и длинные таблицы.

Крепко целую тебя, родная, привет всем моим. Юра.

Михайлова О. К. — Румеру Ю. Б.¹

24.VI [1948]

Милый Юрчик!

Только что прибыла из Звенигорода. Ну до чего красивые места!

Лизочка мне поясняла: где ты жил, что и кого любил. Время провела прекрасно. Во-первых, я первый раз вижу лес. Собирала землянику, а потом ходили на речку. В общем, время провела прекрасно. С вокзала пошла прямо к Лизочке, а когда пришла на ночлег, то мне вручили телеграмму. В начале июля я, конечно, не буду, т. к. я 25.VI отправляюсь домой. Мне нужно сделать деньги

¹ Рукописный документ на почтовой карточке. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

и собраться в дорогу, т. к. сам понимаешь, это не так быстро делается. Я думаю, что я буду в конце июля. Ну, а работы твои у Дау, как он выразился, маленькие представляют интерес, а большую ты должен сам рассказать, поэтому будет стараться вызвать тебя сюда осенью.

Ну, пока, будь здоров. Целую Ольга

Михайлова О. К. — Румеру Ю. Б.¹

28.VI-48

Милый Юрчик!

Вот я и опять дома, для далеких сборов. Завтра иду в 3-д оформлять увольнение. Дело в том, что приказ был написан, когда я была в отпуску. В дороге очень устала так, что до сих пор не пришла в себя.

Дома пробуду не больше недели, чтобы не расстраиваться, сам знаешь, как родным охота отпускать свою любимицу так далеко. Очень бы хотелось, чтобы ты написал им письмо. Только пиши так, чтобы они разобрали. Очень скучаю, хотя бы скорее было письмо.

Завтра напишу большое подробное письмо с описанием всех и всего. Целую крепко, Ольга.

Румер О. Б. — Румеру Ю. Б.²

30.06 [1948]

Дорогой Юрочка, ты, надо думать, уже получил нашу телеграмму, отправленную одновременно с этим письмом, в которой мы сообщаем тебе о том, что твои работы, привезенные в Москву Олей, находятся у Дау. Вчера я звонил Леонтовичу, и он обещал созвониться с Дау и познакомиться с твоими работами до отъезда в отпуск. К сожалению, сейчас начинается мертвый сезон, и все разъезжаются до осени. Однако Дау и Лифшиц обещали еще до июля предпринять необходимые шаги в Министерстве. Как только мы узнаем что-нибудь конкретно, мы телеграфируем тебе. Впрочем, и Дау, и Леонтович в августе уже будут в Москве, и тогда они смогут вплотную взяться за твои дела.

Оля на всех нас произвела очень хорошее впечатление. Очаровательная девушка! Тебе она, по-видимому, предана всей душой, готова для тебя и в огонь, и в воду. Мне кажется, что у вас с ней может образоваться очень грозная жизнь в Енисейске. Однако я думаю, может быть без достаточных на то оснований, что Енисейск только промежуточная станция на твоём жизненном пути, и друзьям-академикам скоро удастся вытянуть тебя оттуда в Москву, в эту чертову мельницу, перемалывающую тела и души. Мне кажется, что в Енисейске ты сможешь отдохнуть гораздо лучше, чем в Москве, если бы в нее попал прямо из Таганрога. Имей в виду, Юрочка, что, несмотря на многие тысячи верст,

¹ Рукописный документ. Письмо написано в Таганроге. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28.

отделяющих тебя от нас, ты у нас всех теперь в центре внимания, и напрасно ты в письмах целуешь только Олю, Лизочку и маму, можно разочек поцеловать и остальных. Впрочем, теплота, которую ты проявляешь по отношению к Лизочке, меня очень радует, она вполне заслужила ее.

Крепко целую тебя. Твой Ося.

На всякий случай сообщаю тебе адреса академиков и членов-корреспондентов, которые тебя интересуют.

Ландау Л. Д. Калужское шоссе, д. 32, кв. 2.

Келдыш, Мстислав Всеволодович, ул. Кирова 9/40а, кв. 12.

Леонтович М. А. 1-ая Мещанская, 66/68, кв. 5.

Кибель Илья Афанасьевич¹ Б. Калужская, д. 13, кв. 123.

Люстерник Л. А. ул. Чкалова 14/10, кв. 15.

Стечкин Борис Сергеевич Кривоникольский пер., д. 6, кв. 3.

Некрасов А. И. Москва 127, Набережная им. Горького, д. 28—30, кв. 25.

Марков Москва, 1-ый Смоленский пер., д. 2/8, кв. 15.

Евсей. Ул. Слепнева, 16.

Шура Зубовский б. 15 кв. 29.

Кручинов Ленинград, В. о., 10 линия, д. 31, кв. 4.

Тамм Зубовский б. 16/20, кв. 55. Г6-78-51.

Лифшиц Е. М. — Румеру Ю. Б.²

10.07.48

Дорогой Юрий Борисович!

Искренне и от всей души радуюсь тому, что Вы, наконец, свободны, и очень жалею, что не могу сразу Вас повидать. Надеюсь все же, что это произойдет в ближайшем будущем.

Обо всех нас Вам расскажет Оля (кстати сказать, всех нас очаровавшая). Я же ограничусь лишь сообщением о Ваших статьях. Статья по гидродинамике представлена Дау в ДАН и передана в редакцию. Статью по магнетизму я взял в ЖЭТФ (зам. редактора которого я теперь являюсь). Заметку об ошибке у Борна я имел в виду написать в виде «Письма в редакцию» ЖЭТФ, но дезориентирован Вашим указанием об изменении авторства — означает ли Ваша просьба, что на Вашу работу должна быть поставлена чужая фамилия? Жду Ваших разъяснений.

Что касается наиболее Вас интересующих работ по единой теории поля, то Вас не должно удивить, что Дау так и не собрался изучить их до своего отъезда. Не говоря уже о его известном Вам предубеждении против этого направления, он (и я) были, последнее время в высшей степени заняты различными срочными обязанностями. К сожалению, начало отпускного времени не дает возможности уже сейчас ознакомить с этими работами Фока, Тамма, Маркова

¹ Кибель Илья Афанасьевич (1904—1970), советский математик, гидромеханик и метеоролог, член-корреспондент АН СССР (1943).

² Рукописный документ на 4-х листах. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

(что касается Леонтовича, то, на мой взгляд, эти работы лежат совершенно вне его интересов и компетенции).

Сам я их сейчас изучаю. Кстати сказать, сравнение этих работ с работой Паули, мне кажется, не вполне удачно. У Паули по существу речь идет лишь о своеобразном способе единой записи уравнений Эйнштейна и Максвелла, без изменения каких-либо физических законов.

Ваша же теория приводит к изменениям в основных физических законах. Естественно, что не так легко высказать какое-либо решительное мнение по поводу столь глубоко идущих результатов.

Во всяком случае, эти работы, несомненно, могут быть напечатаны. Однако в этом смысле препятствием является слишком пространное изложение, тем более что ввиду чрезвычайной перегрузки портфеля ЖЭТФ, я имею категорическое указание не печатать слишком длинных статей (предельный размер — 1 печатный лист). Сам я не берусь сделать нужные сокращения (то есть по существу, написать новую статью, содержащую изложение основных идей и результатов, по возможности опуская промежуточные вычисления). О Дау в этом отношении, разумеется, и говорить не приходится. Это должно быть сделано самим автором, то есть Вами.

Со своей стороны, я бы советовал Вам не вводить, по крайней мере, пока, таких новых терминов, как «фундаментоны». Человеческой психологии свойственно пугаться такими «громкими» новыми терминами. И это могло бы заранее отпугнуть некоторых читателей. Мне лично кажется неудачным также и название «оптическое пространство», тем более, что термин «оптический» имеет достаточно общепринятый смысл, не имеющий ничего общего с Вашим пятимерным пространством. Я бы ограничился простым обозначением его как «5-пространства».

После отпуска будут приложены все усилия к тому, что бы вызвать Вас в командировку в Москву для прочтения Вами докладов о Ваших работах. Это было бы наиболее действенным способом ознакомить физиков (как Вы знаете, в общем, довольно ленивых!) с Вашими новыми идеями.

Этим летом должна выйти наша «Квантовая механика» (1-я часть — нерелятивистская, 560 стр.) и 2-е переработанное издание «Теории поля». Разумеется, я сразу вышлю Вам по экземпляру. Есть ли у Вас наша «Механика сплошных сред»? Мы ее в свое время передавали Вам (не помню сейчас через кого).

Если ее у Вас нет, я постараюсь достать экземпляр, и перешлю Вам (в данный момент у меня остался всего один, мой, экземпляр).

Крепко жму Вашу руку, жду писем. Ваш Лифшиц.

Лазарь Арцимович просил извинить его за незначительность суммы, которую он передал сейчас, и которая объясняется неудачным моментом (началом отпуска).

Он исправит это осенью. То же самое касается меня.

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.¹

12.07.48

Дорогой Румчик. Пишу тебе так нескоро, конечно, не из чего иного, как известного неумения писать. Прежде всего, ответ на твое письмо. Твои мелкие работы мы уже сдали в печать — так начали это дело, поскольку на пути могут быть и трудности. Про книжку большой серии, то мне кажется, лучше всего было бы вызвать тебя в Москву, чтобы самому рассказать о них, чтобы ты уже затем сам решил, что и где печатать. Идея рассматривать действие как пятую координату мне лично по свойствам моего характера, конечно, несимпатична, но, как ты знаешь, мое мнение далеко не общепринято.

Денежные сборы организовал. О делах с Министерством высшего образования тебе, очевидно, написал Женька².

Оля произвела приятное впечатление. Все это очень трогательно и романтично и с твоей стороны в таких тяжелых условиях должно рассматриваться как достижение. Кроме всего прочего, Оля будет о тебе заботиться, что, на мой взгляд, для жены очень и очень существенно.

О себе писать не буду, поскольку произошло слишком много всего, и мы это обсудим при свидании. В Енисейск к тебе прилететь не смогу, поскольку, как ты, по-видимому, забыл нелетающее животное (по Кориной³ теории Зару). Приехать же, боюсь, было бы слишком утомительно. Надеюсь, что приехать тебе в Москву удастся не очень нескоро.

Отмечу только, что твои сведения о моих неудачах у женской породы, к счастью, полностью устарели. Хотя до тебя мне, конечно, далеко, но все же, здесь дело, за последние 4 года, обстоит вполне сносно.

Л. Ландау с сыном Игорем. 1947 г.

¹ Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

² Евгений Михайлович Лифшиц.

³ Конкордия (Кора) Терентьевна Дробанцева (1908—1984) — жена Л. Д. Ландау.

Сейчас нахожусь на Рижском взморье. Видел Милочку¹. Напиши ей что-нибудь, а то она расстраивается, что от тебя ничего нет.

Вот пока и все. Крепко жму руку.

Дау.

Здесь пробуду числа до десятого августа. Адрес: Рига, неразборчиво.

Михайлова О. К. — Румеру Ю. Б.²

Милый Юрчик!

Вот я уже и с билетом, но ты уже знаешь. Выезжаю 12.VII поездом № 8, а ты бил тревогу, почему поехала в Таганрог. А знаешь, что в Москву я приехала в одном платъице, значит, нужно было поехать, во-первых, взять расчет с завода, т. к. я числилась в отпуску и приказ о моем увольнении был, когда я была в отпуску, поэтому я и задержалась. Я была очень удивлена, что ты возмутился по поводу моего уезда в Таганрог. Ну, это разберемся потом, числа примерно 25.VII.

Ну, насчет денег, все в порядке, доберусь. Ты знаешь, что сейчас все в отпуску, остался один Лифшиц, он бедный звонит во все телефоны, но ответ один — нет, выехал. Дау уехал тоже. Лифшиц мне очень понравился. Я знаю пока только двоих и все-таки, понравился больше не твой друг. Ну, ладно кончаю, а то расскажу все, и при встрече нечего будет рассказывать. Делаю еще одно замечание — почему своей маме не написал письма, только пиши разборчивей.

До встречи
Целую Ольга
Привет от Андрея³ и Лизочки

ОТЗЫВ⁴

Профессор Юрий Борисович Румер известен мне как ученый в области теоретической физики, успешно работающий в этой области уже свыше двадцати лет.

Его перу принадлежит значительное количество научных работ и монографий, представляющих существенный научный интерес. В частности, работа, посвященная теории космических лучей, вошла во все монографии по этому вопросу и легла в основу всех теоретических работ, в этой области.

Последние, еще не опубликованные, работы проф. Ю. Б. Румера (с которыми я ознакомился в рукописи) представляют несомненный интерес и показывают, что он находится в хорошей научной «форме». В особенности отмечу

¹ Мила — первая жена Ю. Б. Румера Людмила Абрамовна Румер.

² Рукописный документ на почтовой карточке. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Андрей Осипович Румер — сын Осипа Борисовича Румера.

⁴ Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. Подлинная подпись Л. Д. Ландау.

работу о магнетизме электронного газа, в котором ему удалось успешно преодолеть значительные математические трудности.

Академик Л. Д. Ландау

7 октября 1948 г.

Подпись акад. Л. Д. Ландау удостоверяю.
Секретарь (подпись)

Румер Ю. Б. — Мартыновой Т. А.¹

...как протекала и протекает твоя личная жизнь. Как ты прожила годы войны, была ли на фронте. Имеешь ли ты сейчас около себя мало-мальски подходящих людей, в чем главным ты видишь сейчас для себя цель жизни.

Я убедился на своем типе, что внешние обстоятельства, как бы тяжелы они не были, сравнительно мало влияют на мироощущение. Я видел много людей, которые прошли свой жизненный путь без сучка и задоринки и были глубоко несчастны. За годы, что мы не встречались с тобой, я встретил несколько человек, к которым очень глубоко привязался и никогда не чувствовал себя одиноким.

Я имел возможность много работать, по десять часов в сутки ежедневно, ежегодно. Можешь себе представить, что такая работа принесла плоды.

Крепко тебя целую и жму руку, Танечка.
Юра

Румер Ю. Б. — Мартыновой Т. А.²

14 февраля [1949]

Дорогая моя Танечка, очень был рад и тронут твоему письму; старые друзья не очень меня балуют вниманием и время прошло немаленькое. Твое письмо пришло в одну из самых значительных минут в моей жизни. Дело в том, что я написал несколько работ по физике. Первая из них, которой я придаю лишь вспомогательное значение, как показатель того, что я не дисквалифицировался, вызвала лестные отзывы и вышла в декабрьском номере Журнала Экспериментальной и Теоретической физики. Вторая, очень большая, состоит из двух частей и называется «Действие как координата пространства». Первая часть вышла в январском номере журнала. Ты можешь полюбоваться ими, если пойдешь в библиотеку. Не знаю, закончила ли ты твое физическое образование, и сможешь ли ты понять, какое значение я ей придаю. Я твердо знаю, что в этой работе полностью и на много больше оправдал все те надежды, которые возлагали на меня в молодости лучшие физики мира, и которые я так обманул в те годы упадка, которые я был твоим профессором. Я не знаю, придет ли

¹ Рукописный документ на двух страницах (первая страница отсутствует). Хранится в семье Т. Ю. Михайловой. Татьяна Александровна Мартынова — московская знакомая Юрия Борисовича, слушала его лекции в МГУ.

² Рукописный документ на двух листах. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

признание в этом году или в следующие годы, или я дождусь его лишь после смерти. Об этом будем судить потом.

Что касается меня, то я чувствую, что полностью оправдал свое жизненное назначение и могу себя считать очень счастливым, несмотря на некоторые неукладки в моей жизни. Можешь ли ты себе представить, как я волновался все это время, что моя работа не выйдет, что кто-нибудь в более счастливых обстоятельствах опубликует мои результаты до меня. Теперь все это позади и, главное, в полном порядке. Я начал мое письмо о работе и чувствую даже некоторое смущение, потому что кроме работы и помимо работы со мной моя жена, которая бросила дом, старых родителей, работу и переехала ко мне на край света, еще тогда, когда я был совсем не устроен. С ней я бесконечно счастлив и в 50 лет имею, наконец, и дом, и семью, чего не имел никогда в жизни. И жду я к лету сибиряка или сибирячку. Ты видишь, что я преуспел не только на научном фронте.

Устроен я материально неплохо, на жизнь хватает, и если бы, не полное отсутствие научной литературы, что лимитирует мои, столь поздно выявившиеся творческие возможности, я бы чувствовал себя совсем хорошо.

Передай сердечный привет маме и всем своим, а главное, напиши, кем ты стала, как сложилась твоя личная жизнь, почему ты пишешь, что не совсем так, как хочется. На своем примере могу тебе объяснить, что никогда не поздно найти в жизни удовлетворение, даже если внешние обстоятельства складываются и не совсем так, как хотелось бы. Крепко целую тебя. Юра.

Директору Енисейского учительского института¹
т. Киселеву

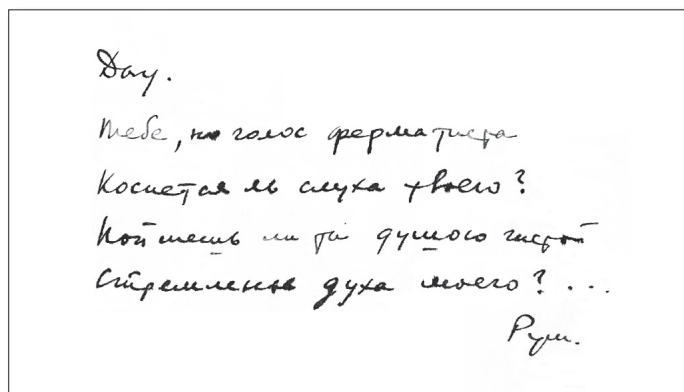
Работы Румера по вибрациям переднего колеса самолета представляют большую ценность. Эти работы были первыми работами в Советском Союзе, в которых был рассмотрен этот вопрос. В них дано теоретическое исследование вибраций жесткого колеса и сделан ряд выводов, имеющих использование на практике. Вместе с тем, Ю. Б. Румер провел также экспериментальное изучение вопроса на оригинальных, созданных им установках. Эти экспериментальные исследования наряду с проверкой теоретических исследований позволили их углубить и уточнить. Работы заслуживают высокой оценки, как по их теоретической значимости, так и по важности их практического приложения.

15.05.1949 г.

Академик М. Келдыш

¹ Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

[Посвящение]¹

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.²

09.06.49

Дорогой Румчик. Ты, конечно, понимаешь, что я не писал тебе так долго только по общей своей неспособности. Интересуюсь же я тобой по-прежнему. В частности, очень интересуюсь ребенком. В нашем с тобой возрасте (ведь они чем дальше, тем больше приближаются) это большое развлечение. Очень хотелось бы повидаться с тобой. К сожалению, до сих пор условия не благоприятствовали этому. Может быть, будем иметь силы попробовать этой осенью.

У нас здесь все, в общем, относительно хорошо. Женька³ ушел из редакции ЖЭТФа, так что он не сможет теперь содействовать тебе в этом смысле. Вообще сейчас всюду выдвигаются университетские физики, которые постепенно играют все большую роль. Даже не вполне ясно, удастся ли нам вообще издать свою «Теоретическую физику».

Мои личные дела совсем удачны. Единственно, что мешает, это частые сердцебиения, начавшиеся еще с 1938 года. В остальном и здоровье тоже неплохо. Успех у женщин гораздо больший, чем в старые времена, и является большим источником развлечения.

Увы, при моей эпистолярной бездарности все получается просто и, главное, страшно сухо. Надеюсь, что наша личная встреча не за горами. Пока. Крепко жму твою руку и желаю всего, всего наилучшего. Горячий привет Оле.

Твой Дау

P. S. Из твоего письма видны всяческие сомнения, в смысле моего отношения к тебе. Неужели тебе не стыдно писать такие глупости. Ты, кажется, имел достаточную возможность хорошо узнать меня. Имей в виду, что ты там многое очень плохо представляешь себе и можешь быть уверен, что если не делается

¹ На авторском оттиске статьи «Действие как координата пространства. I» в ЖЭТФ. Т. 19, № 1. 1949 г. Ю. Б. написал это посвящение Л. Д. Ландау.

² Рукописный документ на двух листах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 2—3.

³ Евгений Михайлович Лифшиц.

что-нибудь, что тебе кажется естественным, то это не означает, что тебя забыли, а то, что ты сам не всегда правильно представляешь себе, что в твоих интересах.

P. S. Твои рассуждения по поводу Якова Ильича¹ и Митина наивны. Очень многие поступили так как ваш институт не только у вас.

P. S. Работу об электронном газе я, конечно, давно уже передал дальше.

Марков М. А. — Румеру Ю. Б.²

Дорогой Юрий Борисович!

1. Я несколько месяцев был болен (воспаление легких), а потом санаторий и т. п. — это одна из причин моего молчания, а, вообще, корреспондент я неважный. ВВ, кажется, единственный, которому я за последние годы пишу письма.

2. Вы спрашиваете, какие мнения существуют по поводу Вашей «оптики». Насколько я мог выяснить, эту Вашу статью мало кто знает. Те, которые ее смотрели {Лифшиц Е.М., Тамм И. Е. (я его специально просил прочесть и передал ему журналы)} никаких возражений по существу не выставили, кроме интуитивного и мало убедительного утверждения «мне кажется маловероятным, чтобы на этом пути пришло решение вопроса». Вместе с тем признается, что идея формально красивая и это не просто паранойя. Мне Ваша идея нравится. Особенно, мне кажется существенным, это изменения, которые получаются для закона Кулона (отсутствие полюса). Я не подставил константы и не знаю, на какой длине «режется» закон Кулона. Но если даже это происходит на гравитационном радиусе, это очень хорошо, т. к. по Вайскопфу с учетом поляризации пустоты расходимость становится для электрона логарифмической (см. мою заметку о λ -процессе). По-видимому, Ваш способ «образования» полюса единственный релятивистский инвариантный. Ибо все предложенные способы, строго говоря, оказываются релятивистски не инвариантными, как это мне удалось доказать в очень общем виде (см. «Об одном комментарии релятивистской инвариантности»). Несколько меня смущают Ваши фундаментоны — не налагают ли здесь соотношения между константами жестких ограничений? Вообще это дело с фундаментонами «треба разжувати».

3. Я очень понимаю Ваши трудности с научной литературой. Советую Вам

а) Написать заявление в Книжный отдел Академии наук (Московский дом ученых, Кропоткинская, 16) с просьбой подписать Вас на журнал Phys. Rev. Это стоит около 200 р. Многие доктора наук получают этот журнал. в) Копию заявления с личной просьбой послать С. И. Вавилову. Я с ним буду также говорить об этом.

Что касается до Вашей физической идеи, то здесь, как Вы понимаете, есть одно и только одно решение: надейтесь только на себя, на свое внутреннее чувство. Добивайтесь больших ясностей, критикуйте себя, но не падайте духом. Видите, Ваш ученик пытается давать Вам советы. Ваш Марков.

21.06.49

P. S. Приветы от общих знакомых

¹ Яков Ильич Френкель.

² Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 25. Л. 2—3.

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.¹

30.08.49

Дорогой Румчик, не могу не признать, что твое письмо несколько удивило меня. Ну, что за шум ты разводишь?! Неужели ты думаешь, что я составлю свои мнения по слухам. Конечно, я ознакомился с твоими сочинениями сразу, когда получил их еще больше года назад. Электронный газ мне, например, понравился содержащимся в нем отнюдь не тривиальным суммированием.

Что касается пятимерья, то одобрить его не мог и не могу. Соображения изложенные, в частности, в твоём последнем письме представляют из себя *Plausibilitätsbetrachtungen*², которые меня лично никак не убеждают. Между тем, сама концепция, на мой взгляд, ни к чему хорошему привести не может. Уже хотя бы принципиально невозможно рассматривать в этой теории систему взаимодействующих частиц, где действию для каждой из них нельзя придать никакого физического смысла, никакой аналогии с многовременным аппаратом, о которой ты как то писал Жене³, здесь нет, поскольку время может быть определено для каждой частицы в отдельности.

Подчеркиваю, что это мое мнение, которое я держу при себе и отнюдь не пропагандирую; в частности, я считал и считаю возможным публикацию такого рода статей (о чем я даже как-то писал официальную бумагу). Я лично считаю, что твоя теория ни к чему не приведет, и хотя ни в какой степени не хочу мешать ее развитию и распространению, но ясно, что я сам в этой пропаганде участвовать не могу.

Разумеется, ты зря путаешь, не различая мой неизменный научный скептицизм от столь же неизменного дружеского отношения к тебе, и готовностью оказать тебе всяческое содействие.

Послать пятимерные работы на премию было бы, на мой взгляд, несвоевременно. Дело тут не только в чисто научной стороне вопроса, а во всей ситуации. Если ты хочешь дополнительно обратить внимание физиков на эти работы, то лучше сделай это в порядке переписки.

Книги, список которых был получен перед самым моим отъездом, будут тебе в ближайшем будущем высланы.

Почему ты ни в одном письме не пишешь ничего об Оле и о своей жизни вообще, что меня вполне интересует.

С наилучшими пожеланиями тебе, Оле и, Мише⁴.

Дау

Р. С. Женя и Мейман⁵ шлют приветы

¹ Рукописный документ на двух листах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 4, 5.

² Достоверности соображений, нем.

³ Евгений Михайлович Лифшиц.

⁴ Михайлов Михаил Юрьевич (1949 г. р.) — сын Ю. Б. Румера.

⁵ Мейман Наум Натанович (1911—2001) — советский математик, физик, доктор физико-математических наук (1937). Впоследствии диссидент, активист еврейского отказнического движения, член Московской Хельсинкской группы, почетный профессор Тель-Авивского университета.

Румер Ю. Б. — Мартыновой Т. А.¹

27 декабря [1949]

Милая моя Таня!

Твое внимание ко мне бесконечно трогает меня, и я очень ценю его. Психологически мне очень трудно заставить себя сесть писать письмо, не знаю даже толком почему. Основное, что определяет пульс моей жизни, это глубочайшее убеждение в том, что я сделал крупнейшее научное открытие и полностью оправдал надежды, которые на меня возлагали в молодости. Я считаю величайшей удачей, что мне, несмотря на внешние неблагоприятные обстоятельства, удалось полностью опубликовать мою работу в течение этого года. Пятое сообщение, рассчитанное на более широкий круг физиков, выйдет в январе. Я пошлю тебе оттиски, думая, что ты сумеешь составить представление.

Как всегда в истории науки, академики во главе с моим другом Дау, встречают мою работу скептически. Этому не следует удивляться. Еще Ньютон писал, провести в жизнь новую идею означает вступить в тяжелую судебную тяжбу. Как я писал Вавилову, честь открытия и приоритет уже обеспечен за нашей страной самим фактом опубликования в советском научном журнале. Теперь дело идет о том, чтобы привлечь внимание широкого круга физиков. Я убежден, что это могло бы поставить советскую науку на первое место в мире. Все, что в моих силах я делаю, и хочу верить, что доживу до признания.

Мой сын доставляет мне много радости. Хочу верить, что к тому времени, когда он подрастет, я смогу ему создать лучшие условия. Моя Оля лучшая из жен, верная подруга. По возрасту у нас такое же различие, как у твоих родителей.

В силу обстоятельств мы живем одиноко, без людей, всецело предоставленные самим себе. Преподавание в учительском институте обеспечивает мне жизнь. Чувствую я в себе бесконечно много сил, во всех отношениях; страшно подумать, сколько аспирантов я мог бы сейчас обеспечить работой. Единственные два преподавателя математики здесь уже написали под моим руководством три работы, из которых две вышли, а третья в печати.

Телеграмма²

Румер А. О. — Румеру Ю. Б.

9.2.50.

Енисейск Рабоче-Крестьянская 55 Румер
Из Москвы 3571 30 9 1152

Максимальной точностью сообщи причину прекращения педагогической деятельности чьи распоряжение как формулировано тчк необходимо знать Вавилову тчк третьего выслал авио подробно письмо полторы тысячи высылаем Андрей.

¹ Рукописный документ на двух листах (отсутствует окончание). Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Документ на бланке Министерства связи СССР. В левом верхнем углу круглый штамп с датой получения в Енисейске. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

[Отзыв]¹

В Совет Филиалов Академии Наук

Доктор физико-математических наук Ю. Б. Румер сообщил мне, что он вел переговоры с Западно-Сибирским филиалом о поступлении туда на работу и что Западно-Сибирский филиал по этому вопросу послал запрос в Совет Филиалов. В связи с этим я хотел бы сообщить следующее:

Доктор Румер недавно получил разрешение переехать из гор. Енисейска в гор. Новосибирск для работы по специальности. Доктор Румер является весьма квалифицированным физиком-теоретиком. Помимо ряда ценных научных исследований, выполненных им в довоенные годы (среди которых надо особо отметить ставшую классической работу по теории космических лучей, опубликованную им совместно с академиком Ландау), Ю. Б. Румер в 1948—50 годах опубликовал ряд весьма интересных исследований, посвященных как электронной теории, так и фундаментальным проблемам современной физики. В цикле этих последних работ он выдвигает и обосновывает новый подход (так называемая «5-оптика») к решению труднейших задач теории поля и элементарных частиц.

Весьма желательно, чтобы доктор Румер получил возможность, работая в научно-исследовательских институтах Западно-Сибирского филиала, продолжать и углублять свои исследования.

Член-корреспондент Академии Наук Иг. Тамм
2.VII.50 г.

Герасимов — Румеру Ю. Б.²

РУМЕР ЮРИЮ БОРИСОВИЧУ.
гор. Енисейск
ул. Рабоче-Крестьянская, дом № 55

На Ваше заявление от 5.IV-50 г. о приеме Вас на работу в систему Енисейскстроя сообщаю, что ввиду отсутствия вакантных должностей принять Вас на работу по специальности в настоящее время не представляется возможности.

Зам. нач. отдела кадров
(Герасимов)

24 апреля 1950 г
гор. Красноярск

¹ Машинописный документ без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный текст. Подпись и дата — рукописные, коричневый карандаш. Регистрационный номер — синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Телеграмма¹

28.4.50.

Енисейск Красноярский Рабочекрестьянская 55 Рунеру

Из Москвы 5771 15 28 1112

Вавилов запросил Абакумова² денежный вопрос увязан поздравляем днем рождения

Телеграмма ВЧ 22/5-50³

На РЗ 40064 от 24 апреля с. г.

Учитывая серьезность компрометирующих материалов на ссыльного поселенца Румер, ЦК КП(б) Казахстана не может допустить его на профессорско-преподавательскую работу. Устроить Румер на научно-исследовательскую работу в областях ссылки Казахстана возможности не имеем Лобанов

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТЗЫВ⁴

о научных работах проф. Ю. Б. Румера.

Проф. Ю. Б. Румер является одним из наиболее видных физиков-теоретиков в СССР. Ему принадлежит значительное число работ посвященных различным вопросам теоретической физики. Многие из этих работ имели очень существенное значение. Из них я хотел бы особо отметить работу, посвященную теории так называемых «ливней» в космических лучах. Эта работа легла в основу развития теории в этом важном вопросе.

Целый ряд работ проф. Ю. Б. Румера опубликованы и в последние годы. Они показывают, что его научное развитие ни в какой мере не остановилось. Так, в работе посвященной диамагнетизму электронного газа, Ю. Б. Румеру удалось получить точную форму для величины диамагнитной восприимчивости свободных электронов, которая до этого времени могла быть вычислена только в предельных случаях.

Академик Л. Д. Ландау

¹ На телеграфном бланке. В тексте фиолетовыми чернилами от руки проставлены три разделительных знака. В левом верхнем углу черная круглая печать — СССР Енисейск Краснояр края 9450. На печати от руки фиолетовыми чернилами сделана правка. Ниже печати две подписи от руки фиолетовыми чернилами. В правом нижнем углу черный неразборчивый штамп и подпись от руки фиолетовыми чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Абакумов Виктор Семенович (1908—1954). Министр государственной безопасности (1946—1951).

³ Телеграмма на бланке. ЦА ФСБ РФ. Архивно-уголовное дело Р-23711. Л. 126.

⁴ Машинописный документ без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Отзыв¹

о работе Ю. Б. Румера по вопросам колебаний механических систем

Ю. Б. Румер, обладая обширнейшими физико-математическими знаниями, как мне известно, умеет с успехом их приложить к решению практических задач. Так мне известно следующие три его работы в области колебаний валов и механических систем.

1. Решение задачи об антивибраторе изгибных колебаний. Анализ, сделанный Ю. Б. Румером, позволил определить необходимые размеры антивиббратора, который затем был поставлен на опытный образец одной машины.

2. Определение вынужденных крутильных колебаний сложных разветвленных систем коленчатых валов. Задача это блестяще была разрешена. Ю. Б. Румер применением функций мнимого переменного и теории определителей. Работа позволила решить очень сложный вопрос определения колебаний многовального опытного мотора.

3. Определение колебаний колеса при его качении (шимми). Задача эта еще более сложная, чем указанные выше, также была решена применением уравнений Лагранжа, хотя система имела неголономные связи.

Все сказанное позволяет мне считать, что Ю. Б. Румер может быть очень полезен при решении практических задач по механике, недоступных решению элементарному.

Все указанные работы Ю. Б. Румера безусловно заслуживают опубликования. Рукописный вариант работы «2» имеется у меня.

Член-корр. АН СССР
профессор Б. Стечкин
27.06.50

Арсеньев А. М. — Румеру Ю. Б.²

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва, Чистые пруды, 6.

Проф. Румер

Юрий Борисович, перевод из Енисейского института в Новосибирский может быть осуществлен только по инициативе директора Новосибирского института. Мне даже неизвестно нуждается ли он в работниках по кафедре физика и есть ли там вакансии.

Прошу к нему обратиться непосредственно.

Арсеньев³
30 августа [1950]

¹ Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

² Рукописный документ на бланке. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Арсеньев Александр Михайлович (1906—1988) — действительный член АПН СССР (1959). В 1949—1958 гг. — заместитель министра просвещения РСФСР.

Никитин В. П. — Румер Е. Б.¹

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СОВЕТ ФИЛИАЛОВ

Москва, Б. Калужская, 14
Т. В 2-00-00, доп. 12, 37, 54, 90

22 сентября 1950 г. № 31-12

Тов. РУМЕР Е. Б.

В Совет филиалов Академии наук СССР поступило ваше письмо с просьбой о зачислении Вашего брата Румер Ю. Б. на работу в Западно-Сибирский филиал АН СССР.

В письме указано, что руководство Западно-Сибирского филиала якобы согласно оформить профессора Румер Ю. Б. на работу в филиал.

На наш запрос о возможности зачисления профессора Румер Ю. Б. на работу в Западно-Сибирский филиал, зам. председателя президиума филиала Родионов Г. В.² сообщил, что по своей специальности проф. Румер не может быть использован в филиале.

Руководство филиала не давало обещаний о возможности зачисления проф. Румер Ю. Б. на работу в филиал.

Председатель совета филиалов Академии Наук СССР
академик В. П. Никитин

АКАДЕМИК
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ³

Москва, Б. Калужская, 14
Телефон 1-41-90
№ 1-17-3

6 октября 1950 г.
Заместителю Председателя Западно-Сибирского
филиала АН СССР
тов. Родионову Г. В.

Прошу Вас оказать содействие профессору Румеру Ю. Б. в устройстве на работу в одно из высших учебных заведений гор. Новосибирска.

Профессор Румер крупнейший специалист. Его работы в области теоретической и прикладной физики, по отзывам академиков Келдыша и Ландау, имеют большое научное и практическое значение. Поэтому думаю, что его целесообразно использовать на работе в Новосибирске.

С. Вавилов

¹ Машинописный документ на бланке. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

² Родионов Георгий Викторович (1908—1975) — доктор технических наук, в 1948—1954 гг. был заместителем и исполняющим обязанности Председателя Президиума ЗСФ АН СССР. В 1960—1961 гг. исполнял обязанности главного ученого секретаря Президиума Сибирского отделения АН СССР.

³ Машинописный документ на бланке. Документ подписан синими чернилами — С. Вавилов. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.¹
Ордена трудового красного знамени
Институт физических проблем
Академии наук СССР

Москва 133, Калужское шоссе 32

Телефон В 2-32-48 В 2-2824
Телеграфный: Москва, Магнит
21 февраля 1951 г.

Профессору Ю. Б. Румеру
г. Новосибирск

Многоуважаемый Юрий Борисович,

Настоящим письмом я предлагаю Вам принять участие в планируемом мною составлении Курса молекулярной физики. Я хочу предложить Вам написание глав, посвященных свойствам газов.

Примерный общий объем этих глав — около 12 листов.

Вам будет выплачен за них гонорар из расчета 2000 руб. за печатный лист.

В случае Вашего согласия я готов выплатить Вам аванс в размере 25 % общей суммы.

Академик Л. Д. Ландау

Чудова Е. — Румеру Ю. Б.²

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

Москва, Волхонка, 14

Тел. К 5-93-09
18 мая 1951 г.

Многоуважаемый
Юрий Борисович

Редакция «ЖЭТФ» сообщает, что статья «Действие как координаты пространства. V» будет напечатана в н/журнале, но в присланном Вами экземпляре имеется ряд очевидных опечаток и неточностей, очевидно вкравшихся во время перепечатки. Так как времени до напечатания еще очень много, просим еще раз тщательно сверить статью, обратить внимание на пометки редактора и вернуть нам ее для опубликования. Если у Вас имеется второй экземпляр, хотя бы рукописный, пришлите нам. На будущее просьба иметь в виду, что мы требуем 2 экземпляра. На этот раз, в крайнем случае, пришлите только этот, как-нибудь обойдемся.

Зав. редакцией Е. Чудова

¹ Машинописный документ на бланке. Под текстом письма собственная подпись Л. Д. Ландау. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

² Машинописный документ на бланке. В правом верхнем углу фиолетовыми чернилами проставлена дата — 18 мая 1951 г. и в конце письма фиолетовыми чернилами проставлена подпись Е. Чудовой.

Чудова Е. — Румеру Ю. Б.¹

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

Москва, Волхонка, 14.

Тел. К 5-93-09

25 июля 1951 г.

Многоуважаемый Юрий Борисович!

Ваша статья «Действие как координата пространства, VI» перепечатана нами. Посылаем Вам оригинал и перепечатанный экземпляр для проверки вписанных формул. Просим также разметить в соответствии с правилами, указанными на стр. 3 обложки каждого номера нашего журнала.

Зав. редакцией Е. Чудова

(приписка от руки)

P.S. В настоящее время в портфеле редакции находятся следующие ваши статьи, кроме вышеуказанной: 1) К теории электропроводности металлов в магн. поле, 2) Геометрия и кванты, 3) Поле заряженной точечной массы, 4) Действие как координата пространства V.

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.²

Академия Наук СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
имени С. И. Вавилова

Москва 133, Калужское шоссе, 32

Телефон В 2-32-48, В 2-28-24

Многоуважаемый Юрий Борисович,

Обращаюсь к Вам с новым предложением. Как Вы знаете, уже в течение ряда лет под моей редакцией издается «Курс теоретической физики». До настоящего времени остается ненаписанным том, посвященный макроскопической электродинамике. Я обращаюсь к Вам с предложением взять на себя составление для этого тома глав, посвященных магнитным свойствам вещества (ферромагнетизм, диа- и парамагнетизм).

Примерный объем этих глав — около 6—7 листов. Желательный срок написания — к весне 1952 г.

Жду Вашего ответа.
Уважающий Вас
акад. Л. Д. Ландау

¹ Машинописный документ на бланке. В конце письма фиолетовыми чернилами проставлена подпись — Е. Чудова и в разделе P.S. рукописный фрагмент, в котором перечислены все работы Ю. Б., которые находятся на момент в портфеле редакции.

² Машинописный документ на бланке. Под текстом письма подпись Л. Ландау. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

ОТЗЫВ¹

Две работы проф. Ю. Б. Румера «К теории затопленной струи» и «Задача о коническом диффузоре» посвящены теории ламинарного осесимметричного течения.

В первой из них дается уточненная теория ламинарных затопленных струй, бьющих из маленького отверстия. В прежних работах по этому вопросу давалось решение задачи лишь в самом первом приближении, без учета конечности размеров отверстия, принимавшихся бесконечно малыми. В работе Ю. Б. Румера развит метод решения этой задачи путем последовательных приближений с учетом конечности размеров отверстия, причем получены в замкнутом виде формулы, описывающие движение в струе во втором приближении.

Во второй работе автор применяет аналогичный метод для решения задачи о ламинарном движении в коническом диффузоре, которая существенно отличается от обычно рассматриваемой задачи о движении в двухмерном диффузоре.

Обе работы представляют несомненный научный интерес. Они свидетельствуют о высокой квалификации автора (хорошо известного как физика-теоретика) также и в области гидродинамики.

Акад. Л. Д. Ландау
3 декабря 1951 г.

Рекомендация и отзыв² о работе Юрия Борисовича Румер

Чл. корр. АН СССР, проф. Б. С. Стечкин.

Юрий Борисович Румер известен мне по совместной работе в области механики и гидродинамики. Так, нами совместно решена задача об определении вынужденных колебаний коленчатых валов, в новой совершенно общей форме. (Доложено мною в АН СССР в Институте машиноведения).

Ю. Б. Румер обладает исключительными знаниями в области механики, гидродинамики и математики, при выдающихся математических способностях. Особенно считаю важным отметить способность Ю. Б. Румер уметь применить свои знания к решению практических вопросов. Так его решение задачи о шимми авиаколес, по моему мнению, замечательно.

Смело могу рекомендовать Ю. Б. Румер как работника для научно-исследовательской и педагогической работы.

15/12.51

Чл. корр. Б. С. Стечкин

Дано для представления по месту работы.
Москва, 2. Кривоникольский пер., д. 6, кв. 3.

¹ Машинописный документ без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ на одном листе. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Секретарю Новосибирского обкома ВКП/б¹

Ивану Дмитриевичу

Яковлеву

В связи с письмом академиков М. А. Леонтовича и М. В. Келдыша на Ваше имя, по вопросу о моем трудоустройстве в г. Новосибирске прошу Вас рассмотреть вопрос о возможности направления меня на работу на Электровакуумный завод № 617 или НИИ того же завода.

В октябре 1950 года руководство завода запросило Начальника Управления МГБ о возможности принять меня в вышеуказанные организации и получило положительный ответ.

Я могу быть использован как высококвалифицированный физик в исследовательских лабораториях и по линии подготовки и повышения квалификации инженерно-технических работников.

г. Новосибирск

ул. Державина, 3

Ю. Б. Румер

Ответа не последовало

Саратовкин Д. Д.² — Румеру Ю. Б.³

16.08.52

Дорогой Юрий Борисович!

Простите меня, пожалуйста, за то, что я до сих пор не удосужился написать Вам ни строчки. Когда я приехал в Москву, то устроился с квартирой очень хорошо. Удалось снять комнату с кухней, газом, ванной, телефоном и даже мебелью и посудой. В месяц это стоило 350 р. Это была, так сказать, главная удача. Но что касается моего времени и возможности отдохнуть, то здесь я попал в плен к Вере Ивановне и детям. Вплоть до 8-го августа, выполнял я обязанности гида. С утра до вечера я водил мою ораву по Москве, по музеям и т. п. Если и появлялась минута свободная от этого дела, то приходилось делать что-нибудь неотложное, касающееся нашего быта или каких-нибудь неотложных задач. Даже своей маме я написал урывками два письма и то в силу крайней необходимости. Переписку с нею вела, главным образом, моя дочь, т. е. ее внучка.

С Вашей сестрой, Ел. Борисовной, тоже встретиться не удалось. Я только беседовал с нею несколько раз по телефону. Выяснилось, что приехать к Вам ей не удастся из-за трудностей с билетом.

¹ Машинописный документ. Слева внизу простым карандашом наискось сделана приписка Ю.Б. — Ответа не последовало. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Саратовкин Дмитрий Дмитриевич (1910—1986) — кандидат физико-математических наук, профессор Томского политехнического института, зав. кафедрой физики Тюменского индустриального института (1965—1973), специалист по стереоскопии.

³ Рукописный документ на 1 листе выполнен черными чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Андрея Осиповича в Москве не было.

Встретился я с Евгением Львовичем Фейнбергом. Передал ему Ваше письмо. Обсудив всякие вопросы, касающиеся Ваших дел, пришли мы к выводу, что ждать до сентября. Сейчас все в разезде и ничего предпринимать нельзя. Сообщил он мне, что семья его отдыхает на Рижском взморье и предложил мне приехать туда же отдохнуть. Крепко задумался я над этим. Очень хотелось мне хотя бы немного просто отдохнуть. Я уже два лета не отдыхал, это — третье.

8-го августа Вера Ивановна вместе с сыном поехали в Куйбышевскую область в гости к своей сестре. 9-го августа вместе со своей дочерью я выехал в Ригу. Вечером 10-го я был у Фейнберга. Валентина Иосифовна, — жена Евгения Львовича, — немедленно помогла мне найти комнатку. Так поселился я на даче.

Живем мы в рыбацком поселке Лиелупе, у самого впадения речки того же названия в Рижский залив. Всякие курорты и санатории расположены в стороне. Здесь очень тихо и спокойно. Кругом сосновый лес, река и море.

Отдыхаю в полном смысле этого слова.

Занялся и ликвидацией долгов, в смысле писем. Решил, что перед Вами очень виноват. Спешу загладить вину.

Надеюсь, Вы извините мне мое московское молчание, приняв во внимание обстоятельства моего там пребывания.

Когда приеду в Москву теперь, то буду более аккуратен. А приеду туда я уже 23-го.

Как только съедутся все, кто Вас интересует, побываю я везде, где мы уловились.

Мне пишите по адресу:

Москва 9, до востребования

Сердечный привет Ольге Кузьминичне.

Крепко жму Вашу руку.

16.VIII.52 (подпись) Д. Саратовкин

Рига, Лиелупе, [название улицы неразборчиво], 18

Саратовкин Д. Д. — Румеру Ю. Б.¹

1 октября 1952 г.

Дорогой Юрий Борисович!

Простите меня, пожалуйста, за то, что я совсем забросил Вас и долго ничего не писал. Оправдываться я не буду, но объяснение не есть оправдание, а поэтому я объясню, в чем дело.

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, которое я написал Вам с Рижского взморья, где я был одновременно с Е. Л. Фейнбергом и куда попал-то по его совету. Так или иначе, но отдохнуть мне надо было. В Москву я приехал со всем семейством, мотался по Москве, показывая ее, а когда Вера Ивановна с сыном уехала, я с дочерью поехал в Ригу. Из Риги прилетели в Москву на самолете,

¹ Машинописный документ на одном листе. Внизу письма подпись от руки. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

т. к. не могли достать билеты на поезд. Прилетели мы 23-го августа и сразу же начались мои мытарства.

Дело в том, что по некоторым соображениям семейного порядка, вынужден был я оставить дочь с собой в Москве. Это, конечно, очень осложнило все. Первым делом надо было устроить ее в школу, а так же обеспечить всем необходимым для учебы. На это ушли все последние дни августа.

С 1-го сентября приступил работать у Лепешинских. Надо было позаботиться о том, чтобы сразу себя зарекомендовать, так как следовало.

Надо было показать, на что я способен. Тянуть с этим было нельзя. Вот почему я сразу с головой окунулся в работу. Уже 5-го сентября у меня вчерне было готово введение в монографию, за которую я взялся. Но тут навалилось еще две заботы. Во-первых, к 15 сентября надо было освободить квартиру. Стало быть, надо найти другую. Во-вторых, оказался я без денег. Институт-то мне командировочных не дал. Я рассчитывал на то, что выхлопчу там, куда командирован. Не тут-то было. По первому разу получил отказ и занялся хлопотами. Были дни, когда я подряд каждый день по два раза ходил в Министерство здравоохранения, чтобы только узнавать, где движется мое заявление. Одновременно пришлось бегать по знакомым и занимать, где 5, где 10 рублей. В Московских условиях, сами понимаете, это не такое простое дело. Квартиру освободили 17-го, но уже через три дня пришлось освободить и новое место. Сейчас предстоит перетаскиваться третий раз.

Таким образом, забегался я так, как только это можно себе представить. Небольшое командировочное пособие себе выхлопотал, но еще не получил. Спасло то, что Вера Ивановна 25-го сентября смогла прислать некоторую сумму. Сейчас ожил.

Рукопись мою «Дендритная кристаллизация» к печати принимают. Можно считать, что все мои дела, более или менее, начинают приходить в порядок, и я получаю возможность вспоминать о том, что ни я один живу на белом свете, ни я один маюсь, ни я один нуждаюсь в разрешении тех или других вопросов. Вот вчера я и спохватился, что совсем забросил Вас. Был у Фейнберга. Рассказал он мне о том, что Вы прислали 8-ю статью по 5-оптике. Говорил, о том, что скоро должен будет сделать на редакционной коллегии доклад о всех Ваших работах по 5-оптике. Рассказывал о том, что как-то виделся с Елизаветой Борисовной и узнал, что Вы очень тоскуете вообще и падаете духом. Слушал я все это и грызла меня совесть. Как это я за своими бедами мог забыть о Ваших? Собственно говоря, я их не забыл, а просто отодвинул в сторону.

Вот сейчас я хочу Вас просить, немедленно написать мне, что у Вас есть новенького за эти месяцы и нельзя ли как-нибудь использовать мое пребывание здесь. Напишите мне, пожалуйста, подробно обо всем, обо всем. С нетерпением буду ждать ответа на это письмо. Пишите по адресу:

Москва 9, до востребования.

Сердечный привет Ольге Кузьминичне и Мишеньке.

Крепко жму Вашу руку.
Ваш (подпись) Саратовкин

Саратовкин Д. Д. — Румер Ю. Б.¹

Дорогой Юрий Борисович!

Опять я должен начинать свое письмо с извинений за молчание. На этот раз моя вина еще больше, так как я оставил без ответа Ваше письмо. Опять не буду оправдываться, а опишу, как было дело.

Получив Ваше первое письмо, я немедленно позвонил к Евгению Львовичу и сговорился с ним о встрече. Во время этой встречи, он сообщил мне, что только что отправил письмо Вам, в котором сообщил почти все, о чем Вы спрашивали в письме ко мне. При этом он сказал, что и ответы на остальные вопросы так же сообщит Вам сам. Мне оставалось только раскланяться, поблагодарить его, что я и сделал. Мы условились, что я время от времени буду звонить к нему и спрашивать, нет ли каких-нибудь новостей на Вашем фронте. Это я аккуратно выполнял, звонил ему раза три, но ничего нового он мне не сообщил. Написать Вам я все время собирался, но так как острая нужда отвечать на Ваши вопросы с меня была снята Евгением Львовичем, я и не торопился. Я все откладывал на день-два письмо к Вам, дооткладывал.

Теперь я получил второе письмо от Вас. У Родичева² я побывал немедленно. Он лежал в постели. В ближайшее время его положат на операцию в Институт им. Склифосовского. У него язва двенадцатиперстной кишки и дело дошло до непроходимости. Кушает только кисели. Если прибавить то, что правую руку он потерял на фронте, то сами можете судить как его дела. Для характеристики его могу сообщить Вам, что все главные идеи по тому, чем он занимается теперь, зародились у него в плену, когда он лежал при смерти в госпитале немецкого концлагеря. Именно пятимерные мысли давали ему силу переживать все, что выпало на его долю.

Ну, так вот, прочитал я ему Ваше письмо, так как он сам читать не смог. Он мне сказал, что уже и сам не придает значения той своей работе, о которой Вы ему писали. По поводу Ваших идей, он сказал приблизительно следующее: — «Весьма возможно, что Румер прав, когда речь идет о готовых частицах. Упорствовать я, конечно, не буду и все его статьи по 5-оптике прочитаю. Но только сам я сейчас занялся не этим. Я пришел к выводу, что необходимо построить частицу. Рассматривая ее как элементарный вихрь, я получаю у нее и магнитный момент, и электрические поля. Получается довольно забавно. Весьма возможно, что на этом я приду как раз к тому же, к чему пришел Румер. Ты ему, пожалуйста, сообщи, что если он хочет как-то там упоминать меня, цитировать, ссылаться и т. п., то, пожалуйста. Я согласен с тем, что мои работы больше чем, чьи бы то ни было, приближаются к его работам». — В дальнейшем разговоре он упомянул о том, что немного беспокоится, как бы его не опередили

¹ Машинописный документ на одной странице. Дата отсутствует. Хранится в семейном архиве Т. Ю. Михайловой.

² Родичев Владимир Иванович (1914—1984) — физик-теоретик, профессор, ученик Д. Д. Иваненко. Воевал, был в плену. После войны поступил в МГУ в аспирантуру к А. А. Соколову, в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о распаде мезонов». После аспирантуры работал на кафедре физики в Московском государственном областном университете (МОПИ) и занялся сначала 5-мерием, затем (в конце 50-х—начале 60-х годов) теорией гравитации с кручением.

в США, так как какая-то там работа, опубликованная ими, содержит те самые матрицы, которые он придумал сам, и которые еще нигде не опубликовал. Мне кажется, что очень было бы хорошо, если бы Вы как можно теснее увязались с ним. Это, пожалуй, единственный человек, который уже сейчас может быть в буквальном смысле слова Вашим соратником. Когда мы прощались, то он попросил меня от всего сердца поблагодарить Вас за ваше письмо.

На другой день я побывал у Евгения Львовича. По его просьбе и по поручению Родичева, я дал ему прочитать Ваше к Родичеву письмо. Он сказал, что получено от Вас 10-е сообщение. Поток этих сообщений все буквально поражены. Далее из его слов можно было понять, что, как Вы писали, где-то, что-то действительно шевелится. Однако где шевелится и что шевелится, я не понял... (далее утеряно).

Глава 8. Дискуссия о пятиоптике

Соболев Н. Н. — Румеру Ю. Б.¹

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ и ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

Москва, Волхонка, 14

Тел. К 5-93-09

8 июня 1949 г.

Глубокоуважаемый Юрий Борисович,

После тщательного рецензирования Вашей статьи «Действие как координата пространства, часть 3», редакция принуждена вернуть Вам ее для переработки в соответствии с замечаниями рецензента, изложенными в следующей выдержке из рецензии:

«Основная идея автора не нова. Задание метрики системой фундаментальных векторов («параметры» и «моменты конгруэнций») давно применяется в геометрии (Риччи², Леви-Чивита³, Эйзенхарт⁴ и др.). Применение фундаментальных векторов к спинорам также давно известно (В. Фок, ЖРФХО, ч. физ. т. 62, стр.133, 1930; Картан⁵, Теория спиноров, русский перевод, 1947). Многие формулы автора совпадают или аналогичны формулам, выведенным в упомянутых работах».

«Некоторые выводы автора ошибочны. В частности, применение теоремы Стокса к параллельному переносу невозможно и соответствующие рассуждения автора неверны».

¹ Машинописный документ на бланке. Справа сверху проставлена фиолетовыми чернилами дата — 8 июня 1949 г. По тексту письма фиолетовыми чернилами сделано несколько исправлений. Под текстом письма проставлена фиолетовыми чернилами подпись Н. Соболев. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Риччи-Курбастро Грегорио (1853—1925) — итальянский математик, создатель «абсолютного дифференциального исчисления» (тензорного исчисления), широко используемого в общей теории относительности.

³ Леви-Чивита Туллио (1873—1941) — итальянский математик еврейского происхождения, также известен работами в области тензорного исчисления и его приложениями к теории относительности. Был учеником Риччи.

⁴ Эйзенхарт Лютер П. (1876—1965) — известный американский математик, профессор Принстонского университета.

⁵ Картан Анри Поль (1904—2008) — выдающийся французский математик, сын Эли Картана.

Что касается статьи Ю. Старикина¹ и Вашей заметки об электронном газе, то они будут опубликованы в одном из ближайших выпусков журнала.

Уважающий Вас зам. редактора Н. Соболев

Леонтович М. А. — Румеру Ю. Б.²

Дорогой Юрий Борисович!

Отвечаю на вопросы, поставленные в твоём письме.

1. Книгу Брюльэна³ я передал твоему племяннику для пересылки.

2. Мое мнение о 5-оптике. Я не могу смотреть на эти вещи иначе, как на очень изящное математическое построение, не имеющее прямого отношения к физике. Нужно сказать, что как-то за последние 15 лет не только у меня, но мне кажется, и у физиков вообще, произошла переоценка ценностей. Люди стали требовать от физической теории гораздо большей конкретности. Что касается меня, то и прежде, вещи, подобные 5-мерным, были мне совершенно чужды, меня не трогали и, думаю, что если бы даже на этом пути когда-нибудь было бы что-нибудь физически новое получено, то первая моя мысль была бы — что это такое значит, если из теории изгнать 5-ю координату. (О чем у меня бы и была основная работа об этом ее изгнании).

Сейчас, когда я совершенно оторвался от теоретической физики, это отношение к таким вещам еще более развилось.

Короче: я не верю, что этим путем можно придти к новым физическим результатам. Это все касается чисто научной стороны вопроса.

3. Теперь о мнении для дирекции и т. п. — то есть вопросов, связанных с житейской стороной дела. Думаю, что этим направлением лучше перед дирекцией не козырять. Сейчас для отвлеченных вопросов время не очень благоприятное, а недоброжелатели у тебя остались и могут на все направление наклеить соответствующий ярлык. Это тем более будет плохо, что по существу научной стороны дела отстаивать это направление никто из расположенных к тебе теоретиков не сможет, так как они, в общем, стоят на точке зрения, изложенной в п. 2.

Решил написать это все откровенно, так как я боюсь, что все же ты еще не ясно себе представляешь ситуацию в теоретической физике, относящуюся как к п. 2, так и к п. 3, и точки зрения людей. Не смотря на то, что вероятно тебе это будет неприятно, так как насколько я понимаю, ты до сих пор веришь в это направление, и придаешь этой своей работе большое значение.

Рад, что ты начал устраивать свою личную жизнь.

Привет молодой жене.

М. А. Леонтович

¹ Старикин Юрий Александрович (1918—?) — зав. кафедрой физики и математики в Енисейском учительском институте, затем работал с Ю. Б. Румером в Отделе технической физики ЗСФ АН СССР и в Институте радиоэлектроники СО АН СССР.

² Рукописный документ на двух листах. На первом листе в правом верхнем углу простым карандашом рукой Ю.Б. проставлено «Получено 14 V 49». Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Бриллюэн Леон Николая (1889—1969) — французский и американский физик, основатель современной физики твердого тела.

07.04.1949

Фок В. А. — Румеру Ю. Б.¹

14 февраля 1950 г.

Глубокоуважаемый
Юрий Борисович!

Идеи, которые Вас сейчас увлекают, мне хорошо знакомы, так как я сам занимался аналогичными вещами около 25 лет назад. Я тогда напечатал работу «Об инвариантной форме волнового уравнения и уравнений движения для заряженной материальной точки» (по-немецки, Цейтшрифт фюр Физик т. 39 стр. 226—232, 1926). Пункт 1 Вашего письма (нулевые линии в пятимерном пространстве и пр.), по-видимому, полностью содержится в этой работе. Вероятно, Вы ее не знаете, так как нигде на нее не ссылаетесь. Упомянутая Вами в пункте 2 периодичность в координате действия также содержится в моей работе.

Таким образом, мое скептическое отношение к этому научному направлению обусловлено отнюдь не его новизной, а другими более существенными причинами.

Успех идеи геометризации в Эйнштейновской теории тяготения основан на том, что тяготение и только оно одно является универсальным, в том смысле, что все незаряженные тела, обладающие достаточно малой массой, движутся по одинаковому закону. Движение же заряженных тел в электромагнитном поле зависит от отношения заряда к массе. Поэтому геометризация соответствующих понятий может удалиться только для одной частицы. В этом же лежит причина полнейшей неудачи всех «единых» теорий поля.

Вы начинаете и заканчиваете Ваше письмо историческими аналогиями, показывающими, с каким трудом великие идеи доходят до сознания современников. Не могу скрыть, что я лично не усматриваю никакой аналогии между данным случаем и приведенными Вами историческими примерами.

Уважающий Вас В. Фок

Ленинград

В. О. 12 лин. д. 33 кв. 6.

Марков М. А. — Румеру Ю. Б.²

Дорогой Юрий Борисович!

Извините за долгое молчание. Хотелось написать после основательного изучения Ваших работ, но это изучение как-то все откладывалось. Все же по

¹ Машинописный документ. В правом верхнем углу синими чернилами проставлена дата — 14 февр. 1950 г. Внизу — подпись синими чернилами — В. Фок. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ на 3-х листах, хранится в Научном архиве СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 25. Л. 3—5.

поводу Ваших работ, я рискну задать ряд вопросов, которые, по-видимому, вызваны моим недостаточным пониманием.

1. Мне очень нравится действие в качестве четвертой координаты, но мне не ясно насколько справедливо Ваше утверждение о том, что заряд является сопряженной ей переменной. Конечно, группа градиентных преобразований имеет в электродинамике прямое отношение к закону сохранения заряда. Но в Вашем случае таким законом сохранения могло быть соответствующее уравнение непрерывности для потока частиц. Другими словами, не является ли масса все-таки сопряженным импульсом я не знаю? Ведь написание $\Pi_{s-} = -\left(\frac{mc}{e}\right)Ze$ очень искусственно.

2. Мне нравится идея заряженности всякой в обычном смысле нейтральной массы, но как выбирается тот или иной знак заряда?

$$(e = \pm mc^2 \sqrt{\alpha/2\pi}).$$

3. Если есть нейтральные массы двух знаков зарядов, то тогда возможна их комбинация, дающая действительно нейтральную массу без кавычек. В таком случае, мне кажется очень вероятной масса в роли пятого импульса.

4. Мне кажется, что квантованность зарядов и масс не вытекает пока органически из Вашей теории. Ведь простая подстановка $\Phi = sz$ возвращает Ваше уравнение к обычному написанию, где z — выпадает.

5. Мне кажется, что Ваша теория должна иметь смысл в первую очередь как макроскопическая теория, в которой нет квантования массы и зарядов.

6. Мне кажется, что многие неясности проистекают от того, что Вы все время сбиваетесь то на микро, то на макро представления. И здесь нет ясности — что же в конце концов строится: микро или макро теория?

7. Меня очень интересует возможное объяснение магнитных свойств космических тел. Соображения Блэкета¹, его соотношения, у меня были раньше и более развернутые, но я не решался их опубликовать.

8. Слабые электрические поля, создаваемые огромными скоплениями космических масс, могли бы быть источником ускорения как следствие образования космических лучей — для этого нужны лишь слабые поля и большие расстояния, как арена ускорения.

9/ Мне не ясно, можно ли в рамках Вашей теории в соотношении

$$\frac{e_0}{m} = c^2 \sqrt{\frac{e}{2\pi}}$$

приписать e_0 другое численное значение, чем для заряда

электрона (но это значило бы неразумные значения для гравитационной константы). Ведь я могу с самого начала под $g_i = \frac{e}{mc^2} A_i$ понимать

под e заряд электрона. Во всяком случае, исходное уравнение (1) я дол-

¹ Блэкетт Патрик Мейнард Стюарт, барон Блэкетт (1897—1974) — английский физик, лауреат Нобелевской премии по физике.

жен так писать при наличии электрона? Отсюда разве не следует соотношение $e = e_0$?

10. Меня очень заинтересовала Ваша проблема Шварцшильда¹ — именно отсутствие полюса в нуле для электростатических взаимодействий. Это очень интересный результат. Между прочим, в книге Бергмана² по теории относительности получено также отсутствие полюса, но там, к сожалению, это обстоятельство обязано вычислительной ошибке. Поэтому здесь Ваш результат представляет исключительный интерес. Хотелось бы его осмыслить поглубже или обнаружить в нем какой либо криминал. Между прочем, конечность в нуле можно получить и неосторожным преобразованием координат $[f(r)]$, так как в общей теории относительности понятие расстояния не совсем определено.

Вы видите, таким образом, что я задаю вопросы, которые, по-видимому, явились в результате, как я интуитивно чувствую, плохого понимания Ваших статей. Пользуясь правом Вашего ученика, я им несколько злоупотребил. Желая Вам всего доброго.

Ваш Марков, 23.03.1950

Тамм И. Е. — Румеру Ю. Б.³

Москва, 07.05.50

Дорогой Юрий Борисович!

Я продолжительное время отсутствовал в Москве и поэтому получил Ваше письмо с большим запозданием.

Я чувствую себя очень виноватым, что до сих пор ни разу еще не написал Вам. В свое время мы все очень рассчитывали, что Вы заедете в Москву по пути в Енисейск, но этого, к сожалению, не случилось. Потом я много раз собирался написать Вам, но, к сожалению, собрался только сейчас.

Знаю о Ваших злоключениях, несколько раз вместе с Дау и Мих. Андр. говорил о Вас с Вавиловым, хочу надеяться, что его вмешательство поможет Вам.

Поразительно, как активно Вы творчески работаете в разных областях физики. Но Вы правы в том, что к тем сторонам 5-оптики, которые для Вас наиболее ценны, я отношусь скептически. Я полностью признаю, видение Вами действия в качестве 5-ой координаты позволит в очень изящной форме сформулировать задачу движения точки в заданных гравитационном и электромагнитном полях. Однако когда Вы от новой формулировки прежних уравнений переходите к новым обобщениям и гипотезам (χ -поле, фундаментон и т. д.), я не могу за Вами следовать. Эти обобщения не представляются мне Zwanglaufig, и кроме того, я убежден (хотя отчетливо понимаю, что могу ошибаться и скорее откажусь от своих взглядов, если увижу доказательство их ошибочности), что развитие физической теории идет другим путем.

¹ Шварцшильд Карл (1873—1916) — немецкий астроном и физик.

² Речь идет о книге Бергмана П. Г. «Введение в теорию относительности». М.: ГИИЛ, 1947. 380 с.

³ Рукописный документ на двух листах, хранится в Научном архиве СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 2.

Позвольте присовокупить несколько дискуссионных замечаний о первых параграфах Вашей первой работы по 5-оптике.

Конечно, уравнение Гамильтона—Якоби можно представить в форме, в которую будет входить только отношение e/m , но как только встанет задача передающая взаимодействие частиц (или поле, или ...) придется ввести e отдельно от m . Из уравнения (1,16) с (1,1) (учитывая определение (1,9) величин g) явствует, что есть не электрический заряд, как говорите Вы, а масса (это явствует также из (1,17) если сократить дробь $(mc/e)Ze : \Pi_{s^{\pm}} = -mcZ$).

...в Phys.Rw, который вероятно до Вас не доходит, но скоро появится реферат работы в Успехах Физ. Наук.

Очень порадовался известиям о Вашем браке и о рождении у Вас ребенка, я же уже в серьезном возрасте — у меня внук и внучка.

С искренними наилучшими пожеланиями
Ваш И. Тамм

P. S. Письмо ваше передам Маркову.

Ландау Л. Д. — Румеру Ю. Б.¹

25.06.50

Дорогой Румчик. Обо всех фактах узнаешь от Оли. Она у тебя молодец и производит чудесное впечатление. Заметка о вращении плоскости поляризации ошибочно — ты пишешь в энергии ED^x вместо $ED^x + E^xD$ (кстати, правильно $\int (EdD^x + E^xdD)$). Крепко, крепко жму руку.

Дау

P. S. Предоставь, ради бога, все дела Оле. Ты, надо сказать, бестолков, не менее меня. Поэтому пусть по всякому деловому поводу пишет Оля, а то у тебя понять ничего нельзя.

Румер Ю. Б. — Сталину И. В.²

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я обращаюсь к Вам с этим письмом потому, что этого требуют интересы развития науки в нашей стране.

С 1949 г. я начал публиковать мои исследования по 5-оптике. В настоящее время вышло из печати пять сообщений и находится в печати четыре.

5-оптика дает принципиально новое обоснование квантовой механики, корнями восходящее к учению Лобачевского и не нуждающееся в принципе дополнительности.

¹ Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

² Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. Согласно легенде, письмо для Юрия Борисовича составил зав. лабораторией Горно-геологического института ЗСФ АН СССР к. г.-м. н. Геннадий Львович Поспелов.

5-оптика, включая в себя современную квантовую механику, располагает новыми методами и средствами решать актуальные задачи физики космических лучей и ядерных сил.

5-оптика дает единую теорию тяготения и электричества, до оснований разрушая метафизическую стену, отгородившую в ходе развития квантовой физики микроскопическую физику от макроскопической.

С передачей в печать последних сообщений, первый этап работы следует считать завершенным. Дальнейшим этапом должно явиться привлечение творческого коллектива физиков теоретиков и экспериментаторов к ее дальнейшей разработке, применительно к практическим нуждам. Однако стихийный переход к этому этапу может сильно задержаться. До сих пор физики нашей страны по отношению к 5-оптике занимают выжидательную позицию, с чем я не могу согласиться. Я полагаю, что в вопросах, имеющих непосредственное отношение к проблемным задачам физики, сегодня выжидать нельзя.

Должен сказать, что покойный президент Академии Наук СССР С. И. Вавилов много сделал для завершения мною первого этапа. Смерть помешала осуществлению его дальнейших намерений.

Таким образом, интересы форсированного развития советской физики заставляют меня обратиться к Вам с просьбой.

1. Отдать распоряжение Отделу науки ЦК ВКП(б) разобраться в положении дела с 5-оптикой и организовать закрытую дискуссию, где бы я мог выступить и разъяснить все, что неизбежно осталось в моих сообщениях недопонятым. Для участия в дискуссии, я считаю желательным, привлечь следующих ученых: Ландау, Тамм, Блохинцев, Гинзбург, Терлецкий, Иваненко. Вместе с дискуссией по физическим основам 5-оптики должна быть философская дискуссия по ее идеологическим основам. Соответствующий доклад мною сейчас подготавливается.

2. Дать указание спецкомендатуре г. Новосибирска о разрешении мне выехать в Москву для участия в дискуссии.

При сем прилагаю:

1. Краткую автобиографическую справку, из которой должно быть ясно каким путем я пришел к 5-оптике.
2. Копию письма чл.-корр. Тамм в Совет филиалов АН СССР.
3. Копии отзывов о моих трудах акад. Ландау, акад. Келдыш и чл.-корр. Тамм.
4. Копию письма акад. Ландау, подтверждающего мое сотрудничество с ним.
5. Оттиски опубликованных статей по 5-оптике.
6. Рукопись заключительной статьи «Геометрия и кванты»¹.
7. Оттиски других моих работ и работ моих учеников, по теоретической физике, опубликованных в последнее время.

29 ноября 1951 г.

С искренней любовью и уважением к Вам
проф. д-р физико-матем. наук Ю. Б. Румер

¹ Со статьей можно ознакомиться в Открытом архиве СО РАН
http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_1579

Юрий Борисович Румер¹

Краткая автобиографическая справка

После окончания Московского университета в 1925 г.², я выехал в Германию в Геттинген для продолжения образования. Вскоре я стал ассистентом у почетного академика СССР проф. Макса Борна, у которого проработал до 1932 г. В 1929 г. я опубликовал мою первую работу по теории поля тяготения и электричества. Эта работа привлекла к себе Эйнштейна, который несколько раз приглашал меня к себе для научных дискуссий. По его представлению, я получил стипендию Лоренцфонда для исследовательской работы в этой области. С тех пор, в течение 20-ти лет, я непрерывно продолжал работать в этом направлении, что и привело меня, в середине 1946 г., к открытию 5-оптики.

В 1932 г., по рекомендации Эйнштейна, Борна, Эренфеста, Шредингера, я получил приглашение в качестве профессора физики в Московский университет. В 1935 г., по совокупности работ, мне была присуждена степень доктора физико-математических наук. Вплоть до 1938 г. я работал в тесном содружестве с акад. Ландау, от которого многому научился.

В 1938 г. я был арестован. Все последующие 10 лет лишения свободы я проработал в качестве специалиста четвертого спецотдела НКВД в авиационной промышленности, возглавляя работы по обеспечению вибропрочности самолетов и моторов, а также продолжая научно-исследовательскую работу в области технической физики. Отзывы об этих работах Келдыша и Стечкина прилагаются.

Условия, в которых я находился все десять лет лишения свободы, позволили мне не прерывать моих исследований по единой теории поля и сделать летом 1946 г. решающий шаг, который привел к открытию 5-оптики.

В 1948 г. я был направлен в Енисейск на поселение. Я сразу же получил место профессора в учительском институте. За два года работы в нем я опубликовал в центральной печати 10 научных работ и заметок и привлек к научной работе преподавателей института, написавших под моим руководством три работы. О моей деятельности в Енисейском учительском институте может дать сведения зам. министра просвещения Арсеньев, побывавший в Енисейске.

В середине 1950 г., покойный президент АН СССР С. И. Вавилов, отнесшийся с интересом к появлению 5-оптики, обратился к министру госбезопасности с просьбой перевести меня на жительство в город, где я мог бы быть использован как физик и мог бы продолжать свои исследования. В результате я был переведен в Новосибирск. Узнав о последнем, после консультации с академиком Ландау и чл. корр. Тамм, в сентябре 1950 г., С. И. Вавилов принял меры к тому, чтобы мне дали возможность работать в Западно-Сибирском филиале Академии Наук СССР.

Преждевременная смерть С. И. Вавилова не позволила ему довести это дело до конца.

¹ Машинописный документ. Внизу документа подпись Ю. Б. Румера черными чернилами. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

² Юрий Борисович выехал в Германию в 1927 г.

В настоящее время я нигде не работаю, а занимаюсь литературным трудом в авторском коллективе, под руководством акад. Ландау. Пребывая в городе, имеющем хорошие библиотеки, я получил возможность закончить первый этап построения 5-оптики.

29 ноября 1951 г.
Ю. Б. Румер

ДИРЕКТОРУ ФИЗИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР¹
академику Д.В. СКОБЕЛЬЦИНУ²

Ознакомившись по Вашему поручению с письмом и статьями проф. Ю. Б. Румера, мы хотим сообщить следующее:

Развиваемая в течение последних лет Ю. Б. Румером, так называемая 5-оптика, представляет, по нашему мнению, достойное внимания направление в теоретической физике и ее исследования проводятся автором на высоком научном уровне.

В работах Ю. Б. Румера единая теория поля, одним из вариантов которой является 5-оптика, впервые за 30 лет своего развития пришла к интересным результатам. Уже этот факт сам по себе не маловажен, если учесть, что развитие единой теории поля последние годы являлось основной тематикой направления работ А. Эйнштейна.

Вместе с тем, сложность и многогранность вопроса приводит к тому, что сколько-нибудь полное и убедительное суждение как об уже полученных результатах, так и перспективах дальнейшего развития всего разрабатываемого Ю. Б. Румером направления может быть вынесено только после детального анализа работ Ю. Б. Румера. Подобный анализ далеко выходит за пределы простого ознакомления со статьями и должен, по существу, носить характер научно-исследовательской работы. К сожалению, мы в настоящее время так загружены другой работой, что совершенно не в состоянии провести подобное исследование.

Поэтому мы можем сейчас сделать лишь ряд конкретных замечаний, которые возникли в связи с чтением соответствующих статей. Поскольку эти замечания носят в основном специальный и иногда дискуссионный характер, нам казалось более целесообразным изложить их в особом письме к Ю. Б. Румеру, а не загромождать ими этот отзыв. Здесь мы хотим еще раз указать, что работы Ю. Б. Румера представляют, по нашему мнению, несомненный научный интерес, и профессору Румеру должны быть созданы условия, позволяющие продолжать исследование в данном направлении.

ПРОФЕССОР В. Гинзбург
ПРОФЕССОР М. Марков
19 января 1952 г.
Копия верна:

¹ Машинописный документ без подписей. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Скобельцын Дмитрий Владимирович (1892—1990) — русский советский физик-экспериментатор, специалист в области космических излучений и физики высоких энергий, академик. Директор Физического института им. П. Н. Лебедева РАН (1951—1972).

Ю. Б. Румер — Т. А. Мартыновой

Дорогая, Таня!¹

[кон. 1951—нач. 1952]

Прости, что не отвечал тебе. У меня осталось мало сил и я, вероятно, долго не протяну и не доживу до успеха моей 5-оптики. У меня к тебе большая просьба получить информацию по следующим вопросам и по порядку, возможно скорее ответить мне на них.

1. Узнай у Гинзбурга или у Маркова изменилось ли у физиков отношение к моей 5-оптике. Я послал последние мои работы Скобельцину и он поручил им дать отзыв. Этот отзыв прислали мне. С точки зрения научной он больше чем удовлетворительный, поскольку все направление исключительно дискредитировано. Секретари Обкома обычно находят, что содержание отзыва свидетельствует лишь о том, что эксперты страхуются и не берут на себя ответственности.

2. Узнай у них, не означает ли их отзыв, что мои статьи (VI и VII части «Действие как координата»), которые были у них на экспертизе, будут приняты редакцией Жур. Экспер. и Теор. Физики к печати, или они сами по себе, а редакция сама по себе. Не могут ли они принять меры к тому, чтобы работы были напечатаны?

3. 2 декабря [1951] я обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором просил его, в интересах развития науки, отдать распоряжение Отделу Науки ЦК разобраться в положении дела с 5-оптикой и организовать закрытую дискуссию. Ответа пока нет. Я очень хочу знать, является ли их отзыв некоторым следствием этого моего обращения (т. е. получил ли Скобельцын указание от Отдела Науки ЦК) или он действовал самостоятельно и отзыв Маркова и Гинзбурга является следствием моего письма Скобельцину.

4. Я написал небольшую книгу по 5-оптике, где дается углубленная проработка и систематическое изложение всей теории. В течение недели я пошлю рукопись в Физический институт АН с просьбой рассмотреть и дать рекомендации на издание. Узнай, могу ли я рассчитывать, что они не откажутся от труда ознакомиться с рукописью.

Передай привет твоей маме. Я крепко целую ее.

Не могу не верить, что 5-оптика все же в ближайшее время дойдет до сознания физиков, и я еще немного смогу пожить.

Крепко жму руку. Ю.

Конверт я надрезал сам, потому, что обнаружил, что вложил не то письмо.

¹ Рукописный документ, дата установлена из контекста. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Отзыв¹

о работах Ю. Б. Румера, посвященных общим вопросам теории полей

Рассматриваемый цикл работ Ю. Б. Румера посвящен разработке, так называемой, единой теории поля. Этим вопросом за последние 30 лет много занимались в мировой науке.

До сих пор, говоря об единой теории поля, имели в виду попытки объединить в единую теорию электромагнитные и гравитационные поля. Ю. Б. Румер ставит вопрос значительно более широко в смысле дальнейшего развития теории физических полей вообще. Развиваемая им теория, несомненно, совершенно оригинальна и разрабатывается автором на высоком научном уровне.

Следует отметить, что Ю. Б. Румер не ограничивается теорией в чисто классических рамках, как это делали все авторы до него, а предлагает очень своеобразный метод для перехода к квантовому рассмотрению.

Я лично никогда не занимался разрабатывающимся Ю. Б. Румером комплексом вопросов. Между тем, для сколь-нибудь окончательной оценки перспектив теории Ю. Б. Румера недостаточно простого ознакомления с его работами, а было бы необходимо вплотную заняться этими вопросами.

Мне представляется, однако, несомненным, что необходима дальнейшая разработка теории. Вполне возможно, что некоторые из заложенных в эту теорию идей могут сказать серьезное влияние на дальнейшее развитие теоретической физики.

21.03.1952

Л. Д. Ландау

Фейнберг Е. Л. — Румеру Ю. Б.²

15.04.1952

Дорогой Юрий Борисович!

Я был очень рад получить от Вас письмо. Я пользуюсь случаем сказать, что вся Ваша плодотворная научная деятельность последних лет, независимо от оценки дальнейших перспектив 5-оптики, не может не вызвать уважения и радостного удивления (при этом я имею в виду не только работы по 5-оптике, но и другие, менее широкие по своему значению, но весьма добротные и интересные).

Я не считаю себя вправе давать оценку 5-оптике. При недостаточности моей квалификации в этом круге вопросов, для сколько-нибудь серьезного суждения мне пришлось бы много поработать над Вашими статьями (не теряю надежды все же осуществить это). Однако выраженный в них общий замысел мне кажется вполне ясным. Изящество и свежесть всей схемы, как будто ни для кого не являются вопросом. Связь ее с волномеханическими представлениями, с одной стороны, и с «единополевыми» обобщениями, с другой, по-

¹ Машинописный документ без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

нятна и увлекательна. Осторожность, проявляемая физиками по отношению к Вашим идеям, объясняется просто тем, что до сих пор всякая новая концепция, вводящая новые постулаты, получала признание только после успеха в объяснении непонятных ранее фактов. Поэтому, мне кажется, признавая изящество концепции и получая удовольствие от чтения работ, в которых Вы ее последовательно и на столь высоком уровне развиваете, естественно, многие выжидают дальнейших результатов. Мне (и не только мне) кажется, что развязывание широкой публичной дискуссии было бы сейчас преждевременно. Конечно получение таких результатов возможно только если условия Вашей работы станут нормальными.

При этом, конечно, вовсе не обязательно работать в Филиале (что было бы хорошо, если бы не чинились препятствия). Широта Ваших интересов и Вашей квалификации, так наглядно продемонстрированная работами по аэродинамике и механике, а в последнее время опубликованными работами по тематике, далекой от 5-оптики, позволяют Вам претендовать на любое место, и можно быть уверенным, что на любом таком месте у Вас оставалось бы время для работы по 5-оптике. Хочется верить, что теперь, когда уже несколько лет подряд Ваши работы публикуются и Ваше имя стало широко известно, этот затянувшийся вопрос, наконец, будет решен.

О печатании Ваших статей в ЖЭТФе пока можете не беспокоиться. Две «квантовые» статьи уже поставлены в июньский номер и будут напечатаны. Ваше обращение ко мне с просьбой принять меры вообще было бы излишним напоминанием в любой ситуации. Добавлю, что, как мне кажется, было бы легче печатать статьи не по 5-оптике, или если бы статьи по 5-оптике перемежались другими. (Говорю это отнюдь не для того, чтобы отвадить Вас от 5-оптики).

В связи с Вашими выводами о существовании бета-электронов «II-го рода», обращаю Ваше внимание на статью Скобельцына в недавно вышедшем сборнике статей памяти Вавилова, изд. АН СССР. Он выдвигает гипотезу о том, что наблюдавшееся им в 1935 г. аномальное рассеяние бета-частиц в газе на самом деле было спонтанным распадом каких-то других частиц, вылетающих из бета-радиоактивного ядра в малом проценте. В опытах Алихановых, опровергавших аномальное рассеяние (1938—1940?), они принципиально не могли бы наблюдаться из-за иной методики (рассеяние в пластинке, где распад не успевает произойти).

Всего самого наилучшего.
Ваш Е. Фейнберг

Фейнберг Е. Л. — Румеру Ю. Б.¹

08.06.[1952]

Дорогой Юрий Борисович!

Меня очень тронула Ваша благодарность за то небольшое, что я мог сделать. Но, должен сразу сказать, меня пугают Ваши слова по адресу всех московских

¹ Рукописный документ на трех страницах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 26. Л. 2, 3.

физиков. Вы потрясающе несправедливы. Боюсь, что Дм. Дм.¹ (человек, несомненно, выдающихся душевных качеств), ничего не понял из того, что мы с Андреем объясняли ему целый вечер. Нельзя о сочувствии и о деятельном характере этого сочувствия судить по числу сочувственных восклицаний. Уверю Вас, что намечающаяся возможность улучшения условий Вашей научной работы, которая, конечно, в первую очередь обеспечена плодотворностью Вашего научного творчества, в некоторой мере связана и со стараниями Ваших друзей, которых Вы напрасно черните. Выйдет ли что-нибудь из Вашего переезда в более серьезный научный центр — трудно судить, но пытаться надо.

Позвольте мне перейти к Вашим научным делам. Ваша статья по теории металлов, как Вы знаете, вероятно, вышла в № 4 ЖЭТФ. Статьи по 5-оптике идут не вместе в одном, а последовательно, в двух №№. Я думаю, это даже лучше.

Против печатания статьи по сверхпроводимости Гинзбург и Ландау возражают. Они считают связь с 5-оптикой искусственной и не относящейся к существу вопроса. Пересылаю Вам письмо Гинзбурга. Имейте в виду, что экспансивный характер его письма, не полностью выписанные слова — его характерная особенность. Так, например, мне приходится получать от него письма с фразами вроде: «Сегодня черт. болезн. сост.» и т. д.

Статью «Оптико-механическая аналогия» я показывал Фоку. Он настроен мирно, но считает, что печатать не стоит, хотя и не возражает против печатания. Предлагает послать в математический журнал, чтобы они сами решили, если им интересно, то пусть печатают. Представлять же к печати не хочет. Я хочу передать ее, например, Рашевскому² вместе с другой статьей — «Тензорный анализ и мероопр. Ламэ», и считаю, что эта последняя имеет наибольшие шансы быть напечатанной.

Монография лежит, как Вы правильно предполагали. Вероятность ее публикации невелика, также, как обзора в «Успехах Физ. Наук».

Из этого моего обзора Вы видите, что отношение к 5-оптике господствует осторожно сочувственное. Мало кто верит в плодотворность этого направления, но все признают необходимым печатать в ЖЭТФе основные содержательные статьи. Поскольку обзоры в «Успехах» печатаются только по вещам устоявшимся и бесспорным, редакция не проявит достаточно смелости, чтобы напечатать небесспорную вещь.

Я хорошо понимаю, как Вы должны быть огорчены непризнанием, или, точнее, полупризнанием труда, отнявшего у Вас столько сил и столько души. Но я не верю, чтобы Вы всерьез могли бросить научную работу. Сейчас, когда в физике элементарных частиц происходят такие серьезные сдвиги, Вы, находясь на творческом подъеме, не можете отвернуться от физики. Фок, относясь скептически к 5-оптике, в то же время выражал надежду, что Вы проявите свою высокую квалификацию в других областях. К нему, а также к другим физикам, знающим Ваши работы, ценящим Вас, нельзя не присоединиться. Знаете ли Вы работы Гельфанда и его учеников по высшим спинам? Знаете ли Вы про новую физику релятивистской электродинамики и проблемы теории мезонов (рабо-

¹ Дмитрий Дмитриевич Саратовкин.

² Рашевский Петр Константинович (1907—1983) — советский математик, геометр, доктор физико-математических наук (1938), профессор, Заслуженный деятель науки.

ты Швингера¹, Дайсона², Томонаги³, Галанина⁴ и т. д. и т. п.)? Конечно, знаете. Неужели они Вас не интересуют? Разумеется, пока Вы были взасос погружены в 5-оптику, ничто не могло Вас отвлечь. Но теперь Вы считаете основную работу по 5-оптике законченной. Как же можно продолжать отмахиваться от новых течений в физике? Пусть они кажутся Вам второстепенными по сравнению с 5-оптикой. (Я думаю, Вы не правы). Отмахнуться от них нельзя даже с точки зрения 5-оптики. В самом деле, проблема соединения в единую теорию тяготения и э.-м. поля была центральной, пока эти два поля исчерпывали известные нам виды полей. Но теперь открыты мезонные поля, причем мезоны каждой массы, каждого спина и т. п. дают свое поле. Почему же тяготение и фотоны поставлены в исключительное положение? Я знаю, что в некоторой мере ответ на этот вопрос в 5-оптике дается. Но только мне кажется, это далеко не полный ответ.

Я много жду от Вашей работы по теории элементарных частиц, хотя Вы показали и диапазон своих других возможностей — от аэродинамики до общей теории относительности.

Простите, пожалуйста, что я не сам вписал во все экземпляры Ваших статей формулы и рукописи, как пожелал Андрей, пересылающий Вам. Я ужасно занят всякой «мурой» на работе, буквально нет времени продохнуть.

Всего наилучшего.
Ваш Е. Фейнберг

Фейнберг Е. Л. — Румеру Ю. Б.⁵

Дорогой Юрий Борисович!

10.08.52

Я был болезненно поражен нотами пессимизма, чуть ли не отчаяния, прозвучавшими в последнем Вашем письме. Мне казалось, что творческий подъем, который Вы переживаете, исключает подобные настроения. Да и личные мои впечатления были совершенно иными. Что же такое произошло за это время? Вы, вероятно, знаете, что на ваш прямой вопрос — сможете ли Вы на этот год считать себя обеспеченным материально — Вы получаете положительный ответ. Раньше Вы собирались написать письмо, обращающее внимание на ненормальность теперешнего состояния. Действительно, то, что Вы физик-теоретик

¹ Швингер Джулиан Сеймур (1918—1994) — американский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 1965 года «За фундаментальные работы по квантовой электродинамике, имевшие глубокие последствия для физики элементарных частиц» совместно с Ричардом Фейнманом и Синъитиро Томонагой.

² Дайсон Фримен Джон (1923—2020) — американский физик-теоретик английского происхождения. Член Лондонского королевского общества (1952) и Национальной академии наук США (1964). Один из создателей квантовой электродинамики.

³ Томонага Синъитиро (1906—1979) — японский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 1965 г. «За фундаментальные работы по квантовой электродинамике, имевшие глубокие последствия для физики элементарных частиц» совместно с Дж. Швингером и Р. Фейнманом.

⁴ Галанин Михаил Дмитриевич (1915—2008) — советский и российский ученый-физик, член-корреспондент РАН, профессор МФТИ.

⁵ Рукописный документ на трех страницах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 26. Л. 5, 6.

мирового уровня, необычайно повысивший свою квалификацию именно в последние годы, способный работать в любой области абстрактной и прикладной теоретической физики, то, что Вы до сих пор не используетесь советскими научными организациями, нелепость и преступное расточительство. Именно на это Вы собирались обратить внимание адресата.

Вместо этого Вы вновь поднимаете вопрос о признании или непризнании 5-оптики.

Кстати, ответ на критику Гинзбурга и Маркова, по моему (и по мнению М.А.М.) составлен неудачно в том смысле, что Вы излишне фиксируете внимание на вопросе о магнитном моменте. Не стоит это особенно подчеркивать и выделять.

Ваши статьи в ЖЭТФ, вероятно, пойдут обычным порядком. Это значит, что рассчитывать на их появление в этом году невозможно, скорее всего, это будет возможно в первом квартале будущего года.

Меньшов¹ интересуется Вашими работами по 5-оптике, и многие из них читал. И, конечно, отсутствие оттисков — нелепо мелкая причина — затрудняет иногда их изучение.

В УМН Ваши статьи передали на рецензирование кому-то другому.

Если действительно будет в Москве организована дискуссия по 5-оптике, то это вряд ли приведет к триумфальному признанию этой теории. Подчеркиваю, авторитетные физики-теоретики очень уж загружены работой. Но если дискуссия состоится, будь что будет.

Всего наилучшего. Желаю Вам бодрости и успеха.

Ваш Е. Фейнберг.

Стенограмма дискуссии по пятиоптике (фрагмент)²

Заседание при Отделении физико-математических наук АН СССР

Москва, 11 декабря 1952 г.

Председатель Добротин Н. А.

Участники дискуссии: Д. Д. Иваненко, Я. А. Смородинский, А. А. Соколов, Я. П. Терлецкий, Л. Д. Ландау, М. Ф. Широков, М. А. Марков, Е. М. Лифшиц, И. Я. Померанчук, Е. Л. Фейнберг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что особенно больших разногласий, за исключением только, к сожалению, отсутствующего В. А. Фока нет. Все товарищи считают, что при том положении, которое сейчас имеется в теоретической физике, существенно полезно и нужно продолжать разрабатывать это направление, хотя сейчас еще было бы преждевременно утверждать, что на этом пути можно найти решение тех трудностей, которые стоят перед теоретической физикой.

¹ Меньшов Дмитрий Евгеньевич (1892—1988) — математик, член-корреспондент АН СССР (1953). Автор ряда фундаментальных результатов и трудов в области тригонометрических рядов.

² Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2. Л. 17—62. Рукописный вариант доклада Ю. Б. Румера имеется в деле (л. 63—71), не использован по причине трудности прочтения текста.

Мне кажется, что было бы полезно, если бы Юрий Борисович, пользуясь своим присутствием в Москве, провел бы в рабочем порядке, получастные беседы с рядом товарищей, с которыми он ближе всего должен по характеру своей работы беседовать. Это принесет пользу как самому Юрию Борисовичу, так и всем товарищам, которые в этом направлении работают. Но помимо этого было бы полезно, если бы мы поручили всем товарищам подвести итоги тому обсуждению, которое было. Я думаю, что поскольку эта теория напечатана в ряде статей, поскольку мы надеемся, что работа в этом направлении будет продолжаться, то это было бы полезно.

Поэтому я думаю, что если попросить Л. Д. Ландау, М. А. Маркова, Я. П. Терлецкого, М. Ф. Широкова, — для координации Рожанского из аппарата Президиума — провести это. Поскольку я присутствую от Бюро Отделения, то может быть и мне также просить товарищей за полторы-две недели, помимо стенограммы, сделать резюме.

Есть какие-нибудь еще предложения и замечания?

С места: А как В. А. Фок?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У нас есть его отзыв. Конечно, мнение Владимира Александровича будет учтено и с ним будет установлена связь.

Д. Д. ИВАНЕНКО: Может быть, просить комиссию учесть работы Родичева, которые не обсуждались, но которые близки. Это было бы поддержкой его направления. Они фактически сюда входят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если других предложений нет, разрешите благодарить участников совещания и на этом его закрыть.

Отзыв¹

о монографии проф. Ю. Б. Румера «Исследования по 5-оптике»²

Ознакомившись, по предложению директора ФИАН академика Д. В. Скобельцина, с рукописью монографии Ю. Б. Румера «Исследования по 5-оптике», мы можем отметить следующее.

В течение последних 5 лет в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» было опубликовано 10 статей Ю. Б. Румера, посвященных так называемой 5-оптике, представляющей собой новый оригинальный вариант пятимерной теории поля. Монография «Исследования по 5-оптике» базируется на этих работах и посвящена систематическому изложению основных положений 5-оптики.

Целый ряд вариантов пятимерной или единой теории поля, предлагавшихся разными авторами в прошлые годы, не привел к интересным физическим результатам. По этой причине в последнее время внимание к подобным попыткам сильно ослабло. Однако идеи пятимерной теории тем самым по существу не были дискредитированы и развитие пятимерных теорий мо-

¹ Машинописный документ на двух листах без подписей авторов. Дата не установлена. В конце документа после слов Копия верна: фиолетовыми чернилами подпись Ю. Б. Румера. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Румер Ю. Б. Исследования по 5-оптике. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1956. 152 с.

жет оказаться обещающим. Доказательством тому как раз и являются работы Ю. Б. Румера, который, выдвинув ряд новых идей, продвинулся в развитии теории значительно дальше своих предшественников. Нам не кажется уместным и возможным останавливаться в настоящем отзыве на изложении и анализе основных идей, методов и результатов 5-оптики и мы ограничимся указанием, что исследование этих вопросов проводится Ю. Б. Румером на высоком научном уровне и что ряд его результатов (интерпретация 5-ой координаты как действия, геометрическая интерпретация постоянной Планка, анализ корпускулярно-волновой аналогии в 5-пространстве и др.) представляет, по нашему мнению, несомненную научную ценность. Вместе с тем, 5-оптика сталкивается с известными затруднениями и еще недостаточно развита для того, чтобы можно было выяснить ее плодотворность с точки зрения решения актуальных физических проблем. Подобное выяснение является задачей дальнейших исследований, проведение которых представляется целесообразным. Как известно, именно такой вывод и был сделан в результате специального совещания физиков-теоретиков, созванного Отделением физико-математических наук АН СССР 11 декабря 1952 г. в Москве. С этой точки зрения, то есть имея в виду задачи дальнейшего развития теорий, нам и представляется уместным издание рецензируемой монографии Ю. Б. Румера. Появление этой монографии дает возможность ознакомиться с основами теории быстрее и лучше, чем это возможно по журнальным статьям, где от статьи к статье вводились известные изменения, имеются естественные в таких случаях устаревшие элементы и т. п.

Монография написана хорошо и в целом не вызывает особых возражений. Ряд редакционных замечаний сделан нами на полях; более существенные замечания, касающиеся соотношения между конфигурационным и фундаментальными пространствами, калибровки потенциалов в мезодинамике и некоторых других вопросов также сделаны на полях и будут, кроме того, сообщены автору особым письмом. Помещать эти замечания в настоящем отзыве нам представляется излишним, так как они не меняют сделанной выше положительной оценки монографии в целом. Таким образом, мы считаем, что издание монографии Ю. Б. Румера вполне уместно и будет полезным с точки зрения дальнейшего исследования этого круга вопросов.

Профессор В. Л. Гинзбург
Профессор М. А. Марков

Ю. Б. Румер — Мартыновой Т. А.¹

[1954]

Дорогая моя Танечка!

Узнай у Макара, что происходит с моей монографией по 5-оптике. После заключения со мной договора, мне прислали две глупейшие рецензии, инспирированные из окружения Фока. Опровергнуть эти рецензии не составило, конечно, труда и я это сделал. Авторы не дали себе труда вникнуть в содержание 5-оптики и выставляют совершенно нелепые доводы, приписывая мне то, чего нет в книге.

¹ Рукописный документ, дата установлена из контекста. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Как я тебе уже писал, мой волевой напор под влиянием заговора молчания и глупейших возражений сильно ослабел. Конечно, я и сейчас убежден, что 5-оптика — это крупное открытие, которое дождется признания. Если монография будет отвергнута, то я всю мою переписку с издательством передам на рассмотрение в Отдел Науки ЦК, т. е. буду действовать так, как мне велит долг ученого. Но я хотел бы узнать непосредственно у Макара¹, в чем дело. Ведь об отношении Фока к 5-оптике знают решительно все, в том числе и Суворов. Он имел с Фоком беседу до заключения со мной договора, и тогда Фок был настроен мирно.

Я получил от Тамма приглашение принять участие во всесоюзном совещании по теории элементарных частиц² в январе следующего года. Поскольку меня приглашают представить доклад, я считаю, что 5-оптика в каком-то смысле котируется.

Короче говоря, я мало что знаю и непосредственная информация от Макара была бы очень для меня ценной.

Я воздерживаюсь от того, чтобы написать ему частное письмо, поскольку всю переписку с Издательством по вопросу о моей монографии собираюсь послать в ЦК.

Поэтому пишу только тебе.

Спасибо тебе, Танечка, за телеграмму из Курска. Хочу верить, что если я дожил до этого, то доживу и до признания 5-оптики.

Крепко обнимаю тебя, Юра.

Б. Н. Делоне — Румеру Ю. Б.³

Глубокоуважаемый Юрий Борисович,

ничего нет удивительного, что ни А. Н. Колмогоров⁴, ни П. С. Александров ничего Вам не ответили. Вы послали им письмо как раз когда они оба уже уехали в Стокгольм для прочтения там месячных, или полуторамесячных курсов.

Насколько я знаю, Колмогоров приедет в Москву числа 20—25 октября и вскоре затем уедет для того же в Париж, где, кроме того, его будут делать почетным доктором Сорбонны, для чего он уже достал себе фрак. Когда вернется П. С. Александров — не знаю. Во всяком случае, оба мне сообщили, что они ждут от Вас письма и приветствуют прочтение Вами в МГУ (на кафедре высшей геометрии, о чем состоялось решение на заседании кафедры, где я это предложил; кафедру эту возглавляет П. С. Александров) предлагаемого Вами курса по Вашей пятиоптике.

Недавно я говорил о Вашей пятиоптике с А. Д. Александровым — он говорит, что это формальная, но интересная теория.

¹ Личность не установлена.

² Всесоюзное совещание по квантовой электродинамике и теории элементарных частиц (Москва, Академия наук СССР. 31.03—7.04.1955 г.)

³ Рукописный документ на двух страницах. Синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

⁴ Колмогоров Андрей Николаевич (1903—1987), математик, один из крупнейших математиков XX века, один из основоположников современной теории вероятностей, им получены фундаментальные результаты в ряде других областей математики и ее приложений.

Наконец, я говорил о пятиоптике с Н. Н. Боголюбовым. Он сказал, что это возмутительно, что когда Вы приезжали на конференцию, то Вас уже мало кто слушал, т. к. все устали, а между тем, по его мнению, Ваша пятиоптика, хотя и формальная теория, но представляет очень большой интерес.

Итак, думаю, что и Колмогоров, и Александров П. С. Вам ответят, как только вернуться. П. С. Александрову я об этом напомню, как только узнаю, что он в Москве.

Ваш Б. Делоне¹

13.10.1955

Глава 9. СО АН СССР

Президиум Академии Наук Союза ССР²
Распоряжение № 9-560

г. Москва

28 марта 1953 года

Утвердить доктора физико-математических наук Румера Ю. Б. в должности старшего научного сотрудника Западно-Сибирского филиала АН СССР. В связи с этим предоставить Совету филиалов АН СССР для Западно-Сибирского филиала дополнительно одну штатную единицу.

Президент

Академии наук СССР, академик А. И. Несмеянов

Главный ученый секретарь

Президиума Академии наук СССР, академик А. В. Топчиев

Разослано: Румеру, Западно-Сибирский филиал,
Совет филиалов, ФИНО, центральная бухгалтерия,
Управление кадров.

Правительственная телеграмма³

Правительственная

Новосибирск филиал Академии наук Родионову
пр Москвы 71/002 12 5 2125

Прошу командировать Москву Румера Академик Топчиев

Г. В. Кривоцекову: Прошу оформить. 7.09.53. [подпись Родионова]

¹ Делоне Борис Николаевич (1890—1980) — математик, член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Сын математика Николая Делоне, отец физика Николая Делоне, дед поэта и правозащитника Вадима Делоне. В 1947—1948 годах первый заведующий кафедрой высшей математики ФТФ МГУ (МФТИ).

² Машинописный документ на бланке. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

³ Документ на бланке Министерства связи СССР. В левом верхнем углу наискось фиолетовыми чернилами надпись — Г. В. Кривоцекову, прошу оформить, подпись без расшифровки (вероятно, Родионова) и дата 7.09.53 г. Ниже черный штамп МСК 2/127 и пометка простым карандашом. Внизу документа фиолетовый штамп Зап.-Сиб. филиала АН СССР ПОЛУЧЕНО и на нем проставлена фиолетовыми чернилами дата 7 IX 1953 и № 212. Под штампом роспись без расшифровки.

В Президиум Верховного Совета СССР

от профессора — доктора Румер Ю. Б.,
старшего научного сотрудника
Западно-Сибирского филиала
Академии Наук СССР
г. Новосибирск,
Красный проспект, 64, кв. 54

Заявление¹

02.1954

Я был арестован в апреле 1938 года и в мае 1940 года заочно осужден военной коллегией Верховного Суда к десяти годам лишения свободы. Все годы лишения свободы я проработал в качестве специалиста 4-го Спецотдела НКВД на ряде авиационных заводов, возглавляя бригаду вибропрочности. Условия, в которых я находился, позволили мне успешно продолжать мою научно-исследовательскую работу. По истечении десяти лет я был направлен в 1948 году на поселение в город Енисейск, где получил место профессора Учительского института. По ходатайству покойного академика С. И. Вавилова я был переведен на жительство в город Новосибирск, где работаю сейчас в филиале Академии наук. За время с 1948 года я опубликовал 23 научные работы по физике. В декабре 1952 года я был вызван в Москву на дискуссию, организованную Академией наук по моим научным работам, в результате которой мне было рекомендовано продолжать мои исследования в области теории элементарных частиц. В июле 1953 года я получил допуск к закрытым и секретным работам. В сентябре 1953 года Министерство культуры восстановило меня в правах и званиях профессора и доктора с непрерывным стажем с 1935 года.

Принимая во внимание:

- 1) что с большинства специалистов 4-го Спецотдела в настоящее время снята судимость,
- 2) что я нахожусь в расцвете моих творческих сил и что я как ученый стал широко известен физикам и математикам нашей страны, о чем могут засвидетельствовать хорошо знающие меня Герои Социалистического труда академики И. Е. Тамм и Л. Д. Ландау,
- 3) что наличие у меня судимости затрудняет мне педагогическую деятельность в вузах и мешает мне передавать мои знания молодежи,

прошу Президиум Верховного Совета: снять с меня судимость и восстановить в правах.

Ю. Румер

¹ Машинописный документ на двух листах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 8, 9. Слева в верхнем углу от руки Юрием Борисовичем проставлена дата составления документа — февраль 1954 г. и сделана приписка «10 июля 1954 г. последовала полная реабилитация».

Научная характеристика¹
профессора Ю. Б. Румера

Ю. Б. Румер является одним из выдающихся советских физиков-теоретиков. Он работает в области теоретической физики свыше четверти века и ему принадлежат многочисленные работы в различных областях этой науки. Его работы характеризуются разнообразием тематики и многие из них представляют значительный вклад в мировую науку. Ему принадлежат существенные работы в области элементарных процессов (теория так называемых, «ливней»), теории твердого тела (взаимодействие колебаний, теория магнетизма), гидродинамики. Кроме того, им в последние годы была сделана попытка создать новое направление в области теории элементарных процессов (так называемое «пятимерье»).

Надо отметить, что большое количество работ было сделано Ю. Б. Румером в последние годы, и он в настоящее время находится в расцвете своих научных сил.

Герой соц. труда
академик Л. Д. Ландау
08.02.1954

В редакцию «Успехи физических наук»²

Статья Ю. Б. Румера «Термодинамика плоской дипольной решетки» содержит оригинальное изложение работ по статистической термодинамике плоских решеток, проводившихся в последние годы рядом авторов, главным образом Онсагером. Ю. Б. Румеру удалось достичь весьма существенного упрощения чрезвычайно сложного математического аппарата, который был использован в оригинальных работах указанных авторов, и в таком виде эта область стала доступной всякому физическому-теоретику.

По моему мнению, статья Румера несомненно должна быть напечатана в «Успехах», тем более, что результаты излагаемых им работ могут иметь весьма существенное общее значение для теории фазовых переходов второго рода в кристаллах. На мой взгляд, следовало бы при этом просить автора несколько дополнить раздел «Введение» так, чтобы более ясно указать общетеоретический смысл этих работ и их роль для теории фазовых переходов.

Академик Л. Ландау
8 февраля 1954 г.

¹ Машинописный документ без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

Отзыв¹

о научной деятельности Ю. Б. Румера

Юрий Борисович Румер является крупным физиком-теоретиком. Его работы довоенного периода относились преимущественно к квантовой теории; наиболее известны его работы по квантовой теории химической валентности и по теории ливней космических лучей (последняя совместно с Л. Д. Ландау), результаты которых прочно вошли в научную литературу.

В период с 1948 г. по настоящее время научная деятельность Румера протекала и протекает очень плодотворно. В ней можно отметить три направления.

Во-первых, он за это время выдвинул и развил в 11 печатных работах оригинальную идею, так называемой «пятиоптики», касающуюся самых основ современной физической теории. Если эта теория окажется соответствующей действительности, то она позволит объединить в единое целое механику и электродинамику и будет знаменовать собою очень существенный этап в развитии физики. Ввиду чрезвычайной сложности проблем, связанных с этим циклом работ Ю. Б. Румера, в настоящее время нельзя еще установить, в какой мере его идеи соответствуют действительности; однако, несомненно нужно всячески поддерживать дальнейшие исследования Румера по его «пятиоптике».

Во-вторых, он опубликовал в 1948—1951 гг. две очень интересные работы по статистической механике, в которых ему удалось с помощью одного найденного им эффективного математического метода получить новые научные результаты, в частности, в теории магнетизма.

В-третьих, Ю. Б. Румер опубликовал в 1952 и 1953 гг. две работы по гидродинамике, в которых ему удалось точно решить задачу о струе в однородной жидкости и в растворе.

Из изложенного вытекает, что научная деятельность Ю. Б. Румера за последние годы протекает весьма плодотворно и находится на подъеме.

Академик И. Тамм
10 февраля 1954 г.

Ю. Б. Румер — Мартыновой Т. А.²

Дорогая Танечка!

У нас все в порядке, и жизнь перешла к решению очередных малых проблем, поскольку основная и главная проблема была решена год назад. Я соблюдаю то, что обещал: не искать славы, как только получу службу. Поэтому ни с кем из физиков не имею контакта, как только уезжаю из Москвы.

Тяжелое впечатление произвела на меня Мила³. Она всегда была фантазеркой; все ей что-то мерещилось, почему то она себя считала особенной и выдающейся. А в старости это производит жуткое впечатление. Она утверждает,

¹ Машинописный документ на двух листах без подписи. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ на двух листах. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Первая жена Ю. Б.

что хотела найти пути ко мне; вместо этого она лишь плохо говорила о близких мне людях. Я совершенно не знаю, как и о чем ей писать; или пишу ей, как пишется. Тебя я, к радости, застал в лучшем состоянии, чем в прошлый раз. И спокойнее, и уверенней. Думаю, что это не случайно, а длительно. Лишь бы ты нашла полное удовлетворение в своей работе.

Миша наш становится все интереснее. За последнее время увлечение немецким языком; все спрашивает, как это называется по-немецки. Мне, конечно, кажется, что он проявляет большие способности; что касается памяти, то она у него, безусловно, есть.

К осени мы ждем второго ребенка. Дау узнав об этом от меня, воскликнул: «Как быстро ты размножаешься, Румочка!».

После приезда из Москвы никак не могу по-серьезному включиться в работу. Вот и это письмо пишу тебе в своем рабочем отдельном кабинете, а на столе лежат листы незаконченных рукописей, отдельных приметок, отдельных разрозненных попыток привыкшего к работе мозга прочитывать в зачати бытия.

Роберт¹ как-то сказал: «От хорошей жизни 5-оптику не выдумаешь». Неужели наступившая хорошая жизнь захлестнет былой творческий напор?

Крепко тебя обнимаю и целую тебя и маму.

Юра [лето 1954]

МВД СССР Копия.

Управление
Внутренних дел
по Новосиб. обл.
2 августа 1954 г.
№
г. Новосибирск

Видом на жительство служить
не может
При утрате не возобновляется

СПРАВКА²

Выдана РУМЕР Юрию Борисовичу, 1901 г. рождения, урож. города Москвы в том, что он с 13 июля 1950 года по август 1954 года находился в ссылке на поселении в Новосибирской области. Освобожден согласно определению Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 10 июля 1954 года в связи с прекращением дела, за недоказанностью обвинения.

п. п. Зам. начальника отдела УМВД
по НСО полковник Басов

Гербовая печать
Управление МВД по Новосибирской области.
Верно:

¹ Роберт Бартини.

² Машинописный документ. Слева внизу синяя гербовая печать — Академия наук СССР Западно-Сибирский филиал. Подпись от руки синими чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

И. Е. Тамм — Румеру Ю. Б.¹

Дорогой Юрий Борисович!

Некий студент МГУ, по-видимому, Ваш протеже, чрезвычайно меня обрадовал, сообщив о Вашей полной реабилитации и о вашем Новосибирском благополучии. Примите мои наилучшие приветствия.

Теперь о совещании теоретическом². У него очень четко очерчена программа и очень напряженная повестка (уже заявлено около 60 докладов), которую с трудом придется втискивать во временные рамки. Поэтому, по моему мнению, и, судя по предварительному опросу, по мнению ряда других членов Оргбюро совещания, на нем не представляется возможным организовать какой либо специальной дискуссии по 5-оптике. Вместе с тем, я полагаю с большой степенью уверенности, что при утверждении повестки совещания Оргбюро включит Ваш доклад в обычном порядке дня.

Очень жалею, что мы с Вами в этом году разъехались на Алтае — когда я возвращался из альплагеря через Бийск, я узнал, что Вы совсем недалеко на Телецком.

Всего наилучшего
Ваш И. Тамм [1954]

В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР³

От профессора-доктора РУМЕР Ю. Б.
ст. научного сотрудника ЗСФАН

З А Я В Л Е Н И Е

11 августа 1954 г. в Управлении КГБ по Новосибирской области мне под расписку объявлено, что по протесту Главного военного прокурора Военная Коллегия Верховного Суда СССР 10 июля 1954 г. определила: приговор, вынесенный мне в 1940 году, отменить, дело по обвинению меня по ст. 58, пункт б и 11 Уголовного Кодекса прекратить в связи с недоказанностью обвинения.

Одновременно мне под расписку объявлено об отмене ссылки и полной реабилитации со всеми вытекающими из этого факта последствиями, как-то: восстановление непрерывного трудового стажа и права на получение денежной компенсации за причиненный мне материальный ущерб.

¹ Рукописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

² Всесоюзное совещание по квантовой электродинамике и теории элементарных частиц, Москва, 31.03—07.04 1955 г.

³ Машинописный документ на двух листах. На первом листе в левом верхнем углу рукой Ю. Б. сделана надпись (простым карандашом) — Послана 17 августа с препровод. письмом Т. Ф. Горбачева и далее фиолетовыми чернилами — Председателя Президиума ЗСФАН'а. На втором листе роспись фиолетовыми чернилами Ю.Б. и дата 16/VIII 54. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Принимая во внимание:

1. Что в момент ареста в апреле 1938 года я работал в должности старшего научного сотрудника Физического института им. П. Н. Лебедева Академии наук СССР.
2. Что к моменту полной реабилитации в июле 1954 г. я работаю в должности старшего научного сотрудника Западно-Сибирского филиала АН СССР.
3. Что за время с 1938 по 1954 год я не прекращал научно-исследовательской работы, что могут удостоверить академики Б. С. Стечкин и М. В. Келдыш, и что результаты моих исследований были опубликованы в многочисленных статьях в изданиях Академии наук 1948—1953 г. г.

Прошу Президиум Академии наук вынести следующее определение:

«Принимая во внимание, что в настоящее время доктор физико-математических наук, профессор Румер Ю. Б. полностью реабилитирован, считать его научно-исследовательскую работу за период времени с 28 апреля 1938 по 28 марта 1953 года выполненной в системе Академии наук и установить ему непрерывный трудовой стаж с сентября 1934 года, то есть с момента начала его работы в Физическом институте им. П. Н. Лебедева».

Доктор физико-математических наук
профессор Ю. Б. Румер
16.08.1954

В Совет филиалов Академии Наук СССР¹
В Президиум Западно-Сибирского филиала АН СССР

Настоящим сообщаю о следующих изменениях в анкетных данных, которые прошу приобщить к моему личному делу.

11 августа 1954 года в 5 отделе Управления КГБ по Новосибирской области мне под расписку объявлено, что по протесту Главного Военного Прокурора Военная коллегия Верховного Суда СССР 10 июля 1954 года определила: приговор, вынесенный мне в 1940 году отменить, дело по обвинению меня по ст. 58, пункт 6 и 11 Уголовного Кодекса прекратить в связи с недоказанностью обвинения. Одновременно мне под расписку объявлено об отмене ссылки и полной реабилитации со всеми вытекающими из этого факта последствиями, как-то: восстановление непрерывного трудового стажа и права на получение денежной компенсации за причиненный мне материальный ущерб.

Доктор физико-математических наук,
профессор
Ю. Б. РУМЕР

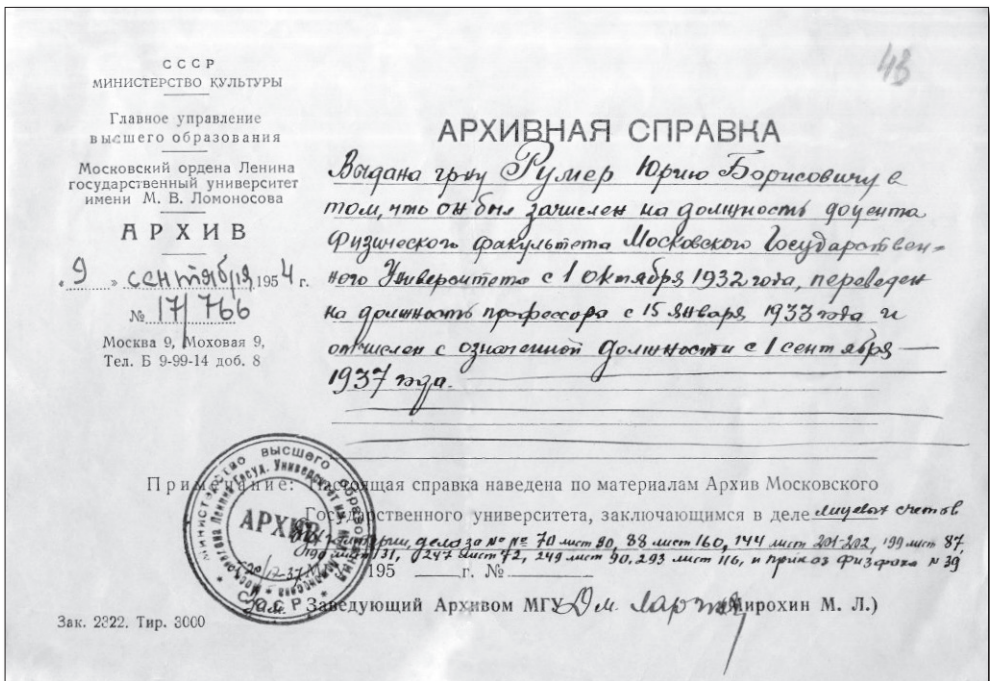
¹ Машинописный документ, подписан фиолетовыми чернилами Ю. Б. Румером собственноручно. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

ПРОКУРАТУРА¹
Союза Советских Социалистических республик
ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
19 августа 1954 г.
2/2 ж № 46203-40
Москва ул. Кирова 41
При ответе ссылайтесь на наш номер и дату
м. б. 18.8.

Гр-ну Румеру Юрию Борисовичу.

Сообщаю, что определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 10 июля 1954 г. дело в отношении Вас прекращено.

Военный прокурор отдела ГВП подполковник юстиции Бирюков.

Архивная справка 09.09.1954 г.²

¹ Машинописный документ на бланке. Даты, номера и подпись — от руки, синие и фиолетовые чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Академия наук СССР
Физический институт им. П. Н. Лебедева.
10.IX.1954.
№ 112-06
Москва 134 почт. ящик № 1580
Тел. доб. 2-78

СПРАВКА¹

Дана тов. Румеру Ю. Б. в том, что он действительно работал в физическом Институте им. П. Н. Лебедева Академии Наук СССР в должности старшего научного сотрудника с 13.I. 1935 по 14.V.1938 г. с окладом (прочерк) рублей в месяц.

Справка дана для представления в Западно-Сибирский филиал АН СССР.

Зав. столом личного состава ФИАН (подпись неразборчива).

В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ²
(Ваш: 2/2ж № 46203 от 19 августа 1954 года)

от РУМЕР Юрия Борисовича
Новосибирск, Красный проспект, 64, кв. 54.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с Вашим уведомлением препровождаю копию моего заявления в Президиум АН СССР и прошу:

предложить Президиуму Академии наук СССР восстановить мне непрерывный трудовой стаж работы в системе Академии наук, поскольку вынужденный перерыв с 28 апреля 1938 года по 28 марта 1953 года составляет из десяти лет лишения свободы и последующих пяти лет ссылки с поражением в правах.

Доктор физико-математических наук
профессор /Ю. Б. Румер/
27 сентября 1954
г. Новосибирск

ОТЗЫВ³

о работах в области магнетизма профессора, доктора физико-математических наук Юрия Борисовича РУМЕРА.

Среди многочисленных работ известного советского физика-теоретика Ю. Б. Румера четыре исследования посвящены вопросам магнитных свойств системы электронов в металлах (электронного газа). А именно:

¹ Рукописный документ выполнен фиолетовыми чернилами на бланке. Подпись заверена круглой фиолетовой печатью ФИАН. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный документ. Простым карандашом вставлена дата — 27 рукой Ю. Б.

³ Машинописный документ на четырех листах. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 11—14.

1. «К теории магнетизма электронного газа», ЖЭТФ, 18, 1081—1905, 1948 г.
2. «Периодическая зависимость магнитной восприимчивости от поля при низких температурах», ЖЭТФ, 20, 573, 1950 г.
3. «К термодинамике электронного газа», ЖЭТФ, 19, 757—759, 1949 г.
4. «К термодинамике Бозе-газа», ЖЭТФ, 20, 807—810, 1950 г.

Хорошо известно, что магнитные свойства металлов давно уже привлекают внимание физиков. Развитие современной квантовой теории твердого тела началось с разработки теории магнитных свойств системы электронов твердого тела (работы Я. Г. Дорфмана¹, В. Паули, Л. Д. Ландау и др.). Из основных положений квантовой механики можно получить, как следствие, что даже свободный газ электронов обладает весьма интересными магнитными свойствами, которые нельзя было совершенно объяснить в рамках классической теории. Если отвлечься от межэлектронного взаимодействия и от взаимодействия электронов с ионной решеткой (случай так называемого приближения свободных электронов), то можно показать, что электронный газ обладает диамагнитными свойствами (диамагнетизм Ландау). При учете существования электронных спинов можно рассчитать парамагнитную восприимчивость этого газа (парамагнетизм Дорфмана—Паули).

Однако до работы Ю. Б. Румера задачи диамагнетизма и парамагнетизма электронного газа рассматривались обычно отдельно и, как правило, для ограниченного диапазона изменения температуры и напряженности магнитного поля. Наиболее полный и математически строгий расчет магнитных свойств «свободного» электронного газа и был произведен Ю. Б. Румером (см. первую из цитированных работ).

Автор исходит из общей термодинамической формулы и определяет магнитную восприимчивость как произведение обратной величины магнитного поля на производную давления по полю при постоянных температуре и химическом потенциале. При вычислении давления как функции поля, автор предложил очень остроумный математический прием (интегрирование в комплексной плоскости), который позволил получить ему в очень компактной форме некоторую вспомогательную «сумму состояний», из которой далее определяются все необходимые термодинамические величины электронного газа. При этом вначале автор пренебрегает лишь межэлектронным взаимодействием, не считая, однако электроны свободными. Затем результаты общего расчета применяются специально для вычисления магнитных свойств «свободного» электронного газа; как при абсолютном нуле температур, так и при температурах ниже и выше температуры вырождения в области слабых и сильных полей. Самым ценным в этом расчете является его математическая общность и корректность. Физическим достоинством расчета является то, что в нем нет ограничений в изменениях температуры и величины напряженности поля и что нет искусственного разделения в рассмотрении пара- и диамагнитных свойств.

Расчеты автора в значительной части доведены до числа. Кроме того, в конце работы приведены математические приложения, весьма полезные для читателя и в связи с другими возможными расчетами по теории электронного газа.

¹ Дорфман Яков Григорьевич (1898—1974) — советский физик, специалист в области магнетизма, физики твердого тела и истории физики.

Во второй работе (см. вторую цитированную статью) автор показывает, что из общих результатов его первой работы вытекает естественное объяснение периодической зависимости магнитной восприимчивости электронного газа от напряженности магнитного поля в области низких температур. Этот вывод теории находится в хорошем количественном согласии с известными опытами советских исследователей Б. И. Веркина¹, Б. Г. Лазарева² и Н. С. Руденко (см. например, ЖЭТФ, 20, 93, 1950 г.).

В третьей работе (см. третью статью из цитированных выше) автор развивает математическую разработку своей теории. В ней им показано, что его «сумма состояний» при любой температуре может быть вычислена через аналогичную величину, взятую для абсолютного нуля. В работе сформулированы общие свойства этой величины и рассмотрены некоторые, частичные случаи электронных газов.

В четвертой работе (см. четвертую ссылку выше) автор на основе полученных им в предыдущих работах результатах исследует явление «конденсации» Бозе-газа и влияние на температуру «конденсации» внешних параметров. Эта работа представляет интерес при трактовке систем Бозе-частиц. В частности, для элементарных возбуждений (квази-частиц), в ферромагнитных (спиновые волны или ферромагноны) в жидком гелии ^4He . Эта работа, так же как и предыдущие, отличается изяществом математических расчетов.

Все работы, несомненно, представляют большой интерес для теории магнетизма и теории конденсированных фаз (твердых и жидких тел) в целом. В них автором решены важные конкретные физические задачи (по расчету магнитных восприимчивостей, температур конденсации и др.) на основе ясных физических предпосылок и при строгом математическом оформлении.

В заключение можно с полным основанием утверждать, что автором Юрием Борисовичем Румером проделана очень хорошая работа по теории магнетизма, заслуживающая самой высокой оценки.

Следует настоятельно пожелать автору продолжить и развить дальше эти его исследования по вопросам магнетизма, наряду с его весьма интересными и значительными исследованиями по теории относительности и квантовой электродинамике.

Председатель комиссии по магнетизму АН СССР при Уральском филиале
АН СССР С. В. Вонсовский
4.10.54 г.
г. Свердловск

Подпись тов. С. В. Вонсовского удостоверяю:
Секретарь Института физики металлов Уральского филиала АН СССР
Т. П. Черных
5.10.54 г.

¹ Веркин Борис Иеремиевич (1919—1990) — выдающийся физик, академик АН УССР, талантливый организатор науки, лауреат Государственной премии СССР.

² Лазарев Борис Георгиевич (1906—2001) — советский и украинский физик-экспериментатор, лауреат Государственной премии СССР.

Ю. Б. Румер — П. Г. Карду¹

Многоуважаемый товарищ Кард!

В связи с Вашей заметкой в ЖЭТФ 27, стр. 259 я хочу обратить Ваше внимание на то, что между моей точкой зрения на физическую природу пятой координаты и точкой зрения В. И. Родичева нет существенной разницы. Мы обсудили этот вопрос с В. И. Родичевым и пришли к общему мнению.

Элемент действия dS для частицы заряда e и масса m , находящийся во внешнем электромагнитном поле, связан с элементом собственного времени частицы соотношением

$$dS = -mcds + \frac{e}{c} A_i : dx^i \quad (*)$$

где A_i — электромагнитные потенциалы. В своей работе В. И. Родичев рассматривает только тот случай, когда электромагнитное поле отсутствует. Но в этом случае (*) переходит в

$$dS = mcds,$$

т. е. элемент действия оказывается пропорциональным элементу собственного времени. Поэтому в специальном случае отсутствия электромагнитного поля моя точка зрения и точка зрения Родичева совпадают.

В моем обзоре в Успехах Математических наук выявляется новая, до сих пор не отмеченная, симметрия в уравнениях классической релятивистской механики в пространстве, времени и действии, позволяющая интерпретировать задачу о движении заряженной материальной частицы, как задачу геометрической оптики о распространении лучей света в пятимерном пространстве координат, времени и действия. Тем самым показано, что кроме трехмерной формулировки Эйнштейна и четырехмерной формулировки Минковского возможна новая пятимерная формулировка задачи механики, причем в пределах применимости классической релятивистской механики все три формулировки эквивалентны.

Я думаю, что в этой статье показано, что физическим смыслом пятой координаты может быть только действие, причем это показано вне зависимости от всякой попытки построить единую теорию электричества и тяготения.

В настоящее время основной вопрос заключается в том, окажется ли это направление плодотворным для развития физических идей или нет.

Я надеюсь встретиться с Вами лично на предстоящем совещании по квантовой электродинамике в Москве.

С искренним уважением (Ю. Б. Румер)

¹ Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. Л. 2—3

П. Г. Кард — Румеру Ю. Б. ¹

27 октября 1954 г.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ РУМЕР!

Я весьма благодарен Вам за Ваше письмо от 12-го октября с. г. Относительно совпадения по существу точки зрения В. И. Родичева с Вашей теорией я с Вами согласен. Однако, как мне кажется, считать только действие физическим смыслом пятой координаты, недостаточно обосновано. Это верно, если ограничиться рассмотрением только одного вида частиц с определенной массой. Но если, как я пытался сделать в своей заметке (ЖЭТФ, 27, 259), рассматривать всю совокупность элементарных частиц и искать теоретического обоснования наблюдаемого спектра масс, то кажется, целесообразным приписать пятой координате смысл собственного времени. В частности, уравнение 5-эikonала в Вашей статье (УМН, стр. 60, уравнение (27)) может быть легко преобразовано к виду, где пятой координатой является S , согласно соотношению

$$dS = -mcds + \frac{e}{c} A_i dx^i.$$

Поэтому, обе точки зрения формально эквивалентны. Что касается выбора с точки зрения лучшего соответствия природе вещей, то такой выбор представляется мне пока преждевременным. Я согласен с Вами в том, что главное заключается в плодотворности этих идей.

К сожалению, в Тарту ничего неизвестно о предстоящем совещании по квантовой электродинамике. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сообщили мне о времени проведения этого совещания. Тогда я приложу усилия, чтобы принять в нем участие, где я был бы рад встретиться с Вами.

С глубоким уважением П. Кард

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев посетил выставку первых достижений ученых СО АН СССР. 10.03.1961.

¹ Машинописный документ. Научный архив СО РАН. Ф.21. Оп. 1. Д. 27. Внизу документа стоит подпись П. Кард и от руки вписан адрес: Эст. ССР, гор. Тарту, ул. Комсомольская, 11, кв. 2. П. Г. Кард.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СОВЕТ ФИЛИАЛОВ

Москва Б. Калужская, 14.
Тел. В 2-00-00 доб. 37 1-92
Ознакомить т. Румер Ю. Б.
подпись Горбачев
24/XI-54 г.

17 ноября 1954 № 9-41/2639

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР¹
профессору Т. Ф. ГОРБАЧЕВУ

На Ваше письмо № 354-1-2 от 18 августа с. г. Совет филиалов сообщает, что вопросы восстановления производственного стажа решаются ВЦСПС. В связи с этим профессору Ю. Б. Румеру по этому вопросу следует ходатайствовать перед ВЦСПС через местные профсоюзные организации

Ученый секретарь Совета филиалов Академии наук СССР канд. хим. наук
(В. И. Кузнецов)

РСФСР
Министерство просвещения
Енисейский государственный учительский институт
30.XI. 1954
№ 4
Енисейск, Кирова 52

СПРАВКА²

Дана в том, что РУМЕР Юрий Борисович работал в Енисейском учительском институте с 1-го сентября 1948 года по 1-е сентября 1950 г. профессором кафедры физики и математики.

Уволен с работы по собственному желанию в связи с переездом в г. Новосибирск для работы в Западно-Сибирском филиале Академии Наук СССР.

Назначен приказом № 129 от 30 августа 1948 г.

Уволен приказом № 36 от 27 августа 1950 г.

И. о. директора (подпись) Яцеев

¹ Машинописный документ на бланке. В верхнем левом углу поверх текста фиолетовыми чернилами надпись от руки «Ознакомить Румер Ю. Б. подпись Т. Горбачева и дата 24/XI-54 г.» Справа сверху фиолетовыми чернилами проставлена дата 17 и № 9-41/2639. Внизу документа фиолетовая подпись Кузнецова и синий штамп — Зап.-Сиб. филиал АН СССР ПОЛУЧЕНО, на нем проставлена фиолетовыми чернилами дата 24 XI 1954 г. и № 795. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный документ. В верхнем левом углу — черный угловой штамп Енисейского Государственного Учительского Института Министерства Просвещения РСФСР. г. Енисейск Кирова, 52. Синими чернилами проставлена дата 30/IX 1954 и № 4. В нижнем левом углу синяя гербовая печать Енисейского Государственного Учительского Института Министерства Просвещения РСФСР. Подпись Яцеева — от руки синими чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
СОВЕТ ФИЛИАЛОВ

Москва Б. Калужская, 14.
Тел. В 2-00-00 доб. 37 1-92

10 декабря 1954 № 9-41/2903

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР¹
проф. Т. Ф. ГОРБАЧЕВУ

За работниками, находившимися в местах заключения и полностью реабилитированными, непрерывный стаж работы сохраняется вне зависимости от того, вернулись ли они на прежнее место работы или поступили в другое предприятие.

Перерыв, вызванный арестом, в трудовой книжке не отмечается. Время с апреля 1938 г. по 28 марта 1953 г. должно быть включено в трудовой стаж.

В связи с этим прошу Вашего распоряжения об оформлении трудовых документов профессора-доктора РУМЕРА Ю.Б. с учетом его непрерывной работы в Академии наук СССР с момента его поступления в Физический институт им. Лебедева АН СССР (с 1935 г.) по настоящее время.

Заместитель председателя Совета филиалов
Академии наук СССР
(Н. Д. Иванов)

Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов²
Москва, Калужское шоссе, 62, Дворец труда

Юридический отдел
10 декабря 1954 г.
№ 55 б/г

(При ответе ссылайтесь на наш номер)
Тов. Румер Ю. Б.
г. Новосибирск, Филиал Академии Наук СССР

На Ваше письмо Юридический отдел ВЦСПС сообщает, что за работниками, находившимися в местах заключения и полностью реабилитированными, непрерывный стаж работы сохраняется вне зависимости от того, вернулись ли они на прежнее место работы или поступили в другое предприятие (учреждение).

Перерыв, вызванный арестом, в трудовой книжке не отмечается.

При внесении в трудовую книжку записи об увольнении администрация предприятия (учреждения), в котором он работал до треста, обязана причиной увольнения указать соглашение сторон (пункт «а» ст. 44 КВОТ).

¹ Машинописный документ на бланке. В верхнем левом углу фиолетовыми чернилами рукописный текст — ОК Оформить документы проф. Румеру ПОДПИСЬ. Справа вверху фиолетовыми чернилами проставлена дата 10 и № 9-41/2903. Внизу документа фиолетовая подпись и синий штамп — Зап.-Сиб. филиал АН СССР ПОЛУЧЕНО, на нем проставлена фиолетовыми чернилами дата 17 XII 1954 г. и № 842. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный документ на бланке. Слева вверху фиолетовыми чернилами проставлена дата — 10 декабря 1954 г. и № 55-бр. Подпись Дворникова выполнена синим карандашом. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Время с апреля 1938 г. по 28 марта 1953 г. должно быть включено в Ваш трудовой стаж.

В соответствии с пунктом 17 постановления пленума Верховного Суда СССР от 11 января 1952 г. реабилитированный работник пользуется правом на получение двухмесячной заработной платы от предприятия (учреждения), в котором он работал до ареста.

Зав. Юридическим отделом ВЦСПС
(Подпись) И. Дворников
... декабря [195]4

Директору Московского технологического института
легкой промышленности им. Л. М. Кагановича¹

Москва, ул. Полины Осипенко, 5

В связи с моей полной реабилитацией и на основании пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда от 11 января 1952 года прошу Вашего распоряжения о выплате мне двухмесячной заработной платы заведующего кафедрой физики Вашего института, в каковой должности я работал до ареста в апреле 1938 года.

Следующую мне денежную сумму прошу выслать по адресу:

г. Новосибирск, Западно-Сибирский филиал АН СССР.

Приложение:

1. Копия справки Военной коллегии Верховного Суда СССР.
2. Копия письма юридического отдела ВЦСПС.

Заведующий отделом технической физики Зап.Сиб. филиала АН СССР
доктор физико-математических наук, профессор (Ю. Б. Румер)

В Комитет Государственной Безопасности СССР²

от профессора — доктора РУМЕРА Ю. Б.
ст. научного сотрудника Зап. Сиб. филиала
Академии наук СССР

Заявление

Вскоре после моего ареста в апреле 1938 года из моей квартиры была органами НКВД вывезена лично принадлежащая мне ценная научная библиотека, о судьбе которой ни я, ни мои родные не могли получить никаких сведений.

Библиотека составляла основную ценность моего имущества и комплектовалась мною в течение 20 лет. Она пользовалась заслуженной известностью у ученых Москвы, которые ею охотно пользовались. Прилагая при сем описание библиотеки, по которому можно составить представление о ее ценности,

¹ Машинописный документ. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Машинописный документ. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

прошу в связи с определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 10 июля 1954 г. о моей полной реабилитации, вынести решение о возмещении мне понесенного в связи с пропажей библиотеки, материального ущерба.

В случае удовлетворения этой моей просьбы я больше никаких претензий в связи с потерей моего имущества иметь не буду.

Доктор физико-математических наук,
профессор Румер Ю. Б.

Описание библиотеки¹

Ю. Б. Румера

По приблизительной оценке библиотека составляла собрание книг в количестве до 4000 томов, размещенных в большом стеллаже, занимающем целую стену в кабинете и два книжных шкафа в столовой.

В ней имелись следующие разделы:

А. Физико-математическая литература

Собрание книг по физике, математике и математической физике на русском и иностранных языках. В ней были представлены почти все книги по этим дисциплинам, вышедшие в СССР с начала революции. Из иностранных книг большую ценность представляют французские [учебники] анализа Гурса, Пикара и Эрмита, приобретенные мною в студенческие годы. В это собрание входило три больших ящика немецких книг, привезенных мною из Германии в 1932 году.

В собрании было много авторских экземпляров, подаренных мне советскими и иностранными учеными с личными надписями.

Б. Художественная литература

В собрании книг были широко представлены сочинения поэтов на русском, европейских и некоторых восточных языках, которые я изучал. Особую ценность имели роскошное издание Данте на итальянском языке с французским переводом и комментариями, собрание стихов латинских авторов, стихи Байрона, Шелли на английском языке, роскошное издание Дон Кихота на испанском языке. В собрании русских поэтов ценность имело богатое собрание первопечатных произведений Маяковского, Есенина, Блока и Гумилева. Широко были представлены прозаические произведения писателей на немецком, французском, английском и итальянском языках. Русские классики были представлены собраниями сочинений Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Чехова.

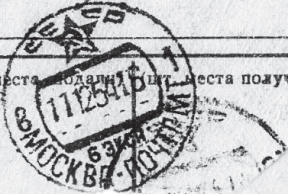
В. Политическая и историческая литература

Это собрание заключало в себе полное собрание сочинений В. И. Ленина, отдельные сочинения Маркса, Энгельса и Сталина. Мною приобреталась вся выходящая в 1932—1937 году историческая литература по истории СССР, по древней истории и по истории культуры.

¹ Машинописный документ на двух листах. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

В настоящее время, спустя 16 лет трудно оценить стоимость библиотеки. Принимая во внимание, что я жил всегда скромно и не приобретал дорогого имущества, вкладывая свои сбережения в коллекционирование книг, я считаю справедливым оценить мою библиотеку в сорок тысяч рублей.

Доктор физико-математических наук
профессор (Ю. Б. Румер)

<p>280 100 480</p> <p>Министерство связи СССР</p> <p>ТАЛОН к переводу по почте</p> <p>на <u>121</u> руб. <u>00</u> коп.</p> <p>От кого <u>Финансово-планов. отдел КГБ</u></p> <p>Адрес <u>гор. Москва</u> <u>ул. Дзержинского 2</u></p> <p>(шт. место отдачи / шт. место получения)</p> <p></p>	<p>ДЛЯ ПИСЬМА</p> <p><u>в уплату за коронку</u> <u>от зубов и одни метал.</u> <u>часы 123-40</u> <u>почт. расходы 2-40</u></p> <p>Рекомендуется оплачивать оставку перевода на дом при его подаче</p>
---	---

Талон¹ к переводу по почте на 121 руб. 00 коп. От кого: Финансово-планов. отдел КГБ
Адрес гор. Москва ул. Дзержинского, 2. Обратная сторона талона: Для письма. В уплату за коронку от зубов и одни метал. часы 123—40 почт. расходы 2—40 [Дата на штампе] 11.12.54.

¹ Документ на бланке Министерства связи СССР. Вверху по центру герб СССР. Слева вверху черными чернилами наискось записан расчет в столбик. Бланк заполнен фиолетовыми чернилами. Обратная сторона бланка заполнена вручную фиолетовыми чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Ю. Б. Румер — Д. В. Скобельцину
ДИРЕКТОРУ ФИЗИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР¹
им. П. Н. ЛЕБЕДЕВА
академику Д. В. СКОБЕЛЬЦИНУ

В связи с моей полной реабилитацией я на основании пункта 17 постановления Пленума Верховного суда от 11 января 1952 г. прошу Вашего распоряжения о выплате мне двухмесячной заработной платы старшего научного сотрудника, в каковой должности я работал в Вашем институте до ареста в апреле 1938 г.

Приложение; Справка Военной коллегии Верховного суда СССР

Письмо Юридического отдела ВЦСПС.
Доктор физико-математических наук профессор
Ю. Б. Румер

«» марта 1955 г.
г. Новосибирск
Западно-Сибирского
филиала АН СССР

М. Я. Ширококов — Ю. Б. Румеру²

Горький 04.05.1955

Глубокоуважаемый Юрий Борисович.

Горьковский государственный университет объявил конкурс на замещение штатной должности заведующего кафедрой теоретической физики.

В Москве на конференции по вопросам теоретической физики, в начале апреля месяца В. Л. Гинзбург и я просили Вас принять участие в конкурсе. Подтверждая эту просьбу, высылаю Вам вырезку из газеты «Горьковская правда» от 30 апреля 1955 года с объявлением о конкурсе.

М. Ширококов³

Приписка Ю. Б. Румера от руки: гор. Горький, ул. Ульянова, 10
ГИФТИ
Михаилу Яковлевичу Ширококову

¹ Машинописный документ. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Рукописный документ, исполнен синими чернилами, внизу документа простым карандашом рукой Ю.Б. сделана приписка адреса. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Ширококов Михаил Яковлевич (1910—1995) — кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой теоретической физики Горьковского государственного университета.

РСФСР
Министерство просвещения
НОВОСИБИРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
08.06.1955 г.

Новосибирск, Красный проспект 64, кв. 54
Профессору, доктору физико-математических наук
Румеру Юрию Борисовичу
Копия: Директору Западно-Сибирского филиала АН СССР¹

Настоящим сообщаем, что на заседании Ученого Совета Новосибирского государственного Педагогического Института 2 июня 1955 г. путем тайного голосования, Вы избраны по конкурсу на вакантную должность заведующего кафедрой теоретической физики и астрономии.

Для зачисления Вас на указанную должность с 1 сентября 1955 г. необходимо иметь Ваше заявление.

Директор Новосибирского
Государственного педагогического института
Доцент Сеницын
Ученый секретарь Ученого Совета НГПИ
Доцент Шаров

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой²

29 июня 1956

Дорогая моя девочка, я так рад был последнему разговору с тобой и поверил, что дети здоровы и ты бодря. Завтра я читаю мой доклад на съезде³, а 3-го или 4-го еду отдохнуть в санаторий Академии Абрамцево на 24 дня. Если захочу, то еще продолжат, в другой санаторий Болшево. Но я не уверен, понравится ли мне, и не буду ли я слишком скучать по тебе и детям. Уезжаю я, главным образом, потому, что во что бы то ни стало, хочу отдохнуть и набраться сил и постараться чем могу и как могу облегчить тебе и жизнь, и заботу о детях. Я, кажется, отчетливо понял, что добыча одних денег не решает задачи, и что я в себе должен

¹ Машинописный документ. Слева угловой штамп НГПИ, г. Новосибирск, 4 Комсомольский проспект № 29 Телефоны: 34-003, 35-229, 35-215. В штампе проставлена дата 8.VI 1955 г. Научный архив СО РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

² Рукописный документ выполнен перьевой ручкой фиолетовыми чернилами. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой. Летом 1956 г. Юрий Борисович находился в Москве, участвовал в работе Третьего Всесоюзного математического съезда, затем хлопотал о путевке в Дом отдыха.

³ Третий Всесоюзный математический съезд, Москва, 25 июня—4 июля 1956 г. Ю. Б. Румер читал доклад «О пятимерной оптике» вечером 30 июня. Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_6759&eid=F6_0006_0788

найти силы и на тебя, и на детей. Лишь бы тебя видеть счастливее — довольнее жизнью. Меня смущает ухудшение продовольственного положения даже в Москве. Беспokoюся, как ты будешь справляться с этим на даче. [...].

Собственно говоря, я начал уже отдыхать, поскольку в моем распоряжении свободная квартира. Игорь обеспечивает завтраки и ужины, а обедаю я обычно в Академии с Кривошековым¹ или Селезневым [...].

Заместитель Топчиева² Новиков³, мой старый студент, встретил меня с такой редкой сердечностью и теплотой, что я знал о нем, что он одновременно директор института, куда хочет поступить Гена, попросил его об этом. Он сейчас же исполнил мою просьбу и теперь все от того, как пройдет медицинская комиссия. Мне это доставило большую радость.

Вчера с Алей⁴ купили тебе подарок, который привезет тебе Кривошеков; не знаю, понравится ли тебе, но Аля считает это редкой удачей. После этого зашли в магазин, чтобы записаться на экземпляры моей 5-оптики. Представь себе, что продавщица посмотрела на меня удивленно и сказала, что заказы на 5-оптику Румера были все исчерпаны в первый же день подписки. Видишь, какой Майн Рид нашелся. Когда я сказал, что неужели для автора не найдется 50 экземпляров, то стали звонить в базу и с трудом приняли заказ. Все это меня очень поразило.

Жара, которая мучила москвичей немного прошла, и стало возможно дышать. Надеюсь, что в Новосибирске стало немного теплее.

Мне не совсем ясно, как я буду жить, и отдыхать без тебя и детей. Я верю, что и ты тоже скучаешь без меня, как и я без тебя. Кажется, что нелегко быть вдали от тебя по доброй воле, а не в силу служебной командировки.

Обнимаю тебя, моя родненькая.
Поцелуй маму и детей.
Папа.

Президиум Академии наук Союза ССР
Постановление⁵
от 28 сентября 1956 г. № 524
г. Москва

Об организации Института физики
Академии наук СССР в г. Красноярске

Президиум Академии наук СССР постановляет:

Поручить комиссии в составе: академик А. В. Топчиев (председатель), академик М. А. Лаврентьев, академик П. Л. Капица, профессор А. И. Горба-

¹ Кривошеков Г. В. — к. т. н. зав. лабораторией электроники СВЧ Института радиофизики и электроники Западно-Сибирского филиала АН СССР.

² Топчиев Александр Васильевич (1907—1962) — академик АН СССР (1949). В 1949—1958 гг. главный ученый секретарь Президиума АН СССР.

³ Личность не установлена (Ю. Б. мог неверно назвать фамилию. — И. К.).

⁴ Савич Альгута Яковлевна.

⁵ Машинописный документ на бланке. Вверху по центру изображение герба СССР. В правом верхнем углу фиолетовыми чернилами надпись в две строки — Ю. Б. Румер и Совет по координации. Внизу документа проставлена круглая фиолетовая печать — Протокольный отдел Академии Наук СССР. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

нев и профессор Ю. Б. Румер рассмотреть вопрос об организации института физики АН СССР в г. Красноярске, имея в виду возражения, выдвигаемые Западно-Сибирским филиалом АН СССР, и свои предложения представить к следующему заседанию Президиума.

Президент Академии наук СССР
академик А. Н. Несмеянов

Главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР
академик А. В. Топчиев
АН СССР. № 1587.5. 29.IX.56 г.

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой¹

28 октября [1955]

Дорогая моя девочка, только что получил комнату в Университете, но нет чернил и поэтому пишу карандашом. Читать я буду два раза в неделю по средам и пятницам, начну в пятницу 4-го ноября и прочту либо 8, либо 10 лекций. Поэтому вернусь в начале декабря. Условия у меня — совсем санаторные: удобное и хорошее питание, душ в номере, прачечная и даже косметический кабинет. Университет за городом, и я думаю, что найдено самое лучшее решение вопроса о моем отдыхе.

Был у Дау, Леонтовича и мне было с обоими очень приятно. С Дау решили издать популярную книжку об Эйнштейне, которую написали 18 лет тому назад². Завтра пойду в Издательство.

Хотя сегодня только неделя, как я уехал, но я уже скучаю и по тебе, и по детям, беспокоюсь, как ты там управляешься совсем одна. Между прочим, в Москве с домработницами то же самое. Аля³ сидит без домработницы; Эренбурги воют смертным воем и согласны платить 400 рублей, но не находят. Шурочка с трудом нашла какую-то психопатку и уступила ей целиком вторую комнату, но с трудом ее терпят.

Сейчас приходил ко мне Гуан, вьетнамец первокурсник и повел меня ужинать. Я взял винегрет, порцию масла и порцию сосисок, и заплатил 4 руб. 20 копеек [...].

Обязательно, девочка, напиши, что нужно привезти тебе и детям. Денег у меня уходит не много, а времени у меня будет (как только выполню все дела по Филиалу) достаточно, и я надеюсь, что все удастся сделать удачно и хорошо. А вообще, девочка, пиши мне, как обещала. Без твоих писем у меня не будет покоя, и я не смогу отдохнуть и набраться сил.

¹ Рукописный документ на двух страницах. Автограф Ю. Б. Румера. Синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Ландау Л., Румер Ю. Что такое теория относительности? М.: Сов. Россия, 1959. 62 с.

³ Альгута Савич.

Сейчас уже хочется спать, но я спущусь и брошу письмо в ящик, который у нас тут же, на лестнице. Завтра куплю ручку-чернила. Надеюсь, что ты разберешь мою мазню. Целую и обнимаю тебя, моя любимая маленькая девушка, а также моих деток родных.

Папуля.
Москва В-234
МГУ
Зона В комната 353

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой¹

1 ноября [1955]

Дорогая моя девочка, я уже три дня живу в Университете и очень доволен; единственное, что меня гнетет и беспокоит — это отсутствие известий от тебя и от детей. Если бы и это было, я бы смог хорошо отдохнуть. Отдаленность от города создает настоящий санаторный режим. Купить все можно здесь же не выходя из здания; питаюсь я хорошо.

[...]. Я днем сплю, хожу здесь же в кино, читаю книжечки и готовлюсь к лекциям. Приятно сознавать, что то, что сейчас происходит, является результатом десятилетней упорной работы в условиях, когда многие бы потеряли и мужество, и терпение. Все было бы хорошо, если бы не беспокойство и тоска по моей семье. Совершенно ясно, что просто в санатории или на юге, я бы просто не мог отдыхать; здесь же все же я при деле. Я помню, как ты сравнивала мои поездки в Москву с поездками геологов в экспедицию; каждая специальность требует своего.

[...] Хотел вам послать по почте гостинцев шоколада и конфет, но теперь и такие посылки не принимают. Все же, попробую что-нибудь в этом отношении сделать.

Здесь довольно холодно, и когда я прихожу домой, я одеваю лыжный костюм. Мой синий костюм вычистили, кажется, довольно удачно.

[...] К Карлуше пока не писал — уж очень далеко он живет, и к нему добраться отсюда, надо затратить полдня. А я ведь берегу мои силы и стараюсь отдохнуть и поправиться.

Завтра я иду с Алей и Вадей в театр на «Клопа» Маяковского. По словам Вади это «изумительный спектакль». Боюсь, что для моего провинциального вкуса окажется просто скучной ерундой.

Ты обними и поцелуй наших деток; тоска и желание быть с ними способны сделать горькими плоды успеха, которого я столько лет добивался.

Крепко целую тебя моя родная, будь бодрa и не слишком уставай.
Папуля.

¹ Рукописный документ на одном листе. Автограф Ю. Б. Румера. Синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой

5 ноября [1955]

[...] Вчера я начал мой курс в Университете. Уже то обстоятельство, что я у математиков, а не у физиков, то есть на закате моих дней вернулся туда, откуда начал мой жизненный путь, очень радует меня. Вокруг меня старые товарищи студенческих лет, ставшие старыми профессорами. Во время перерыва ко мне подошел один доцент из Румынии. Он сказал, что еще четыре года тому назад, как только появились мои работы, проф. Попович в Бухаресте их сейчас же прореферировал студентам и сказал, что, очевидно, дело идет об огромном открытии. Он через об-во Советской-Румынской дружбы тогда же запросил в Академии о моем адресе и получил ответ, что адрес не может быть сообщен. Это повергло его в удивление. Сегодня Поповичу звонят по телефону. Если он не будет связан чтением лекций в Университете, он приедет повидаться со мной.

Лекцию я прочел очень хорошо; была полная аудитория на 250 человек; потом, конечно, часть слушателей отсеется. После лекции за мной пришел Делоне, у которого самого были лекции в те же часы. Мы около часа говорили оба со слушателями и затем поехали к нему отпраздновать. Он оставил меня у себя ночевать, но мы с ним проговорили до половины пятого ночи, как о 5-оптике, так и об его теории. С вечера я позвонил, как всегда, Лизочке и узнал, что есть от тебя письмо. Поэтому я проснулся в половине восьмого и ушел незамеченным от Делоне. Я побыл с Лизочкой, погулял с часок с Алей на бульваре и к двенадцати часам был у себя. Я пообедал в профессорской столовой и лег спать. Проснулся в три часа, и стал тебе писать.

Ты должна знать, что у меня действительно санаторные условия. Отдельная тихая комната, математические книжечки. Если хочу, я на лифте поднимаюсь на 16 этаж, и могу поговорить с математиками. Здесь есть кино, где я ни разу, правда, еще не был, комбинат, где стирают белье и выютюжили костюм, перешив пуговицы, поскольку я пополнел. Каждый день я моюсь с головы до ног в горячем душе, который тут же у меня.

Мой сосед Гуан вьетнамец, очень мил, меняет мне постельное белье и оказывает мелкие услуги.

Немного далеко от города, но, например, с Леонтовичем, с которым из старых товарищей мне лучше всего, я могу общаться, поскольку он может за мной заезжать на своей машине, когда читает лекции в Университете.

[...] Был с Алей и Вадей один раз на «Клопе» Маяковского и получил очень большое удовольствие. 8-го я пригласил Гуана пойти со мной, здесь же в Университете в театр кукол Образцова.[...]

Мой телефон В9-32-25. Звонить мне лучше в 7—9 часов утра по московскому времени. Вызывать надо проф. Румера, потому что я единственный профессор на этаже, а кругом все вьетнамцы и могут иначе не разобрать. Иногда я буду оставаться ночевать у Лизочки, потому что просто приходиться к ней в гости, нас обоих не устраивает. Поэтому нужно, если я не окажусь дома, позвонить на следующий день. Если меня вызывают по телефону, то дают мне звонок, и я подойду лишь через одну или две минуты.

¹ Рукописный документ на одном листе с двух сторон, синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой¹

14 ноября [1955]

Дорогая моя деточка, я получил твое письмо с фотографией и с угрозой не писать, поскольку не пишу я (?!?!!) и с Таней на руках и почему-то без Миши (или это ты в гостях у Дыхониных?) и так мне стало тяжело и грустно без вас всех моих милых и хороших тварей и так захотелось обнять тебя и прижаться к тебе. И невольно думаешь, что это все быть может суета и пропаганда 5-оптики в Университете. В субботу был днем у Савичей, они уезжают на эту неделю к Эренбургам на дачу. Вечером был у Мартыновых и в первый раз увидел Анну Романовну, которая вернулась из больницы и лежит дома [...].

Ночевал я у Лизочки² и очень приятно провел с ней время. В воскресенье с 12 до 3 был у Коренева, где и обедал. Очень порядочный человек, но как-то всегда обижен, что люди не вполне признают его талантов и все время намекает какой он значительный и выдающийся человек, а вот де должен работать только преподавателем механики в вузе. Почему-то все еще не подал на реабилитацию. Потом я поехал к старому товарищу химику, который так был рад мне, что даже прослезился, не то от старости, не то от сочувствия. Вечером был у Иды — очень простая и хорошая женщина. Где у меня в молодости были глаза, когда я ее променял на Милу, совсем не понимаю. А с понедельника опять дела. Два часа утром у Дау с Женей обсчитали задачу с решеткой, над которой я с таким упорством бьюсь уже полтора года. Об этой задаче я докладываю 22-го на семинаре у Тамма и Гинзбурга. В среду я должен был делать доклад о 5-оптике на семинаре у Иваненко, но кажется обстоятельства таковы, что на это очень косо посмотрели бы и Дау, и Тамм, и Леонтович, которые с ним в ссоре. Поэтому иду вместо доклада с Борисом в кино на «Красное и черное». Я вспомнил, что пишу на обороте письма (нет бумаги!) и поэтому кончаю.

Целую тебя, моя девочка, и наших деток. Папуля.

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой³

17 ноября [1955]

Дорогая моя Оленька!

Сегодня с утра ждал твоего звонка, но напрасно, и очень был разочарован. Ты пишешь, чтобы я отдохнул после лекций; но я так тоскую по тебе и по детям, что никакого отдыха не получится, и я собираюсь, если дела не задержат, выехать в субботу третьего декабря, закончив мою последнюю лекцию в пятницу вечером. Я мало тебе писал о своих лекциях, потому что все идет как

¹ Рукописный документ на одном листе с двух сторон, синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Елизавета Борисовна, старшая сестра Ю. Б. Румера.

³ Рукописный документ на одном листе с двух сторон, синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

обычно: слушают меня человек 40 студентов старших курсов, аспиранты и доценты. Слушают хорошо, после лекций обычно час разговариваем, и я объясняю. 22-го читал доклад в ФИАНе у Тамма и Гинзбурга о проблеме решетки, которая привлекает большой интерес. Часто вижусь с Дау и его учениками Халатниковым и Абрикосовым. Теперь к Дау можно проходить на работу без всяких пропусков, к чему трудно привыкнуть.

В физике мы переживаем наступление новой эпохи. В то время как раньше интерес сосредотачивался на разработке старых идей и их практического воплощения, теперь во всем мире началось соревнование в поисках новых идей и новых путей, и моя 5-оптика вдруг обрела интерес. И не только у математиков, но и у физиков (большая половина моих слушателей — физики). Кроме того, Фок страшно себя дискредитировал: он предложил на заседании памяти Эйнштейна прочесть доклад, в котором утверждал, что, дескать, Эйнштейн плохо понял свою теорию, и что, дескать, он один Фок понял ее. Председательствующий Тамм, говорят, чуть не зашипел от такого нахальства.

Что касается Дау, то стало ясным, что последние десять лет он перестал читать литературу и довольствуется лишь теми сведениями, которые сообщают ему ученики. Поэтому он большей частью имеет очень смутное представление о новых работах и склонен их отвергать на основании поверхностного впечатления. Халатников и Абрикосов, самые молодые из докторов-профессоров, выросших у Дау, попросили меня подробно им изложить 5-оптику, и я вчера с ними говорил 4 часа и в пятницу буду продолжать. Поэтому я думаю, что не исключено, что в ближайшее время 5-оптика будет иметь большой успех, хотя то, что мы имеем сейчас уже сам по себе есть большой шаг вперед.

И все же у меня нет желания задерживаться здесь, потому что больше всего на свете хотел бы быть с тобой, потому что кроме тебя у меня никого на свете нет, с кем бы мне было хорошо и я надеюсь, что ты все же, наконец, поймешь какая ты мне близкая и любимая, и как я счастлив, что ты со мной, и что я буду с тобой до последнего моего часа. Чтобы ты это поняла, вот единственное, что я хочу достигнуть в жизни. Остальное получится само собой.

Вне зависимости от того обиделся ли на тебя Роберт¹ или нет, мне не хочется, чтобы он бывал у меня и я не хочу с ним больше дружить. Если будет соваться, гони его в шею. Сейчас Аля с Вадей на даче. Присматриваясь к их жизни, я вижу много общих трудностей, проистекающих от того, что оба бесконечно устали и нервны. Однако не приходится сомневаться в том, что оба очень любят друг друга.

Я не знаю, удастся ли мне отдохнуть здесь. Но соскучился я по всем моим милым страшно, считаю дни, когда я всех вас увижу. Я послал тебе ботинки для Тани и немного угощения через сослуживицу, которую случайно встретил в университете. Пальто Мишке, вероятно, удастся найти. Валенки для тебя будем с Андреем искать. Хочу на этот раз все поручения выполнить и приехать домой и обнять тебя, моя девочка.

Крепко целую тебя и детей. Твой папуля.

¹ Р. Бартини, в 1952—1957 гг. работал в Новосибирске в СибНИИА им. С. А. Чаплыгина.

Ю. Б. Румер — О. К. Михайловой¹

25 ноября [1955]

Дорогая моя деточка. Я очень рад, что провели телефон и огорчаюсь, что его еще не подключили: очень бы хотелось услышать твой голос и голоса детей.

Сам я уже готовлюсь к отъезду домой и закругляю все мои дела, с тем, чтобы на той неделе иметь возможность походить по магазинам. После доклада у Тамма делал доклад у академика Боголюбова, у которого, и с учениками которого очень хорошо себя почувствовал. Вчера был у нашего общего с Робертом товарища Юры Калганова², которого я очень люблю. Он только на два года старше меня, но очень ворчлив. Детей у него нет, и все деньги он с женой вкладывает в покупку фарфоровых статуэток, которых у них дома несметное количество. Он на радостях перепился пьяным (я, конечно, совсем не пил) и все кричал и орал. Обычно это робкий умница, самородок из народа, один из крупнейших директоров авиационных заводов. При получении им билета члена партии в райкоме, на чем-то не сошелся с секретарем райкома, и он ушел не получив обратно билета. В чем не сошлись, я не очень понял, но, во всяком случае, видна его глубочайшая принципиальность. Так и не знает он теперь, член ли он партии или нет.[...].

Мы с Дау написали популярную брошюру «Что такое теория относительности» в связи с интересом, который теперь вырос к этому вопросу. Снес я ее в издательство. Несмотря на то, что оба автора такие великие физики, ее все же пошлют на рецензию, нет ли в ней каких-нибудь «изъянов». Так что до гелдов³ пока далеко.

Я повезу с собой пуд гречневой крупы с тем, чтобы хотя бы в первое время ты не ломала себе голову, чем меня кормить. Все твои поручения сейчас же переписываю из письма в записную книжку и постараюсь хорошо выполнить.

Крепко тебя целую, моя родная.
Папуля.

Ректору Новосибирского университета⁴
акад. И. Н. Векуа

от профессора д. ф.-м. н.
Румер Юрий Борисович

Заявление

Прошу принять меня по совместительству на работу профессора кафедры теоретической физики по объявленному конкурсу.

12 мая 1962 г.

(подпись)

¹ Рукописный документ на одном листе с двух сторон, синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Калганов Юрий Васильевич вместе с Р. Л. Бартини и Ю. Б. Румером были в «Туполевской шарашке».

³ Нем. Gelder — деньги.

⁴ Рукописный документ на одном листе. Автограф Ю. Б. Румера. Синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

В. Л. Покровский — Ю. Б. Румеру.¹

Дорогой Юрий Борисович!

Мне удалось присутствовать на заседании физ-мат отделения, где обсуждались кандидаты в академики и члены-корреспонденты. Я сейчас опишу, что там произошло.

Председательствующий — Арцимович² — объявил список кандидатов. Вы его знаете. Были следующие изменения. Ширкова отнесли к математикам, в число физиков, кроме Будкера и Вас были внесены Киренский³ и некто Наумов⁴ (кандидат тех. наук, помощник Будкера). Затем Арцимович огласил предварительные рекомендации комиссии, в состав которой входили Лаврентьев, Соболев, Христианович, Боголюбов и сам Арцимович в качестве председателя. Рекомендации комиссии относительно членов-корреспондентов по физике были таковы: избрать только Будкера. О Киренском серьезно вообще не говорили. О Наумове сказали, что это рано — у него нет фундаментальных работ. Что же касается Вас, то по этому поводу Арцимович чрезвычайно невразумительно сказал, что комиссия решила воздержаться, так как Ваши основные работы лежат в чрезвычайно абстрактной области физики, не имеющей соприкосновения с тематикой будущего отделения. Всего имелось два свободных места на четырех кандидатов. Одно место вместе с Ширковым переключало к математикам.

Затем начались выступления. Очень яростно выступил против Вас Фок. Он ругал пятиоптику, утверждая, что, во-первых, она физически несостоятельна, а, во-вторых, все сделал он — Фок. В защиту выступил Ландау. Его выступление, по моему мнению, было неудачно. Он противопоставлял Вас Кузнецову, хвалил как ученого и создателя школы. Он сказал неудачные фразы о том, что есть не менее чем Вы, достойные кандидаты, но Вы уже реально в Сибири. За эти фразы уцепился Иоффе, который их тут же перевернул шиворот-навыворот. После Иоффе в защиту Вас выступил неизвестный мне человек, характеризовавший Вас как физика высокой культуры и пр. Леонтович выступил с программной речью по поводу выборов вообще. Как всегда, он потряс своим благородством и неустранимостью. Он протестовал против присвоения званий авансом, за то, что человек поедет в Сибирь. Много и умно агитировал за Вас и против Ширкова. Отвечал ему Лаврентьев, который утверждал, что звания присваиваются, чтобы повысить «проходимость» (от слова проходимец, очевидно). О Вас ни слова, зато неумеренные похва-

¹ Рукописный документ на трех листах. Синие чернила. Не датировано автором. Дата установлена по аналогии с событием — выборами в АН СССР в июне 1958 г. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Арцимович Лев Андреевич (1909—1973) — выдающийся советский физик, академик АН СССР (1953), Герой Социалистического Труда (1969).

³ Киренский Леонид Васильевич (1909—1969) — советский физик, академик АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда. Директор Института физики СО АН СССР, Красноярск.

⁴ Наумов Алексей Александрович (1916—1985) — советский физик, заместитель директора ИЯФ СО АН СССР (1959—1966). В 1964 избран член-корреспондентом АН, в 1966 г. перешел в Институт физики высоких энергий (ныне входит в НИЦ «Курчатовский институт»).

лы Ширкову, которого, кстати, комиссия, так же не рекомендовала. Наконец, было зачтено письмо Тамма. Оно произвело хорошее впечатление: похвалы Вам и недоумение по поводу Ширкова (у Ландау имеется не менее десятка учеников посильнее и результативнее).

Началось голосование. Результаты чрезвычайно показательны. Из голосовавших было 12 физиков и, кажется, 18 математиков. Против Кузнецова — 12 голосов. Ширков не прошел. Я считаю вместе со всеми Ландауvcами, что Вы потерпели почетное поражение, а Кузнецов одержал позорную победу.

Мне кажется, что не следует все это принимать горячо. Но было бы вовсе не вредно окончательно уяснить отношение к нам начальства. Чего оно хочет?

И еще раз прошу Вас не волноваться по столь ничтожному поводу. Ей богу, этот цирк не стоит переживаний.

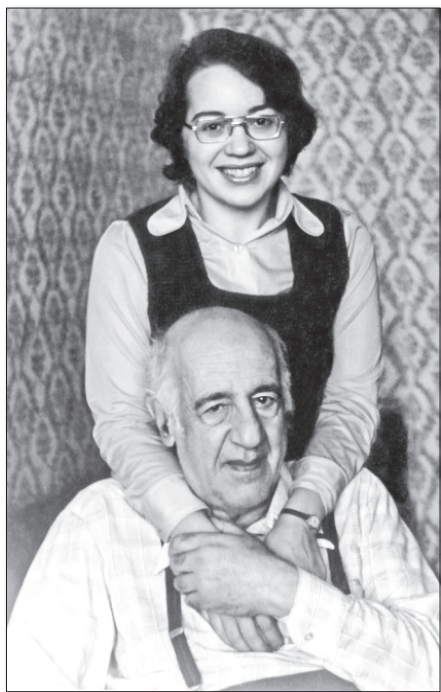
Привет Ольге Кузьминичне.
Ваш Валерий.

P. S. Почему-то Рывкин¹ не шлет своей статьи.

Глава 10. Воспоминания и свидетельства

Просто отец

Т. Ю. Михайлова

Ю. Б. Румер с дочерью Таней. 1980 г.

¹ Рывкин Моисей Соломонович.

Год назад подруга дала мне прочитать журнал «Сноб», который был весь посвящен рассказам разных людей о своих отцах. Опуская нюансы, можно поделить эти воспоминания на две большие группы. В первой дети, ставшие большими писателями или другими значительными личностями, пишут о своих отцах, которые, может быть, только тем и отличились, что их родили. Но это не так, и тебе это быстро объясняют, находя такие слова, что кроме умиления, обычного при таком формате, ты проникаешься глубоким уважением к главному герою. Во второй группе — наоборот. Отец — известный человек, крупная личность и о нем вспоминает его ребенок, в силу разных причин не дотягивающий до уровня отца. И удивительное дело, нет никаких оснований полагать, что автор

хочет умалить достоинства того, о ком пишет, но что делать — получается именно так. Мелко, как будто смотришь в перевернутый бинокль.

Наверное, это происходит потому, что о чем бы мы ни пытались писать, мы всегда пишем только о себе. Много раз мне говорили, что я должна написать о своем отце. Не сомневаясь в масштабе его личности и не обольщаясь на свой счет, я боялась браться за это непростое дело. Но сейчас появляется большая книга, где о нем говорят и документы, и другие люди, и он сам. Поэтому я надеюсь, что мои воспоминания добавят пастельных тонов в его яркий портрет, но не испортят общего впечатления.

О раннем детстве

В детстве самым главным человеком в моей жизни был старший брат. Папа занимался физикой, мама занималась папой, а мы были часто предоставлены сами себе. Конечно, нельзя сказать, что мы были обделены любовью и заботой, но мне кажется, что родители просто мало проводили с нами времени. Папа иногда читал нам вслух стихи или рассказы Салтыкова-Щедрина, Чехова. Особенно мы почему-то любили чеховского «Налима» и готовы были слушать его каждый день.

И папа, и мама много читали, поэтому дома в ходу были многочисленные цитаты из самых разных книг: «Зачем еврею попугай?», «А подать сюда Тяпкина-Ляпкина...», «За жабры его, за жабры...», «Так по бараклу убивалась, что пристрелить пришлось...», «Вырастешь, Саша, узнаешь, то-то ты скажешь — смотри» (обычно, конечно, вместо «Саша» говорилось «Таня», что вызывало с моей стороны бурю протеста).

Папа был прекрасный рассказчик и выдумщик. Когда мы были совсем маленькие, он каждый день перед сном рассказывал нам с братом маленькую историю про «Шуку-Макуку», которая была крупным советским чиновником. При ней секретарем-порученцем состоял Карась. Жаль, что я не помню ни одного сюжета, по-моему, они что-то доставали или кого-то куда-то устраивали. Сейчас я думаю, что в этих историях нашли отражения папины переживания на посту директора института. Часто в его рассказах фигурировал добрый волшебник Лумумба и злой — Мобуту. Так мы оказывались в курсе мировой политики, которая папиной фантазией трансформировалась в смешные и грустные истории.

Когда я болела, папа читал мне стихи. Поэтому ангина и «Русские женщины» Некрасова в моих воспоминаниях слились в одно целое. Есенин, и особенно «Анна Снегина», у меня ассоциируется с выздоровлением.

О социальной активности и гражданской позиции

Я прошла все обязательные ступени советской социализации — октябренок, пионер, комсомолец. Относилась я к этому всему чрезвычайно серьезно. Борьба за лучшую октябрятскую звездочку, пионерские сборы и костры, комсомольские собрания занимали значительное место в моей жизни.

Я собираюсь на какую-то пионерскую линейку. Все как положено: белый верх, темный низ, красный галстук, горящий взгляд. К папе пришел заниматься математикой его товарищ и соавтор Абрам Ильич Фет. Он смотрит на меня с изумлением и спрашивает: «А в барабан, Таня, Вы тоже бьете?». Папа от подобных реплик воздерживался, но, я думаю, он не был в восторге от моей политической активности. Мне очень хотелось, чтобы папа выступил на каком-нибудь пионерском сборе и рассказал о своей бурной революционной молодости:

— Ты же был в октябре 17 года в Петрограде!?

— Был, — осторожно отвечает папа.

— И слышал залп «Авроры»?

— Наверное, слышал, — грустно отвечает он.

Я в совершенном восторге:

— И видел революционных матросов, опоясанных пулеметными лентами?

— Видел, — говорит папа, и в его голосе уже столько тоски, что я понимаю, что приспособить его к пионерскому сбору никак невозможно.

С большой симпатией он рассказывает о Февральской революции, но это не подходит мне.

Уже, будучи достаточно взрослой и значительно поумневшей, я спросила папу, почему он никогда не хотел помочь мне разобраться в окружающей меня реальности. «Видишь ли, у тебя такой характер, что ты все равно куда-нибудь бы вступила. Или в комсомольскую организацию, или в подпольную сионистскую. Первое казалось мне более безопасным. И еще я думал, что если тебе читать хорошие стихи, то ты сама со временем во всем разберешься».

Разбираться пришлось тогда, когда папы уже не было. И читать «Доктор Живаго», «Жизнь и судьба», «В круге первом» тоже пришлось без него. Дома никогда не было самиздатовской литературы, может быть, только немного стихов. Но это были не запрещенные, а просто не печатавшиеся Гумилев, Мандельштам, Бродский. Я подозреваю, что папа все это читал, но только не дома. Однажды ко мне пришел мой сокурсник. Дом наш был очень гостеприимным, и Мишку сразу усадили обедать.

— Юрий Борисович, — начал он с полным ртом, — а что, Солженицын Вам очень нравится? «Архипелаг Гулаг» — вещь!

— Простите, — говорит папа с совершенно идиотическим выражением лица, — не расслышал фамилию...

— Сол-же-ни-цын, — говорит Мишка по слогам.

— Не читалс, — папа сухо подводит черту и уходит.

Вечером мне говорит:

— Я бы не хотел, чтобы этот провокатор бывал у нас дома...

Я возражаю:

— Он хороший парень, ну, ляпнул что-то, не подумав...

— Первый раз видит людей и позволяет себе такие разговоры. Он или дурак, или стукач. В любом случае, дружить с ним не стоит.

Я хочу коснуться здесь одного, очень не простого для меня вопроса. Часто в воспоминаниях о Ю. Б. Румере звучит: «Румер боялся...». В чем же это выразилось? Во-первых, папа никогда не участвовал в антисоветских разговорах,

во-вторых, у него всегда присутствовала внутренняя цензура. Он очень рассердился, когда в одном доме, втайне от него, включили магнитофон и записали его рассказы о Геттингене. Он не говорил ничего лишнего, но если бы знал, что работает магнитофон, был бы немного аккуратней. В-третьих, он никогда не подписывал никаких писем. Ни в поддержку Синявского, Даниэля, ни обличающих А. Д. Сахарова. У него чрезвычайно было развито чувство личной ответственности за совершаемые поступки. Он не мог допустить, чтобы его неосторожное слово или душевный порыв принесли вред его семье. Конечно, он боялся, но в первую очередь не за себя, а за детей.

Двадцатый век, искромсанный столкновениями огромных групп, объединенных по политическим, социальным и национальным признакам, привел к тому, что фразы типа «Он русский, и это многое объясняет...», «Он коммунист, и этим все сказано...» стали чрезвычайно популярными. Для папы в первую очередь были важны человеческие личностные качества, а не принадлежность к партии, к социальному слою, к конфессии. Характеристика — «приличный человек» — была исчерпывающей.

О национальном вопросе

Мое детство прошло в новосибирском Академгородке, где в 60-х годах антисемитизм был, мягко говоря, «не в моде». Во-первых, в университете училось много еврейских детей со всего Советского Союза. Во-вторых, среди старшего поколения было много смешанных браков. Перед детьми вопрос «кто я?» обычно не стоял, но я хорошо помню момент, когда мне пришлось задуматься о том, кто я. Мне было лет 7—8. Мы с мамой идем по Морскому проспекту, навстречу нам движется группа иностранцев. Мама слышит отрывистую немецкую речь, их смех и так сжимает мою руку, что у меня на запястье остаются следы ее пальцев.

Дома, плача, мама говорит, что всю жизнь ее преследует страшный сон: немцы входят в город и ей надо спрятать мужа и двоих детей. Моя русская мама, пережившая оккупацию, хорошо знала, кто уходил в гетто и на расстрел. Папа все же старался убедить меня, что я обыкновенная русская девочка. Он говорил: «С чего ты взяла, что ты еврейка? Ты не знаешь языка, историю, традиции. В конце концов, у евреев национальность ребенка определяется национальностью матери, а я нашел тебе русскую маму...». Я отвечаю, что я такая, какая есть, и не желаю ломать себя, приспосабливаясь к окружающей действительности. «Ну почему ты относишься к себе как к стихийному бедствию?», — вздыхает папа.

Вспоминаю еще одну историю из детства, связанную с национальным вопросом. У нас была собака. Очаровательное, интеллигентное, всеми любимое существо породы эрдель-терьер по имени Трильби. Единственное, что она совершенно не выносила, — это пьяных мужиков. Трильби начинала грозно лаять, а если пьяница проявлял агрессию, то могла и цапнуть его. Вот в такой непростой для себя ситуации пьяный «в стельку» дядька и заорал: «Жидовка!... Держи собаку...». Я пришла домой в слезах и соплях, рассказываю, что случилось. Папа смотрит на меня грустно и говорит:

— Он прав, — и после небольшой паузы...

— Собаку, действительно, надо держать на поводке.

Когда я в шестнадцать лет должна была получать паспорт, я могла по своему желанию выбрать или национальность мамы или папы. Советские правила на этот счет были весьма «гуманными», и тетки в ЗАГСх настоятельно советовали детям выбрать «правильную» национальность.

Обстоятельства в нашей семье сложились таким образом, что мы с братом не носим гордую папину фамилию. Михаил родился в ссылке, в Енисейске. Брак родителей не был зарегистрирован, и потребовалась целая процедура усыновления, чтобы у Миши в графе «отец» не стоял унижительный прочерк. Когда родилась я и родители пришли регистрировать это событие, папа спрашивает:

— Какие документы я должен собрать, чтобы удочерить свою дочь?

Девушка, записывающая акты гражданского состояния, удивленно смотрит на него:

— А жениться на ее маме Вам не приходило в голову?

— Как? Задача имеет такое простое решение? — воскликнул папа.

При записи «русский» в паспорте и маминой фамилии иудейские следы оставались только на наших физиономиях. Но я заявила, что хочу, чтобы в моем паспорте было записано «еврейка», то есть именно то, кем я себя ощущаю. Папа мастерски мог одной фразой сбить меня с моих, как мне казалось, непоколебимых позиций.

— В нашей семье был такой прецедент, Исидор хотел креститься, но отец не позволил... И все!

(Необходимый комментарий. Исидор, средний из трех братьев Румеров, был философом, переводчиком с древних языков. Он хотел получить кафедру философии в Тартусском университете, а для этого и было необходимо сменить веру). Это был, конечно, сильный ход, и я ходила несколько дней обескураженная, но все-таки решила стоять на своем. Тогда в бой была брошена «тяжелая артиллерия»:

— У тебя старый отец и больная мать, — сказала мама.

Обычно после этих слов мы с братом переставали спорить.

Папин десятилетний срок заканчивался 28 апреля 1948 года. Не знаю, каким образом, но еще будучи арестантом, папа узнал о рождении государства Израиль. Освобождения не было, в тот день, когда кончился срок заключения, начался срок ссылки и папа в арестантском вагоне отправился на восток. Долгих два месяца тянулась дорога. Папа говорил мне, что часто его охватывало отчаяние, и тоска сжимала сердце, и никаких надежд на будущее не было, и как аккомпанемент этим грустным мыслям в голове постоянно возникал вопрос: «Сколько недель просуществовало независимое государство Израиль?» Папа ступил на дощатые тротуары города Енисейска. Куда идти? Где можно найти поддержку? Он спросил прохожего, есть ли евреи в городе. Оказалось, что один еврейский портной в Енисейске есть. К нему папа и отправился. И первый вопрос, который он задал:

— Государство Израиль существует?

— Вчера существовало, а сегодня день еще не кончился, — последовал аутентичный ответ.

1967 год. По нашему двору бежит папин близкий друг и соавтор Моисей Соломонович Рывкин. В зубах у него вечная папироса, в руках огромный портфель. Моисей Соломонович взлетает на наш третий этаж и с порога раздается его ликующий голос:

— Наши танки прошли Синай!!!

Папа быстро впихивает его в свой кабинет. Дверь захлопывается перед моим любопытным носом, и я слышу лишь возбужденные голоса и не понимаю, как «наши» танки могли так заблудиться.

Лето 1973 года. Наш замечательный университет втянулся в антисемитскую кампанию. На улицах Академгородка в начале июля можно встретить несчастных еврейских родителей, которые ничем не могут помочь своим умненьким детям. Несколько раз на улице к папе обращаются с просьбой о помощи. После этого он делается совершенно больной и несколько дней лежит, отвернувшись к стенке. Понятно, что помочь он ничем не может и ужасно страдает.

О стихах и эстетическом воспитании

Папа очень любил стихи и действительно понимал в них толк. Все в семье Румеров были литературно одарены. Старший из братьев, Осип, был известным переводчиком. Папа вспоминал, что средний брат, Исидор, мог в течение нескольких секунд придумать какую угодно сложную рифму, что вызывало у папы всегда большую зависть. Читал папа стихи так, как читают их сами поэты, — чуть заунывно и монотонно, тщательно выговаривая окончания, в которых, как правило, и скрыты все рифмы. Мне всегда казалось, что в его исполнении не хватает страсти и нюансов. Папины любимые поэты — Блок, Пастернак, вся Ахматова, ранний Маяковский, Есенин, Мандельштам, Слуцкий. Среди любимых стихотворений — «Мэри Глостер» Киплинга и «Итальянские слезы» Евтушенко. Когда ему говорили, что «Мэри Глостер» и «Итальянские слезы» — стихи «так себе», он соглашался:

— Вам повезло, вы любите хорошие стихи, а я не очень хорошие, но я их люблю.

Многое папа знал наизусть. Например, Гумилева в советские времена не печатали, но мы с братом знали и «Капитанов», и «Шестое чувство». Маленький Мишенька сразил Деда Мороза, когда на детском утреннике декламировал Гумилева, закончив «И, тая в глазах злое торжество, женщина в углу слушала его...».

Я была достаточно большая, когда папе удалось достать томик стихов М. Цветаевой из серии «Библиотека поэта». Это была большая редкость и ценность в те времена. Папа не знал почему-то стихов Цветаевой в юности, они как-то прошли мимо него. Поэтому мы открывали Цветаеву для себя одновременно. Папе нравились «Бабушке», «Генералы 12 года», «Тоска по родине». Мне — совсем другие, где «вскрыла жилы». Когда я пыталась папе декламировать что-то, он только страдальчески морщился. Но были вещи, которые нравились и мне, и ему. Например, «Попытка ревности» и «Поэма конца». Так до сих пор я уверена, что есть две Марины Цветаевы. Одна моя, другая папина.

Когда я училась в 10 классе, у нас дома появился Александр Григорьевич Раппопорт. Он был литератором, и его интересовали российские футуристы. Они долго разговаривали с папой, а после его ухода осталась огромная папка неканонических воспоминаний о Маяковском. Я взхлеб прочитала все, и Маяковский, покрытый школьным глянцем, вдруг предстал живым человеком. Когда я поделилась с папой своими впечатлениями о прочитанном, он заметил: «Как ловко сестрицы Коганы поделили Володю Маяковского. Эльза стала первой любовью, и Лили — единственной». Я просто лишилась дара речи: «А ты откуда знаешь?».

— Коганы были нашими соседями в Космодемьянском переулке¹, а потом Лили вышла замуж за нашего кузена — Осю Брика.

— А почему ты мне никогда об этом не рассказывал?

— А ты не спрашивала...

И тут я уже в подробностях выслушала все истории и про Лилю, и про Эльзу, и про Осю, и про Володю.

Эта ситуация очень типичная для папы. Если правильно задать ему вопрос, можно было услышать много интересного. Сегодня понятно, как много вопросов я не задала.

Последнее стихотворение, которое папа написал в своей жизни, посвящено нашей маме. Я часто намекала ему, что неплохо было бы написать что-то, посвященное детям. Но папа лаконично отвечал: «Иссяк». Я спрашиваю папу, что мне почитать. Он отвечает: «Братьев Карамазовых». Но я уже читала «Братьев Карамазовых» и возмущенно напоминаю папе об этом. Тогда он уточняет: «Все, что нужно знать о жизни в России, написано у Достоевского в “Братьях Карамазовых” и если тебе сейчас нечего читать, то открывай и начинай с любой страницы. Скучно не будет».

Об отношениях между мужчиной и женщиной

В детстве я часто и сильно влюблялась. Влюблялись, конечно, и в меня, но, к счастью, это были параллельные процессы. Я становилась старше, и это несовпадение начало потихоньку папу беспокоить. Надо сказать, что он редко лез к детям с какими-то своими сентенциями, оценками и рекомендациями, но тут, видя мои очередные страдания, решил: «Меня очень беспокоит твоя склонность к безответной любви. Понимаешь, любовь — это всегда взаимность, это чувство, которое испытывают двое друг к другу. Если этого нет, то тогда это просто разновидность душевной болезни, которая рано или поздно пройдет. И не надо самой делать себя несчастной, с этим успешно справятся другие...».

Папа знал, о чем говорил. В его жизни действительно были женщины, которых он искренне любил и которые отвечали ему взаимностью, но обстоятельства складывались так, что они не могли быть вместе. Только моя мама не захотела мириться с этим роком и наперекор судьбе, бросив все, отправилась за папой в ссылку. Я, конечно, соглашаюсь, что в любви главное — взаимность. Поэтому, как только мне эта взаимность померещилась, я вышла замуж.

¹ Космодамианский переулок.

Потом я упрекала папу: «Ну неужели ты не видел, что из этой затеи ничего не выйдет?» Он отвечал: «Нет, почему же. Более-менее я понимал, что ничего не получится. Но я ошибался. Получилась замечательная Инночка».

У меня очень нескладный роман. Папа спрашивает: «Как поживает твоя выдумка?» Я горестно стенаю: «Ну почему, почему он тебе не нравится?» Папа философски замечает: «Как может нравиться или не нравиться чужая выдумка».

В моей жизни появляется Сергей. Папа долго приглядывается к нему и, наконец, изрекает: «Этот, кажется, настоящий, попробуй его получить. Правда, думаю, что это будет не так просто...». Мы вместе уже 30 лет. Мы вырастили троих детей, и папина оценка — «настоящий» — как нельзя лучше подходит моему мужу.

Сейчас мне кажется, что именно в вопросах о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной папа занимал «несоветскую» позицию. Секса, как известно, в Советском Союзе не было, и господствовала какая-то особенно подлая ханжеская мораль. С одной стороны, в юности папа был свидетелем (а я думаю, активным участником) «сексуальной революции» в России и наслушался речей Коллонтай, с другой, вырос в еврейской среде, где семейные ценности традиционно стоят очень высоко. Поэтому у него был свой собственный взгляд на все эти «проблемы пола» и, главное, по-моему, было удивительное сочетание честности и ответственности. Он очень любил красивых женщин, но, как сам говорил, «без непосредственного прикладного интереса». Как-то он мне сказал:

— Не понимаю современных молодых людей... Сначала делают девушке ребенка, а потом задаются остальными вопросами. Какая безответственность! Я, воспитанная в духе комсомольской морали, возражаю:

— А что, девушка не несет никакой ответственности?

— О чем ты говоришь? Главная задача женщины — получить удовольствие. Вся ответственность лежит на мужчине.

Вот такие разговоры.

О главном

Когда я думаю, что же решительным образом определяло характер моего отца, то не нахожу однозначного ответа. Его окружала какая-то особенная атмосфера. К нему все относились если не с симпатией, то с уважением и, уж точно, с большим любопытством.

Для многих чрезвычайно важно было видеть пример человека, не сломленного тяжелыми жизненными обстоятельствами. Для других была приятна мысль, что с ними легко и доброжелательно общается человек, который был дружен или знаком с легендарными личностями двадцатого века. Третьи могли оценить его уровень физика-теоретика. Но это были люди, знакомые с его фантастической биографией. И отсвет имен и событий придавал его личности особый ореол. Я хочу вспомнить здесь пару историй, в которых папа — случайный попутчик, прохожий, но характер его проявляется особенно ярко.

Мне было лет 15. Мы с папой возвращались из Москвы на поезде. В купе нас было двое. На небольшой станции к нам подсел молодой человек, не пред-

ставляющий из себя ничего интересного. Достаточно типичный российский пасмурный и закрытый персонаж. Через несколько минут папа спрашивает его: «И сколько ты отмотал?». Парень вздрагивает и огрызается: «А что, видно?» Папа: «Старому веку видно...» И у них начинается разговор. Парень служил в армии и, по его словам, из-за какого-то недоразумения попал под трибунал и отсидел три года. Он, конечно, считает свою жизнь сломанной и главное, что его мучает, — случайность, несправедливость, произошедшего с ним. Я думаю, что насчет «справедливости» папа мог бы многое ему объяснить. И еще одно обстоятельство не давало покоя нашему случайному попутчику. Его девушка все пять лет писала ему, что любит его и ждет. «Не верю, — говорит он и на глазах его закипают злые слезы, — и никогда не поверю». «Почему?» — удивляется папа. «Вот я еду сейчас домой, но никто не знает, что я возвращаюсь, вот нагряну, вот застану, вот поймаю и т. д.»

Тут папа решительным образом берет ситуацию в свои руки и говорит, что на ближайшей станции надо дать девочке телеграмму:

— Пусть она приготовится к твоему возвращению.

— Что? И скроет следы своих преступлений?

— Ну, положим, скрыть следы тех «преступлений», которые тебе мерещатся, редко кому удается. Но если девочка действительно тебя любит и пять лет ждет, то ей нелегко будет простить твое недоверие.

Папа уговорил его и, наверное, я сейчас чуть-чуть фантазирую, но мне кажется, что эта встреча могла что-то значить в жизни молодого человека.

Папа ходит примерно раз в неделю на почту и покупает в киоске «Союзпечать» стопку иностранной прессы. Это коммунистические газеты — французская «Юманите», итальянская «Унита» и венгерская «Непсабадшаг». Других иностранных газет в Союзе получить невозможно, но и из этих папа узнает много интересного. Часто мы ходим вместе. Однажды к нам на почте подходит мужик, которого лет через пятнадцать определили бы как «нового русского». Окинув папу взглядом с головы до ног, он говорит:

— Слушай, судя по лицу, ты интеллигентный человек, а судя по одежде — сильно нуждаешься. Ты помоги мне написать прошение к прокурору, я хорошо заплачу...

Они садятся за стол, и целый час папа серьезнейшим образом занимается этим дурацким «прошением». Я в страшном раздражении хожу вокруг них кругами и надеюсь, что мы не встретим знакомых. Наконец, дело сделано, мужик очень доволен. Папа встает, кланяется ему и говорит:

— А от вознаграждения позволю себе отказаться...

На папиной могиле мы посадили голубую ель. Она начала хорошо расти и радовала глаз. В середине 1990-х годов под Новый год ее срубили. От елки осталась только треть. Смотреть на это было невыносимо. Брат загнул ветки, пытаясь сформировать новую вершину, но, казалось, спасти дерево уже нельзя. Прошло 15 лет. На месте хорошенькой голубой елочки стоит могучая ель. Она утратила цвет, и ствол ее искорежен. Но когда я смотрю на нее, мне кажется, что я что-то понимаю в папиной жизни и судьбе.

М. Н. Багатуров — О. Б. Румеру¹

«Дорогой Ося, Исидора я встретил в пересыльной камере. Он был удивительно бодр, весел, спокоен, и не было на нем никаких следов 4 мес. пребывания в тюрьме. Это было 5 мая. Целую неделю мы были вместе, и он удивил меня возвышенностью своего духа. Его волновала только мысль о Шуре, и он все говорил: не могли дать ссылку, что теперь будет делать Шура? Более чем когда-либо, его занимали умозрительные вопросы, и, скорее всего он говорил о них. В камере все относились к нему с любовью и симпатией. На этот раз — первый раз за долгие годы дружбы — мне не приходилось утешать и успокаивать его. Впрочем, он был чрезвычайно огорчен своим «признанием», этим актом, который может быть истолкован только как выражение его детского доверия к следователю и безразличием ко всему. М.б., это было последствием его утомления? 13 мая мы с ним расстались. Сейчас я в Таре, Омской области. Где Исидор — не знаю, конечно, мне напишете.

Гнусным человеком оказался этот Игельстрем, которого я видел всего два раза. Я Исидору прямо заявил, что встречаться с ним не хочу, и ему советовал этого не делать. К чему он нужен был И-дору? Но вот, у Ис. была дурная черта — встречаться с людьми, к-рых он презирал... Все это как сон, нелепый, ненужный. Теперь, видишь ли, я оказался в «контрреволюц. группировке» с гражданином Игельстремом. За что и я сослан. В группировку входит и Исидор, конечно. Я признан, по-видимому, лицом второго сорта, неважным.

У меня к тебе просьба. Хочу свою жизнь наполнить лат. и греч. языками. Словарь (Шульца и Вейсмана) и грамматика (Никифорова и Чернова) у меня есть. Анята их пришлет. А ты подбери у Шуры, у себя, у знакомых филологов сл. вещи: Саллюстия, Жизнь двенадц. цезарей (автора забыл), какие-либо речи Цицерона, какие-либо книги Тацита, Овидия что ли, Горация, Вергилия (Энеиду), я пишу все, что приходит на ум, но непрерывно с немецким и хоть с франц. подстр. переводами (у Исидора кое-что есть); конечно, можно и с русским, пусть даже переводы будут не подстрочными. Также по гречески на свой выбор (Ксенофонт, Геродот, Платон — что найдется). Сделаешь для меня большое дело. Ведь здесь мне жить три года — боюсь, что после «признания» Исидора мне трудно будет восстановить правду! Сделай, пожалуйста! Ну, это можно не сразу, постепенно, но только не забудь, так как я хочу здесь продолжить преподавать лат. язык, но м. б. какую-нибудь первоначальную хрестоматию можно будет найти. Хорошо и Цезаря, этого можно без перевода. Корн. Непот есть у Исидора с франц. переводом. Можно и так: текст и отдельно перевод русск., нем. или франц...

Целую тебя крепко. Передай мой душевный и почтительный привет Анне Юрьевне. Приветствую всех твоих, брата, сестру, жену, невестку».

Твой Миша.
Тара, 3 июня 1935 г.

¹ Публикуется по книге: Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 508—509.

«Да, мой дорогой Ося, страшный анекдот случился со мной! Ну, а с Исидором произошло нечто невероятное. Он оказался младенцем, беспечным и наивным. «Лагерь» его нисколько не смущал, только мысль о Шуре волновала его: «Если бы она могла быть со мной». У праха отца он искал утешения в философии Шопенгауэра, и говорил, что не было в его жизни более «счастливого» мгновения — в умершем отце созерцать Абсолютное Начало. Неповинный ни в чем, наивно осудивший сам себя на три года в конц. лагере, он блаженно предавался умозрению и приходил в восторг от различных изящных идей, их анализа и синтеза. «Блажени чисти сердцем». Расставаясь, мы долго не могли оторваться друг от друга, и обильные слезы лились из наших глаз. Кто знает, встретимся ли мы еще!».

Твой М.

Воспоминания¹

Л. А. Румер (Залкинд)

Людмила Залкинд-Румер, первая жена
Юрия Борисовича. 1920 г.

Познакомилась с Ю. Б. Румером я примерно в 1918 году. Я рижанка и жила тогда в Риге с матерью. Отец, врач, был мобилизован в армию. Семья эвакуировалась в Могилев. Потом вернулись в Ригу. До 1918 года отец был отрезан от семьи линией фронта. Когда война закончилась и в Латвию пришли большевики (на полгода), я поехала к отцу. Он был начальником передвижного Бобруйского госпиталя, который к 1918 году располагался в Москве. В Москве было очень интересно, я сблизилась с одной интеллигентной гостеприимной семьей, жившей в отдельном домике. Там кормили молодежь пшенной кашей. Как-то раз в этот дом через окно (что не было редкостью для тех революционных времен) влезли двое молодых людей: один черненький, один беленький. Черненький был Юра, Юрий Борисович Румер. Так мы познакомились.

Он мечтатель, фантазер, чрезвычайно увлекающийся разными веща-

¹ Из личного архива Г. Е. Горелика. Беседа по телефону состоялась 3—4 апреля 2000 г., текст авторизован по телефону 17 апреля 2000 г. Публикуется с ведома владельца. Примечания выполнены автором книги.

ми, был тогда секретарем организующегося Института ритмического воспитания. Организацию этого института благословил Луначарский. Идея и русские преподаватели пришли из Швейцарии, где Далькроз провозгласил идею, что музыку надо пропустить сквозь тело. Юра ходил с револьвером в кармане по разным инстанциям и требовал своего, стуча рукояткой револьвера по столу. На первом представлении (где и я выступала) в первом ряду сидел Луначарский. Особняк был реквизирован, как говорили, у Ростовых (потомков графа из «Войны и мира»). Приходили поэты; Надя Вольпина, фантазерка, ходила, декламировала стихи, никого не замечая. После подписания мирного договора мы все были обязаны вернуться домой. Мы уехали в Ригу (страшно не хотелось уезжать, в Москве была такая интересная жизнь, а в Риге единственное интересное занятие было сидеть в кафе и есть разные пирожные). На границе с Латвией из поезда высадили жидов и красноармейцев, и продержали нас несколько недель под арестом.

Мы с Юрой переписывались, он разрабатывал разные фантастические планы, как встретиться, например, собирался поступить в какую-то организацию речного флота, чтобы в речной форме легче было пересечь границу. Я еще раз поехала в Москву в гости, и мы решили, что будем жить вместе. О регистрации брака речи не было, тогда это было не принято. Только когда Юра решил ехать за границу, пришлось зарегистрироваться. У Юры возникла идея, что раз он завел семью, то ему надо прочно встать на ноги, зарабатывать на жизнь, то есть приобрести практическую инженерную профессию, а значит, бросить математику и всякие воздушные замки. Устроить поездку ему помог высокопоставленный коминтерновец Мартынов. Мой отец дал деньги на первое время. Приехали в Ольденбург. Юра начал учиться на инженера, но скоро ему стало невыносимо скучно: он знал больше своих преподавателей. Однажды, когда он чертил, он отложил чертежную доску в сторону, стал что-то вычислять, и вдруг сказал с блестящими глазами: «Кажется, я что-то нашел!».

Одолжив денег, 5 марок, на дорогу, он поехал в Геттинген. Я ждала с большим волнением, и вскоре он вызвал меня туда. В Геттингене был Борн. Его ассистентами были Гайтлер, Нордхайм и дочь Эренфеста — Таня. Павел Сигизмундович Эренфест туда приезжал. В частности, чтобы убедиться, что жена Румера не будет ему мешать работать ассистентом у Эйнштейна. Я (музыкант по образованию) преподавала музыку и ритмическую гимнастику, просто чтобы иметь занятие. Это давало небольшой доход, и нам вполне хватало Юриной Рокфеллеровской стипендии¹. Из Геттингена Румер поехал в Берлин, где познакомился с Ландау (подружились они уже в России). Друг друга они звали Дау и Рум (Румчик).

Румеру предлагали работу в Сан-Франциско, но он хотел вернуться в Россию. Способствовало отъезду из Германии то, что стал ощутим приход нацистов. На фоне всеобщей бедности и безработицы. Сын хозяйки пансиона, студент университета, говорил: я буду с теми, у кого будет сила; будет сила у коммунистов, буду с ними, будет сила у фашистов, пойду с ними. Решению вернуться в Россию способствовал некий Хворостин — математик, приехавший

¹ По другим источникам — Лоренцевская стипендия. См. М. П. Кемоклидзе «Квантовый возраст».

из СССР учиться в Геттинген, убежденный коммунист с военной выправкой (и, как мы потом думали, агент НКВД). По его словам, он был сын рабочего, но с манерами вполне европейскими. Правда, он всегда внимательно смотрел, как ведут себя окружающие (за столом), и перенимал. То, что он был из простого народа, и что правительство дало ему деньги на учебу, производило сильное впечатление. Учеба была очень дорогой, и в Геттингене был только один студент из простого народа, за которого платил какой-то попечитель. Как-то во время беседы в пансионе на слова католика, что он попадет в рай после смерти, Хворостин ответил: «А у нас в стране рай уже построен при жизни!».

Было ощущение, что Запад при всем его благополучии идет вниз, а будущее делается в России. Хворостин провел в Геттингене около года, и, когда Румер вернулся в Советский рай, Хворостин встречал его на вокзале с коробкой шоколадных конфет (тогда немислимая роскошь). Вернулся Румер, и так вокруг было тоскливо-серо, что хотел покончить с собой. Я приехала к нему год спустя. Хотя в России жить было трудно, но до 1935-го весело. Из Харькова Румер приехал подавленный тамошними делами: собрания с осуждением Дау, что лекции непонятны, для избранных. Когда Дау приехал в Москву, то первое время жил у Румеров. Дау — очаровательный, худой, огромные сияющие глаза, говорит что думает. Он очень страдал, что долго не нравился женщинам. Чтобы обратить на себя внимание, отрастил себе большой чуб. И, как говорил, даже хотел покончить с собой из-за того, что никому не нравился. Делил «особ» на 5 классов. 5-й — вообще для тебя не существуют. 4-й — находясь в одном помещении, можно не заметить. 3-й — нельзя не заметить. 2-й — видишь только ее. 1-го класса не существует. По Дау, в браке пропадает чувство. [...].

В 1937-м каждую ночь ожидали ареста. Все подозревали друг друга. Не напишет ли донос на тебя сосед по коммунальной квартире, чтобы заполучить лучшее место для своей сковородки на общей кухне? У Румеров были три комнаты и ванная за отдельной запирающейся дверью в огромной (университетской) квартире, где было еще 12 дверей. Кухня общая. Накануне ареста пошли с Дау в Дом ученых. Там, оказалось, выступали какие-то колхозники. Сели в какой-то комнате и шепотом стали обсуждать, что делать в случае ареста. Дау и Рум говорили, что надо со всем соглашаться, лишь бы не били. А насчет меня решили, что, если Румера арестуют, мне надо сразу же бежать и скрываться. Мы так сидели, что только я была лицом к двери. Вдруг в дверях на секунду показалось знакомое лицо N-ского (какая-то польская фамилия), административного работника в институте Капицы, и исчезло. У N-ского была очень красивая жена, которую звали Эль (она работала чертежницей). Дау был к ней неравнодушен. Устраивали танцы у сына Мандельштама в университете, в то время когда вся Москва сидела съезжившись и дрожала.

Наутро после ареста вдруг заявляется N-ский, который никогда прежде у нас не бывал. Рассказывает какую-то невероятную историю: на него упал снег, он чистился случайно возле здания НКВД, его забрали, и там он увидел Румера. Передал от него привет и предложил помощь: Эль, мол, научит меня чертежному делу, и я смогу зарабатывать себе на жизнь. Я что-то отвечала вежливое. Но после его ухода сразу собрала чемодан и уехала. Сначала жила какое-то время у лесничего, куда раньше приезжал Румер. Потом ездила по разным местам

и, наконец, оказалась в Бердянске. Женщины-беглянки в моем положении каким-то образом, по запаху, чувствовали друг друга. Когда я увидела, что в магазине сняли портрет Ежова, то подумала, что угроза миновала. Позвонила в семью Румера, и там подтвердили, что можно возвращаться. Ландау вышел из тюрьмы в ужасном состоянии, весь в фурункулах. Он очень не любил говорить об этом годе. При встрече отдал мне фотографию, где я и другие молодые женщины в компании сфотографировались в смешных позах. Почему-то эта фотография была в его деле, и ее ему отдали. Румера в тюрьме Дау не видел.

КБ-29, Омск

Э. И. Гракина¹

13 июля 1941 г. из Москвы в Омск отправились три вагона-теплушки с зарешеченными окнами с зеками-работниками бывшего ЦКБ-29 НКВД, а в другом поезде, в купейном вагоне с семьей поехал А. Н. Туполев. Под проклятиями толп беженцев, которые принимали их за пленных немцев, без горячей пищи, в душных вагонах, не зная, куда едут — на этап или в эвакуацию, двигались ученые и конструкторы знаменитой туполевской «шарашки» на восток. «Через восемь дней прибыли в Омск. Поначалу зеков свезли в местную очень грязную и вонючую тюрьму с невероятно свирепыми надзирателями, а через несколько дней разместили в здании школы, переоборудовать которую не успели: ни зоны, ни забора, ни даже решеток на окнах. Такая была толчея и неразбериха, что не то что убежать, можно было бы спокойно уйти среди бела дня». В Омске за Иртышом, в Куломзино, соединились все заключенные болшевской «шарашки». Здесь обосновались конструкторские бригады В. М. Мясичева, Р. Бартини, Д. Л. Томашевича.

В Омске на основе привезенного из Москвы оборудования срочно организовывался завод № 166, представлявший на первых порах «несколько маленьких, вовсе не авиационных корпусов, даже под крышу не подведенных... Вокруг них была большая зона и несколько сотен зеков, — главным образом несчастных рабочих, опоздавших на 20 минут к табельной доске, и несчастных крестьян, принесших горсть колосков с колхозного поля, — с утра до ночи работали на оборонной стройке».

Сюда же были эвакуированы ремонтные заводы из Смоленска, Севастополя, Завод № 45 из Ленинграда. Все эти коллективы объединялись под руководством прекрасно знавшего производство А. Н. Туполева и начали работать по 16—18 часов, чтобы наладить серийное производство ТУ-2.

Начальником завода № 166 был назначен А. В. Ляпидевский — знаменитый летчик — спасатель челюскинцев, которого затем сменил производственник Л. П. Соколов. Возглавляли цеха вольные работники, а заместителями у них стали заключенные. С. П. Королев стал заместителем Л. А. Италинского — начальника фюзеляжного цеха. Зеки жили по 3—5 чел. в небольших комнатах. Выдающийся ученый-механик чл.-корр. АН СССР и будущий ака-

¹ Гракина Э. И. Ученые России в годы войны. 1941—1945. М.: Изд-во: РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. 2000. С. 114—115. Автор воспроизводит здесь рассказ Я. Голованова из его книги «Королев. Факты и мифы». М.: Наука, 1994. С. 305—308.

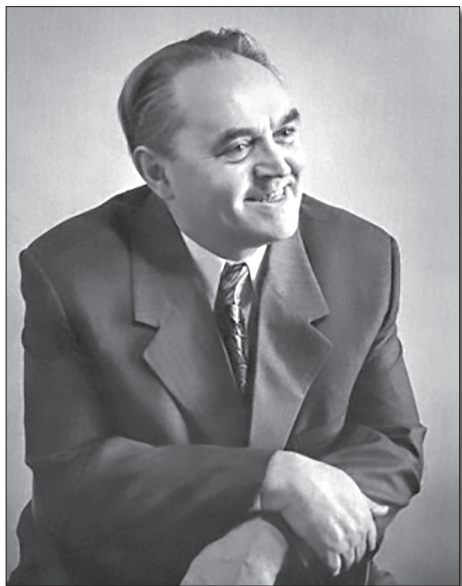
демик А. И. Некрасов, которого арестовали как американского шпиона, жил в 8-метровой комнате, в которой он в заключении написал свой знаменитый труд по теории волн, удостоенный позднее Сталинской премии. До своего освобождения в 1943 г. будущий главный конструктор космических ракет С. П. Королев жил в одной комнате с энциклопедически образованным бывшим профессором математики Петербургского университета механиком Ю. А. Крутковым, главным инженером московского авиазавода Е. П. Шекуновым, лучшими специалистами по поточному производству М. Т. Геллером и А. С. Ивановым.

О Туполевском КБ¹

Н. А. Желтухин

Меня арестовали в 37-м году, очень долго продолжалось следствие, суд и после ожидание ответа на кассационную жалобу. В 39-м году жалоба была отклонена, и меня направили в лагерь в Котлас, не в сам Котлас, а на сплав по реке Сухоне и по ее притокам. Территория, на которой мы работали, была огорожена. Наша работа состояла в том, что по проходам мы подгоняли баграми лес к машине, которая связывала этот лес в пучки.

Жили мы на барже, на реке. Берег огорожен, а кругом вода, стывшая. Я понял тогда, что человек может вынести гораздо больше, чем может представить его разум. Я подал там заявку на некоторое изобретение, связанное с зажиганием

Н. А. Желтухин. 1985 г.²

двигателя, главным образом авиационного, но можно и автомобильного. Эта моя заявка по тюремной администрации пошла в Москву, и там она была направлена Стечкину. Они посмотрели эти каракули, буквально каракули, потому что все было написано на листочках школьной тетради, а вместо чертежей рисуночки от руки. Понять эти каракули было трудно. Профессионал их писал или непрофессионал, но видно было, что человек в этой области что-то знает. И дали такое обтекаемое заключение, довольно рискованное по тем временам, что тюремное начальство вызвало меня в Москву. Заключение было подписано профессором Стечкиным и профессором Румером. Когда я приехал в Москву, то сразу

¹ Впервые опубликовано в книге М. П. Кемоклидзе *Квантовый возраст*. М.: Наука, 1989. С. 199—202. Публикуется здесь с любезного разрешения автора.

² http://www.soran1957.ru/?id=PA_folders60-99_0002_0590

вызвал подозрение начальства, слишком молодым был, мне было 23 года. Но меня все-таки отправили в Тушино. Здесь быстро разобрались, что я непрофессионал, но я был матерый чертежник. Студентом я подрабатывал на заводе в КБ, и у меня был твердый чертежный почерк. Меня оставили в Тушине и поставили на общий вид одного из двигателей. В Тушине делали два типа двигателей. Один разрабатывал Добротворский, специалист по карбюраторам, второй — Чаромский, известный конструктор, у которого работали Стечкин и Румер. Все они прибыли сюда из Болшева. Болшевский период кончился до моего прибытия. Когда я приехал, то было полно разговоров про Болшево. Как я понял, Болшево был некий промежуточный этап, где просто всех собирали, а приняв решение, кто что делает, распределяли по конкретным большим заводам и КБ. И началась большая работа.

Я приехал в Тушино в июле или в августе 39-го года и сразу попал под опеку Юрия Борисовича Румера. Он занимался расчетами по дизельному двигателю Чаромского. Двигатель был четырехосный. Наличие такого количества осей приводило к возникновению большого числа колебательных процессов в этих валах. И Румер занимался расчетом крутильных колебаний валов. Он делал и другие работы, в частности со Стечкиным, но мне судьба этих работ неизвестна.

Т. е., за кем числятся эти работы, я не знаю, а то, что они успешно применялись, это, безусловно. Юрий Борисович очень хотел, чтобы я занялся расчетами, но такой потребности в КБ Добротворского по обычному многоцилиндровому карбюраторному двигателю не было, и я оставался на общих видах. Но Юрий Борисович все время обсуждал со мной свою работу, и потом, когда я уже занимался расчетами нового двигателя в Казани, я из его методов взял определенные подходы, и они пригодились. Но к тому времени мы друг друга потеряли. Кто знал, что много лет спустя мы будем жить в одном и том же городке и проживем вместе более двух десятков лет. И хотя мы пробыли в Тушине вместе не более полугода, оно всегда с нами.

А для меня Тушино просто было спасением. Меня ведь арестовали студентом третьего курса. В обвинении у меня было написано «антисоветская агитация», статья 58, часть 1. Мне дали восемь лет и пять лет поражение в правах. Но пока до этого дело дошло, меня держали в воронежской тюрьме, потом в Богучаре, в тюрьме, а уж когда пришел приговор, отправили в лагерь. И вот, после всего этого я попадаю в Тушино. Чистый двор, чистые деревянные постройки. Ухоженный одноэтажный дом, в котором находились спальни и рабочие помещения для конструкторов, где разрабатывали чертежи и делали расчеты. Рядом был завод, на котором делались наши двигатели, но я там никогда не был. Светлая, большая столовая, очень хорошая. Один большой стол, круглый, покрытый то ли скатертью, то ли клеенкой, очень чистый. Вкусная пища три-четыре раза в день — завтрак, обед и ужин, а между завтраком и обедом был чай. В это время и в стране было благополучно с питанием, и это отражалось на нашей столовой. О том, как хорошо нас кормили, свидетельствует то, что я там излечился от туберкулеза. Просто на одном питании. Я прибыл из лагеря больным туберкулезом, с процессом в легких... Я этого не знал, а просто кашлял и «доходил», как это называлось в лагере, худел, худел и худел. И когда попал

в это КБ и в эту столовую со сливочным маслом, с кефиром, с мясными обедами и ужинами, то быстро поправился, и только уже спустя пять лет и дальше меня на медкомиссиях все спрашивали, когда же у меня прекратился процесс в легких. И я понял, вот тогда и было. Хорошо было и с «духовной пищей», вернее, с технической духовной пищей. На заводе была большая библиотека, и хотя на территорию завода нам нельзя было, но вход в библиотеку был для нас специально сделан. Художественная литература привозилась из Бутырок, правда, немного, и менялась она только через два-три месяца. А бутырская библиотека была отменной, она все время пополнялась при обысках и арестах.

То ли в конце 39-го, то ли в начале 40-го года Юрия Борисовича перевели в Москву, к Туполеву. Он написал заявление на имя тюремного начальства с просьбой, чтобы его из Тушинского моторостроительного КБ перевели в самолетостроительное КБ Туполева. И его просьбу удовлетворили. На моих глазах это была единственная просьба, которую удовлетворили. Только вот Юрия Борисовича. Очевидно, была какая-то просьба оттуда, из самого Бюро, и его перевели. Следом за ним я пытался тоже перевестись в авиационное КБ, главным образом, конечно, из-за Юрия Борисовича: профессор по физике, очень интересный, знающий человек, меня к нему тянуло, — но меня не пустили.

В Тушине мы пробыли до лета или до осени 40-го года. Было принято решение делать наш двигатель на казанском заводе. И группа Добротворского переехала в Казань. В этой же группе работал Глушко. Еще в Тушине на моих глазах Глушко подавал начальству предложение об организации отдельного КБ для ракетного двигателя. Вопрос этот рассматривали, но отклонили. Глушко не сдавался, хотя именно из-за ракетной техники пострадал следом за Тухачевским первым. Потом посадили Клейменова и Лангемака, которых расстреляли, потом посадили Королева. И все-таки Глушко своего добился. Уже в Казани было принято решение об организации отдельного КБ под началом Глушко. И меня, как способного к математике и имевшего определенное образование, перевели к Глушко и поставили на расчеты ЖРД. Расчеты нового двигателя — это настоящая наука. И хотя у меня было неполное высшее образование, я прошел такие университеты! Кругом были такие учителя — Стечкин, Румер, Глушко, профессор Пазухин, потом Королев! Мы работали по 12 часов. Каждый из них был не только блестящим ученым, но человеком, отдававшим всего себя делу, которым занимался. Вот у них я и учился. Так и стал членом-корреспондентом без диплома о высшем образовании.

КБ Глушко было организовано в 42-м году. К нам туда из Омска под командировку приезжал Королев. Это было еще до решения о ракетном двигателе. Королев работал тогда у авиационников в КБ Туполева, там же работал Румер. Королев с Глушко о чем-то говорили, писали какие-то бумаги, по-видимому, они объединили усилия по организации ракетного КБ. Я говорю «по-видимому» потому, что никаких разговоров не было. Шла война. Работали очень много. Скоро Королев приехал в Казань на работу, но еще арестантом. За неполных два года КБ Глушко достигло больших успехов по ЖРД, испытания показали их работоспособность и перспективность. Вот тогда, в 44-м году, большую группу, несколько десятков человек, освободили, в том числе, конечно, Глушко и Королева. Я в этот список не попал. Но в Москве было принято

решение ракетную технику развивать. Были выделены несколько заводов и КБ и разделены на две части: Королев отдельно, Глушко отдельно. Я попал к Глушко и проработал с ним до 59-го года.

В июне 45-го меня освободили. Обычно освобождали день в день, но меня освободили на три дня позже, т. е. получилось восемь лет и еще плюс три дня. Теперь я был в КБ вольнонаемником. В Москву переезжали долго. Окончательно переехали фактически в 46-м году. А у меня на лет пять вперед еще было поражение в правах, и по судебным законам я не имел права жить в Москве и ее окрестностях радиусом в сто километров. Москва ведь всегда режимный город, и для прописки московской нужны решения на каком-то уровне. А тут на самом высоком правительственном уровне было решено перевести какое-то КБ и перечислены все люди, которые туда входили, и среди них Желтухин Н. А., я то есть. В Москве мне дали сначала комнату, потом квартиру. До 50-го года я был лишен избирательных прав. В 49-м году женился, в 54-м родился сын. И все время я работал у Глушко, в ракетной секции.

За 5—10 лет наши КБ, КБ Королева и Глушко, сделали так много, что ничего похожего большие научные подразделения академии не имели. Это была не только техника, но и огромная научно-исследовательская работа. Разницы между серьезной научной работой и работой КБ в неизведанной области нет. Только в КБ это делается с такой целеустремленностью и напором, что рассказать нельзя, в этом надо участвовать. И все слова о том, что боялись и делали, — абсолютная неправда! На страх такого не сделаешь — хотели работать. И потом, было единство цели, отсутствие или почти полное отсутствие личного эгоизма, большая предварительная квалификация людей. Не было никакой озлобленности. Но что там внутри у человека, судить нельзя. Эти вопросы никогда у нас не обсуждались. Тут ведь у каждого свое, и об этом не принято было говорить. Тем более, что у многих были прямо «персоны», которые их посадили или способствовали аресту. В какой-то мере многие люди были вовлечены или по злобе, или из страха, или их заставили участвовать в этом процессе ложных обвинений. Мы не судили их и очень мало говорили об этом. Все жили такой общей подразумеваемой идеей, что все равно нас оправдают. Когда я единственный раз — не помню, зачем меня туда послали, — был на улице Радио в КБ Туполева, я встретил там Юрия Борисовича. Мы оба очень обрадовались встрече, и он мне с большим воодушевлением рассказывал об аэродинамических расчетах крыльев и паразитных колебаниях переднего колеса самолета. Там он меня познакомил с Крутковым и Бартини. Бартини, углубленный в себя, сидел за кульманом и производил впечатление какой-то экзотической птицы в клетке. А сами-то мы, Румер, Добротворский, Крутков, Желтухин и другие, были очень оптимистично настроены. Была интересная работа, и была все время надежда, что скоро нас выпустят. И если бы не финская война, скорее всего, это произошло бы быстро.

С Юрием Борисовичем мы встретились снова только спустя почти 20 лет после встречи на улице Радио. В 59-м году меня пригласил к себе на работу Христианович в только что созданный им институт в Новосибирском Академгородке, и я согласился. Юрий Борисович был тогда директором ИРЭ, Института радиопизики и электроники, в Новосибирске и тоже перебирался в Академго-

родок со своим институтом. Так я и остался навсегда в Академгородке, и Юрий Борисович тоже. Он умер в 84-м году¹. Я знаю, что его все любили.

Письмо²

М. М. Зарипов

В начале весны 1946 г. я был направлен на работу в авиационное конструкторское бюро Главного конструктора Бартини Роберта Людвиговича. Там меня определили в бригаду вибраций самолета, начальником которой был профессор Румер Юрий Борисович. В Казанском университете, физико-математический факультет которого я окончил, имя Румера было хорошо известно: наши учителя горячо рекомендовали студентам монографию Ю. Б. Румера «Введение в волновую механику» и книгу Блеквуда и Хетчинсона «Очерки по физике атома», переведенную Фейнбергом, под редакцией Ю. Б. Румера. Зная, что Ю. Б. Румер — один из крупнейших физиков СССР, я предстал перед ним не без робости. Юрий Борисович расспросил меня обо всем, что касается анкетных и биографических данных. Далее он интересовался, у кого и чему я учился. Моими ответами на вопросы, касающиеся знаний по физике, он остался, кажется, не совсем довольным. Потом он объяснил мне мои обязанности как инженера бригады.

Как я выяснил с течением времени, бригада занималась не только расчетами вибрации самолета. Главный конструктор Бартини был ищущим человеком, интересующимся перспективой развития авиации, человеком, полным идей. Юрий Борисович был правой рукой и научным консультантом Главного конструктора. Но дело не ограничивалось одними консультациями, бригада занималась не только расчетами, но и исследованиями в области вибраций, в области аэродинамики и решением многих задач, возникающих в процессе проектирования. Я довольно легко включился в эту работу и с радостью узнал, что пять лет тайшетской тайги не стерли из моей памяти знания, полученные в Казанском университете, по механике и математике.

Не прошло еще много времени с начала моей работы в бригаде, как Юрий Борисович спросил меня, не хочу ли я заниматься теоретической физикой. Я, конечно, охотно согласился и начал заниматься изучением книги Ландау и Лифшица «Теория поля».

Времени для этого было предостаточно. Мы работали по 10 часов в день. КБ находилось на окраине города, на берегу залива. Территория завода примыкала к роще, называемой почему-то Карантином. В летнее время мы ходили в обеденный перерыв на берег купаться и загорать. В первый же год нам выделили небольшие земельные участки, где можно было выращивать овощи. Днем отдыха было воскресенье. Библиотека КБ была небогата, мало было журналов, хотя по настоянию Юрия Борисовича выписывали ряд физических журналов (в том числе ЖЭТФ и «Phys. Rev.»).

¹ Неточность, Ю. Б. Румер скончался 1 февраля 1985 года.

² Впервые опубликовано в книге М. П. Кемоклидзе «Квантовый возраст». М.: Наука, 1989. С. 220—222. Публикуется здесь с любезного разрешения автора.

Итак, условия для занятий теоретической физикой были, и я начал с «Теории поля». Юрий Борисович был удивительным педагогом. Мое изучение курса Ландау сопровождалось экскурсами в историю физики. Попутно Юрий Борисович рассказывал и о своих исследованиях в этой области. Вскоре я узнал, что он уже давно занимается созданием единой теории поля. В тот период его жизни эта тема была главной в его научной деятельности.

Юрия Борисовича тяготило отсутствие среды, в которой он мог бы обсудить вопросы, над решением которых работал. Наконец, выход из этого положения он усмотрел в том, что может использовать меня в роли оппонента. Он рассказывал мне о решении той или иной задачи, над которой работал, и просил меня без стеснения задавать вопросы всякий раз, когда я чего-то не понимаю. Смело возражать, когда считал что-либо неправильным. Далее я излагал тему так, как понимал. Эти обсуждения велись вечерами, после работы. От меня требовалась самая острая придирчивость ко всему рассказываемому им, высказывание сомнений, вопросов. Юрий Борисович стремился к предельной ясности и строгой логической последовательности изложения. При работе над единой теорией поля я служил предметом апробирования. В силу моих возможностей я принимал участие в выводе ряда формул и решении задач. Юрий Борисович много и неустанно работал. Он был оптимистом и надеялся вернуться в строй, так как близился конец срока заключения, и он возвращался не с пустыми руками. Помнится, однажды он мне предложил готовить диссертационную работу. Его более чем удивил мой отказ и еще более мотивировка отказа. Будущее мне представлялось в минорных тонах. Это произвело на Юрия Борисовича угнетающее воздействие. Мне осталось лишь сожалеть, что так необдуманно нарушил его душевное равновесие. Несмотря на это, он пытался настроить меня оптимистически.

Он был исключительно начитанным человеком, в пользу оптимизма приводил множество примеров, даже из произведений восточных классиков. Он владел множеством языков, в том числе и восточных. Знал наизусть отрывки из шедевров восточных поэтов. Он пытался освоить и татарский (мой родной) язык и выучил несколько татарских песен.

Среди сотрудников КБ самым близким ему человеком был начальник бригады аэродинамики, математик Сциллард Карл Степанович. Он много общался с Бартини. Очень хорошо относился к талантливой молодежи, помогал ей.

Время шло... Подошел и конец срока заключения Юрия Борисовича. К сожалению, он не смог вернуться в свою родную Москву, а был сослан на поселение в Красноярский край. Я с ужасом думал о его судьбе, о том, как он будет жить в тайге (мне-то она была знакома). Далее наш коллектив был переведен в Москву, и я до конца 1951 г. работал там. По окончании срока я тоже был направлен на поселение в Красноярский край, в Бугучарский район. Узнав адрес Юрия Борисовича, я писал ему письма, получал ответы. Возвращаясь из поселения в Казань, в 1955 г. я остановился в Новосибирске и встретился с Юрием Борисовичем и Ольгой Кузьминичной. Их жизнь налаживалась, чему я был очень рад. Юрий Борисович звал меня к себе в аспирантуру, но в Казани меня ждали беспомощная мать и бабушка. Кроме того, я был уже женат, мы ждали ребенка. Надо было устраивать жизнь.

Геттинген. Юрий Борисович Румер¹

К. А. Кикоин

Ю. Б. Румер (1901—1985) принадлежал к следующему поколению российских физиков². Вся научная жизнь этого поколения прошла при советской власти. Но пора его студенчества пришлось аккурат на годы революции, Гражданской войны и сопровождавшей ее разрухи, которую внезапно сменил краткий период нэпа. И нет ничего странного в том, что в жизнеописаниях этих «ровесников века» встречаются весьма неожиданные страницы.

Однако биография Ю. Б. Румера поражает своим разнообразием даже на этом пестром фоне. Он был четвертым ребенком в семье московского купца Бориса Ефимовича Румера, успел закончить до революции реальное училище (экстерном) и поступить осенью 1917 года на математический факультет Петербургского университета. Но тут случился октябрьский переворот, и учение в университете превратилось в такую же полную приключений авантюру, как и любая другая попытка выжить в стихии войн и революций. В случае Румера этот процесс растянулся на семь лет и закончился только в 1924 году. Переехав из Петербурга в Московский университет поближе к дому весной 1918 года, он, тем не менее, вынужден был прервать учебу, поскольку в условиях Гражданской войны регулярный учебный процесс был невозможен. Его послужной список в период с 1918 по 1921 годы включает работу в должности управделами Московского института ритмического воспитания, преподавание на военно-инженерных курсах, службу в Красной армии (рядовым), обучение на курсах восточных языков при Военной академии Генштаба, работу в качестве переводчика при дипломатической миссии в иранском городе Решт, сопровождение эшелона с оружием для Кемалея Ататюрка в Турцию и дипломатической почты в Москву. В 1921 году Румер возобновил учебу в МГУ и окончил его через три года, как раз в разгар массовой безработицы. Еще два года он провел, подрабатывая статистиком в Госстрахе и преподавателем на рабфаках³.

В эти бурные годы Румер становится своим в литературных и театральных кругах. Юрий Борисович был связан семейными и дружескими отношениями с И. Эренбургом, Осипом и Лилей Брик.

Он частый посетитель знаменитого жилища Бриков и Маяковского в Гендриковом переулке. Один из его родных братьев, Исидор — филолог и философ по образованию — некоторое время работает референтом Троцкого, второй, Осип — поэт и профессиональный переводчик с европейских и вос-

¹ Публикуется с любезного разрешения составителей по книге Кикоин К. Иоффе, Рентген и другие. Русское еврейство в зарубежье. Иерусалим, 2008. Т. 16. С. 223—238 (ред.-сост. К. Кикоин и М. Пархомовский).

² Предыдущие очерки К. А. Кикоина в работе «Иоффе, Рентген и другие» посвящены Л. И. Мандельштаму (1879—1944) и А. Ф. Иоффе (1880—1960).

³ И. Ф. Гинзбург, М. Ю. Михайлов и В. Л. Покровский. Юрий Борисович Румер (к 100-летию со дня рождения) // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. С. 1131—1136.

точных языков. Ю.Б. — свой человек за кулисами театра Вахтангова, где он удостоивается прозвища Лапапид Турандотович. Его пародии на Маяковского, Гумилева, Ахматову гуляют по литературным салонам¹.

Румер был связан дружескими узами и профессиональными интересами с математической школой Н. Н. Лузина в МГУ — знаменитой «Лузитанией», из которой вышли крупнейшие математики современности, начиная с А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова.

Но вектор его собственных научных интересов постепенно разворачивается от математики к физике. Он начинает всерьез заниматься общей и специальной теорией относительности.

Мудрый папа Борис Ефимович с некоторой опаской наблюдал за бурной и разнообразной деятельностью сына. Сам он в это время пребывал на достаточно высоком посту в Наркомате промышленности и торговли, хотя занимался тем же самым делом, что и в царское время, — торговал льном². Чувствуя, что послереволюционной вольнице приходит конец, и что литературный салон, где чекист сидит в качестве гостя и друга очаровательной хозяйки, отделяет от кабинета на Лубянке, где он полный властитель, всего лишь один неосторожный шаг, Румер старший счел за благо отправить своего третьего сына доучиваться за границу, все в ту же Германию. Произошло это незадолго до заката нэпа — в 1926 году³. Ю.Б. был командирован папиным наркоматом в Высшую политехническую школу в Ольденбурге, каковую и закончил в 1929 году. Однако после получения диплома он отправился не в Москву, а в Геттинген, который в это время был местом сбора «кронпринцев и королей науки»⁴.

Роль Геттингенского университета в европейской культурной и научной традиции уникальна. Не самый старый среди германских университетов, он был порождением эпохи Просвещения. Его либеральный устав был разработан бароном Герлахом Адольфом фон Мюнхгаузеном (не путать с его знаменитым однофамильцем Карлом Фридрихом Иеронимом!). В течение двух столетий этот университет оставался цитаделью университетских свобод и прежде всего — свободного научного поиска. В Геттингене воспитывалась и обучалась интеллектуальная элита Европы. Именно оттуда бедный Ленский привез плоды учености и кудри черные до плеч. Первым знаменитым физиком, преподававшим в Геттингенском университете, был его питомец Георг Кристоф Лихтенберг. Ему мы обязаны техникой ксерокопирования, а во всевозможных сборниках типа «В мире мудрых мыслей» его блестящие афоризмы занимают одно из самых почетных мест.

Ю. Б. Румер появился в Геттингене в то время, когда кафедру физики там занимал Макс Борн, тоже выпускник этого университета. За три года до того вместе со своими ассистентами Гайзенбергом и Йорданом он разработал матричный формализм квантовой механики, которым мы пользуемся и по сей

¹ ...Он вошел неслышной улитки, / Под пасхальный веселый звон, / Как люблю я белые нитки, / От зачем-то снятых погон.

² См. Ч. 2. Гл. 4.

³ В 1927 г. Прим. сост.

⁴ И. Ф. Гинзбург, М. Ю. Михайлов (Румер) и В. Л. Покровский. Юрий Борисович Румер (к 100-летию со дня рождения). С. 1132.

день. Но главное его творение — это великая геттингенская физическая школа. Кроме самого профессора и пяти ассистентов, составлявших ее костяк, туда входили многочисленные визитеры из ведущих европейских стран, США, Японии, эмигранты с неопределенным гражданством, такие как венгерские евреи фон Нейман (будущий создатель первого компьютера) и Теллер (в будущем — отец американской водородной бомбы) а также Георгий Гамов¹, недавно бежавший из СССР. Энрико Ферми, тогда еще правоверный подданный итальянского Дуче, расхаживал в черной униформе и наводил страх на своих робких соотечественников... Никто, впрочем, не придавал особенного значения политическим взглядам коллег, хотя залетному американскому профессору с официальной бумагой от губернатора его штата было немедленно указано на дверь, когда он отказался сидеть за столом с цветным — индусом Чандра-секаром, будущим знаменитым астрофизиком. Впрочем, американец показал себя невеждой и в своей основной специальности. Все эти молодые люди выдвигали новые идеи, горячо обсуждали их друг с другом, со своим профессором и со светилами с математического факультета, где в то время работал Давид Гильберт — один из величайших математиков всех времен и народов. Из обсуждений рождались работы, заложившие основы современной квантовой физики. Восхитительная атмосфера полной академической свободы поразила Румера, не видевшего ничего подобного у себя на родине.

Ю. Б. Румер заявил о себе этому сообществу работой по пятиоптике — обобщению теории относительности на пять измерений, затеянной еще в Ольденбурге. Борн ее прочитал и рекомендовал к напечатанию в «Известиях Геттингенской академии наук» (скорее, в Известиях научного общества — И.К.)². После этого он сказал Румеру: «Я думаю, что Вы — состоявшийся человек. Конечно, будут трудности с Вашим посольством и с Вашим государством. Но я думаю, что если я моего друга Альберта Эйнштейна попрошу съездить в посольство и поговорить с послом, то можно будет добиться, что Вы сможете у меня работать»³.

Реакция Эйнштейна была более чем прохладной. Борну он написал, что работа эта его не интересует и не кажется уникальной, и он не считает возможным поехать в Советское посольство, чтобы просить там о человеке, которого никогда не видал. А автору он сообщил, обратившись к нему «дорогой господин коллега», что работа ему совершенно не нравится, и высказал несколько критических замечаний (по словам Румера, часть его замечаний относилась к утверждениям, которых в работе вовсе не было). Впрочем, Эйнштейн выразил готовность написать рекомендательное письмо, если «коллега» когда-либо будет претендовать на место ассистента или приват-доцента. Через некоторое время в Берлин к Эйнштейну приехал его друг Эренфест, знавший все, что происходило в теоретической физике, и имевший мнение о каждой заметной работе, которое никогда никем не оспаривалось. Среди прочих новинок те-

¹ Г. А. Гамов покинул СССР в 1933 г.

² Rumer G. Über eine erweiterung der allgemeinen relativitätstheorie // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1929. N 2. S. 92—99.

³ Рассказы Юрия Борисовича Румера. Публ. И. Ф. Гинзбурга и М. Ю. Михайлова // Успехи физических наук. 2001. Т. 171. С. 1137—1142.

кущей литературы, о которых Эренфест считал нужным поведать своему другу, оказалась и та самая работа Румера по пятиоптике.

Услышав теорию Румера в изложении Эренфеста, Эйнштейн сказал: «Это действительно интересно. Кто этот человек?» Когда Эренфест объяснил Эйнштейну, что по поводу этого человека Борн написал ему письмо и прислал оттиск его работы, Эйнштейн невозмутимо ответил: «Ну, милый мой, неужели ты думаешь, что я читаю чужие работы? А теперь я более-менее знаю, что там, так что пришли мне человека». Эренфест так и поступил, сопроводив приглашение переводом на 200 гульденов на дорогу, поскольку он подозревал, что в кармане у русского стажера лишних денег не водится.

Сочные детали визита Румера в Берлин к Эйнштейну, включая увиденный им в доме профессора огромный портрет Герцля и две копилки, в которые все посетители были обязаны что-нибудь опустить, «в зависимости от состояния», описаны в воспоминаниях¹. Эйнштейн и Эренфест учинили Ю. Б. Румеру перекрестный научный «допрос», и он вроде бы успешно защитил свою работу. Через некоторое время в Геттинген пришло письмо из Лейдена, подписанное Эйнштейном и Эренфестом, с извещением о том, что Ю. Б. Румер на 2,5 года прикомандировывается к профессору М. Борну. В качестве полноправного сотрудника университета, ассистента Борна, Румер сделал в соавторстве с будущими классиками квантовой физики Г. Вейлем, В. Гайтлером и Э. Теллером цикл работ по квантовой теории валентности². Эти работы он также хотел показать Эйнштейну, но второй визит в профессорский дом оказался неудачным. Эйнштейн заявил Румеру: «Эта работа — рядовая работа. Там была идея, здесь идеи нет. И я не пойму — что вы от меня хотите. Это меня не интересует». Работы, которые тогда не заинтересовали Эйнштейна, лежат в основе всей современной квантовой химии.

Стипендия Лоренца, полученная Румером по рекомендации двух великих физиков, окончилась в 1932 году, и он вернулся в Москву в «геттингенском облике». Новый этап жизни Ю.Б. начался блестяще. Он был избран профессором МГУ по рекомендации Эйнштейна, Эренфеста, Борна и Шредингера³ и параллельно был принят на работу в тот же ФИАН. Еще в Геттингене он познакомился с Л. Д. Ландау⁴, и это знакомство превратилось в сотрудничество,

¹ Известны варианты рассказов Ю. Б. о посещении А. Эйнштейна, в частности, один из них опубликован в небольшой книжке его устных рассказов «Пластинки» к 100-летию со дня рождения ученого: «В назначенный срок я поднимаюсь к обычному доходному дому. Там маленькая дощечка «Профессор А. Эйнштейн». Звоню, говорю прислуге, что получил от Эренфеста телеграмму к такому-то дню, в такой-то час прибыть. Меня просят пройти в гостиную. Я вхожу и поражаюсь структуре этой гостиной. Огромный портрет Теодора Герцля, основателя сионизма. Страшно поразившая меня мелкобуржуазная обстановка, довольно безвкусная. Стоят две огромные копилки...». Вариант рассказа со слов Ю. Б. Румера зафиксирован также в книге Анны Ливановой «Физики о физиках». М.: Молодая гвардия, 1968. С. 37—50.

² Те же идеи в несколько упрощенной форме развил Лайнус Полинг в своей знаменитой теории резонансов, которую нещадно громили как лженауку в 50-е годы ревнители марксистского ортодоксального материализма и реабилитировали после смерти Сталина, когда она удостоилась Нобелевской премии по химии (1954). Чуть раньше был реабилитирован Ю. Б. Румер, как раз к тому времени отбывший пять лет ссылки в Енисейске.

³ Вероятно, рекомендации носили устный характер, поскольку документальных подтверждений им нет.

⁴ По воспоминаниям Ю. Б. Румера, встреча с Л. Д. Ландау состоялась в Берлине на коллоквиуме по теоретической физике. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 373.

когда Ландау из Харькова перебрался в Москву. Ю.Б. и Ландау успели сделать две совместных работы, и тут разразилась катастрофа. 28 апреля 1938 года арестовали Ландау по делу об антисталинской листовке, а за компанию взяли и Румера. Ландау был выпущен из лубянского застенка через год благодаря мужественному и умелому заступничеству П. Л. Капицы, а Румер отсидел все положенные ему десять лет. Правда, срок свой он провел не в лагере, а в знаменитой «шарашке» — авиапроектном КБ, где отбывали свои сроки А. Н. Туполев, С. П. Королев, И. Г. Неман, Б. С. Стечкин, В. П. Глушко, В. М. Петляков, Р. Л. Бартини и другие будущие гранды отечественного авиа- и ракетостроения. Блестящее общество, не хуже геттингенского. Потом пять лет ссылки, после реабилитации разрешение поселиться в Новосибирске, а после создания знаменитого Академгородка Румер был принят на работу как «местный кадр» и даже стал директором одного из академических институтов.

Свое «геттингенство» Ю.Б. пронес через все годы заключений и ссылки. Он не прекращал работы по оптике, когда-то получившие одобрительный отзыв Эйнштейна. Еще досиживая свои пять лет в Енисейске¹, он получил вызов в Москву. Теоретические рукописи Румера стараниями его жены попали в руки Ландау в 1948 году, и его московским друзьям удалось организовать их публикацию в Журнале экспериментальной и теоретической физики и обсуждение на семинаре. Увы, физическое сообщество во главе с Ландау не признало конструкцию Румера истинным прорывом в теории поля². Румер оставил надежду вновь войти в элиту теоретической физики и не вернулся в Москву после реабилитации. Остаток жизни он провел в Новосибирском Академгородке. Счастливики, слышавшие в 60-е годы его необыкновенные истории в «Кофейном клубе» или в тесных комнатках студенческих и аспирантских общежитий, имели редчайший шанс напрямую ощутить подлинный геттингенский дух (*Zeitgeist*) в те времена, когда в самой Германии от него не осталось и следа.

09.10.2009 г.

Ришон ле-Цион, Израиль

Мои репрессированные учителя³

М. А. Ковнер

Юрий Борисович Румер (1901—1985)

Ю. Б. родился в Москве в семье коммерсанта. Окончил реальное училище и в 1918 г. поступил на математический факультет МГУ. С 1927 г. по 1932 г.

¹ Ю. Б. Румер перебрался в Новосибирск летом 1951 г.

² Идеи 20-х годов о наличии скрытых измерений пространства-времени получили свое развитие в современной теории струн. Правда, дополнительных измерений в этой теории насчитывается гораздо больше — 7 или 22 в различных ее вариантах. В обзорных работах по калибровочным теориям работы Ю. Б. Румера упоминаются наряду с трудами других теоретиков — Калуцы, Клейна, Фока.

³ Ковнер М. А. Мои репрессированные учителя // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 108—114. Печатается с любезного разрешения редакции.

проходил стажировку в Геттингенском университете¹. В этот период В. Гайтлер и Румер [1, 2] разработали некоторые принципиальные положения квантовой химии, а в 1932 г. Ю. Б. сделал свое фундаментальное открытие [3] канонических структур молекул, о котором много написано в учебниках физической химии.

В сентябре 1932 г. Ю. Б. возвратился в Москву и стал доцентом кафедры теоретической физики МГУ, а в январе 1933 г., по рекомендации Э. Шредингера и Л. Мандельштама, был назначен профессором той же кафедры. Ю. Б. начал читать лекции по различным разделам теоретической физики, которые быстро стали популярными. Блестящий талант педагога, свободное владение математическим аппаратом и глубокая эрудиция во многих вопросах теоретической физики той эпохи привлекали в его аудиторию не только специалистов, но и математиков, химиков и даже филологов. Особенно запомнились мне его лекции по теории электромагнитного поля и по волновой механике — ясность изложения, прекрасный контакт со студенческой аудиторией. Я до сих пор с гордостью вспоминаю, что по обоим этим предметам имею отличные оценки. На основе прочитанных лекций Ю.Б. написал книгу «Введение в волновую механику», вышедшую в 1935 г. Среди многих книг на эту тему она выделяется оригинальным изложением проблемы корпускулярно-волнового дуализма вещества и света.

1933 год. Я — студент третьего курса физического факультета МГУ. Предстоит решить трудный вопрос — выбрать узкую специализацию: теплофизику, металлофизику, оптику, акустику, физику вакуума, радиофизику или — самую загадочную — теоретическую физику. Все профессора рассказывали студентам о своих научных проблемах, призывая молодежь включаться в научно-исследовательскую работу. При распределении студентов по специальностям сформировалась группа физиков-теоретиков, в которую вошли будущие члены-корреспонденты АН СССР М. В. Волькенштейн (1912—1992) и Е. Л. Фейнберг (р. 1911 г.), будущий директор ИИЕТ АН СССР И. В. Кузнецов (1911—1970), я, пишущий эти строки, и др. К моменту выбора тем дипломных работ у каждого студента «теоретика» уже сформировался определенный круг наиболее волновавших его физических проблем. Мы распределились по научным руководителям. В результате дипломниками Ю.Б. стали М. В. Волькенштейн, И. В. Кузнецов и я. Научный диапазон Ю. Б. был необычайно широк, и об этом свидетельствует тематика дипломных работ его учеников: И. В. Кузнецов выбрал философские проблемы физики, М. В. Волькенштейн — молекулярные спектры, а я — квантовую химию.

В своем докладе в 1934 г. на юбилейном Менделеевском съезде [4] Ю. Б. определил цель квантовой химии как новой науки — выяснить те факторы, которые влияют на поведение атомов и молекул, и охватить те явления, объяснить которые не могла классическая химия. К ним в первую очередь относятся эффекты активации и катализа. Ю.Б. говорил: «Наша цель — сделать из квантовой химии науку, которая помогла бы химику искать пути и средства к улучшению и ускорению химических процессов». В одной из бесед со мной Ю.Б. высказал идею о том, что перед квантовой механикой стоит грандиозная задача: теоретически осмыслить накопленный в течение столетий экспериментальный материал в области химии, сделать понятным механизм действия

¹ Неточность: 1929—1932.

катализаторов, дать новую интерпретацию классических представлений о валентности, реакционной способности, сродстве к электрону, электроотрицательности и других фундаментальных химических концепций.

Я хорошо знал химию, и идеи Ю.Б. произвели на меня глубокое впечатление, увлекли так, что квантовая химия стала моей любимой специальностью на всю жизнь. По предложению Ю.Б. я избрал темой моей дипломной работы сравнение двух главных расчетных методов квантовой химии: метода валентных связей Гайтлера—Лондона—Слэйтера—Полинга и метода молекулярных орбиталей Хунда—Герцберга—Малликена. Оба метода оказались достаточно сложными, и проблема соотношения между ними, их достоинств и недостатков продолжала дебатироваться еще в течение многих лет. Несмотря на то, что все студенты нашей группы получили у замечательного профессора Ю. Л. Рабиновича прекрасную математическую подготовку, математические трудности квантовой химии оказались почти непреодолимыми. Так, например, чрезвычайно сложны встречающиеся в квантово-механических расчетах интегралы. В связи с этим вспоминается наша беседа:

М. А.: Юрий Борисович! Я не могу вычислить этот интеграл.

Ю. Б.: Тов. Ковнер! Я в префашистской Германии сумел сделать крупное открытие (имеются в виду его канонические структуры. — М. К.), а Вы в Советском Союзе, при таких благоприятных условиях, не можете вычислить какой-то интеграл. Стыдно!

М. А.: Юрий Борисович! А Вы можете вычислить этот интеграл?

Ю. Б.: Конечно, не могу. Его вообще невозможно вычислить.

Ю. Б. в высшей степени было свойственно чувство «научного» юмора. Его постоянные шутки вполне можно было бы включить в сборник «Физики шутят». (В действительности трудно было привыкнуть к тому, что в квантовой химии многие интегралы тогда вообще не вычислялись, а просто обозначались одной буквой и численно оценивались путем сравнения результатов расчетов с экспериментальными термодимическими или спектроскопическими данными, причем численные значения, полученные при помощи этих двух методов, не согласовывались между собой.) Одним из важнейших результатов квантовой химии было создание теории направленных валентностей. Сосредоточившись на этой теории, я выполнил под руководством Ю. Б. в 1935 г. дипломную работу на тему «Углы между связями в многоатомных молекулах».

После окончания МГУ я получил назначение на кафедру теоретической физики Воронежского университета. Сразу пришлось читать лекции по многим разделам теоретической физики и, в частности, теорию электромагнитного поля и волновую механику. Вот и оказались конспекты лекций Ю. Б. по этим вопросам ценнейшим пособием. В дальнейшем я поддерживал связь со своим учителем.

В 1938 г. он был арестован, и больше нам уже не пришлось увидеться. Даже в тюрьме и в сибирской ссылке он не оставлял своих научных занятий. Обо всем этом, о жизни и о работе Ю. Б. подробно рассказано в [5, 6]. После освобождения и до конца жизни Ю. Б. жил в Сибири. С 1948 г. он был преподавателем Енисейского учительского института, в 1953—1957 гг. заведовал отделом технической физики Западно-Сибирского филиала АН СССР в Новосибирске,

в 1957—1964 гг. был директором Института радиотехники и электроники СО АН СССР, а с 1967 г. — завсектором в Институте ядерной физики СО АН СССР.

В конце 1954 г. Ю.Б. получил справку от Военной коллегии Верховного суда СССР: «Дело по обвинению Румера Юрия Борисовича пересмотрено Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 10 июля 1954 г. Приговор Военной коллегии от 29 мая 1940 г. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело производством прекращено».

Список литературы

1. Heitler W., Rumer G. Reduzierung der Säkulargleichung nach der resultierenden Spin // Göttingener Nachrichten. 1930. S. 277.
2. Heitler W., Rumer G. Quantentheorie der chemischer Bindung für mehratomige Moleküle. Zschr. f. Physik. Bd. 68. 1931. S. 12—41.
3. Rumer G. Bestimmung der unabhängigen Spininvarianten. Göttingener Nachrichten. 1932. S. 337—352.
4. Румер Ю. Б. Наглядные модели атомов и молекул в квантовой химии // Юбилейный Менделеевский съезд. Ленинград. 10—13 сентября 1934 г. С. 1—10.
5. Рютова-Кемокладзе М. П. «Приезжайте, Эйнштейн вас примет...» // Сибирские огни. 1989. № 1. С. 116—129. № 2. С. 111—130.
6. Кемокладзе М. П. Квантовый возраст. М., 1989.

Война. Шарага. Рассказы Румера...¹

Я. М. Пархомовский

ЦКБ-29. Кутепов. Ничего не говорящее авиационным инженерам наших дней название учреждения и фамилия его начальника для молодых людей, работавших в предвоенные годы в ЦАГИ, означали весьма многое. Дело шло о «вредителях». Говорили об этом шепотом и далеко не со всеми.

Январь 1942 года. Позади нестерпимо тяжелый, безысходный 1941-й. Несмотря на то, что начиная с 23 июня пленный ефрейтор Ганс в ежедневных сводках Совинформбюро провидчески сообщал нам, что «Гитлер капут», немцы быстро продвигались вперед, и список оставленных сел и городов катастрофически возрастал. Об этом сводки не сообщали. Но 16 октября 1941 года сводка открытым текстом уведомила, что положение на западном фронте серьезно ухудшилось. И в Москве возникла паника. Началось великое бегство из столицы. Десятки тысяч людей пешком, на телегах, на автомашинах, счастливицы на поездах устремились на восток. Москвичам старших поколений день этот запомнился на всю жизнь. Как сейчас вижу наш загруженный эвакуируемыми сотрудниками ЦАГИ состав из товарных вагонов, теплушек, стоящий на запасном пути подмосковной станции Быково, и мчащиеся мимо него битком набитые людьми и немудрящим их скарбом составы из красных теплушек на «16 лошадей и 40 человек», вагонов метро, отдельных пассажирских вагонов. Все на восток. И только крайне редко — на Москву составы с молодыми красноармейцами. Сибиряками, как почему-то считали у нас в теплушке.

¹ Печатается по http://znaniya-sila.narod.ru/intoknow/itk000_18.htm с любезного разрешения редакции.

А мы — вторые сутки стоим. Наконец тронулись. Через десять дней добрались до Казани. Оттуда — в Новосибирск. Исход, начавшийся в октябре, закончился в конце ноября... Тут вскоре счастье — поражение немцев под Москвой. Бог даст, будет перелом. Тем более что вождь и учитель обещал: «Еще полгодика, годик»...

В тот день только я пришел на работу, как был вызван по «начальству». А путь от жилья — большой аудитории техникума, на учебных столах которой обитало около тридцати сотрудников, — до места работы — другой, меньшей аудитории — всего около полутора десятков шагов по коридору. Столы в то время круглосуточно выполняли разные функции: были местом для работы и для еды, за ними играли в шахматы и в карты, но главное их назначение — ложе, место для сна. Быт в аудитории крайне упрощен, в большей степени, чем в летний день на пляже. Спокойно раздевались, ходили полуодетыми, укладывались спать, ссорились и мирились, судачили...

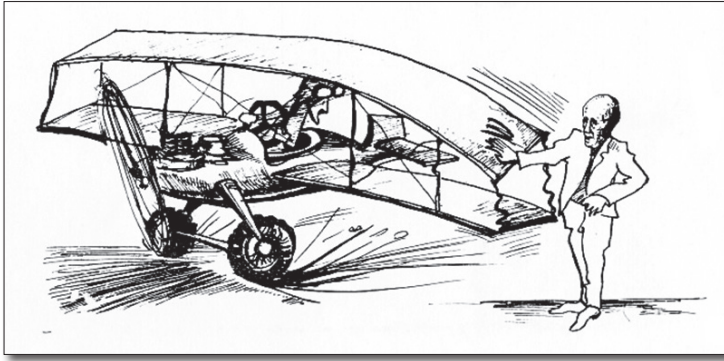
«Начальство» занимало комнату рядом. Оно сказала: «Вы поедете в Омск» и протянуло подписанную замнаркома авиационной промышленности (одновременно он был и начальником ЦАГИ) «бумагу», своего рода мандат. В ней значилось, что мне, кандидату технических наук, поручается выдать заключение о безопасности от флаттера самолетов «100», «102» и «103». Замечу: без такого заключения не допускается проведение летных испытаний.

О, блаженные по наивности времена. Уже через полтора-два года такая «бумага» была бы секретной, а если бы я расшифровал, что «100» — это Пе-2, «103» — это Ту-2, а «102» — высотный бомбардировщик Мяснищева, то за это мне было бы воздано в соответствии с УК... Из этой бумаги посвященный сразу же устанавливал, что направляюсь я в ЦКБ-29, бюро, находящееся в ведении НКВД, и буду иметь дело со «спецконтингентом».

В Куломзино, пригороде Омска, я познакомился с человеком в ватнике, ватных штанах, у которого из голенища сапога виднелась алюминиевая ложка, — ээком Ю. Б. Румером. Он оказался моим, так сказать, подначальным по одному из выданных мне заданий. Он отвечал за работы по флаттеру самолета «102».

Вопрос, как относиться к ээкам ЦКБ-29, был мною давно для себя решен. Образ вредителя и шпиона по отношению к людям, работавшим до ареста в ЦАГИ и КБ, которых я и мои сверстники знали непосредственно по работе, был едва ли не сразу же развеян. Мы многого не понимали, не знали масштабов происшедшего, но были убеждены, что ни А. Н. Туполев, ни В. М. Мяснищев, ни В. М. Петляков или Р. Л. Бартини, ни многие, многие другие не были, не могли быть или стать вредителями. Поэтому встречая их в заключении, мы держались с ними уважительно, ценя в этих людях крупных специалистов. Скоро я не сомневался и в том, что нынешний мой «подопечный» тоже не «враг».

Румер — крупный ученый-физик, получивший ряд первоклассных результатов, один из создателей квантовой химии, друг Ландау, находился в самом расцвете своего дарования, когда был заключен в тюрьму. Впрочем, это стало уделом многих ученых. Ирония судьбы заключалась не только в том, что теперь в заключении Румер выполнял работу, которую, наверное, с успехом делал бы выпускник авиационного института, но и в том, что сам он считал

эту работу выпавшей ему удачей. Мог ведь и на лесоповал попасть! (Замечу, кстати, что в то время Румер разрабатывал теорию другого опасного в самолетостроении явления — «шимми»). Ирония судьбы была и в том, что наставлять его приходилось мне, молодому инженеру, знавшему общетеоретические вопросы неизмеримо меньше своего подопечного.

Дело в Куломзине предстояло не короткое. Надо было не только ознакомиться с расчетами, убедиться в их правильности, но и провести особые испытания в затемненном помещении, то есть ночью. Поэтому днем на самолете проводились в авральном порядке необходимые производственные работы, а ночь же самолет предоставлялся в распоряжение бригады ЦАГИ.

К началу 1942 года многое для эзков этой «шараги», как я мог установить, изменилось к лучшему. Они успели придти в себя после мучительных ночных допросов, унижений и издевательств следователей. Уже получены «сроки» и реализованы угрозы. А. Н. Туполев и некоторые другие инженеры недавно были досрочно амнистированы (заметьте это слово!) и работали в ЦКБ-29 в качестве вольнонаемных. Появилась надежда, что и с другими поступят так же, если только они «достойно искупят свою вину». Правда, с Юрием Борисовичем Румером этого не случилось. Он отбыл сполна все ему назначенное, а потом был еще сослан в некую сибирскую Тмутаракань.

Уклад, с которым я столкнулся, был тюремным: в столовую и обратно — под охраной, разговоры — при охраннике. Но дыхание войны ощущалось. Вместо прежних молодых охранников, бдящих и подозрительных, прерывающих разговор на каждом непонятном им слове, охрану теперь несли люди пожилые (мне по молодости казалось даже — старые). Они достаточно безразлично относились ко всему, что говорилось, и отношение этих пожилых людей к «охраняемым» тоже было совсем не таким, каким я его запомнил в 1939 году. В общем, эта Куломзинско-Омская шарага была идиллической по сравнению со временем довоенным и уж, конечно, по сравнению с любой другой. И первое мое впечатление ассоциировалось с картиной Ярошенко «Всюду жизнь»...

Поместили нас — бригаду ЦАГИ и экипаж летчиков-испытателей из НИИ ВВС, присланных для летных испытаний названных самолетов, — на сцене летнего театра. И это при морозах за 40 градусов! Посреди помещения — накалившая докрасна большая железная печь-буржуйка. Стоять возле нее было так же трудно, как у открытой дверцы мартеновской печи. Она обогревала

круг радиусом в полтора метра, щедро отдавая остаток тепла всей Вселенной. К утру вода в ведре замерзала. Спать надо было в шапке. Требовалось невероятное усилие воли, чтобы утром решиться сбросить с себя два тюфяка и выскочить на мороз. Первым это делал неизменно оптимистичный член экипажа Пе-2. С криком «аллес нормалес» он вскакивал в исподнем и, матерясь, бросался приводить в чувство печку.

А в производственных помещениях было сравнительно тепло. Поэтому, как только начались ночные работы, я тут же перебазировался в цех, чтобы «руководить ходом испытаний». Нужды в этом, безусловно, не было, проводили их в высшей степени квалифицированные и добросовестные люди, но для местного начальства это мое желание было обоснованным и свидетельствовало о высокой моей ответственности. В цеху, в комнате начальника можно было и прикорнуть на деревянной лавке. Но, бесспорно, главным было желание побольше побыть с Румером. Поэтому на вопрос начальства, требуется ли он мне тоже, я, конечно же, ответил: «Без него будет затруднительно».

Я не спрашивал у моего собеседника, по какой статье он сидит и какой у него срок. И он не касался всего этого. Один раз он сказал, наверное, предполагая, что я спрошу, почему он, человек далекий от техники, и авиационной — в особенности, занимается именно этими неинтересными ему расчетами. «Меня как-то привели к Кутепову — начальнику ЦКБ-29, — и тот, отметив мое усердие, предложил, если я захочу, перевести в другое место. На это я ответил: «Гражданин начальник, у арестантов есть поверье: нельзя вмешиваться в свою судьбу. Решайте сами». Так здесь и остался.

Румер был превосходным рассказчиком, а я — безмолвным слушателем, лишь изредка задающим вопросы. Из его рассказов передо мной вставал небольшой немецкий городок Геттинген, где все живет университетом, где все знают друг друга. Городок, который, по словам Румера, ничуть не изменился со времен, когда там учился Г. Гейне, посвятивший Геттингену несколько иронических строк в своем «Путешествии на Гарц». Сюда-то в начале 20-х годов был направлен окончивший МГУ молодой Ю. Румер (видимо, именно это и явилось истоком его «криминальной биографии»).

А Геттинген двадцатых — начала тридцатых годов нашего столетия был Меккой, которую стремились посетить ученые, и не только занимающиеся математикой и физикой. Геттинген был ведущим центром европейской науки. Здесь работала плеяда выдающихся ученых. Работали первоклассные теоретики-инженеры. Румер рассказывал о людях, с которыми он в течение нескольких лет общался, о людях, которых знал весь ученый мир, о людях, по книгам которых я обучался... Мы обычно усаживались у стола. На него Юрий Борисович клал папки с расчетами. У двери в комнату усаживался охранник, держа берданку между коленями. Через малое время охранник засыпал. Голова его бессильно ударялась о дуло. Он вздрагивал, просыпался с тем, чтобы снова задремать. После нескольких таких ударов Румер говорил ему «Поставь свою палку в угол, я тебя разбужу» и закрывал дверь на крючок. Проверяющих, к счастью, не было. Все спали.

Некоторые из рассказов Юрия Борисовича я хочу привести, надеюсь, что они могут быть интересны для многих...

Не помню уж, по какому случаю, быть может, потому, что техническая задача, которой я тогда занимался, у меня не «вытанцовывалась», я сказал Румеру, что путного из меня ничего, наверное, не получится, что мысли у меня, как спнувшие рыбы, и придется сменить дело... Румер выслушал «души доверчивой признанье» и весело рассмеялся: «Вы, Я.М., не огорчайтесь. Все в порядке. Это — типичный случай «Мико». И далее последовала новелла.

«Мы, в России, обсуждаем, собираясь, какой-нибудь вопрос, так сказать, экспромтом. Кто-то задает тему, и все присутствующие, независимо от того, задумывались ли они когда-нибудь над ней или она им внове, начинают активно ее обсуждать, спорить и даже доходить до обидных реплик, если не нравится точка зрения собеседника. У немцев обсуждения происходят по-иному. В баре за кружкой пива ведутся разговоры, в обсуждении участвуют, как правило, лица, уже думавшие над поставленным вопросом, и составившие о нем свое мнение.

Собрались как-то несколько человек, занимающихся наукой, и говорили о том, о сем. И один из них откровенно, что крайне редко бывает, сказал, что у него сейчас ничего не клеится, хандра. Свет не мил. Оказалось, что такие же моменты безверия и тоски бывали и у других собеседников. И тогда кто-то сказал: «У меня это также случалось. Но я считаю такое состояние издержками нашей профессии — профессиональным заболеванием людей, занимающихся наукой. Мы знаем, например, что ревматизм — профессиональное заболевание паровозных кочегаров. У них с одной стороны раскаленная топка, с другой — открытый тендер. В их болезни нет ничего неестественного. Почему же состояние опустошенности нельзя считать ничем иным, как приступом заболевания, присущего нам, занимающимся исследованиями?»

И всем стало много легче, ибо имеет место не локальное состояние, касающееся кого-то одного, а болезнь, которой время от времени подвержены все. Но приступы болезни проходят, и тогда человек снова в норме. Заболевание это тут же решили назвать «Мико» от сложного немецкого слова «Minderwertkostbarkeit» — неполноценность.

И вот, — продолжает Румер, — приходите Вы к Борну, открывает Вам дверь его жена и в ответ на приветствие говорит: «Сегодня у Негг Мах'а жесточайший приступ «Мико».

Сегодня я понимаю, что «Мико» болезнь не только научных работников, но и вообще людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Более того, именно она — один из признаков, отличающих настоящую творческую личность от чиновников от науки и искусства, у которых никогда не возникает приступов неудовлетворенности, не появляется сомнений в своей значимости...»

Центром научной жизни Геттингена, безусловно, был выдающийся математик Давид Гильберт (1862—1943), человек, которого называли королем математиков двадцатого столетия. В начале столетия он сформулировал ряд математических проблем, которые надлежало решить. Они столь сложны, что лицо, решившее какую-нибудь из проблем Гильберта, сразу входило в плеяду крупных ученых-математиков. В одну из ночей мне было рассказано несколько эпизодов о Гильберте.

«У Гильберта регулярно собирался семинар, на котором математики, местные и приезжие, сообщали полученные ими новые результаты. Счита-

лось весьма почетным выступить на таком семинаре, получить его одобрение. Итак, идет семинар, докладчик сделал свое сообщение, ответил на вопросы, закончились и все выступления, всем все давно было ясно и становилось даже скучно. Всем ясно, кроме председательствующего, который все еще не разобрался в деле. И это повторялось каждый раз. И тогда участники семинара поручили Р. Куранту, любимому ученику Гильберта, уговорить учителя, чтобы семинар проводили без него. После же семинара докладчик и оппонент приходили к Гильберту и рассказывали все сызнова — столько времени, сколько было нужно, чтобы он освоил. Дело в том, сказал Румер, что крупнейший математик был большим тугодумом. Затем, по-видимому, мне в научение, он добавил: «Мы все мыслим по касательной, по поверхности явления, не вдаваясь в его глубину. Поэтому все кажется нам ясным достаточно быстро. Гильберт же мыслил “по нормали” — смотрел вглубь. Это требует гораздо большего времени. Но зато, разобравшись в теме, он часто высказывал новое предложение, получал новый результат. Такой, которого не усмотрели “быстро думающие” докладчик и участники семинара. Так-то».

«Когда к власти пришел Гитлер, фашисты не тронули “арийцев” — математика Гильберта и физика Планка. Им предназначалась роль корифеев “арийской” науки. С ними поначалу даже заигрывали несмотря на то, что оба они имели многих неарийских учеников, — примерно так начал свой очередной рассказ Румер. — Кажется в 1934 году кому-то из фашистских главарей пришла в голову идея о том, что хорошо было бы на публичном заседании Академии наук в Берлине сделать доклад “Национал-социализм и математика”. И доклад чтобы сделал Гильберт, каждое слово которого весомо для всего ученого мира (в это время Гитлер еще нуждался в признании респектабельности своего режима). А надо сказать, что абсурдные утверждения о чистых “арийской математике” и “арийской физике” в отличие от нечистых, неарийских, широко вдалбливались в головы немцев не только нацистскими бонзами, но и учеными-нацистами. Математик Бибербах, к примеру, писал, что остроумные результаты “не арийца” Лагранжа чуть ли не позор математики и обусловлены строением его орлиного носа. А вот результаты Вейерштрасса — это высокая наука потому, что он ариец с прямым арийским носом. Поэтому тема доклада была как нельзя более “актуальна” и должна была быть подтверждена всем авторитетом Гильберта.

Как уж Гильберта уговорили, я не знаю. Так или иначе, но в один прекрасный день перед берлинским бомондом предстал старый Гильберт. Он взошел на кафедру, развязал тесемочки у папки, вынул лист бумаги и после обращения к аудитории прочел (я дословно передаю сказанное Румером): Говорят, что национал-социализм и математика враждебны друг другу. Это — вздор, это — чепуха. Они просто ничего общего между собой не имеют, — вложил листок в папку и спустился с кафедры...»

И еще один из рассказов Румера: «От Э. Шредингера в Геттингене никто ничего особенного не ожидал, он был обычный, ординарный сорокалетний профессор. А если к этому времени нет серьезных результатов, то... Как-то за завтраком он сказал своей жене: “Знаешь, Магда (а может быть, Марта), я как-будто обнаружил нечто любопытное. Я написал об этом своим коллегам

и жду ответа”. Продолжая свою женскую работу, Магда равнодушно ответила: “Ах, Эрвин, тебе столько раз это казалось”. На сей раз он установил сразу ставшее знаменитым уравнение Шредингера!».

В таких беседах, а вернее монологах, прошло несколько на всю жизнь запомнившихся мне ночей начала 1942 года. Ночей, сделавших меня много богаче, открывших для меня новый, большой мир... Тогда я не задумывался, почему зэк Румер вел со мной такие разговоры. Теперь, спустя более полвека, я понимаю, что они, разговоры, тоже были следствием того неестественного положения, в котором он находился. В самом деле, за несколько лет заключения я был, наверное, первым человеком с «другой стороны забора», который ему, Румеру, встретился. Кроме того, это было знакомство с представителем нового, «младого, незнакомого» поколения. Поколения, совершенно недостаточно, с его точки зрения, образованного (в этом, конечно, Румер был прав). Представителю его надо было хотя бы немного рассказать о «времени и о себе».

Ночные разговоры были отдушиной, отдыхом от тягостной тюремной жизни, от охранников, их начальников. Они были отдыхом от тесного мирка таких же несчастных сталинских узников, как и он сам. И вероятно, поэтому рассказы о прошлом были у Румера окрашены в светлые тона, имели happy end или были забавными, как, например, этот: «Между Геттингенскими астрономами и математиками исстари велась “вражда”, — рассказывал мне Румер. — Однажды математики поместили в нескольких крупных берлинских газетах объявление: “Геттингенская обсерватория в целях изучения верхних слоев атмосферы запустила разноцветные шары-зонды. Просьба видевших сообщить день и время суток, цвет шара, примерную высоту и направление полета”». Обсерватория была засыпана письмами, содержащими ответы “очевидцев”»...

Прошли годы. В середине семидесятых годов, будучи в Новосибирске, я заехал в Академгородок, чтобы навестить Румера. Сравнительно недавно отметили его семидесятилетие, и хозяин дома с грустью и гордостью показал мне письма и телеграммы Борна, Куранта, Дирака, других ученых. Мы снова долго разговаривали. Но почему-то в этой беседе звучали только минорные нотки...

[К 70-летию со дня рождения Ю. Б. Румера]¹

М. С. Рывкин

28 апреля 1971 года Юрию Борисовичу Румеру исполняется 70 лет. Более 40 лет прошло со времени, когда появились первые работы Ю.Б., посвященные различным разделам теории относительности, дираковского электрона и теории химической связи. С той поры началась его научная деятельность в различных областях теоретической физики, не прекращавшаяся в самых трудных условиях, деятельность, которую он неумолимо ведет и в настоящее время.

Ю. Б. принадлежит более 70 научных работ, 8 монографий и учебников.

¹ Рукописный документ на 8 страницах, шариковая ручка с черной пастой. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой. В конце сделана приписка — для «Прометея» — стенгазеты ФФ НГУ.

Моисей Соломонович
Рывкин

Круг научных интересов Ю. Б. весьма широк. Уже с самого начала его научной деятельности его глубоко интересовали вопросы общей теории относительности и единой теории поля. К этим проблемам он обращался неоднократно, и в 1949—1953 г. г., когда появился широко известный цикл работ Ю. Б. по 5-мерной оптике, и в 60-е годы в связи с вопросом о гравитационных волнах, о тензоре энергии — импульса гравитационного поля и т. д.

Важное место в научном творчестве Ю. Б. занимает его совместная работа со Львом Ландау о каскадной теории ливней. Эта работа, в которой был развит метод решения уравнений каскадной теории ливней с помощью преобразований Меллина¹, стала основополагающей в этой области и считается классической.

На протяжении всей своей научной деятельности Ю. Б. много занимался термодинамическими проблемами и, в частности, вопросами фазовых переходов. Одной из важнейших в этом цикле работ является статья о магнетизме электронного газа, в которой на основе представлений об уровнях Ландау (для частиц в магнитном поле) был развит новый метод вычисления термодинамических функций электронного газа и обстоятельно изучен вопрос об осцилляциях магнитной восприимчивости при низких температурах. К этому же кругу вопросов относятся работы Ю. Б. по термодинамике Ферми и Бозе газов, работа об отрицательных и предельных температурах и статьи по плоской решетке Изинга.

Еще среди ранних работ Ю. Б. (30-е годы) были статьи, посвященные физике ядерных процессов и элементарных частиц, однако, основные работы в этой области относятся к последнему периоду его научного творчества (с конца 50-х годов) и связаны с широким вторжением в физику элементарных частиц методов теории групп. Ю. Б. всегда глубоко интересовался теорией групп и теоретико-групповыми методами. Ряд его работ по унитарной симметрии и по групповой механике, в том числе монография «Лекции по унитарной симметрии» представляют собой ценный вклад в развитие этого направления физики элементарных частиц.

Ю. Б. необычайно чутко воспринимает новые идеи в физике. Эта готовность принять и развивать новые идеи была присуща ему в самом начале его научного пути (квантовая механика, теория Дирака и т. д.) и не покидает его до сих пор. Достаточно вспомнить, как он начал работать в области унитарной симметрии после появления первых же работ по SU_3 симметрии, как живо он воспринял и развил идеи групповой механики. Сейчас, когда пишется эта заметка, Ю. Б. увлечен (проявляя при этом и разумную долю скептицизма) новыми работами Дж. Швингера (идея симметризации уравнений электродинамики путем введения магнитных зарядов и магнитных токов для целей описания субадронной материи) и работами А. Салама², имеющими целью

¹ Меллин Р. Я. (1854—1933) — финский математик, специалист в области теории функций, разработавший одно из самых известных интегральных преобразований.

² Салам Абдус (1926—1996) — пакистанский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике за 1979 год (совместно с Шелдоном Глэшоу и Стивеном Вайнбергом).

создание теории поля без расходимостей путем органического включения гравитационных эффектов.

Интересы Ю. Б. иногда выходят за пределы чистой физики. Сразу же после появления первых работ по расшифровке генетического кода Ю. Б. публикует две заметки, в которых он вскрывает примечательные закономерности в систематике кодонов. Эти заметки имели большой резонанс среди биологов и биохимиков. Ю. Б. получил более 75 просьб со всех концов света (включая Гватемалу и Берег Слоновой Кости) о присылке препринтов своих работ, а также теплое письмо с положительной оценкой его идей от основоположника работ по расшифровке генетического кода Фрэнсиса Крика. Возможно, в этих работах проявилась известная любовь физиков школы Л. Ландау (а Ю. Б. был его близким другом и сотрудником) к классификациям вообще (вспомним классификации физиков, мужчин, женщин, предложенные Ландау). Недаром в творчестве Ю. Б. имеются и другие работы с классификационными идеями (например, групповые методы и периодический закон Менделеева).

В тяжелые годы войны Ю. Б. успешно занимался рядом прикладных вопросов аэродинамики, связанных с конструированием самолетов. Им написано ряд работ по этим проблемам и книга «Теория крыла в нестационарном потоке» (совместно с академиком А. И. Некрасовым¹). Интерес к вопросам аэро- и гидродинамики сохранился у Ю. Б. и в послевоенные годы: в 1949—1952 г. г. им опубликован ряд статей по различным вопросам теории турбулентного движения жидкостей.

Одной из наиболее характерных черт научного (и педагогического) стиля Ю. Б. является стремление к максимально возможному математическому изяществу и совершенству. Он может уже найденный способ доказательства или запись какого-то соотношения переделывать многократно, до тех пор, пока не будет получен результат, полностью удовлетворяющий его эстетическим требованиям. Это придает работам (и лекциям) Ю. Б. отпечаток особой завершенности и красоты. Первый приходящий в голову пример: «Ну, конечно же, формулу Планка следует писать не в виде

$$\rho(\nu, T) = \frac{8\pi h}{c^3} \frac{\nu^3}{e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1},$$

а в виде

$$\rho(\nu, T) = \frac{8\pi\nu^2}{c^3} \frac{h\nu}{e^{\frac{h\nu}{kT}} - 1}.$$

Неважно, что при этом частота фигурирует дважды, зато отчетливо ясен смысл каждого множителя — плотность числа волн, энергия кванта и бозевский множитель.

Для Ю. Б. характерна страстная жажда знаний: приятно видеть, как он радуется каждой новой хорошей книге по интересующим его вопросам. Почти

¹ Некрасов Александр Иванович (1883—1957) — советский ученый в области теоретической механики, аэро- и гидромеханики, академик АН СССР (1946; член-корреспондент 1932), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1947).

стандартная фраза, которую при этом от него можно услышать: «Как написано! Ведь теперь каждый дурак может это понять. Ах, если бы было больше времени!» И неважно, что на самом деле книга не так уж проста (дурак ее на самом деле не поймет), а важно то, что еще один участок физики приведен в порядок, и Ю. Б. радуется тому, что и он, и молодые физики в особенности, могут в короткий срок выйти на передний край науки и на этом направлении.

Ю. Б. неутомим в работе. Отдыхать для него в значительной мере значит вычислять (хотя бы решая любопытные задачи из «Кванта»). В то же время его никак нельзя назвать узким специалистом. Ю. Б. владеет многими языками (немецким, так же как и русским, английским, итальянским, венгерским, персидским и др.). Он живо интересуется литературой, историей, философией, биологией, политической жизнью, с большим интересом общался и общается с интересными людьми.

Хорошо известны и пользуются большой популярностью выступления Ю. Б. перед университетской и неуниверситетской аудиторией на самые различные темы, начиная от различных вопросов физики до воспоминаний о пребывании в Геттингене, встречах с А. Эйнштейном, М. Борном, Л. Ландау и др.

Выступая в газете физического факультета нет нужды говорить о том огромном интересе, который всегда вызывают лекции и семинары Ю. Б., всегда интересные по содержанию, блестящие по форме, ставящие новые проблемы и вызывающие (у способных людей) глубокие размышления и идеи. Теми же качествами отличаются и книги, и учебники, написанные Ю. Б.

Наконец, следует сказать и о плеяде учеников, воспитанных Ю. Б., многие из которых стали, а другие, несомненно, станут докторами и кандидатами наук и будут продолжать дело жизни Ю. Б.

Пожелаем же от души Ю. Б. еще многих лет жизни, здоровья, бодрости и плодотворной работы.

«Лица необщим выражением»¹

Г. И. Сурдутович

Есть ценностей незыблемая скала
над скучными ошибками веков
О. Мандельштам

Юрия Борисовича Румера я увидел в самом конце 50-х годов, когда были взорваны первые водородные бомбы, написан, хотя пока никем не прочитан Щ-854, будущий «Иван Денисович», мавзолей в Москве оставался еще коммунальным, а в Новосибирске уже функционировал ИРЭ — первый физический институт Сибирского отделения АН СССР. Доктор физико-математических наук Ю. Б. Румер был назначен первым (и последним) директором этого, оказавшегося впоследствии реорганизованным, института. Слово директор зву-

¹ Впервые опубликовано на сайте НГУ к 100-летию со дня рождения Ю. Б. Румера. В настоящее время ресурс не поддерживается. <http://www.nsu.ru/assoz/rumer/friends/faces.htm>

Ю. Б. Румер и Г. Сурдутович. 1984 г.

чало уже тогда достаточно гордо, почти как «секретарь х-кома», но оно как-то сразу забывалось при виде стоящего у доски и артистически жестикулирующего человека, из рукава пиджака которого, вместе с клубами дыма струились тензорные индексы, изо рта, вместе с такими же клубами, удивительно аппетитно-сочные слова «цуштан-сумма», «шпур», «эйгенверты», а за спиной вставали тени лагерно-геттингенского прошлого. Человек, счастливо избежавший гулаговской высшей меры, был в высшей мере полон жизни. Какой же, однако, теперь, четыре десятилетия спустя, общий интерес может представлять судьба директора короткожившего института, д. ф.-м. н., так и не преодолевшего даже специально приспособленного к суровым сибирским условиям член-корреспондентского барьера — на фоне дюжин «исчисленных светил» давным-давно вышедшего из стадии молочно-восковой спелости новосибирского городка?

Природа щедро одарила Ю. Б. многогранностью природы, судьба эти грани шлифовала. Он стал и оставался всю жизнь счастливым человеком не столько вопреки, сколько помимо всех катастроф и абсурда окружающей действительности. Не то, чтобы он совсем ничего не ставил на кон «чинов и званий», но делал это безо всякого усердия. Пойдя утром на какие-то житейские компромиссы, он, «как мальчик вечером песок вытряхивает из сандалий», уходил затем в другие, более комфортные измерения. А фортуна дама капризная и недостаток к себе внимания не прощает. Как угадать, куда бы сам Ю. Б. поместил себя на придуманной Ландау логарифмической шкале научных достижений, где только Эйнштейну и Ньютону был присвоен нулевой (высший) ранг, а самому себе Ландау присвоил ранг 2,5. О самоощущении Ю. Б. в молодости можно судить по его ответу на вопрос, почему он в тридцатые годы не стал ассистентом Эйнштейна, хотя Борн уже «наклянчил» для этого денег — «Ну, я тогда считал

себя, бог знает, как гениальным». Потом была дружба и работа с Ландау, долгие годы писания на заданную тему, период бурного увлечения пятимерной оптикой и частичного в ней разочарования.

Дилемма «я в науке» или «наука во мне» актуальна на всех делениях ландаусской шкалы еще, по крайней мере, со времен Ньютона. Ньютон писал, что в науке каждый должен выбрать вариант: либо ничего не публиковать, либо посвятить всю свою жизнь борьбе за приоритет (как показал В. И. Арнольд, сам Ньютон выбрал оба варианта). В этой координатной системе Ю. Б. всю жизнь проявлял уникальную доброжелательность и внимание к работе коллег, сотрудников и совсем незнакомых людей, искренне радуясь любому красивому результату. Постоянные заявления типа «этому меня научил Валерий» или «Саша объяснил мне как нужно расправляться с трехмерными изинговскими графиками» были не исключением, а скорее правилом, при его совместной работе с более чем вдвое его младшими научными сотрудниками. И при таком отношении к возрастной иерархии он мог вдруг заявить: «Вам уже 22? Боюсь, для теоретика это слишком много. Вот Паули к 20 годам уже написал «Теорию относительности».

Секрет его неиссякаемой доброжелательности к людям заключался в чувстве какого-то биологического единства со всеми живущими, отнюдь не мешавшему рождению таких вот афоризмов: «Хотели сделать Геттинген, а получился Клондайк», «Люблю сволочей. С ними так просто жить», «Но ведь как ученый Вы гораздо выше, чем как профсоюзный деятель» (почешешь тут затылок от такого дуализма), «Он понял, что такое тензор, и до сих пор не пришел в себя от восхищения собой», «У Вас есть сомнения? Посмотрите на его сексуальное дополнение», «Он так старается быть порядочным, что может со временем им стать». Противоречий он не боялся и не избегал. Мог почти всерьез начать доказывать «преимущество наших генералов перед генералами зарубежных государств», затем сам себя оборвать — «Ну, здесь я немножко заврался» — и перейти к тензорам. В доверительной беседе вдруг неожиданно, почти с раздражением, заявить собеседнику: «Ну, я-то знаю, Вы любите хорошие стихи, а я люблю плохие. Но я их люблю».

Свои термодинамические идеи любил иллюстрировать на примере двух модельных физических систем — термостата, мгновенно принимающего температуру окружающей среды, и адиабата, полностью изолированного от внешних температурных воздействий. Он был чрезвычайно доволен, оказавшись в результате шуточного психологического теста единственным «светским человеком» среди множества «прогрессивных интеллигентов», «борцов за правду» и «борцов за правду с мещанским уклоном». Сепарирующим был вопрос об отношении к пьяным и старушкам на улице. Непостижимым образом Ю. Б. сочетал в себе термостатическую отзывчивость «светского человека» с адиабатическим инвариантом человеческой порядочности.

Поколение Ю. Б. было «сыто» революцией. В свое время после 17-го года многие (Тамм, Стечкин, Тимофеев-Ресовский) еще имели какую-то свободу выбора, сочли себя связанным «присягой четвертому сословию», но остались жить по собственным законам чести и справедливости. Они, видимо, сохраняли воспоминания о «шинели красноармейской складки», которая у них же

на глазах превращалась в шевиот и габардин. Уже поколение А. Д. Сахарова смотрело на свою связь с присягой несколько иначе. Вернувшись из Москвы в начале 70-х годов, Ю. Б. рассказал об отклоненном им предложении Сахарова принять участие в издании «Хроники текущих событий», задуманной в надежде грядущих перемен. Ю. Б. в возможность каких-либо перемен не верил или видел их только в мрачном свете. Пока что ответ истории подобен ответу мудрого раввина — «Вы оба правы».

Революция, судьба задержали Ю. Б. в Москве в роли страхового агента, и он на несколько лет опоздал к родовым схваткам квантовой физики. Затем находил резон в своей 15-летней неукоснительной обязанности ежедневно с 8-ми утра писать не те формулы, зная, что его сверстники уходят все дальше и дальше по открытой еще в дни его молодости дороге. Ему так и не довелось больше посетить Геттинген и вообще побывать за границей. Обо всех приглашениях Иностранный отдел сообщал на год-два позже срока. Будучи от природы человеком бесконечно благожелательным и незлобивым, свои обиды (научные, личные) помнил годами и десятилетиями. Но не был ими отравлен или подавлен. Жил с ними как солдат со шрамами (шарашкин, член-коррский, первоотдельский, черноголовский ...) и даже в последний предсмертный месяц ... не озлобился, но переживал остро. С годами боль не утихала.

Каков же итог? Он был среди самых избранных на крестинах новой физики. Создал семью, вырастил детей, своим потенциалом порядочности и врожденного благородства удерживал многих от скольжения вниз «на верность общей подлости». Побывав «в круге первом», остался навсегда опаленным адским пламенем всех остальных. Не надламывался, даже когда бывал «переогромлен» своим веком. «Отбор в народ — вычеканил летописец Гулага — происходит поштучно». В эпоху, которая делала из людей гвозди, он всегда оставался живым и сам запечатлел на ней свой профиль.

Ландау и другие¹

Е. Л. Фейнберг

«Verklaerungen und neubergruendungen...» [1].

С Ландау меня познакомил Юрий Борисович Румер сразу после того, как окончил МГУ в 1935 г. Румер, вернувшийся в начале 30-х годов из Германии после нескольких лет работы у Макса Борна, читал нам часть курса теоретической физики. Он был элегантен, вел себя непринужденно, читал лекции ясно, как-то легко, не скрывая, говорил, что сам учится: университет он кончал как математик. Однажды я встретил его на факультете с «Оптикой» Планка в руке (палец заложен на определенной странице). «Учу физику», — сказал он мне с улыбкой, быстро, пружинящей походкой проходя мимо. Не стеснясь, мог ответить на вопрос студента: «Не знаю, этого я не понимаю, постараюсь ответить в следующий раз». Был обаятелен, блестящ, доброжелателен.

¹ Публикуется по книге Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. М.: Наука, 1999.

В силу случайных обстоятельств я познакомился с ним (еще будучи студентом) лично. Однажды, году в 1933-м (или 1934?), я навестил его на даче. Провожая меня на станцию, он вдруг сказал: «Очень хочу поехать в Харьков, поработать у Ландау (как известно с 1932 г. Ландау, когда ему было 24 года, заведовал Теоретическим отделом в Украинском Физико-техническом институте, УФТИ, в Харькове). Я тогда еще ничего не знал о Ландау, кроме того, что в 1930—1931 гг. мне рассказывал один мой всезнающий товарищ; что есть, мол, в Ленинграде талантливая троица — Г. Гамов, Д. Иваненко и Л. Ландау, которая любит выкидывать «номера», фраппируя окружающих, особенно старших и уважаемых. Он рассказывал подробности с упоением, а у меня эти ребяческие выходки вызывали лишь раздражение.

Я удивился и спросил Румера: «А что, Ландау очень умный?» Румер только вскинул свою красивую голову и протянул: «У-у-у...!» Это не могло не вызывать интереса. Румер к этому времени был уже одним из основателей квантовой химии (вместе с В. Гайтлером, Ф. Лондоном, Э. Теллером, Ю. Вигнером), знал многих.

Во время защиты моей дипломной работы, вызывавшей у меня отчаяние своей малосодержательностью (есть свидетель, который может подтвердить мои слова), неожиданно посыпались неумеренные похвалы (они не изменили моей собственной оценки). Вскоре после защиты мне позвонил Румер: «Приехал Ландау, он живет у меня. Приходите, я хочу вас познакомить». Когда я пришел к Румеру в его тесно заставленную случайной мебелью комнатку на Тверской-Ямской (ул. Горького), он попросил подождать: «Дау в душе». (Как все знают, в окружении Ландау были приняты сокращенные имена-прозвища: Ландау — Дау, Румер — Рум, Померанчук — Чук). Через несколько минут неспешно вошел Ландау, на ходу вытирая свою мокрую шевелюру полотенцем. «Дау, — сказал Румер, — вот Евгений Львович, он сделал очень хорошую работу, поговори с ним». «Ладно, — сказал Ландау как-то лениво, — давайте. Только чтобы не было все этих «Verklaerungen und Neubegrundungen».

Мы сели друг против друга за крохотный (почему-то мраморный) столик, и я смог беспрепятственно произнести первую фразу: «Речь идет о квантово-механической теории устойчивости кристаллической решетки». Но едва я нарисовал на листке бумаги кривую (типа потенциала в двухатомной молекуле) и пояснил: «Как известно, зависимость энергии кристалла от постоянной решетки выражается такой кривой», — Ландау мгновенно взорвался: «Откуда вы это взяли? Ничего подобного не известно. В лучшем случае мы знаем несколько точек около минимума, если учесть данные по сжимаемости. А все остальное выдуманно».

Я оторопел. Я даже не сообразил, что мне вовсе и не нужна вся кривая, достаточно окрестности минимума. Попытки оправдаться словами вроде: «Но так все пишут, например там-то», — вызвали только новое возмущение: «Мало ли что пишут! Вот, например, рисуют кривые Сэрджента», — (тут он сел на своего любимого конька того периода; все, кто общался с Дау, знают, что у него всегда бывали какие-нибудь любимые объекты для издевательств; тогда одним из них был Сэрджент, который утверждал, что если нанести на график экспериментальные данные по бета-радиоактивности: по вертикали —

время жизни, по горизонтали — энергию распада, то точки группируются около некоторых кривых, отвечающих разной степени разрешенности перехода). «Нет никаких Sargent Kurve есть Sargent Flaechе»¹, — бушевал Ландау, — «точки разбросаны по всей плоскости». И дальше в том же роде. [2].

«Ну что там у вас еще?»

Но дальше я мог только пролепетать несколько маловразумительных фраз, тем более что, как уже было сказано, я и сам не видел в сделанном мною ничего действительно существенного. Скоро все было кончено. Затем последовал лишь краткий, вполне доброжелательный разговор на посторонние темы (мы оба были родом из Баку, и это дало пищу для разговоров о городе детства, об обнаружившемся общем друге и т. д.), и я ушел в состоянии шока [3].

...Я закончу одним особенно запомнившимся мне эпизодом, который вновь, как и начало этих заметок, связан с Румером. Как известно, в 1938 г. Ландау и Румер, как тогда выражались физики, «перешли с физического листа римановой поверхности на нефизический», т. е., попросту говоря, были арестованы НКВД. Благодаря гражданской смелости, уму и настойчивости Петра Леонидовича Капицы уже через год Ландау вернулся домой (см. ниже). Румер же «вынырнул на поверхность» только через 10 лет в далеком Енисейске (в то время это была несусветная глушь, хотя и с пединститутом, в котором он стал работать). Он прожил там в качестве ссыльного 3 года — с женой и родившимся там же ребенком. Тогдашний президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов сумел добиться перевода Румера в Новосибирск. Но как только это произошло, не успев обеспечить Румера работой, Вавилов в конце января 1951 г. скончался, и Румер с семьей остался «в подвешенном состоянии»: без паспорта (с обязательной явкой каждые две недели в местное отделение НКВД), без работы, существуя почти целиком на средства друзей.

Случилось так, что летом того же года я летел в командировку в Якутск. В то время на этом маршруте самолет делал остановку на ночь в Новосибирске. Когда это объявили, я ахнул. Поехал в город. Позвонив в Москву, узнал его адрес (из последнего письма Румера, лежавшего у меня дома на столе), бросился разыскивать, но его не было дома. С трудом после разных приключений, нашел его по телефону у каких-то тамошних его друзей. Мы встретились на бульваре у центральной площади, расцеловались и стали строить планы — что можно сделать, как ему помочь? Румер тогда был страстно увлечен своей работой по «пятиоптике» (вариант единой теории поля), которую он начал еще в заключении, и считал ее столь важной, что работу над ней рассматривал как достаточное основание для перевода в Москву.

Приехав в Москву, я сразу поехал к Дау и положил на стол записку: «Я видел Румера». Он сказал: «Пойдем, погуляем» [4]. Мы вышли в сад, и ходили, ходили, обсуждая судьбу Румера. Дау был серьезен, печален, отчасти растерян и все повторял: «Что же делать? Что можно сделать?».

Но в конце концов обращение в ЦК, если не ошибаюсь, и самого Румера, и кого-то из официально признаваемых крупных ученых, сделали свое дело. Через некоторое время Румеру был послан вызов в Москву для обсуждения его работы. Вскоре, как-то рано утром, Дау позвонил мне: «Приходите, Женя,

¹ Кривая Сэрдженга, поверхность Сэрдженга (нем).

приехал Рум, он у меня». Когда я пришел к Дау, в его знаменитую комнату с тахтой на втором этаже, Румер сидел за столиком в углу, у окна, и завтракал (помню даже, что он ел яичницу). Дау, задумчивый, тихий, ходил по комнате, туда и назад. Подходя к Румеру, дотрагивался до его плеча и говорил мягко, даже нежно что-то вроде: «Рум, ну возьми еще».

Так более чем через полтора десятилетия — и каких! — с перестановкой действующих лиц мы опять встретились втроем. Это была и радостная и грустная встреча. Научное обсуждение работы Румера состоялось в помещении Института геофизики на Большой Грузинской (видимо, потому, что вход в этот институт был свободный). Это был важный момент в судьбе Румера. Теоретики высказались в том смысле, что в трудных поисках, которые ведутся в теоретической физике, это направление, разработанное на очень высоком уровне, нельзя оставить без внимания, его необходимо поддержать даже несмотря на то, что нет никакой гарантии, что этот путь приведет к преодолению трудностей в физике частиц. (Ландау на обсуждение не пришел. Он не верил в этот путь, а говорить неправду, даже полуправду в научном обсуждении он органически не мог)¹.

Все это перевернуло жизнь Румера. Он не переехал в Москву, но приступил к работе (все еще оставаясь на полуправном положении) сначала в Педагогическом институте, затем в Новосибирском институте радиофизики и электроники. Но вскоре умер Сталин, все изменилось, и он стал даже директором этого института. А когда впоследствии возник вблизи Новосибирска Академгородок, переехал туда. И теперь, когда мне говорят о резкости, беспардонном поведении Дау, я вспоминаю его мягким и повторяющим с болью в голосе: «Рум, ну поешь еще что-нибудь».

Примечания

1. «Разъяснения и новые обоснования» (пер. с нем.). Тогда главным языком физики был немецкий, главным журналом *Zeitschrift fur Physik*. У нас в Харькове начал выходить *Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion*, эти слова нередко встречались в заголовках или подзаголовках статей.
2. Впоследствии экспериментальные данные были очень существенно уточнены, и группировка точек вблизи некоторых линий проступила яснее, а они сами получили более детальное объяснение. В общем, Ландау бушевал напрасно.
3. Все вышесказанное было написано мною и опубликовано через полвека в сборнике «Воспоминания о Ландау» и только тут вскрылась подоплека этого эпизода: мой многолетний более молодой коллега в ФИАНе, И. М. Дремин, окончивший МИФИ (Московский инженерно-физический институт) в начале 60-х годов, рассказал мне, что и он, и другие студенты-теоретики прекрасно знали об этой моей встрече с Ландау (через 25 лет!), и даже больше, чем знал я сам. Оказывается, до нашей встречи у Румера Ландау уже сказали (может быть сам Румер), что я написал дипломную работу, неосторожно (по неопытности) озаглавленную широковещательно: «Внутриметаллические связи». Ландау будто бы ответил: «Такую теорию мог бы создать теоретик класса Тамма (и это верно. — Е. Ф.). У Фейнберга нет подобного класса, значит, работа неправильна». Поэтому Ландау и решил (если вспомнить студенческий лексикон) «ткнуть Фейн-

¹ Л. Д. Ландау присутствовал на обсуждении доклада Ю. Б. Румера на заседании при Отделении физико-математических наук 11 дек. 1952 г. и даже выступал. См. с. 192 данного издания.

берга мордой об стол», что и сделал. Но откуда же Ландау мог знать мой «класс»? Я думаю, из двух статей, выкроенных мною из дипломной работы, направленных в харьковский *Physikalische Zeitschrift der Sowjetunion* (и опубликованных там), с которым он, естественно, был тесно связан. Конечно, мою дипломную работу следовало назвать гораздо скромнее: «К вопросу о теории...» или: «Замечания к теории...». Тогда и у Ландау, быть может, не было бы претензий.

4. Примерно в 1950 г. я случайно узнал, что мы все недооценивали высокую технику и масштабы подслушивания разговоров даже в домашних условиях (например, по отражению инфракрасного луча от оконного стекла, дрожащего при звуках разговора в комнате) и предупредил об этом Ландау. Вскоре он и Лифшиц поблагодарили меня: им стало ясно назначение всегда недоступной таинственной комнаты в конце жилого блока. Как Ландау после этого совмещал новое знание со своей бурной «личной жизнью», мне не ясно.

Сцилард К. С. — Румеру Ю. Б.¹

Москва, 14.05.1967 г.

Дорогие Оля и Юра!

Нам посчастливилось опять пребывать в Москве на 2 недели. Мы думали, что ты, Юра, работаешь здесь, или где-нибудь в окрестностях Москвы, но Мария Александровна² нам объяснила, что тот конфликт, который ты имел там, где раньше работал, разрешился переходом на новое место работы в Новосибирске. В Новосибирск мы ехать не сможем, итак, придется писать.

В последнее время мы встретились с людьми, работающими в Новосибирске; в феврале этого года в Берлине с одним кибернетиком, фамилию которого я забыл (молодой человек небольшого роста с темными волосами) и осенью прошлого года в Братиславе с А. Д. Александровым. С последним я подробно говорил по вопросу о «положении математических и физических наук в Вен-

К. Сцилард. 1970-е. Лагерный автопортрет 1940-х гг., когда его звали Карлуша.

¹ Рукописный документ на одной странице. Фиолетовые чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² М. А. Румер, жена Осипа Борисовича Румера, старшего брата Ю. Б. Румера.

грии». Конечно, получилось только, как говорят, что «поплакал в жилетку» — он не понимает, почему мы не посылаем Яноши к черту. (Ведь его поддерживают все «высшие инстанции»).

Здесь в Москве, я встретился с А. А. Бориным¹ и его женой (после примерно 8-и лет). Я мог только констатировать, что Сашу Борину повезло на жене. Впрочем, они оба больны, Саша стенокардией, жена какой-то болезнью печени.

Сегодня печальный день: Борю Радулянского² отправили в Склифосовскую больницу с инфарктом — жена его, конечно, беспокоится — мы тоже. Если вам нет ничего более умного делать, тогда напишите нам пару строчек о себе и от ваших детишек.

Сердечный привет от ваших Карла и Бежи.

Наш адрес:

Budapest III

Erc-уца. II. Iercso 1.tm.1

Завтра уезжаем обратно в Будапешт.

Мартынова Т. А. — Румерам Ю. Б. и О. К.

[1967]

Дорогие друзья, давно собираюсь написать, да ведь сами знаете, как трудно раскаться. А очень уж хочется повидаться. Спасибо Танюшке за открытку. Вчера мне звонила Ангелина Васильевна. Она-то получила письмо из Новосибирска и телеграмму от «графов». Из ее слов я поняла, что Юра, может быть, с Александровыми приедет, а может, и нет. Хорошо бы да.

На днях в Центральном доме литераторов было чествование поэта Арсения Тарковского. Ему 60 лет исполнилось, а первые два сборника вышли 5 лет назад. У меня есть один из них «Земле — земное». Великолепный поэт. Покойная Ахматова написала рецензию на его стихи, где ставит его в ряду лучших поэтов эпохи: Цветаевой, Пастернака.

Народу было много. Очень приятно было слушать настоящие стихи. Юрка, если у тебя есть возможность, достань его сборники. Пишу я тебе об этом, потому что Лариса (Борина жена), которая ходит на его поэтический семинар, сказала мне, что ему хочется в Академгородок, и он не знает как это сделать.

Посмотри его стихи и напиши, будет ли интересно Вашей публике слушать такого поэта, как Тарковский. Если ты не сможешь достать, то я попытаюсь тебе выслать. Мне Ара подарила его сборник на день рождения. Ей и Вал. Ферд³. он тоже очень нравится.

¹ Борин Александр Аркадьевич (1913—1987) — авиаконструктор. В 1947 году попал в «шарашку» в Таганрог. Здесь состоялось знакомство и дружба с Юрием Борисовичем Румером. Карл Степанович Сцилард работал в бригаде аэродинамики под руководством А. А. Борина.

² Радулянский Борис Эфроимович, нач. цеха авиазавода в Москве. Арестован в 1938, осужден на 10 лет. Отбывал срок в «туполевской» шарашке. По окончании срока был сослан в Туруханск. Примерно с 1950 был в ссылке в Енисейске, работал учетчиком в аэропорту.

³ Асмус Валерий Фердинандович (1894—1975) — философ, профессор МГУ (с 1939). Труды по истории философии, теории и истории логики, эстетики и литературоведения. Государственная премия СССР (1943).

Семья Румеров (Миша, Ольга Кузьминична, Юрий Борисович)
с Таней Мартыновой (слева). 1954 г.

Видела на днях Риту Райт¹ с Маргаритой. Они сейчас живут в Доме творчества в Переделкине. Там же сейчас Серг. Мих. Бонди² и Аркадий Райкин, который, вообще, уже переехал из Ленинграда в Москву. Мы с Арой и Вал. Ферд. ходили слушать его последнюю программу и нам очень понравилась. Вал. Ферд. сейчас опять приобрел хорошую форму и много работает.

Разговаривала по телефону с Алей. Она жалуется на головные боли. Рассказывала, что виделась с Шальниковыми³, что они рассорились с Корой⁴, которая заставляет Гарика⁵ таскать Дау на все семинары и ученые советы и что это выглядит очень грустно. Дау сидит безучастный и безразличный. И никто не может подействовать на Кору и объяснить ей, что этого делать нельзя.

¹ Райт-Ковалева Рита Яковлевна (настоящее имя Раиса Яковлевна Черномордик; 1898—1990) — русская советская писательница и переводчица. В ее переводе в СССР впервые появились русские версии многих произведений Г. Белля, Ф. Кафки, Дж. Сэлинджера, У. Фолкнера, К. Воннегута, Н. Саррот, А. Франк, Э. По. Переводила на немецкий язык Владимира Маяковского (в том числе «Мистерию-буфф»).

² Бонди Сергей Михайлович (1891—1983) — русский литературовед. Крупнейший пушкинист, один из создателей метода текстологического анализа, много сделавший для научного прочтения черновиков сочинений А. С. Пушкина и реконструкции его неизвестных и опубликованных с искажениями текстов, подготовленных им для академического издания.

³ Шальников Александр Иосифович (1905—1986) — советский физик, член-корреспондент АН СССР с 1946 г., академик с 1979 г. Научная сфера — экспериментальная физика: низкие температуры, свойства тонких сверхпроводящих металлических пленок, коллоидов и др.

⁴ Кора — Конкордия Терентьевна Ландау-Дробанцева (1908—1984), жена Л. Д. Ландау.

⁵ Гарик — Ландау Игорь Львович (1946—2011) — доктор физико-математических наук — сын Л. Д. Ландау.

Да, я забыла сказать, что Рита Райт подарила В. Ф. свои воспоминания о Хлебникове, Маяковском и Пастернаке, которые вышли в ученых записках Тартуского университета. С удовольствием прочла. Глубины и анализа творчества нет, но чувствуется аромат эпохи и это очень приятно. Особенно удачно у нее получилось о Велемире Хлебникове, а про Пастернака она пишет, как она была в него влюблена.

Дома у нас все по-старому. Малыш растет и развлекает нас.

Если Юрка все-таки надумает приехать, то милости просим ко мне. Как Мишины экзамены? Как Танюшка провела каникулы? Была у Вас елка? Олечка, как твоё здоровье? Привет тебе от Николая Андреевича.

Напишите все же когда-нибудь. Так хочется знать, что у вас делается.

Привет Фету.

Юрка, как работает твой семинар? Мне про это очень хочется знать. Одно время Леонтович собирался приехать к Вам. Приезжал или передумал?

Игорь Евген. Тамм всю осень тяжело болел, а недавно мне Парийский¹ говорил, что поправляется.

Вот все новости, которые пока пришли в голову.

Целую вас всех крепко.

Ваша Таня

Щекин-Кротова А. В.² — Румеру Ю. Б.³

[1967]

Дорогой Юрий Борисович!

Долго не писала. Хочется написать очень хорошее письмо, поэтому все откладываешь до лучших дней и вот...

Я познакомилась, наконец-то, с Вашей сестрой. Сначала — обоюдное разочарование. Она совсем не похожа на Вас, и такая маленькая. А я ей показалась слишком большой. Но у меня потом исправилось впечатление. Она очень хорошая, даже может быть в чем-то лучше Вас: честнее, чище, вернее, еще совестнее, еще чище. И глаза, на которые я сначала рассердилась, за то, что они не бросают Ваших огненных взоров, как прозрачные ручьи — все видно, до самого дна, нет никаких «камней за пазухой». Я сама себе рядом с ней не понравилась. Была я очень усталая и какая-то сама не своя, вроде бы кривляка, а на самом деле, еле держалась на ногах, а гордость не позволяла признаться. Пришла поздно, чтобы принести Вам лекарство, но уж оказалось не нужно. Вот так. Напишите, стоит ли мне появляться к ней на глаза, или ей будет неприятно? Как хорошо, что у Вашей Оленьки есть такая сестра. Это совсем не «золотка, змеиная головка», а наоборот, вроде ангела хранителя.

¹ Парийский Николай Николаевич (1900—1996) — астроном и геофизик, член-корреспондент АН СССР.

² Щекин-Кротова Ангелина Васильевна (1910—1992), советский искусствовед, жена Р. Р. Фалька.

³ Машинописный документ. Дата установлена из контекста. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Вы уже знаете все об Эренбурге и от друзей и из газеты «Унита». Мне лично было тяжело очень, как-то, будто снова похороны Фалька. И не только из-за Фалька. Я не знаю человека, которому бы были так искренне нужны события в искусстве и который мог бы поднять так голос в защиту искусства, так остро и с таким резонансом. И еще грустно, что уж больше не услышу его афоризмов, выступлений и дома не увижу, такого иногда беспомощного в быту и такого вооруженного в общественной борьбе. Люба была, в первые дни, просто героиня, держалась великолепно, как царица, умно, величаво несла свое горе. А потом сердце сдало. Ее уложили, ей все более и более становится страшно жить без него.

Илья Григорьевич очень горевал, когда умер Савич. Как Вы эту потерю перенесли? Я отчасти от этого не писала Вам долго, быть может, неправильно думая, что новые друзья должны отойти скромно в сторонку, когда старые требуют внимания и поддержки. Видели ли Вы Алю после смерти Савича? Я ее видела, но опять как-то не заметила. Или она очень изменилась, или я ее воображаю другой, чем она есть. Прелестна Ирина, в ней столько женственности, тихой горести. «Уходят, уходят, уходят друзья...». Все вокруг стареют и требуют помощи. Ведь среди ровесников Фалька — я почти девчонка. Вот и бегаю... А мне уж скоро 60 и хочется, чтобы кто-то для меня побегал. Увы! Люба направила ко мне корреспондентов журнала «СССР—Франция», чтобы я дала интервью о роли Ильи Григорьевича в культурной жизни страны. Я, конечно, на такое замахнуться не могла, Люба преувеличивает мои возможности, но французы остались очень довольны, и благодарили Любовь Михайловну за интересную встречу. Не думаю, чтобы мою болтовню напечатали рядом с высказываниями солидных людей. А впрочем, французы ведь любят даже в своих коммунистических газетах разный материал. Так что, может быть, и мадам Фальк что-то там будет лепетать среди умных речей.

Осень прошла незаметно в какой-то спешке. А осень в этом году чудесная и может быть глупо такие дни бездарно пропускать, ведь не так уж много их осталось. Москва для меня всегда полна суеты, все время надо куда-то спешить и кому-то что-то помогать.

Видно, это не судьба, а просто характер такой скверный.

Кое-что сделала по Фальку. Поработала с издательством (Дрезден). Приглашают меня туда весной (за счет издательства) погостить на месяц и помочь

Р. Фальк. В белой шали (А. В. Щекин-Кротова). 1947.

<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/pics/10014-pictures.php?picture=1001413>

с книгой. Если пустят, то поеду. В августе были интересные встречи с одним из редакторов и с фотографом — художником. Он родственник Рильке, у меня встретился с Женей Пастернаком, выяснилось, что в его семье есть портрет, написанный Пастернаком с Рильке. Было много интересных разговоров о Рильке, Пастернаке, Толстом и Достоевском. Вам спасибо, за то, что практиковалась я с Вами в немецком. Так как я проводила много времени с немцами, а как раз тот, что Рильке, совсем не знает русского, то я так здорово стала болтать, что даже стихами переводить стала стихи на немецкий. Наглость? Мои немцы предпочитали коротать вечера в моей мансарде, отказываясь от концертов и балетов в Большом театре. У меня впечатление, что это поколение мало дома (работа, практические заботы) говорит о «высоких материях» и тут они упивались беседами. Мы, русские, больше говорим о разных непрактических вещах, моим немцам разговоры о литературе — прямо как бальзам! Они сияли и, кажется, решили, что я воплощаю в себе «русскую душу», которую они знают по чтению немецких книг о русской литературе. Поездила по красивым местам с фотографом, так как он должен был снимать памятники архитектуры и я, конечно, больше ему могла помочь, чем рядовой гид в Интуристе. А в то же время моя бывшая интуристская практика тут мне тоже помогла.

Мой портрет в белой шали поехал на выставку советского искусства в Париж и еще некоторые картины. В Токио также взяли Фалька, и в Прагу.

Потихоньку выходим в советские классики, а?

Как Ваше здоровье и как Оленька? Я худею и это на пользу моему сердцу: нет больше одышки, легче нагибаться, но надоедает быть целый день полуголодной. Но ведь Вы говорили, что у меня «сталинская» воля. Я очень люблю хлеб, а теперь я его не смею есть, не говоря уж о пирогах, пирожных и т. п. Фрукты, слава Богу, сейчас в Москве в большом количестве, особенно яблоки и виноград. Ем вместо солидной пищи эти божие дары.

Можно ли мне Вам писать по-немецки? Передайте привет Ольге Кузьминичне, Елизавете Борисовне и детям. Как Миша съездил в Монголию? Как здоровье Тани после лета?

Ваша верная Ангелина.

Как я рада, что Цветаева стала Вашим поэтом. Bravo!

Райт-Ковалева Р. Я. — Румеру Ю. Б.¹

Москва. 5 сентября, 1967 г.

Милый Рум,

я приехала недавно, и Маргаритка² дала мне прочесть твою открытку, с просьбой — рассказать об Але. Я с ней ежедневно говорю по телефону, иногда она сама мне звонит — так она сразу позвонила вечером, когда умер Эренбург...

¹ Машинописный документ на двух страницах. В конце письма приписка от руки (выделено курсивом). Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Ковалева Маргарита Николаевна (1933—2013) — дочь Риты Райт.

Что тебе сказать? Она держится молодцом, много занята делами О. Г.¹: надо сдавать его книгу — срок подошел, а он умер как раз, когда кончал работу... Вокруг много друзей, учеников О. Г. — его товарищей... Но ведь все это — внешнее, а внутри — незаживающая рана... Все последние годы О. Г. был для Али как ребенок, она от него не отходила, забывала себя совсем. И теперь занята его делами, его книгами. Может быть, это и к лучшему.

Я была в Эстонии, когда это случилось — И ОТ МЕНЯ СКРЫЛИ — моя сестра, Наташа Брюханенко² и еще «мудрецы» решили меня «не огорчать», — сказать «потом» — я была немного больна — пустяк, ангина... И эти дорогие подружки не дали мне газету, все скрыли, и я узнала через две недели — случайно, грубо, — перепугалась ужасно, написала обо всем Але...

А сейчас я тоже с ней говорила — у нас 9 часов. Она очень просила меня передать тебе всякие хорошие слова, я сказала об открытке и о том, что тебе пишу. Она еще сказала, что достала тебе витамин Б-15, и если Елизавета Борисовна не заберет его и не пошлет, то тебе привезет его Маргаритка — она 12-го едет с группой снимать ваших катализаторов. Я рада, что она снова тебя увидит — она очень тепло вспоминает и тебя и твое семейство...

Есть ли надежда, что ты приедешь в Москву в этом году? Это было бы очень хорошо — а я просто была бы счастлива тебя видеть — столько накопилось всяких разговоров, вопросов — и так далее. Да, для Али еще не опомнившейся после смерти О.Г., смерть Эренбурга была ужасным ударом. Она мне говорила, что он настаивал, чтобы она все уикэнды проводила у них на даче и ее туда увозили каждую субботу. А в понедельник Илья Григ. пошел в огород собрать для Али какие то овощи, и — упал... Его подняли, он полежал день, а потом встал, говоря, что у него сердце не болит, а болит рука... Но все же его увезли в город — а там кардиограмма показала, что у него ОГРОМНЫЙ ИНФАРКТ...

К вечеру, в день смерти, ему стало лучше, а в 9 ч 20 мин. он скончался...

Похороны были какие-то странные — тысячная толпа, которую не пустили на кладбище, какие-то «не те» речи... словом, грустно.

Р. Райт-Ковалева — гостя ИЯФ СО АН СССР. 1979 г.

¹ Овадий Герцович Савич.

² Брюханенко Наталья Александровна (1905—1984) — окончила филологический факультет МГУ, служила редактором в Госиздате, где познакомилась с Маяковским. В дальнейшем работала директором съемочных групп на Центральной студии документальных фильмов.

Сегодня Аля дома, но так устала, что легла рано. Ты знаешь, я так любила их обоих, мы так хорошо встречались, так много друг другу говорили... Для меня потеря О.Г. как-то ошутимее, чем многие потери — а их, Юрочка, сейчас все больше... Но я только молюсь об одном: пусть мы — но не молодые... А тут, как раз, всякие беды именно с молодыми... Одни — в больнице, другие — и того хуже...

В общем, надо повидаться. Завидую Маргаритке... Она что-то киснет, жалуется на сердце, но я надеюсь, что это невроз, который пройдет при перемене обстановки.

А я тяну, работаю, все хочу еще куда-то съездить — у меня столько приглашений, что можно бы ездить два года подряд...

Но... не очень-то разъездишься при теперешнем состоянии нашего дурацкого земного шарика... Хотя бы вы, ученые, что-то придумали УБЕДИТЕЛЬНОЕ... Ведь становится все путаннее, все труднее понять — зачем эти дикая каша, что ее вызывает.

Ну, пора спать — первый признак усталости, у меня, склонность к глупой философии.

В Эльве было неплохо, была моя сестра, Наташа, Мила, еще много знакомых — я мало кого видела, только кое с кем гуляла и собирала грибы.

Целую тебя, Олю, ребят. Маргаритка тебе все расскажет. Твоя Рита.

Мартынова Т. А. — Румерам Ю. Б. и О.К.¹

[5 сентября 1967]

Дорогие мои, удрала с работы. Жду Лизочку и вот пишу вам. Тетради купила. Все остальные заказы пока не выполнила: в магазинах ничего нет. Б-15 еще буду искать. Аля мне обещала поискать, но вот из-за похорон ей, видно, не до того. Вчера встретила на похоронах Ангелину Васильевну. Потом она мне вечером звонила. Очень расстраивалась по поводу смерти И. Гр.² Говорит, как будто половину Фалька потеряла. Расспрашивала о всех вас. Объяснилась в любви к Юр. Борис. и обещала поискать Б-15. Спрашивает, только в ампулах или таблетках. А действительно, в ампулах или таблетках? Мои попытки пока не увенчались успехом. Буду еще говорить с Миной Семеновной.

Мишка уехал с Катей в Коктебель, поэтому мы с детьми приятно провели на даче два дня.

Вчера была на похоронах. Они на меня произвели ужасное впечатление. Говорят, что у нас нет традиций, наоборот, начиная с Пушкина, традиция хоронить писателей на Руси сохраняется. Сделано было все, чтобы народу было мало, а его, т. е. народу было много, очень много. Оповестили поздно. Стоял гроб в доме литераторов на ул. Герцена. Народ в темпе прогоняли мимо гроба,

¹ Рукописный документ, синие чернила. Датировка установлена из контекста. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

² Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель. Погребение И. Г. Эренбурга состоялось 4 сентября 1967 г. на Новодевичьем кладбище в Москве.

не задерживайся. В зале на митинге траурном могли присутствовать только члены Союза писателей и иностранцы, кое-кому удалось прорваться.

Панихиду открыл Бор. Полевой. Выступил Лидин¹, как друг, потом Ян Дрда², потом какой-то француз. Анн Блюли³, если я правильно разобрала фамилию. Француз говорил хорошо, но его перебил голос милиционера в рупор: «Разойдись, не устраивайте давки!» и т. п. Потом от [неразборчиво] и Юр. Жуков⁴ от Сов. Мира.

Далее было сообщено, что ему соболезнуют колхозы Башкирии, чьим депутатом он был, что получено много телеграмм, к-рые зачитывать не будут, в том числе Мариэтты Шагинян⁵, семьи Литвинова⁶ и масса из-за границы, в т. ч. Пабло Неруды, Пикассо и др.

После этого все были выгнаны из зала и поехали на Девичье кладбище. Транспорту было запрещено останавливаться у кладбища. Кладбище было заперто со всех сторон. Пропущены были машины с пропусками. Билеты Союза писателей были тоже не действительны. Надо было иметь специальный пропуск на похороны. Кругом все оцеплено и войсками и милицией. Толпа народа рвалась, а их не пускали.

Не пустили, конечно, и меня, и Ангелина Васильевна также не попала. Боря с Ларисой остались ждать, надеясь, что после панихиды можно будет попасть на кладбище. Они были не единственные. Толпа не расходилась.

Говорят, на панихиде на кладбище выступал Тихонов. Что там было, не знаю. Ара и Вал. Ферд. не были на похоронах, т. к. у них в эти часы лекции.

Ну, что вам еще писать? Даже не знаю.

Да, француз сказал, что И. Гр. был смелый человек, но отнюдь не Дон-Кихот. И вот этого отнюдь не Дон-Кихота до чего они боятся!

Лидин рассказал, что И. Гр. хотел, чтобы его «Люди, годы, жизнь» стали дневником века. Говорил о страхах И. Гр.

Зачитали его стихи, написанные в 39 г. Очень даже неплохие стихи.

Вот довольно полный отчет о личных впечатлениях о вчерашнем дне. Отвратительно!

Как-то сейчас ни о чем другом не пишется.

Мар. Алекс.⁷ никак не могла дозвониться.

Крепко целую.

Если не пишете, то хоть изредка звоните.

Ваша Таня.

¹ Лидин Владимир Германович (1894—1979) — писатель.

² Ян Дрда (1915—1970) — чешский писатель, сценарист и общественный деятель.

³ Выступал Анри Блюмель — президент Общества дружбы «Франция — СССР».

⁴ Жуков Юрий (Георгий) Александрович (1908—1991) — журналист-международник, публицист, переводчик. В 1967 г. — политический обозреватель газеты «Правда».

⁵ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — писательница.

⁶ Литвинов Максим Максимович (настоящее имя Меер-Генох Моисеевич Валлах, 1876—1951) — революционер, советский дипломат и государственный деятель.

⁷ Румер Мария Александровна (1888—1981) — педагог, кандидат искусствоведения. Жена Осипа Борисовича Румера.

Крик Ф. — Румеру Ю. Б.¹

MRC
Medical Research Council

Лаборатория молекулярной биологии
Аспирантура медицинской школы
Хилз роуд, Кембридж
Телефон Кембридж 48011
6 декабря 1967 г.

Уважаемый профессор Румер,

Благодарю Вас за письмо и книгу.

Мне понравилась мысль, изложенная в Вашем письме. Как Вы увидите из прилагаемой записки, у меня была точно такая же идея (см. стр. 18 внизу и стр. 14 вверху). Я не упомянул о ней в своей работе по неоднозначным соответствиям, опубликованной в журнале *Journal of Molecular Biology* («Молекулярная биология»), т. к. на тот момент казалось, что инозин не был пустышкой, но узнавал U, C и A. Я был в замешательстве и не знал, как это можно объяснить. Возможно, на ранних стадиях эволюции кода это имело смысл, но времени с тех пор прошло много и сейчас сложно об этом говорить. Я согласен, что эта последовательность (C, G, U, A) может считаться канонической, и в некотором отношении она лучше моей (U, C, A, G). С другой стороны, преимущество моей последовательности состоит в том, что она описывает закономерности третьей позиции, и поэтому я полагал, что имеет смысл использовать ее повсеместно.

Как-то я вывел достаточно сложное правило относительно того, какой корень будет сильным и какой слабым, но оно было настолько вымученным, что я его забыл. Мне кажется, что для того чтобы сделать следующий шаг на пути превращения наблюдения в интересную теорию, надо найти хорошую причину эти наблюдения объяснить.

С самыми наилучшими пожеланиями,

Фрэнсис Крик

Фейнберг Е. Л. — Румеру Ю. Б.²

30.10.1970

Дорогой Юрий Борисович!

Спасибо за книгу и поздравляю Вас (и Фета)³ с ее выходом. Книга хорошая и, несомненно, будет людям полезна.

Пишу с таким опозданием потому, что у меня эти месяцы сложились неудачно, дома не был: после Киева был очень измучен, поехал в «Узкое» отды-

¹ Письмо на бланке, копия машинописного экземпляра (подлинник отослан Юрием Борисовичем в ДАН АН СССР). Подпись Ф. Крика от руки, внизу справа штамп ДАН АН СССР о получении письма 19.06.1968 г. Перевод И. Б. Адриановой. Хранится в семье М. Ю. Михайлова.

² Рукописный документ на двух страницах, шариковая ручка с фиолетовой пастой. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

³ Абрам Ильич Фет. Речь идет о книге Румер Ю. Б., Фет А. И. Теория унитарной симметрии. М., Наука, 1970. 400 с.

хоть, там заболел, врачи не распознали пневмонию, долечивался в Москве после такого месячного «отдыха». Сейчас уже ничего, но все начинается сначала: устал, работа, «неработа»¹≡нервное дерганье и пр. Ничего, не в первый раз.

Давно не имею сведений, как Вы. Только вот, Вайскопф¹ восхищался Вами, Вашей молодой живостью реакций — ума и души. Он был очень рад общению с Вами.

Не собираетесь ли в Москву?

Еще раз поздравляю с книгой и желаю дальнейших.

Всего хорошего Вам и семейству.

Привет от В. И. Она уезжает на юг.

Ваш Е. Фейнберг

Сцилард К. С. — Румеру Ю. Б.²

Будапешт, 4.02.1971 г.

Дорогие Оля и Юра!

Не сердитесь, что я на ваше письмо так, поздно отвечаю. (Единственная причина опоздания — эта моя лень. Но мы часто думаем о вас, конечно, из этого ничего конкретного для вас не выходит).

Мы, вообще, чувствуем себя ничего. В данный момент мы все здоровы, однако, это не всегда так; весной, как правило, члены семьи по очереди простужаются. Защищаемся, как сможем — например, послезавтра идем к врачу для прививки против инфлюэнцы. У нас есть одна внучка, Агнесс, дочка нашего сына Миши. Они теперь живут не у нас, у них есть своя квартира, лучше нашей. Мы теперь живем втроем, с Катей; она преподает в районной музыкальной школе и иногда выступает на концертах.

Юра, ты наверняка вспомнишь, что я попросил руководство нашей Академии наук пригласить тебя в Венгрию. Приглашение было выслано, однако, тогда мы получили ответ от твоего начальника отдела кадров, который сообщил, что «профессор Румер в настоящее время сильно занят и по этой причине, к сожалению, не может удовлетворить Вашу просьбу». Теперь я попросил наше Математическое общество «Bolyai Janos Matematikai Tarsulat» пригласить тебя, чтобы читать одну или две лекции по любой теме из математической физики. Попробуем, м. б. на сей раз удастся. (А если нет, тогда еще выдумаем что-нибудь).

Книгу твою я получил в эти дни, большое спасибо; есть надежда, что кое-что из нее буду понимать.

Меня полгода назад послали на пенсию, однако, сразу же заключили со мной договор, согласно которому я останусь на старом месте и сделаю то, что до тех пор сделал (теория функций комплексного переменного и дифференциальные уравнения).

Мы были бы рады получить от вас более подробные сведения. Как здоровье Оли и твое, Юра? Что делают дети? Они, наверное, уже взрослые и приоб-

¹ Виктор Фредерик Вайскопф. См. с. 61.

² Рукописный документ на одной листе с двух сторон. Синие чернила. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

рели какую-то профессию. Нас интересует все. Сердечный привет для вас всех от ваших Карла, Лизы, Кати и Миши.

Гинзбург В. Л. — Румеру Ю. Б.¹

Дорогой Юрий Борисович!

[1974]

Только что я прочел в «Науке и жизни» № 6 Ваши «Странички воспоминаний о Л. Д. Ландау» и как-то что-то на меня нахлынуло и захотелось написать. Поскольку мы не переписываемся, объяснить подобное стремление не очень легко, но, к счастью, такого объяснения и не требуется.

«Странички» мне понравились и особенно почему-то я зарезонировал на Ваше замечание о характерности чувства восхищения перед подлинным талантом. К сожалению, это чувство не так уже широко распространено в научной среде, но мне-то оно, безусловно, свойственно и во многом, даже в главном определяло отношение к Дау. Быть может, хотя и не уверен в этом, мне удалось кое-что отразить в статье, написанной к 60-летию Дау и опубликованной тогда же в УФН. Дау был еще жив, но я по известной Вам причине писал некролог, хотя и не в полной мере.

Поскольку статья понравилась Е.М. и другим, я склонен считать, что она в какой-то степени достигла цели. Но не в этом, конечно, дело. До сих пор очень не хватает Дау. И даже странно, что столько физиков «выпускают» у нас разные ВУЗы, появляются среди них и способные, но ни одного я не видел еще, кто был бы отмечен милостью божьей хотя бы в отдаленной степени в духе Дау. Только Р. Фейнман, из знакомых, напоминал мне его, но он родился в 1918 г. и, кстати, его родители из-под Минска. Отмечу, между прочим, что Дау говорил мне, что один раз разговаривал с Эйнштейном, говорил с ним о квантовой механике, безуспешно в чем-то убеждал. Поскольку у меня плохая память я позвонил сейчас Жене Л. и он помнит то же, и сказал, что говорил Вам об этом. Как объяснить Вашу уверенность в том, что Дау не встречался с Э. я не знаю. Если Вы правы, значит Дау это выдумал (?!), но в это очень трудно поверить.

Я вспомнил сейчас (или, точнее, когда читал Вашу заметку) и о том, что увидел Вас впервые толи в 1933, толи в 1934 г., когда пытался поступить в МГУ. Я был тогда очень глупым и необразованным — так сложилась жизнь и так происходило развитие. Человеком (в научном отношении) я себя в какой-то мере почувствовал только в конце 1938 г., после окончания Университета, когда бросил экспериментальную оптику и увидел, что могу что-то делать в области теоретической физики (но теорминимума я так никогда и не сдавал). Вам тогда, когда мы впервые встретились, было около 30. А сейчас и мне уже 57,5, я несравненно больше понимаю и в науке, и в жизни, но моя-то собственная жизнь уже в основном позади. Что поделаешь — таков печальный закон человеческого существования.

С лучшими пожеланиями Ваш В. Л. Гинзбург.

¹ Машинописный документ, подпись от руки, дата установлена из контекста. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

P. S. Пользуюсь случаем послать Вам свой опус, хотя он, конечно, написан в основном не для «взрослых». Дау, несомненно, отнесся бы к такой книжечке резко отрицательно, я же писал ее с увлечением и она мне, в общем, нравится. Вместе с тем, я нисколько не обижаюсь на тех, кто отрицательно (но без злобы!) относится к таким сочинениям, в частности, к моему. Так что не стесняйтесь, если захотите сказать свое «фе».

Вайскопф В. — Румеру Ю. Б.¹

Массачусетский технологический Институт
Отдел Физики
Кембридж, Массачусетс 02139

7 апреля 1981

Д-ру Ю. Румеру
Сибирская Академия наук
Новосибирск, Сибирь
СССР

Мой дорогой друг!

Я был порядком удивлен, получив известие, что ты вскоре достигнешь библейского возраста — восьмидесяти лет. Время идет быстро, но я помню наши дни в Геттингене так, будто это было вчера. Кроме того в этом году исполняется 50 лет моей докторской степени, полученной в Геттингене.

Я хочу сказать тебе, как много значила для меня твоя дружба в течение всей моей жизни, хотя мы подолгу не виделись. Так или иначе, опыт всей твоей жизни является символом того трагического времени, в котором мы живем, и я всегда восхищался твоей стойкостью. Ты никогда не терял интереса к жизни во всех ее проявлениях и той огромной жизнерадостности, которая тебе присуща даже после таких тяжелых испытаний.

Я живо помню все твои рассказы и истории, во-первых, когда ты приезжал в Москву увидеться со мной, и, во-вторых, когда мы встречались в Новосибирске много лет назад. Ты, конечно, стал старше, и цвет твоих волос, наверное, изменился, но при каждой нашей встрече я по-прежнему видел молодого Румера геттингенских дней.

К сожалению, мои поездки в Россию стали не такими частыми, как раньше, поскольку мне приходится отказывать себе в путешествиях по состоянию здоровья. И все-таки я надеюсь и жду, что представится случай, когда мы снова встретимся и обсудим все проблемы этого беспорядочного мира.

Позволь мне пожелать тебе и твоей жене долгих лет жизни, здоровья, радости.

Твой старый друг Виктор Ф. Вайскопф. (Вики)

¹ Машинописный документ на бланке MIT, на английском языке. Подпись «Viki» от руки. Хранится в семье Т. Ю. Михайловой.

Часть III ПРИЛОЖЕНИЯ

Дела судебные: Исидор

В этом очерке затронута тема репрессивной политики советского государства в отношении своей интеллигенции. В семье Румеров преследованиям по политическим мотивам подверглись двое братьев: Исидор и Юрий. В этом сходство и различие их судеб. Оба были близки друг другу ментально, как люди науки. Но гуманитариев ожидала более суровая судьба в лагерях, поскольку «шарашки», массовое появление которых относится к началу 1930-х гг., были предназначены для технических специалистов.

Исидор Борисович Румер (1884—1938)¹, второй из трех братьев, был арестован в феврале 1935 г. В основе данной главы — материалы следственного дела, которое хранится в ГАРФ². В семейном архиве Румеров есть некоторые материалы, относящиеся к Исидору Борисовичу³. Мы имеем лишь один автограф, принадлежащий И. Румеру: это его письмо брату Осипу 1916 г.⁴ Ранее были опубликованы письма М. Н. Багатурова (проходил по одному делу с Исидором Борисовичем) лета 1935 г. в списке, составленном Андреем Румером, сыном Осипа Борисовича (1883—1954)⁵. В электронном каталоге Российской государственной библиотеки (РГБ) есть несколько переводов, выполненных И. Румером в разные годы. В дореволюционный период это были переводы историко-философских работ⁶ и лекций об античной литературе немецкого мыслителя Теодора Бирта⁷. Затем появились переводы работ естественнонаучного характера (в том числе научно-популярные изложения теории относительности А. Эйнштейна)⁸.

¹ Другая версия статьи — Крайнева И. А. Исидор Борисович Румер: страницы биографии // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 140—155.

² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620.

³ Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7699

⁴ Письмо. И. Румер — О. Румеру. 18.12.1916. Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 508—509.

⁶ Платон. Апология Сократа; Критон / Пер. с греч. И. Румер; С предисл. Б. Яковенко. М.: «Польза» В. Антик и К°, 1913. 78 с.; Карр, Герберт Уилдон (1857—1931). Философия Бергсона в популярном изложении. Пер. с англ. И. Румер. М.: Творчество, 1913. 63 с.; Румер И. Б. К вопросу о философии Густава Тейхмюллера // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 124. С. 384—399 // Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_zoya_635212335251406250_1472

⁷ Бирт Теодор (1852—1933). История римской литературы: В 5 лекциях. Пер. с нем. И. Румер. Москва: «Польза» В. Антик и К°, 1913. 189 с.

⁸ Леман И. Теория относительности: Популярное изложение без математических формул. Пер. с евр. И. Румера. М.: Работник просвещения, 1922. 48 с.; Мошковский А. Альберт Эйнштейн: беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира / Пер. с нем. И. Румер; предисл. Ф. Кипарисова. М.: Работник просвещения, 1922. 210 с.; Современные проблемы естествознания. Под общ. ред. А. Д. Архангельского [и др.]. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922; Кн. 9: Происхождение Луны и ее кратеров / Альфред Вегенер; пер. с нем. И. Б. Румера. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 48 с.

Известно, что при аресте была конфискована рукопись диссертации И. Румера «Система Спинозы как философия действительности»¹, но она, видимо, утрачена. Ниже мы подробнее расскажем о редакторской работе И. Румера в команде Л. Троцкого по окончании Гражданской войны. В это же время он выполнил массу переводов по экономической истории², вместе со старшим братом Осипом участвовал в проекте по переводу атеистических памфлетов XVIII века³ под редакцией А. М. Деборина⁴, материалов по истории международного рабочего движения⁵. Переводы экономической литературы выполнялись под редакцией видного экономиста Мирона Исааковича Нахимсона (1880—1938), получившего образование в Германии и Швейцарии. М. И. Нахимсон был расстрелян по списку № 58 в Московской области на 100 человек, подготовленному для репрессий по расстрелу в представлении начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД И. И. Шапиро по обвинению в контрреволюционной деятельности. Документ подписан Сталиным, Молотовым и Ворошиловым 9 мая 1938 г.

Биография И. Б. Румера и судьбы некоторых людей, которые упоминаются в следственном деле, позволяют дополнить представления о формах, причинах и последствиях преследования интеллигенции советской властью в 1930-е гг. Подобная историко-биографическая исследовательская программа выполняется рядом историков, социологов, культурологов независимо друг от друга⁶,

¹ Протокол обыска от 19.02.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 11.

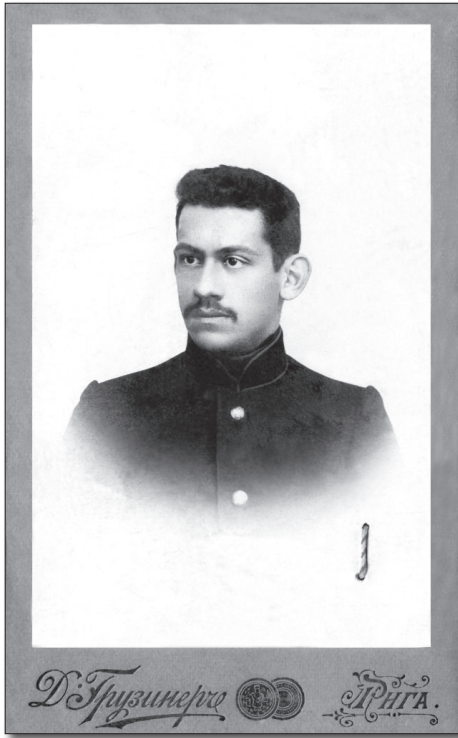
² Леви Г. Мировое хозяйство и Европа. (До войны и теперь) / Пер. с рукописи (нем.) И. Б. Румера под ред. и с предисл. М. Нахимсона (Спектатора). М.: Плановое хозяйство, 1926. 140 с.; Заппер К. Всеобщая экономическая география / Пер. с нем. Л. И. Зака и И. Б. Румера Под ред. А. А. Грубера и В. А. Каменецкого. С предисл. С. В. Бернштейн-Коган. М.: Плановое хозяйство, 1926. 328 с.; Норс Э. Г. Американское сельское хозяйство и европейский рынок / Пер. Ст. Вольского и И. Б. Румера; Под ред. и с предисл. М. И. Спектатора. М.; Лен.: Плановое хозяйство, 1926. 266 с.; Гобсон Ч. К. Экспорт капитала / Пер. с англ. И. Румера; ред., предисл. и доп. М. Спектатора; Коммунистическая акад., Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1928. 260 с.

³ Атеистические памфлеты XVIII столетия / Общество воинствующих материалистов; под ред. А. М. Деборина. М.: Материалист, 1924—1925. Вып. 2: Разоблаченное христианство или Исследование начал и выводов христианской религии / Поль Гольбах; пер. И. Б. Румера, Я. Виткинда; с предисл. А. М. Деборина. М.: Материалист, 1924. 182 с. Вып. 5: Солдат-безбожник / Жак Нэжон; пер. с фр. О. Румера; со вступ. ст. И. Луппола. М.: Материалист, 1925. 156 с.

⁴ Деборин был инициатором дискуссии против новой физики в АН СССР в 1936 г.

⁵ Russia. The official report of the British trades union delegation to Russia and Caucasia nov. and des., 1924: официальный отчет Делегации британских тред-юнионов, посетившей Россию и Кавказ в ноябре и декабре 1924 г. / пер. с англ. Д. Я. Длугач, И. Б. Румера и А. М. Сухотина. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925. 326 с.; Ленц И. История Второго интернационала / Ред. и вступ. статья К. Радека; Пер. с нем. А. В. Вольского, И. Б. Румера. М.: Акц. издат. о-во «Огонек», 1931. 288 с. (Всемирная история. Популярная библиотека под. общ. ред. М. Н. Покровского).

⁶ Акимова М. Ученые ГАХН дома и на следствии. Доклад на семинаре «Москва. Места памяти» 1 апреля 2015 г. URL: <http://urokiistorii.ru/article/52560> (дата обращения 20.03.2019); Колчинский Э. И. Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию юбилею Н. И. Вавилова и накануне 70-летия со дня августовской сессии ВАСХНИЛ // ВИЕТ. 2018. № 3. С. 559—591; Крайнева И. А. Научное наследие лидеров физико-математических школ Сибирского отделения АН СССР (Ю. Б. Румер, А. А. Ляпунов, А. П. Ершов): Дисс. ... докт. ист. наук. Томск, 2019. 557 с.; Нешумова Т. Ф. «Когда вы мните ясно жить и тихо умереть»: Следственное дело Д. С. Усова. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2018/1/kogda-vy-mnite-yasno-zhit-i-tiho-umeret-yasno-zhit-i-tiho-umeret-sledstvennoe-delo-ds-us-pr.html> (дата обращения 22.03.2019); Северцева О. С. Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН // <https://vmits0364.it-services.ruhr-uni-bochum.de/gachn/files/Severceva%20Materialy.pdf> (дата обращения 24.03.2019); Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга четвертая. Враг № 1. 1929—1940 гг. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2013. 544 с.; и др.

Исидор Борисович Румер. 1902 г.

в частности, этому активно способствуют участники биографических чтений памяти В. Иофе в Санкт-Петербурге. Но сама программа далека от завершения.

Анализ исторического контекста показал, что, провозгласив «культурную революцию» в 1930-е гг., власть нанесла несколько ощутимых ударов по интеллигенции, одновременно нивелировав общественное мнение, сводя его к покорности, конформизму и лицемерию. Внутренние (борьба за власть) и внешние (международная обстановка) обстоятельства 1930-х гг. повлекли карательные меры НКВД против инакомыслия. Донесения «органов» свидетельствовали, что отклики из просвещенной среды расценивали обвинения как «блеф правителей» с целью «скрыть неумение коммунистов управлять страной». О мнимом вредительстве как дымовой завесе просчетов властей в экономике и социальной по-

литике говорили и представители других слоев населения¹.

Российская интеллигенция в 1930-е гг. — годы «великого перелома» — оказалась перед моральным и социальным выбором. Социальный выбор — служение обществу, трансформированный в служение конкретной форме власти — исключал ее открытый критицизм, ибо он угрожал самой жизни. Проявления морально-этического выбора — обеспокоенности проблемами общества, нравственной оценки советских реалий² — носили латентный характер и обсуждались в разговорах «за чаем», аналогичных «общегуманитарному говорению» на кухнях 1970-х гг.³ Страх за свою жизнь и жизни своих близких обусловил понижение нравственного уровня от морально-этического до социально-биологического. Не имея намерения или возможности покинуть страну, открыто высказывать протест, российская интеллигенция вынуждена была приспособиться к новым реалиям советского строя, принять участие в модернизации, проводившейся варварскими методами.

Анализируя отношения между научно-технической и гуманитарной интеллигенцией, обществом и властью в темпоральном и географическом разрезе, отечественные и зарубежные историки показали, как в реалиях периода до

¹ Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40—69.

² Усманов С. М. Интеллигенция в социальных трансформациях процессов модернизации: особенности опыта Запада и Востока // Клио: Журнал для ученых. 2011. № 5(56). С. 14—18.

³ Выражение принадлежит поэту и художнику Дмитрию Пригову (1940—2007) (см. <https://www.svoboda.org/a/24200667.html>).

начала Второй мировой войны они стремительно трансформировались, была окончательно сформирована и организационно закреплена руководящая роль государства над научным сообществом. Государство стало единственным заказчиком научных проектов, источником их материального обеспечения, выразителем модернизационных устремлений и использования интеллектуалов. Оно использовало их в целях модернизации, что и подвело их, как и большинство материально простимулированных властью советских граждан, к «большой сделке» послевоенного времени¹.

Неоднозначность взаимоотношений советской власти и общества позволила Й. Хелльбеку сформулировать концепт «советской субъективности», когда внешняя лояльность советских граждан скрывала «личностное ядро», частную жизнь, приватность². Таково окружение И. Румера, которое тяготело к гуманитарным наукам. Он сам поддержал советскую власть, сознательно участвовал в ее установлении в годы Гражданской войны, но стал критически высказываться о метаморфозах, произошедших в конце 1920-х—начале 1930-х гг., оставаясь внешне лояльным.

Следственное дело № 3238 велось по обвинению в контрреволюционной деятельности в отношении Румера Исидора Борисовича, Багатурова Михаила Николаевича³, Сеглина Юлия Ивановича (20.02.—31.05.1935 г.)⁴. Дело включает постановление о его выделении в самостоятельное, справки и ордера на арест, анкеты арестованных, постановления о предъявлении обвинения, протоколы допросов обвиняемых и протоколы очных ставок, постановления об окончании следствия, обвинительное заключение, заключение о реабилитации 1989 г. Все рукописные и машинописные документы дела составлены уполномоченными лицами, на страницах есть подписи обвиняемых. Достаточно информативна биография И. Б. Румера из протокола допроса от 25.02.1935 г.⁵, записанная уполномоченным 4-го отделения СПО УГБ НКВД МО⁶ С. Г. Павловским.

Учитывая специфику документов следствия, можно, тем не менее, считать цитированные высказывания Румера его собственными, поскольку, в отличие от своих «подельников», он не отрицал своей вины и единственный из троих безоговорочно ее признал. То, что критические высказывания арестованных в адрес Советской власти трактовались следствием как контрреволюционные, демонстрирует его политический характер. Это подтверждается, помимо известного контекста, в котором оно возникло (убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. и последовавшие массовые аресты), тем, что следствие вел Секретно-политический отдел УГБ НКВД.

В рассматриваемый период было проведено несколько направленных против интеллигенции кампаний, которые хорошо известны. Для данного

¹ Danham Vera S. In Stalin's time: Middleclass values in Soviet Fiction. Duke University Press Books. 1990. 320 p.

² Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 424 с.

³ В материалах дела встречается двойное написание этой фамилии: Багатуров и Богатуров. В статье используется написание Багатуров согласно написанию на титульном листе Дела.

⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620.

⁵ Биография И. Б. Румера. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 23.

⁶ СПО УГБ НКВД МО — Секретно-политический отдел Управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел по Московской области.

Г. Г. Шпет (1879—1937). Фото из семейного архива Румеров из комплекта фотографий преподавателей частной гимназии Л. Н. Валицкой (Москва, Покровка), где училась Е. Б. Румер в 1905—1908 гг.

нальностей: преподаватели, учащиеся вузов и техникумов, литературные работники, переводчики — всего около 140 человек³. Антифашистская риторика в следственных делах интеллигенции, представляется, возникла раньше, чем она появилась в арсенале Московских процессов против партийной оппозиции 1936—1938 гг., когда директивные указания Коминтерна предписывали компартиям «показать массам троцкизм как агентуру фашизма»⁴.

Загнали данные события и семью купца 1 гильдии, а затем советского служащего Бориса Ефимовича Румера. Двое из его сыновей стали узниками ГУЛАГА. Но прежде братья, пополнившие круг интеллектуалов Москвы, много учились. В 1894 г. Исидор и Осип Румеры поступили в Лазаревский институт восточных языков, прошли восьмилетний курс обучения. В 1902 г. Исидор поступил на естественное отделение МГУ, где проучился два года. Затем вместе с Осипом продолжил образование в Лейпцигском университете (четыре семестра), а вернувшись, в 1907 г. экстерном сдал экзамены по программе филологического факультета МГУ. В 1908 г. Исидор Борисович стал репетитором Л. Брик: «По окончании гимназии я собралась на курсы Герье⁵, на математический факультет [...]. К Герье евреев не принимали без аттестата зрелости. Стала готовиться. Труднее всего история и латынь. Готовил меня Изя Румер — человек злой и очаровательный. Он считал последним человеком того, кто не говорит по латыни как по-русски, и презирал меня за необразованность»⁶. До мобилизации в армию (Самогитский гренадерский полк) в 1914 г. и после демобилизации в 1917 г. преподавал древние и новые языки, занимался лите-

повествования важны два события. Первое — убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г., которое Сталин использовал в борьбе против своих противников в партии и госаппарате. Репрессиям подверглись невинные люди («кировский поток»), среди которых было немало деятелей культуры¹. Второе — одним из феноменов этой кампании стало дело «Немецкой фашистской организации в СССР» января—апреля 1935 г.² В рамках этого дела за «систематическую контрреволюционную фашистскую агитацию» к уголовной ответственности привлекались граждане немецкой и других нацио-

¹ Роговин В. З. Кировский поток // Сталинский неонэп. М.: Тип-я № 4, 1995. 382 с.

² Нешумова Т.Ф. «Когда вы мните ясно жить и тихо умереть» [электр. ресурс].

³ Дело «Немецкой фашистской организации (НФО) в СССР» (1935) / Социальная история отечественной науки [электр. ресурс]. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/material/dela/> (дата обращения 21.03.2019).

⁴ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга четвертая. С. 52.

⁵ Московские высшие женские курсы профессора В. И. Герье — высшее учебное заведение для женщин в России. Существовало с 1872 по 1918 год (с перерывом в 1888—1900), затем — 2-й МГУ.

⁶ Брик Л. Пристрастные рассказы. Н. Новгород: Деком, 2003. 368 с. (С. 23).

Слева направо: О. Брик, Л. Брик, В. Маяковский. 1929 г.

Фото с автографами Л. Брик, подарено ею Ю. Б. Румеру в знак примирения в 1974 г.

ратурной работой¹. Андрей Осипович Румер вспоминал, что «будучи филологом и философом, он хорошо разбирался в математике. Изучал труды Гаусса и Римана, и я помню, как они с братом Юрием исписывали ворох бумаги математическими формулами»².

Исидор Борисович принадлежал кругу рефлексирующего творческого кластера интеллигентов-гуманистов: философ Г. Г. Шпет, филолог Б. И. Ярхо, искусствовед А. Г. Габричевский и др. Он вобрал в себя гуманистический альтруизм пореформенного периода, дополненный креативностью и мифотворчеством Серебряного века, что и составило основу духовных коммуникативных практик данного сообщества. Единственное сохранившееся письмо Исидора характеризует его как восторженного человека и тонкого ценителя слова: «...Я очень часто бываю у Осюхи Брик ... и знаешь, в кого я влюбился? Ты, верно, думаешь, что в Лилю? Нет, хотя наконец-то я заметил, что она удивительно красива! А в ...Маяковского! Когда я о нем думаю, то называю его не иначе, как “мой нежный Володя Маяковский”. Его беспощадная и сокрушительная влюбленность в Лилю в соединении с “чудовищным” поэтическим талантом меня трогает настолько, что, когда недавно в одном доме, он читал свою изумительную “Войну и мир” и, окончив чтение, спросил меня: “понравилось ли мне?; я отвел его в переднюю и — поцеловал. “Мой нежный Володя Маяковский!” — он не мог удержаться от слез и пробормотал: “Серьезно, я очень рад!...серьезно!”»³.

¹ Анкета арестованного И. Б. Румера. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 14.

² Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013. С. 507.

³ Письмо. И. Румер — О. Румеру. 18.12.1916 // Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675.

В письме он упоминает ряд философских работ. Узнав, что Осип вместе с В. Брюсовым претендует на перевод «Тимея» Платона — систематического очерка его космологии, — Исидор пишет, что хотел бы сделать его сам, поскольку так мог бы поправить свое финансовое положение («я погрязая в таком беспощадном безденежье, что завидую орудующему на бирже и вокруг банков жидку»)¹. Данная работа Платона в то время была доступна на греческом, немецком и французском языках². Исидор сообщал также, что закончил работу о Спице³: «вышло длиннее, чем мы со Шпетом стоворились, и я боюсь, что он начнет ее сокращать...»⁴. В 1917 г. Исидор Борисович привлекался известным философом и переводчиком Густавом Густавовичем Шпетом (1879—1937) для составления первого выпуска хрестоматии по истории психологии⁵. С 1918 по 1920 он — переводчик в иностранном отделе РОСТА⁶. Единственный известный перевод этого времени — об обновленном еврействе Бубера⁷.

Судьба Исидора в 20-е годы тесно переплетена с деятельностью наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого (1879—1940). С 1920 по 1922 г. он служил переводчиком радиоотдела поезда Троцкого⁸. В 1918 г. был сформирован мобильный железнодорожный состав, который совершал рейсы по фронтам гражданской войны. Так Троцкий обеспечивал себе и Совнаркому во главе с Лениным представление об истинном положении вещей на фронтах, принимал неотложные решения, награждал и карал командиров, комиссаров и красноармейцев.⁹ Американский историк Р. Аргенбрайт, анализируя национальный состав поезда Троцкого, приводит высказывание одного из сотрудников, еврея-переводчика радиовещания, который называет себя «пролетарским интеллигентом», беспартийным, но с давней симпатией к социалистическим партиям.¹⁰ Возможно, этот «пролетарский интеллигент» и есть И. Румер, который таким образом подчеркнул свое трудовое начало и сочувствие революции. Любопытно, что именно в это время им переведены научно-популярные работы об Эйнштейне И. Лемана и А. Мошковского, а также работа А. Вегенера¹¹ о происхождении Луны и ее кратеров.

¹ Слово в письме вымарано.

² Брюсов В. Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение // Собрание сочинений. В 7 т. М: Худож. лит.-ра. 1973. Т. 7. С. 275—494.

³ Румер И. Философия Шпира // Мысль и слово: Философский ежегодник / Под ред. Г. Шпета. I. М., 1917. С. 215—276.

Спир, нем. Spir, Шпир Александр Африканович (1837—1890) — русский и немецкий философ, оказавший влияние на мировоззрение Ф. Ницше и Т. Лессинга, последний писал о логике Шпира докторскую диссертацию.

⁴ Письмо. И. Румер — О. Румеру. 18.12.1916. Открытый архив СО РАН http://odasib.ru/openarchive/Portrait.cshtml?id=Xu_zoya_634993802406113281_7675.

⁵ Основные этапы биографии Г. Г. Шпета [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М.], 2016. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/appendix2-4/58-shpet-biograf4a.html> (дата обращения: 14.05.2016).

⁶ Протокол допроса И. Б. Румера от 25.02.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 25.

⁷ Бубер М. Обновление еврейства. Пер. с нем. И. Б. Румера. М.: Сафрут, 1919. 31 с.

⁸ Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. 2013. С. 58.

⁹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. 2013. С. 191—200.

¹⁰ Argenbright R. Honor among communists: 'The glorious name of Trotsky's train' // Revolutionary Russia. 1998. Vol. 11, N 1. P. 45—66.

¹¹ Вегенер Альфред Лотар (1880—1930), немецкий геофизик и метеоролог, создатель теории дрейфа материков. Профессор университета в Граце (1924). Исследователь Гренландии. (С. 248).

После завершения Гражданской войны Исидор остался на службе в секретариате Троцкого как переводчик и литературный редактор, сотрудничал и с другими издательствами. В 1925 г. он поступил в Главконцесское — ведомство, которое в 1923—1937 гг. существовало при правительстве СССР, занималось предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и производственной деятельности. Л. Д. Троцкий, который был снят с поста наркома, возглавил это ведомство в мае 1925 г. и оставался на посту до начала июля 1927 г. В этот период он приступил к изданию своих трудов, которые выходили в 1924—1927 гг. Исидор Борисович занимался стилистической обработкой и составлением примечаний к трудам, за что не раз удостоивался благодарности автора¹. Для систематизации и редактирования публицистического наследия Троцкого в Москве работал штат из нескольких сотрудников: Н. М. Ленцнер², Ф. П. Вермель, Геллер, Познанский, И. М. Павлов, В. Зурабов, М. Любимов, А. Ошер, Я. Рензин. Судьба их практически не известна. Общаясь с опальным политиком, Исидор не понаслышке знал ситуацию во власти. Архив Ю. Б. Румера сохранил стихи, написанные неким С. Головачевым:

С наркомом Реввоенсовета
В тиши зеленой полутьмы,
В шестиколонном кабинете
Не раз беседовали мы.

Казался голос незнакомым,
Когда он диктовал декрет.
Иль на звонок из Совнаркома
Бросал отрывистое «нет».

Но отойдя от аппарата
И отпустив секретаря,
Писал блестящий литератор
Листки «Уроков Октября»³.

В каллиграфические строки
Его искусное перо
Вносило тонкие намеки
На промахи Политбюро.

Теперь оставил эти стены
Исполненный высоких дум.
Но островом Святой Елены
Войдет в историю Сухум⁴.

¹ Троцкий Л. Уроки Октября. Л.: Лениздат, 1991. 364 с.; Троцкий Л. Д. Проблемы культуры. Культура старого мира. [электр. ресурс]. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl449.htm#st00> (дата обращения 22.03.2019).

² Ленцнер Наум Михайлович (1902—1936) — один из редакторов Троцкого, расстрелян по обвинению в террористической деятельности.

³ «Уроки Октября» — вступительная статья, написанная Троцким к третьему тому своего собрания сочинений «Историческое подготовление Октября» (1925).

⁴ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 355.

Осенью 1927 г. издание трудов Троцкого прекратилось, секретариат был распущен. Исидор недолго служил в Профинтерне, в 1928 г. поступил переводчиком в Институт Маркса—Энгельса¹. Здесь он переводил сочинения венгерского философа Д. Лукача (1885—1971), переход которого в марксизм аттестовал как «превращение культурного человека в пещерного троглодита»².

Таким образом, Исидор Румер был ментально, материально и социально связан с новой властью. Но по мере роста его социально-экономической зависимости от власти, как видим, ментальная привязанность угасала. Он критиковал внутреннюю политику Советской власти, что послужило поводом для его ареста и обвинения. Его арестовали 20 февраля 1935 г. как «члена контрреволюционной группы», за «систематическую антисоветскую агитацию», содержали в Бутырском изоляторе³. Конкретным обвинением в «Следственном деле № 3238» стала т. н. фашистская агитация, а фигурантами — преподаватели, переводчики, издатели, философы, библиотекари, юристы, как и в «Деле немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР».

Документы свидетельствуют, как велись «дела» в системе НКВД. В начале 1935 г. была арестована группа переводчиков в составе И. С. Шевелева, В. А. Игельстрома, О. А. Аравской, М. Сафоновой и других (сл. дело № 2146, обвинение по ст. 58 п. 10 УК — Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений)⁴. Следствие начиналось с выяснения круга общения обвиняемых, их взглядов и высказываний. Затем из выявленной группы лиц формировались новые группы и дела против них. Примерно в то же время, что и Румера, арестовали переводчицу Н. В. Волькенау, ее дело также выделено в самостоятельное⁵. Юристы М. Н. Багатуров и Ю. Н. Сеглин арестованы 1 апреля 1935 г.⁶ Затем, по воле уполномоченного 4-го отделения СПО УГБ НКВД МО С. Г. Павловского, Сеглин, Багатуров и Румер были объединены в «самостоятельную контрреволюционную группировку, где вели систематическую контрреволюционную фашистскую агитацию»⁷ — на основании показаний фигурантов дела № 2146, личного знакомства и дружеских отношений: Румер с Багатуровым вместе учились, с Сеглиным работали у Троцкого. Всего по трем данным делам было арестовано 11 человек.

В ходе следствия формировалось дело, назначался «лидер» группировки. Это мог быть человек социально или психологически уязвимый и доверчивый. Так, во главе «Немецкой фашистской организации в СССР» оказалась профессор Московского педагогического института новых языков Елизавета Александровна Мейер (1894—1937)⁸. Она обвинялась не только в пропаганде

¹ Протокол допроса И. Б. Румера от 25.02.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 25

² Протокол допроса Игельстрома В. А. от 05.02.1935. Там же. Л. 57.

³ Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения И. Б. Румера. Там же. Л. 17 (в документе неверно указано отчество: Владимирович).

⁴ Постановление о выделении дела Румера, Багатурова, Сеглина. Б/д. Там же. Л. 1.

⁵ Постановление о выделении дела Волькенау от 17.05.1935. Там же. Л. 2.

⁶ Справка на арест. Б/д. Там же. Л. 6—7.

⁷ Постановление о выделении дела Румера, Багатурова, Сеглина в отдельное производство. Б/д. Там же. Л. 1.

⁸ Заклейменные властью. [электр. ресурс] URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001381.pdf (дата обращения 20.03.2019).

фашизма путем составления «фашизированного» Большого немецко-русского словаря, но и в создании немецко-фашистской организации на территории СССР, нескольких ее ячеек, шпионаже в пользу Германии. Е. А. Мейер «идеально подходила для этой роли. Немка по происхождению, дочь пастора, окончила Лейпцигский университет, преподавала в Институте новых языков, возглавляла группу составителей немецкого словаря в издательстве “Советская энциклопедия”»¹. Г. Г. Шпет был поставлен следствием во главе «национал-фашистской организации» в Государственной академии художественных наук, поскольку он был ее вице-президентом². По этому делу были арестованы также историк пластических искусств А. Г. Габричевский, филолог и поэт Д. С. Усов³, филолог-медиевист Б. И. Ярхо, литературовед М. А. Петровский и др.

Связующим звеном между двумя «контрреволюционными группировками в основном из литературных работников, выходцев из социально-чуждой среды» (дела № 2146 и № 3238) был «назначен» В. А. Игельстром (переводчик Профинтерна, из дворян, бывший белый офицер)⁴. О нем (называя его Игельстромом) М. Н. Багатуров писал О. Б. Румеру из ссылки в июне 1935 г.: «Гнусным человеком оказался этот Игельстром, которого я видел всего два раза. Я Исидору прямо заявил, что встречаться с ним не хочу, и ему советовал этого не делать. К чему он нужен был И-дору? Но вот, у Ис. была дурная черта — встречаться с людьми, к-рых он презирал... Все это как сон, нелепый, ненужный. Теперь, видишь ли, я оказался в “контрреволюц[ионной] группировке” с гражданином Игельстромом»⁵.

18 апреля на допросе Исидор, напротив, говорил, что он был в хороших отношениях с Игельстромом⁶. В деле № 3238 действительно многое основано на показаниях В. А. Игельстрома: его социальное происхождение и служба в Белой армии вызвали наиболее пристальное внимание следствия. По мнению Багатурова, вина Исидора в его злоключениях состоит в неразборчивых связях, а что касается его показаний, то «он был чрезвычайно огорчен своим “признанием”, этим актом, который может быть истолкован только как выражение его детского доверия к следователю и безразличием ко всему. М.б., это было последствием его утомления?» — писал Багатуров⁷. Признания Исидора дали повод следствию «назначить» его лидером «к/р группы из среды а/с настроенного элемента»⁸.

В чем же он признался? Изобличающим его фактом, по показаниям В. А. Игельстрома, и затем собственному признанию, было его отношение к коммунизму («зараза, грозящая заразить здоровый мировой организм»⁹) и германскому фашизму. Не одобряя политику фашистов в отношении куль-

¹ Северцева О. С. Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН.

² Акимова М. Ученые ГАХН дома и на следствии.

³ Нешумова Т. Ф. «Когда вы мните ясно жить и тихо умереть» ...

⁴ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 117.

⁵ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 508.

⁶ Протокол допроса И. Б. Румера от 18.04.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 27.

⁷ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 508.

⁸ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 122, к/р — контрреволюционная деятельность, а/с — антисоветски настроенный элемент.

⁹ Там же. 20. Л. 118.

туры (сжигание книг, не соответствующих идеологии национал-социализма), а также их антисемитизм, И. Румер находил объяснение немецкому национализму. Он видел в нем, вслед за философом И. Ильиным, который изложил схожий взгляд в работе 1933 г. «Национал-социализм»¹, «здоровую реакцию нации, народа по отношению к опасности мировой революции (и коммунизма — И. К.), как простой перегиб палки»². Исидор не считал революцию движущей силой социального и экономического прогресса, а считая национализм здоровым эволюционным явлением, возможностью развивать национальную культуру, признавал, что «вел, не сочувствуя лично Гитлеру, — пропаганду фашизма»³.

Еще до ареста, после убийства Кирова, как показывали свидетели, Исидор говорил: «Настали страшные времена, убийство Кирова — это результат небывалого зажима»⁴. Он считал, что развязав террор, Сталин таким образом устранял своих явных и мнимых конкурентов. И. Б. Румер и его единомышленники (подельники) рассматривали репрессии против Троцкого, Зиновьева и Каменева как проявление борьбы за власть, а не как результат теоретико-политических разногласий⁵. Исидор отрицательно высказывался о репрессиях, массовых расстрелах по приговору закрытых судов после убийства Кирова. Он считал Сталина диктатором, окруженным подхалимами, политику его — противоречащей интересам масс и ведущей к гибели страны⁶. Исидор Борисович отрицательно относился к политике партии в деревне, которая вела, по его мнению, к разорению крестьян, к голоду, подобно тому, что разразился в Украине. Он также сочувствовал рабочим, живущим впроголодь и несущим непосильную производственную нагрузку. Напомним, что данное мнение подтверждается сводками органов госбезопасности 1920—1930-х гг.⁷ Он считал также, что культурное строительство может быть осуществлено только в обстановке свободы мысли. На очных ставках он часто утверждал, что крамольные с точки зрения следствия мысли высказывал он, а друзья лишь соглашались с ним⁸.

После завершения следствия приговор Особого совещания НКВД СССР от 2 июня 1935 г. предписывал заключить И. Б. Румера в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года, считая срок с 20.02.1935 г.⁹ М. Н. Багатуров писал Осипу, что пробыв с Исидором в пересыльной камере 5—13 мая 1935 г., нашел, что «он удивительно бодр, весел, спокоен, и не было на нем никаких следов 4 мес. пребывания в тюрьме»¹⁰. Из Тары 3 июня он сообщал: «...с Исидором произошло нечто невероятное. Он оказался младенцем, беспечным и наивным. “Лагерь” его нисколько не смущал, только мысль о Шуре¹¹ волновала его... У праха отца он искал утешения в философии Шопенгауэра, и говорил, что не было в его жизни

¹ Ильин И. А. Национал-социализм [электр. ресурс] URL: ussianway.rhga.ru/upload/main/35_Naz-Soz.pdf (25.04.2023).

² Протокол допроса Игельстрома В. А. от 05.02.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 57.

³ Протокол допроса Румера И. Б. и Игельстрома В. А. от 10.05.1935. Там же. Л. 79.

⁴ Справка на арест. Б/д. Там же. Л. 4.

⁵ Протокол допроса Румера И. Б. от 23.05.1935. Там же. Л. 39.

⁶ Обвинительное заключение по следственному делу № 3238. Там же. Л. 120.

⁷ Сахаров А. Н. 1930: год «коренного перелома»...

⁸ Протокол допроса Румера И. Б. и Сеглина Ю. И. от 23.05.1935. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 103.

⁹ Выписка из протокола ОСО при НКВД СССР от 02.06.1935. Там же. Л. 129.

¹⁰ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 508.

¹¹ Румер Александра Петровна, жена Исидора.

более “счастливого” мгновения — в умершем отце созерцать Абсолютное Начало. Неповинный ни в чем, наивно осудивший сам себя на три года в конц. лагере, он блаженно предавался умозрению и приходил в восторг от различных изящных идей, их анализа и синтеза. “Блажени чисти сердцем”»¹.

Семья, видимо, плохо представляла себе положение Исидора. Есть вероятность, что данное письмо было скрыто Осипом, старшим из братьев. Юрий пытался выяснить судьбу Исидора, он обращался к Лиле Брик, знакомой с чекистами Я. С. Аграновым, З. И. Воловичем и др. Он рассчитывал на ее помощь в использовании этого канала информации. Но она отказала, сомневаясь в невинности Исидора, что привело к многолетней размолвке. Отношения были восстановлены по инициативе Лили только в 1970-е гг.

Юрий Борисович, выступая на собрании актива Физического института АН СССР, проходившего 17 и 20 апреля 1937 г. по следам мартовского пленума ЦК ВКП(б), на котором Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были исключены из партии и как «японо-немецкие агенты» арестованы НКВД, говорил: «Мой брат был арестован органами НКВД, и выслан в административном порядке на три года. Прошло 29 месяцев, ему осталось отбывать высылку еще семь месяцев»². Это его утверждение противоречит документу из дела, где говорится об ИТЛ, а также письму Багатурова («лагерь»). А. О. Румер писал об Исидоре: «По сведениям, дошедшим до его жены, умершей в конце 50-х годов, он погиб в лагере на Колыме в конце 1937 или начале 1938 г. Реабилитирован посмертно во второй половине 50-х гг.»³. Ныне известно, что погиб он 17.07.1938 г. в Севвостлаге НКВД (Магадан)⁴.

В архивно-следственном деле И. Б. Румера есть автограф свидетельских показаний Ф. А. Петровского (1890—1978) от 16.02.1957 г. На данный момент тот работал в Институте мировой литературы им. М. Горького. Петровский сообщил, что подписанные им в мае 1935 г. показания он не подтверждает, а те, что он написал, «были разорваны следователем». Вместо этого ему «были прочтены какие-то другие данные, которые я подписал, но бумагу, на которой это было написано, от меня закрыли». При этом «имели место неистовые крики, угрозы и принудительное ожидание в коридоре в течение нескольких часов»⁵. Этот документ свидетельствует, что во второй половине 1950-х гг. началось разбирательство о правомерности осуждения И. Б. Румера, искали свидетелей (Н. А. Лукашева, Ф. П. Вермеля, В. А. Игельстрема, П. М. Майгура, Ю. И. Сеглина), но никто из них на тот момент в Москве не проживал. 7 мая 1957 г. в пересмотре дела было отказано⁶. Документ о реабилитации датирован 7 ноября 1989 г., реабилитация проведена на основании ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов»⁷.

¹ Юрий Борисович Румер: Физика, XX век. С. 509.

² Там же. С. 404.

³ Там же. С. 507.

⁴ Извещение от 02.08.1938. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 132.

⁵ Протокол допроса свидетеля Петровского Ф. А. от 16.02.1957. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-76620. Л. 135.

⁶ Заключение в отношении Румера И. Б. от 07.05.1957. Там же. Л. 143.

⁷ Заключение в отношении Румера И. Б. от 07.11.1989. Там же. Л. 150.

Рассмотренные события 1930-х гг. дополняют картину репрессий в отношении творческой интеллигенции. Они убедительно показали, что утверждение Советской власти и партийной диктатуры в Советской России/СССР сопровождалось массовыми репрессиями в отношении их явных и мнимых противников. Деятели культуры и науки по определению согласно следственному делу № 3238 имели «окраску контрреволюционного элемента», являлись выходцами из «социально-чуждой среды». К середине 1930-х годов в условиях «укрепления представлений о советском патриотизме, “осажденной крепости”, в условиях лагерной экономики и крепостной коллективизации»¹, подавления институтов гражданского общества естественным образом в среде интеллигенции зрел внутренний, часто скрытый протест социальному устройству, которое входило в противоречие с ее ментальностью и представлениям о социальной революции. В целом же репрессии против интеллигенции были неадекватны тому критицизму, который нельзя даже назвать протестным деянием. Тем не менее, в арсенале власти и ее карающих органов содержались методы дознания и обвинения для того, чтобы сломить даже самое невинное сопротивление, в частности, обличение интеллигенции не только в симпатиях к фашизму, но и в шпионской деятельности в его интересах. Это затронуло немало выдающихся деятелей отечественной культуры. Их имена постепенно становятся достоянием общества, и эта работа еще далека от завершения.

Исидор Борисович Румер получил прекрасное гуманитарное образование, он занимался преподавательской работой, писал статьи по философии, переводил. Он принял революцию, в годы Гражданской войны работал в поезде Л. Д. Троцкого как «пролетарский интеллигент», а по ее завершении вернулся к литературному труду и не помышлял о политике. Его критические высказывания имели под собой реальные основания, о чем свидетельствовали сами карательные органы. Просчеты в экономике, политике, идеологии требовали объяснений, и они были искусственно сконструированы властью в многочисленных «оппозициях», «уклонах», «чуждых элементах» и «вредителях» — синонимах образа внутреннего врага. Интеллигенция попала в число неугодных, ее нужно было запугать, уничтожить, сломить морально и физически. Императив выживания стал неотъемлемым в ее бытии, как, впрочем, и у большинства населения Советской России в это время. С этим впоследствии столкнулся и Ю. Румер, который вернулся в СССР в 1932 г. из Германии, рассчитывая найти на родине дом, работу и благополучие. Он стал жертвой Большого террора, когда власть планомерно преследовала и карала все группы, сословия и страты населения².

¹ Колчинский Э. И. Пятьдесят лет спустя... 2018. С. 584.

² Khlevniuk O. V., Conquest R. The history of the GULAG: from collectivization to the Great terror. Yale: Yale University Press, 2004. 442 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

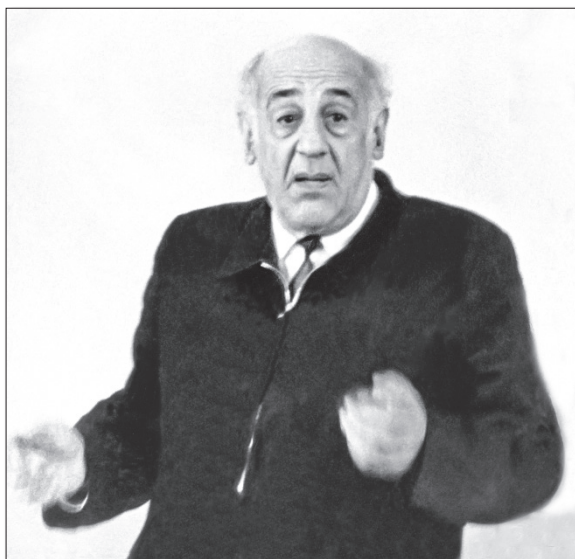
Изучение биографии и научного наследия ученого позволяет осуществить переход от персональной истории к истории идей и социума, рассмотреть их в развитии, выделить тенденции и проблемы. Актор науки выступает не пассивным инструментом научного производства, а активным творцом своей судьбы, участником социальных проектов и трансформаций. Он может оказать существенное влияние на развитие идей, стать исполнителем социального заказа, результаты которого могут выйти за пределы научного дискурса, и в этом проявляется разрушительное действие экстерналичных факторов бытования науки как социального организма. Биографии двух братьев, представленные в книге, принадлежат отечественной науке XX века. Но научное наследие их создателей получило влияние предыдущего периода развития науки и имеет выход в современность. Качественные и количественные изменения, которые произошли в мировой (квантовый поворот, рождение кибернетики, большие проекты, научные школы, численный рост корпуса науки в институциональном и персональном составе, философия науки) и отечественной (огосударствление науки, репрессии против ученых, идеологические чистки, вместе с тем повышение социального статуса ученых и признание практической полезности их деятельности) науке в XX в., ознаменовали научно-техническую революцию, переход от индивидуального научного творчества к большим проектам (Атомный проект, создание противоракетной обороны, космический проект, создание индустрии ЭВМ, возникновение новых научных центров), породили новые междисциплинарные феномены науки, подобные теоретической физике новейшего времени, кибернетике, информатике, генетике и т. д.

Формирование научной биографии и научного наследия Юрия Борисовича Румера (1901—1985) укладывается в XX век. Это его время, и он испытал на себе самые тяжелые его воздействия: преследования по национальному признаку, репрессии Большого террора. На примере его научной биографии, как и биографии его старшего брата Исидора Борисовича Румера, исследованы самые неприглядные стороны конфликта науки и власти, обусловленные стремлением последней ко всяческому ограничению присущей науке свободы творчества и самовыражения. Пространство науки, а следовательно, и ее акторов постоянно менялось, фрейм возможностей колебался. Как показывает историография, ученые не были противниками госзаказа, они, как братья Румеры, были готовы к сотрудничеству на благо страны. Но некоторым из них

пришлось не по своей воле осуществлять реализацию госзаказа в крайних организационных формах Большого террора: непосильной работой в исправительно-трудовом лагере, в «шарашке», в оторванности от свободного общения с коллегами, в противоестественных условиях существования без семьи. Многие погибли, как Исидор Румер. Юрий выжил, но последствия травмы, полученной в годы Большого террора, сказывались в течение его жизни, не позволяли открыто высказывать свои мысли, породили скрытое сопротивление и внешнюю лояльность. Человек по натуре общительный и открытый, Ю. Б. Румер вынужден был держать внутреннего цензора, опасался провокативных действий окружения. Член партии, которым он стал в силу карьерных соображений, ни минуты не верил в ее идеологию, жил скрытной жизнью, в глубине души пряча своих демонов.

В сравнительно небольшой период жизни Ю. Б. Румера, когда он был арестован и осужден (апрель 1938—май 1940 гг.) произошло внешнее изменение в идентификации его личности под воздействием трансформации исторической реальности, репрессивной системы власти. Эти обстоятельства, если бы не имелись аналогии, противоестественно было бы называть типичными для данного времени, но, тем не менее, это так. Положение безальтернативного выбора вывело Румера, как его солагерников, за открытые пределы научного поля, кардинально изменило не только его персональную историю, но и могло существенно изменить условия функционирования физической науки. «Дело физиков», которое, как было показано, планировалось в недрах НКВД для подавления инакомыслия в среде советских физиков, и роль Румера в этом деле могли оказаться фатальными для физической науки и самого Румера. К счастью, оно не было реализовано в первый раз на волне изменения внешнеполитических реалий и советско-германского договора 1939 г., в дальнейшем благодаря прагматике Атомного проекта.

Тем не менее, научное наследие Ю. Б. Румера, и в части его научного вклада, и в части архивной составляющей, достаточно репрезентативно. Конечно, сложные коллизии в гражданской и научной биографиях исказили его линию жизни, но он стал прекрасным педагогом. Ю. Б. Румер был замечательным рассказчиком своих «пластинок», серьезным академическим ученым, лектором, популярным в университетской и школьной аудитории, автором качественных учебников. Его глубокое понимание основ теоретической физики, ее математического аппарата до сих пор привлекает внимание к его исследованиям по пятиоптике 1950-х годов. Его более поздние работы по применению методов унитарной симметрии в генетике нашли живой отклик в среде генетиков по выходу из печати в 1970-е годы, актуальны и сегодня. Об этом говорят их недавние переводы на английский язык для того, чтобы научное мировое сообщество могло их изучать. Научного архива Румера как такового не сохранилось по известной причине, но нам удалось некоторым образом восстановить его и собрать в Открытом архиве СО РАН. Группа теоретической физики Румера в ИРЭ СО АН СССР, хотя и немногочисленная, но достаточно плодотворная, была не только научной школой-мастерской, но и школой жизни, которая сочетала романтическое и довольно трезвое отношение к окружающей реальности.

Ю. Б. Румер выступает на семинаре по случаю своего 80-летия в ИЯФ СО АН СССР. 1981 г.

По мнению авторитетного специалиста в области истории науки: «XX век убедительно показал, что для развития науки была важна не столько политическая свобода, сколько мощная поддержка со стороны государства при условии невмешательства его в профессиональную деятельность ученого. Но такие взаимоотношения в принципе недостижимы. Свобода в профессиональной деятельности, без которой рано или поздно приходят в упадок не только фундаментальные, но и прикладные науки, возможна лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, ...непросто создать такие оптимальные формы сотрудничества правительства и научного сообщества в распределении имеющихся материальных и людских ресурсов и в координации научных исследований с учетом как общенациональных интересов, так и мировых тенденций научного поиска».¹ Являясь важнейшим атрибутом российской советской государственности, отечественная наука развивалась в соответствии со сменой конфигурации фрейма, пространство которого было порой достаточно узким. Как афористично высказался по этому поводу Л. Грэхэм: «получить молоко без коровы» невозможно: непременным условием результативности научной работы должна быть внутренняя свобода ученого, творческая раскованность в сочетании с преданностью сути дела, обусловленные схожим состоянием социума.

Тем не менее, в советский период отечественная наука имела серьезные и устойчивые стимулы к развитию на переднем ее крае как экстернатального, так и интернатального свойств. Она, при выявленных сложностях, выработала приемы и методы институционального и индивидуального характера, кото-

¹ Колчинский Э. И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа//Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, 2009. № 12. С. 39.

рые выводили ее результаты на мировой уровень. Научные школы советского периода были достаточно устойчивыми и эффективными образованиям, существовали в разнообразных формах в зависимости от решаемых задач (школы-мастерские, школы-фракции, школы-направления и т. д.). Трансформация советского общества в 1990-е годы привела к оттоку многих советских ученых за рубеж, где они, получив на родине качественный импульс развития и соответствующие компетенции, успешно продолжили свою работу в малопривычных для них условиях. В этом числе оказались и многочисленные ученики Ю. Б. Румера, который готовил их к любым поворотам судьбы.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА Ю. Б. РУМЕРА

- 28 апреля 1901 года, Москва — 1 февраля 1985 года, Новосибирск.
- 1915, июль — 1917, сентябрь — Москва, Частное реальное училище Общества преподавателей.
- 1917, октябрь — 1918, сентябрь — Петроградский университет, физико-математический факультет, математическое отделение.
- 1918, сентябрь — 1924 — I Московский государственный университет, математическое отделение физико-математического факультета.
- 1918, ноябрь — 1919 — журналист льняной секции при Отделе внешней торговли Народного комиссариата промышленности и торговли.
- 1919—1920 — управляющий делами Московского института ритмического воспитания Народного комиссариата просвещения.
- 1920, апрель—1923, июль — военнообязанный, призван в РККА.
- 1920, март — курсант военно-инженерных курсов, Юго-Западный фронт.
- 1920, июль — откомандирован на Восточное отделение Академии Генштаба РККА на вакансии Народного комиссариата иностранных дел.
- 1920, август — 1921, октябрь — причислен для работы в Полномочном представительстве РСФСР в Персии и Турции (июль—сентябрь 1921), переводчик военной группы Полпредства РСФСР в Персии (г. Решт, провинция Гилян). Доставка дипломатической почты в Москву.
- 1920, октябрь — 1921, март — откомандирован заведующим вещевым отделением хозяйственной части НКВД.
- 1921, сентябрь — на лечении в санатории в Одессе.
- 1922 — контролер по заготовкам хлеба на Украине для Татреспублики.
- 1923, июль — демобилизован из РККА.
- 1922, весна — 1924, март — восстановлен на физико-математическом факультете МГУ, получил диплом об окончании университета. Имел переводы, давал уроки. Работал в КУБС 1-го Московского государственного университета.
- 1925 (апрель—июль) — Гостехиздат, заведующий отделением по Закавказским социалистическим федеративным советским республикам в Тифлисе.
- 1925 (июль—сентябрь) — сотрудник фирмы И. В. Шаурова «Все для радио» (Москва).

- 1926 (январь) — 1927 (январь) — Госстрах, контролер транспортного отдела со знанием иностранных языков.
- 1927, август, 12 — 1929, май — Германия, Ольденбург, Fachhochschule (Высшая политехническая школа).
- 1929, июль — 1932, февраль — Германия, Геттингенский университет, Институт физики, ассистент Макса Борна.
- 1932, весна — Ганновер, Technische Hochschule, лекции по квантовой химии.
- 1932, 8 мая — возвращение в Москву.
- 1932, сентябрь — 1937, 1 сентября — Научно-исследовательский институт физики при МГУ им. М. Н. Покровского.
- 1935, февраль — решением ВАК НКП присуждена ученая степень доктора физических наук без защиты.
- 1935, февраль — решением ВАК НКП утвержден в ученом звании профессора по кафедре теоретической физики Московского государственного университета.
- 1935, январь, 13—1938, 14 мая — Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, старший научный сотрудник.
- 1937—1938 — Институт кожевенной промышленности им. Л. М. Кагановича, заведующий кафедрой теоретической физики.
- 1938, апрель, 28 — арест (подписание протокола об окончании следствия 4 августа 1938 г.).
- 1938, август—сентябрь — Болшево, пересыльный пункт.
- 1938, сентябрь—1940 — НКВД, 4-й спецотдел, специалист (заключенный), моторостроительный завод НКВД № 82 в Тушино.
- 1940, январь — ЦКБ-29 Москва (Туполевская шарашка).
- 1940, 29 мая — приговор Военной коллегии Верховного суда СССР, 10 лет лишения свободы по статье 58 УК РСФСР (по статьям 58—6, 58—11).
- 1941, июль — 1944 — эвакуация в Омск, Куломзино (завод № 166 НКП), группа В. М. Мясищева.
- 1944—1946 — Москва/Казань (?) — группа В. М. Мясищева.
- 1946 — ОКБ-4 Р. Л. Бартини, Таганрог.
- 1948, апрель — окончание срока заключения.
- 1948, 14 июня — ссылка в г. Енисейск Красноярского края.
- 1948, август—1950, январь — Енисейский учительский институт (в наст. вр. Лесосибирский педагогический институт), профессор кафедры физики и математики (ссылный).
- 1950, 14 июля — 1953, 28 марта — Новосибирск, безработный (ссылный).
- 1952, декабрь, 11 — Академия наук СССР, Отделение физико-математических наук, дискуссия по пятиоптике.

- 1953, апрель — 1957, март — Западно-Сибирский филиал АН СССР, старший научный сотрудник отдела технической физики; 1954, сентябрь — заведующий отделом технической физики.
- 1954, июль, 10 — дело пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР, приговор отменен, дело производством прекращено.
- 1954, декабрь, 3 — Премия Президиума АН СССР за работу «Термодинамика плоской дипольной решетки» в размере 5000 рублей.
- 1955, сентябрь—1961 — зав. кафедрой теоретической физики и астрономии Новосибирского педагогического института (избран по конкурсу на вакантную должность).
- 1957, март — 1964, июнь — Институт радиофизики и электроники СО РАН, директор.
(В 1964 г. институт был преобразован в Институт физики полупроводников.)
- 1962—1978 — Новосибирский государственный университет, профессор.
- 1963, январь — член КПСС.
- 1964, июнь — 1966, январь — Институт физики полупроводников СО АН СССР, заведующий лабораторией теоретической физики.
- 1966, январь — 1967, январь — Институт математики СО АН СССР, заведующий лабораторией теоретической физики.
- 1967, январь — 1985 — Институт ядерной физики СО АН СССР, заведующий лабораторией № 10, с 1972 — заведующий сектором Т-4.
- 1967, 29 апреля — Орден «Знак Почета».
- 1981, 13 мая — Орден «Знак Почета».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
- ВВРС — Высший военный редакционный совет
- ВСЕРОКОМПОМ — Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны
- ВСНХ РСФСР — Высший совет народного хозяйства Российской советской федеративной социалистической республики
- ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГУЛАГ — Главное управление лагерей и мест заключения
- ЖЭТФ — Журнал экспериментальной и теоретической физики
- ЗСФ АН СССР — Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР
- ИРЭ ЗСФ АН — Институт радиофизики и электроники Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР
- ИСИ СО РАН — Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- КСУ — Комиссия содействия ученым
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- КУБС МГУ — Комиссия по устройству быта студентов Московского государственного университета
- МВД СССР — Министерство внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик
- НАСО — Научный архив Сибирского отделения РАН
- НАН — Национальная академия наук
- Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
- НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НКВД — Народный комиссариат иностранных дел

ПГУПС — Петербургский государственный университет путей сообщения
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
СНК — Совет народных комиссаров
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТФДП — теория функций действительного переменного
УМГБ — Управление (территориальное) Министерства государственной безопасности
УФН — Успехи физических наук, журнал
УФТИ — Украинский физико-технический институт, Харьков
ФИАН — Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР
ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ИНДЕКС ИМЕН

- Абакумов В. С. 168
Абрикосов А. А. 221
Агранов Я. С. 291
Айхман (Эйхман) Т. 142
Александров 268
Александров А. Д. 195, 267, 268
Александров Д. А. 26, 80
Александров П. С. 195, 196, 245
Алиханов А. И. 64, 189
Алиханов Р. А. 189
Андреев А. В. 25, 28, 53, 56, 82
Андреев М. А. 150
Апирин А. О. 9
Аравская О. А. 288
Аргенбрайт Р. 286
Аристарх Самосский 66
Арнольд В. И. 262
Арсеньев А. М. 169, 185
Арцимович Л. А. 64, 158, 223
Асмус В. Ф. 268
Ататюрк К. 244
Афанасьева Т. А. 88
Ахиезер А. И. 89, 90, 145
Ахматова А. А. 229, 268
- Багатуров М. Н. 3, 233, 280, 283, 288—291
Бартини Р. Л. 29, 57, 58, 59, 222, 242, 248
Басов 200
Батенин Э. С. 103
Батнер А. А. 150
Батыев Э. Г. 73
Бейлис М.-М. 87
Беляев С. Т. 6, 7
Бергманн П. 131
Березанская В. М. 40
Берия Л. П. 57, 148
Беркли Д. 54
Бете Х. 89
Бибербах Л. 256

Бик А. 101
Бирт Т. 280
Бирюков
Блохинцев Д. И. 53
Блюмель А. 275
Блюмкин Я. 16
Блеквуд О. 242
Блэкетт П. М. 181
Богданов Б. О. 19, 103, 12, 102
Богданов П. А. 12
Боголюбов Н. Н. 196, 223
Бонди С. М. 269
Бор Н. 47, 48
Борин А. А. 268
Борн Гритли 136
Борн Густав 136
Борн М. 9, 21—23, 36—40, 44, 45, 48, 49, 61, 73, 75, 110—114, 118, 119, 124—
127, 136—143, 246, 247, 261
Борн Х. 112, 114, 115
Брик Л. Ю. 13, 284
Брик О. М. 13, 285
Бриллиантов Н. А. 90, 145
Бриллюэн Л. Н. 179
Бронштейн М. П. 27, 81
Брюнинг Г. 116
Брюсов В. Я. 286
Брюханенко Н. А. 273
Будкер Г. И. 62
Бурдые П. 67
Бурсиан В. Р. 81
Бухарин Н. И. 27, 291
Бухбиндер И. Л. 66, 67
Бухгольц Н. Н. 18

Вавилов Н. И. 7, 9, 281
Вавилов С. И. 9, 26, 33, 54, 83, 168, 170, 184, 185, 265
Вайсберг А. 81, 79
Вайсельберг К. Б. 81
Вайскопф В. Ф. 4, 61, 89, 90, 134, 135, 145, 277, 279
Вайцзеккер К.-Ф. фон 89
Валентинер 116
Вальберг 87
Ван-дер-Грааф Р. 78
Варбург М. М. 21
Вахтангов Е. Б. 19, 244
Вейль Г. 50, 115, 116

Вегенер А. Л. 280, 286
Вейерштрасс К. 256
Векуа И. Н. 40, 222
Венков Б. А. 18
Веркин Б. И. 206
Вермель Ф. П. 287
Вигнер Ю. 264
Визгин В. П. 11, 45, 52, 53, 61, 84, 96
Визель Ю. С. 146, 147, 148
Витт, де Б. С. 67
Владимиров Ю. С. 8, 51, 65, 66, 81
Волков 33
Волович З. И. 291
Волькенау Н. В. 288
Волькенштейн М. В. 25, 70, 249
Вольпина Н. Д. 235
Вольф Э. 137
Вонсовский С. В.
Ворошилов К. Е. 27, 281
Вул Б. М. 26

Габричевский А. Г. 285, 289
Гайтлер В. Г. 21, 22, 49, 59, 61, 90, 115, 117, 120, 132, 133, 235, 247, 249, 250, 264
Галанин М. Д. 191
Галич А. А. 39
Гамов Г. А. 47, 78, 91, 246, 264
Гаутерманс (Хойтерманс) Ф. Г. 81, 90, 145
Гейзенберг (Гайзенберг) В. 44, 49, 60, 84, 89, 90, 95, 137, 145
Геллер М. Т. 238, 287
Гельфанд И. М. 120, 190
Гелл-Манн М. 69
Герцберг (Херцберг) Г. 250
Герцль Т. 247
Герцовский А. Я. 151
Герье В. И. 13, 284
Герц Г. 29
Герштейн С. С. 57
Гессен Б. М. 9, 25, 27, 28, 78, 79, 81, 82, 83
Гилева Т. С. 128, 132, 133
Гилинский И. А. 68, 73
Гильберт Д. 50, 116, 246, 255, 256
Гинзбург В. Л. 4, 6, 7, 184, 186, 187, 190, 192, 194, 214, 220, 221, 278
Гинзбург И. Ф. 7, 8, 18, 244, 245, 246
Гитлер А. 50, 115, 116, 117, 118, 142, 256, 290
Глебов (Юфа) З. Н. 146
Глушко В. П. 6, 30, 57, 64, 240, 241, 248

Головачев С. 287
Гомберг В. В. 103
Гораций 14, 233
Горбанев А. И. 216, 217
Горбачев Т. Ф. 201, 209, 210
Горбунов Н. П. 84
Горелик Г. Е. 8, 10, 27, 52, 56, 80, 82, 83, 85, 87, 90
Горобец Б. С. 80, 92
Горский В. С. 80
Гострем Р. В. 8, 35, 36
Гракина Э. И. 3, 237
Гринь 32
Гросс Е. Ф. 81
Грэхэм Л. 63, 306
Гуан 217, 219
Гумилев Н. С. 212, 226, 229, 245
Гурса Э. 18, 212

Дайсон Ф. Д. 191
Даниэль Ю. М. 38, 227
Дворников И. 210, 211
Деборин А. М. 84, 281
Делоне Б. Н. 195, 196, 219
Делоне В. Н. 196
Делоне Н. Б. 196
Дельфенич Д. 11, 65, 66, 67
Дервянко Г. Л. 155
Дивильковский М. А. 82
Димитров Г. М. 58
Дирак П. 48, 49, 84, 119, 120, 257, 258
Дмитриев А. 110
Дмитриев В. Ф. 51, 52
Добротворский А. М. 239, 241
Добротин Н. А. 60, 192
Достоевский Ф. М. 230, 272
Дорфман Я. Г. 205
Дрда Я. 275
Дремин И. М. 266
Дыхне А. М. 6, 68, 73, 74
Дыхонины 220

Евтушенко Е. А. 229
Егоров Д. Ф. 18
Елкина К. И. 43
Ершов А. П. 1, 2, 8, 9, 40, 281, 295
Есенин С. А. 212, 225, 229

Жак-Далькроз Э. *14, 15, 235*

Жданов А. А. *81*

Желтухин Н. А. *3, 29—31, 57, 62, 238, 241*

Жуков В. Ю. *81*

Жуков Ю. А. *275*

Жуковский Н. Е. *29, 58*

Залкинд Л. А. *3, 15, 90, 234*

Зарипов М. М. *3, 29, 31, 242*

Зельдович Я. Б. *40, 64*

Зиновьев Г. Е. *290*

Зоммерфельд А. *44, 47*

Зурабов В. *287*

Иваненко Д. Д. *89, 91, 145, 184, 190, 192, 193, 220, 264*

Иванов А. С. *238*

Иванов Н. Д. *210*

Игельстром (Игельстрем) В. А. *233, 288—291*

Изинг Э. *67, 258*

Ильин И. А. *290*

Иоффе А. Ф. *45, 78, 79, 110, 223, 244*

Италинский Л. А. *237*

Йордан Э. П. *95, 111, 112, 134, 245*

Кабанов Н. И. *36, 72*

Каган У. А. *13*

Каганович Л. М. *27, 28, 50, 83, 211, 294*

Казанцев А. П. *74*

Калганов Ю. В. *222*

Калуца Т. *60*

Каменев Л. Б. *14, 290*

Каннегисер Е. Н. *48, 89*

Каннегисер Н. Н. *48*

Капица П. Л. *78, 79, 84, 92, 93, 148, 216*

Капралов И. И. *35*

Каратеодори К. *66*

Кард П. Г. *207, 208*

Карган А. П. *178*

Кастерин Н. П. *53*

Кафтанов С. В. *163, 154*

Кемоклидзе (Рютова) М. П. *6—8, 18, 30—32, 38, 52, 235, 238, 242, 251*

Кербер Л. Л. *28, 29, 153*

Кибель И. А. *157*

Кизингер К. Г. *142*

Кикоин К. А. *3, 244*

Кинле Х. *139, 140*

Киренский Л. В. 223
Киров С. М. 283, 284, 290
Кирхгоф Г. 46
Киселев И. А. 162
Клейменов И. Т. 240
Клейн (Кляйн) О. 60
Клейн (Кляйн) Ф. 60, 65, 66, 248
Кобулов Б. З. 147
Ковалева М. Н. 272
Ковнер М. А. 4, 25, 248, 250
Коллонтай А. М. 16, 231
Колмогоров А. Н. 195, 196, 245
Кольман Э. 84
Конопельченко Б. Г. 8, 43, 70, 73
Коноплева Н. П. 66
Кон-Фоссен С. Э. 19, 145
Коренев 220
Корец М. А. 28, 84—87, 90, 91, 93, 145, 147, 149, 150
Королев С. П. 29, 57, 63, 237, 238, 240, 241, 248
Краснощеков А. М. 20
Кржижановский Г. М. 84
Кривощеков (Краснощеков) А. М. 20
Кривощеков Г. В. 20, 35, 36, 196, 216
Крик Ф. 4, 70, 259, 276
Крутков Ю. А. 29, 81, 238, 241
Кручинов 157
Кузнецов Б. Г. 45
Кузнецов В. И. 62, 63, 209, 223, 224
Кузнецов Е. А. 11, 72
Кузнецов И. В. 11, 25
Курант Р. 256, 257
Курилов И. 80, 86, 87, 91, 92, 93
Кутепов Г. Я. 57, 251, 254

Лаврентьев М. А. 35, 36, 63, 64, 216, 223, 308
Лагранж Ж. 169, 256
Лазарев Б. Г. 206
Лангемак Г. Э. 240
Ландау (Дробанцева) К. Т. 159, 269
Ландау И. Л. (Гарик) 159, 269
Ландау Л. Д. (Дау) 4, 7, 9, 23, 28, 33, 34, 40, 47, 48, 51, 52, 57, 59, 60, 62, 64, 67, 72—75, 78—80, 82—91, 94, 96, 140, 145, 147—161, 163, 165—173, 182—186, 188, 190, 192, 193, 197—200, 205, 217, 220—224, 235—237, 242, 260—267, 269, 278, 279
Ландсберг Г. С. 26, 28, 56, 82, 83, 90, 145
Ланжевэн П. 19, 148

Лахтин Л. К. 18
Лауэ М., фон 114
Лебедев П. Н. 155, 202, 204, 210, 214, 294, 296
Левенталь М. 112
Леви-Чивита Т. 119, 178
Лейпунский А. И.
Ленцнер Н. М. 287
Леман И. 45, 280, 286
Леонтович М. А. 32, 34, 53, 56, 62, 64, 90, 145, 152, 153, 156—158, 174, 179, 217, 219, 220, 270
Лепешинская О. Б. 176
Ливанова А. М. 6, 40, 75, 247
Лидин В. Г. 275
Литвинов М. М. 275
Лиувиль Ж. 18
Лифшиц Е. М. 32, 59, 60, 84, 90, 145, 153, 156, 158—160, 163—165, 242
Лихтенберг Г. Х. 245
Лобанов 168
Лобачевский Н. И. 65, 183
Лондон Ф. В. 117, 250, 264
Лоренц Х. 22, 46, 185, 235, 247
Лузин Н. Н. 6, 15, 18, 19, 80, 245
Лукач Д. 288
Лукашев Н. А. 291
Лукирский П. И. 81
Лумумба П. 142, 225
Луначарский А. В. 15, 19, 235
Любимов М. 287
Люстерник Л. А. 19, 20, 153, 157
Ляпидевский А. В. 237
Ляпунов А. А. 8, 9, 40, 69, 72, 281

Магарилл Л. И. 73
Маделунг Э. 137
Мазе С. Я. 13
Мазе Я. И. 12, 13, 87, 99
Майгур П. М. 291
Макрушин Н. И. 35
Максвелл Д. 46, 158
Максимов А. А. 84
Малликен Р. С. 250
Мандельштам Л. И. 26, 56, 79, 82, 84, 89, 90, 145, 236
Мандельштам О. Э. 15, 229, 260
Мандельштам С. Л. 236
Марков М. А. 7, 32, 47, 60, 121, 155, 157, 164, 180, 182, 183, 186, 187, 192—194
Мартынов А. С. 20, 220, 235

Мартынова Т. А. 4, 60, 161, 166, 187, 194, 199, 220, 268, 269, 274,
Матулевич И. О. 150
Маяковский В. В. 13, 20, 212, 218, 219, 229, 230, 244, 245, 269, 270, 273, 285
Меллин Р. 258
Мейер Е. А. 288, 289
Мейман Н. Н. 165
Минковский Г. 132, 207
Митюшин Н. 101, 102
Меллер К. 137
Менделеев Д. И. 51, 69, 70, 79, 89, 145, 249, 251
Менкеберг З. Р. 21
Меньшов Д. Е. 192
Мешик П. Я. 149
Милликен Р. Э. 115, 117
Минц М. 73
Мирбах В., фон 16
Митин (Гершкович) М. Б. 164
Миткевич В. Ф. 85
Михайлов И. Ю. 11
Михайлов М. Ю. 5, 7, 11, 76, 86, 91, 95, 148, 151, 165, 244—246, 276
Михайлов Н. 80, 86, 87, 91—93, 147
Михайлова И. С. 37, 49, 110, 125, 127, 134—143
Михайлова О. К. 31, 32, 34, 59, 152, 154, 155, 156, 160, 215, 217, 218, 219, 220,
222
Михайлова Т. Ю. 3, 5, 41, 138, 153—157, 160, 161, 166—170, 173—175, 177—
179, 186—188, 193—195, 198, 199, 201—204, 209—224, 257, 270, 272, 274,
276—279
Мобуту 225
Молотов В. М. 27, 94, 281
Монин А. С. 64
Мохначев А. А. 100
Мошковский А. 45, 280, 286
Муренко Д. И. 40
Муцсолини Б. 142
Мюнхгаузен Г. А., фон 245
Мясищев В. М. 29, 57, 58, 237, 252, 294

Насимов 54

Нахимсон М. И. 281
Наумов А. А. 223
Негебауэр О. 90
Нейман Дж., фон 47, 246
Некрасов А. И. 58, 157, 238, 259
Неман И. Г. 248
Неру Дж. 142
Неруда П. 275

Несмеянов А. И. *64, 196, 217*
Никитин В. П. *170*
Никольский К. В. *89, 145*
Ницше Ф. *286*
Новиков (зам. Топчиева) *216*
Нордгейм (Нордхайм) Л. *21, 49, 117, 235*
Ньютон И. *52, 69, 166, 261, 262*

Образцов С. В. *219*
Обреимов И. В. *78, 79, 81, 83, 91*
Оленичев Г. Ф. *35*
Онзагер Л. *68, 125, 126*
Оппенгеймер Р. *29, 49*
Орхелашвили И. П. *124*
Орлов А. М. *150*
Ошер А. *287*

Павлов И. М. *287*
Павловский С. Г. *283, 288*
Пазухин В. В. *240*
Пайерлс Г. *89, 90, 144, 145*
Панкратьев М. И. *149*
Папалекси Н. Д. *26, 78*
Папапетру А. *134*
Парийский Н. Н. *270*
Пархомовский М. А. *41, 244*
Пархомовский Я. М. *4, 29, 57, 251*
Пастернак Б. Л. *268, 270, 272*
Пастернак Е. Б. *272*
Пагашинский А. З. *8, 11, 68, 73, 74*
Паули В. *47, 49, 137, 158, 205, 262*
Ператонер *118*
Петляков В. М. *248, 252*
Петровский М. А. *289*
Петровский Ф. А. *291*
Пикар Э. *18, 212*
Пикассо П. *275*
Питаевский Л. П. *7*
Планк М. *9, 25, 128—131, 194, 256, 259, 263*
Платон *14, 233, 280, 286*
Плачек Г. *89, 90, 144*
Познанский *287*
Покровский В. Л. *7, 11, 57, 63, 68, 72—74, 144, 223, 244, 245*
Покровский М. Н. *281, 293*
Полевой Б. Н. *275*
Полинг Л. *50, 247, 250*

Поляков Г. Ф. 35
Померанчук И. Я. 60, 73, 84, 89, 90, 145, 153, 155, 192, 264
Попович 219
Поспелов Г. Л. 60, 183
Предводителей А. С. 83, 144
Преснов В. А. 35
Пригов Д. А. 282
Прокофьев В. К. 81
Птолемей 66
Пуриц Е. Ф. 27
Пушкин А. С. 212

Рабинович 16
Радулянский Б. Э. 268
Райкин А. И. 269
Райт-Ковалева Р. Я. 269, 270, 272, 273
Раппопорт А. Г. 230
Рашевский П. К. 190
Ребиндер П. А. 26
Рензин Я. 287
Реформатский А. Н. 18
Ржанов А. В. 8, 35, 74
Риббентроп, И. фон 94
Рид М. 216
Рильке Р. М. 274
Рихтер 113
Риччи-Курбастро Г. 178
Родионов Г. В. 170, 196
Родичев В. И. 177, 178, 207, 208
Рожанский 205
Рождественский Д. С. 78
Розенкевич Л. В. 79, 80, 90, 91, 93, 145, 147
Ротштейн Ф. А. 17
Руденко М. С. 206
Румер (Сегалова) А. Ю. 13, 99
Румер А. П. 233, 290
Румер А. О. 19, 160, 166
Румер Б. Е. (Б. Х.) 12, 99, 102, 244, 245
Румер Е. Б. 12, 13, 14, 153, 155, 157, 160, 170, 174, 219, 220, 274
Румер И. Б. 6, 12, 14, 228, 233, 234, 280–292
Румер М. А. 14, 267, 275
Румер О. Б. 12, 14, 16, 103, 104, 156, 160, 229, 233, 234, 244, 267, 275, 280
Румер Т. А. 16
Руссель 142
Руст Б. 23
Рывкин М. С. 8, 41, 68, 69, 71, 72, 224, 229, 257

Рыков А. И. 27, 86, 291
Рязанов Д. Б. 108
Рязанцев К. А. 71

Саввиных С. К. 68, 73,
Савич (Мазе) А.Я. 12, 19, 87, 216, 217, 220
Савич О. Г. 12, 220, 271, 273
Сагдеев Р. З. 40
Сазонов Л. С. 81
Салам А. 258
Самосский А. 66
Саратовкин Д. Д. 98, 174—177
Саратовкина В. И. 174
Сарданашвили Г. А. 89
Сафонова М. 288
Сахаров А. Д. 7, 38, 52, 61, 227, 263, 282, 290
Сеглин Ю. И. 283, 288, 290, 291
Селезнев 216
Семенов Н. Н. 90
Сенькин В. И. 150
Сербо В. Г. 39
Синицын С. П. 215
Синявский А. Д. 38, 277
Скобельцын Д. В. 26, 186, 187, 189
Слэтер Дж. К. 120
Слуцкий Б. А. 229
Слюсарев Г. Г. 81
Слэйтер Д. К. 250
Смирнов А. А. 14
Смирнов В. А. 35, 36
Сморodinский Я. А. 192
Снесарев А. Е. 17
Соболев В. С. 77
Соболев Н. Н. 178, 179
Соболев С. Л. 223
Соколов А. А. 177
Соколов Л. П. 237
Солоденин 106
Спиноза 14, 281
Сталин И. В. 9, 17, 20, 34, 50, 58, 60, 77, 85, 87, 88, 91, 94, 96, 111, 143, 183, 187,
212, 238, 247, 266, 284
Старикин Ю. А. 32, 35, 154, 179
Старикина О. А. 32
Степанов В. В. 120
Стечкин Б. С. 30, 33, 57, 153, 157, 169, 173, 185, 202, 238, 239, 240, 248, 262
Суворов С. Г. 37, 38, 137, 139—141, 195

Сурдутович Г. И. 38, 73, 260, 261
Сцилард К. 39, 95, 267, 268, 277
Сэрджент Б. В. 264

Тамм И. Е. 9, 24, 26, 28, 33, 40, 47, 55, 56, 60, 62, 64, 78, 79, 82—85, 89, 90,
120—123, 144, 145, 157, 164, 167, 182—185, 195, 197, 199, 201, 220—222,
224, 262, 266, 270

Тарковский А. А. 268

Тахтамышев Г. С. 12

Тверской Б. А. 34

Теллер Э. 121, 264

Терлецкий Я. П. 56, 184, 192, 193

Тимирязев А. К. 82, 84,

Тимофеев-Ресовский Н. В. 262

Тисдаль 113

Тихонов Н. С. 275

Толмен Р. Ч. 115, 117

Толстой Л. Н. 272

Томашевич Д. Л. 29, 237

Томонага С. 191, 258

Топоногов В. А. 72, 74

Топчиев А. В. 64, 196, 216, 217

Торговичев А. 123, 124

Тордадзе Г. О. 121

Триоле Э. 13

Троицкий Ю. В. 35

Троцкий Л. Д. 9, 14, 17, 19, 20

Трубецкой А. У. 35

Туполев А. Н. 28—30, 39, 56—58, 62, 222, 237, 238, 240, 241, 252, 253, 268, 294

Тухачевский М. Н. 17

Уилкинс М. Х. Ф. 70

Улинич Ф. Р. 68

Ульрих В. В. 150

Уотсон Д. Д. 70

Усов Д. С. 281, 289

Успенский Я. В. 18

Фальк Р. Р. 270—272, 274

Фейнберг В. И. 175

Фейнберг Е. Л. 25, 60, 78, 92, 175, 176, 188, 189, 191, 192, 242, 263, 266, 276, 277

Фейнман Р. 191

Ферми Э. 59, 130, 246, 258

Фет А. И. 226, 270, 276

Фок В. А. 60, 63—66, 79, 81, 84, 85, 90, 94, 127, 148, 157, 178, 180, 190, 192—
195, 221, 223, 248

Фомин В. П. 81, 93
Франк Дж. 94, 118, 148, 149
Франк И. М. 9, 26, 90
Фредерикс В. К. 81
Френкель Я. И. 47, 79, 84, 90, 91, 164
Фукс К. 89

Хайкин С. Э. 56, 82, 90, 145,
Хайям О. 14
Халатников И. М. 221
Хатаевич 107
Хворостин Г. К. 24, 120, 145, 235, 236
Хекман О. 23, 123, 133—135, 139, 140
Хекман Х. 23, 138, 139
Хелльбек Й. 283
Хетчинсон Э. 242
Хлебников В. 270
Хохлов А. 101
Христианович С. А. 31, 223
Хриплович И. Б. 66
Хунд Ф. 126, 127, 135—137, 245

Цветаева М. И. 229, 268
Циолковский К. Э. 66
Цобель Э. О. 108

Чандрасекар С. 246
Чаплик А. В. 73, 74
Чаплыгин С. А. 221
Чаромский А. Д. 93, 239
Черенков П. А. 9, 26
Черномордилов 107
Черных Т. П. 206
Чехов А. П. 212
Чижевский А. Л. 54
Чичерин Г. В. 19
Чомбе М. 142
Чудова Е. 171, 172

Шагинян М. С. 275
Шальников А. И. 269
Шапиро И. И. 281
Шаповалов Аф. И. 146
Шаров Ю. В. 215
Шауров И. В. 19, 293
Шахов Ф. Н. 62

Шварцшильд К. 182
Швейцер А. 117
Швердфегер 145
Швингер Д. С. 191, 258
Шевелев И. С. 288
Шекспир У. 14
Шекунов Е. П. 238
Шенберг Д. 36, 61, 124, 125
Ширков Д. В. 40, 43, 71, 72, 223, 224
Широбоков М. Я. 214
Широков М. Ф. 192, 193
Шнирельман Л. Г. 19, 120
Шопенгауэр А. 234, 290
Шпет Г. Г. 284—286, 289
Шпир (Спир) А. А. 286
Шредингер Э. 49, 61, 84, 95, 119, 120, 128, 129, 132, 133, 185, 247, 249, 256, 257
Штиль К. 117
Шубников Л. В. 78—80, 90, 91, 93, 145
Шумилин А. А. 93
Шюкинг Е. 134

Щавелев П. М. 146
Щекин—Кротова А. В. 270, 271

Эйзенхарт Л. П. 178
Эйзенштейн С. 16
Эйнштейн А. 21, 22, 34, 40, 43—45, 47, 49, 50, 53, 56, 63, 64, 66, 73, 75, 84, 97, 110—114, 116, 118—120, 123, 128, 130, 131, 148, 158, 180, 185, 186, 207, 217, 221, 235, 246—248, 251, 260, 261, 278, 280, 286
Энтин М. В. 73
Эпштейн П. З. 115, 117
Эренбург И. Г. 13, 217, 220, 244, 271—274
Эренбург Л. М. 217, 220
Эренфест П. 9, 21, 22, 51, 88, 89, 113, 115, 117—119, 144, 185, 235, 246, 247
Эренфест Т. 235
Эренфест (Афанасьева) Т. А. 88
Эрмит Ш. 18, 212

Ягода Г. Г. 86
Ядчук А. 67
Яковлев И. Д. 174
Ярхо Б. И. 285, 289
Яцеев 209

Крайнева Ирина Александровна,
выпускница исторического факультета
Томского государственного университета,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Лаборатории информационных
систем Института систем информатики
им. А. П. Ершова СО РАН (Новосибирск).
Область научных интересов: история науки
и техники, биографика, информационные
системы. Координатор проектов по созданию
электронных архивов по истории науки в
Сибири (Архив академика А. П. Ершова,
Фотолетопись СО РАН, Открытый архив
СО РАН). Автор и соавтор сотни статей и
нескольких монографий, в частности «Путь
программиста» (совм. с Н. А. Черемных), «Их
именами названы институты Новосибирского
научного центра» (совм. с Н. А. Куперштох).
Член Совета Виртуального компьютерного
музея, ученый секретарь Международной
конференции по истории вычислительной
техники SoRuCom. Участник проектов
фундаментальных исследований РГНФ,
РФФИ, Президиума СО РАН.

Научное издание

Тематический план выпуска изданий
Сибирского отделения РАН на 2024 г.

КРАЙНЕВА ИРИНА

Время и пространство Юрия Румера

Подготовлено к печати Сибирским отделением РАН

Редактор *Н. А. Лившиц*

Технический редактор *Н. В. Бутакова*

Подписано в печать . .2024. Формат 70 × 108 1/16.

Усл. печ. л. 27,74. Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 100 экз.

Заказ №

Сибирское отделение РАН
630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090, г. Новосибирск, Морской просп., 2
Тел. 330-84-66, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru